

Российская Академия Наук

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

В. Ф. ЗИМА

ГОЛОД В СССР
1946-1947 ГОДОВ:

ПРОИСХОЖДЕНИЕ
И ПОСЛЕДСТВИЯ

Москва

1996

042(02)1

Печатается по решению Ученого совета
Института российской истории РАН

Ответственный редактор
доктор исторических наук, профессор В. П. Дмитренко

Рецензенты:
доктор исторических наук, профессор В.С. Лельчук,
кандидат исторических наук Г.Б. Куликова

Художник С.С. Морозов

Монография посвящена актуальной и совершенно неизученной теме. В ней впервые на новом, ранее недоступном для исследователей материале секретных документов из фондов партийных и государственных архивов СССР, писем, воспоминаний очевидцев, книг и статей, опубликованных по тому же периоду и близкие сюжеты, раскрываются причины, масштабы и последствия послевоенного голода 1946-1947 гг. в Советском Союзе. В хронологической последовательности анализируются важнейшие указы, постановления и распоряжения за подписью И.В. Сталина, В.М. Молотова, Н.М. Шверника и др. На конкретных примерах показывается отрицательное влияние войны, засухи, заготовительных и налоговых кампаний на тяжелое материальное положение жителей страны. На основе официальных статистических данных определены примерные людские потери от голода и вызванных им заболеваний.

Книга издана при содействии Русско-Балтийского информационного центра "Блиц"

ISBN 5-201-00595-0

© Институт Российской истории РАН, 1996 г.

50-летию
жертв последнего
советского голода
п о с в я щ а е т с я

ВВЕДЕНИЕ

С древнейших времен человечеству было знакомо страшное слово — голод. Для бедных оно означало верную смерть. Голода бывали от неурожая, вызванных засухой, наводнением или заморозками. С развитием государственности набирал силу и человеческий фактор. Затяжные войны, смуты приводили к разорению хозяйства и обнищанию населения. Все чаще за просчеты и амбиции государственных мужей расплачивались народы.

В Западной Европе голода бывали также часто, как и в России, но там на 100 лет раньше, по-серьезному, взялись за сельское хозяйство. На государственном уровне раз и навсегда определили, что при всей важности промышленности, сельское хозяйство — основа всего. Единственный источник богатства есть земля, а единственно производительный класс — земледельцы. Путем улучшения в сельском хозяйстве, развития хлебной торговли, поднятия общего уровня благосостояния среди сельского населения, развития обрабатывающей промышленности и народной бережливости, западноевропейские страны со II-й половины XIX века избавились от этого бедствия.

С незапамятных времен в русском народном календаре остались две даты: 9 декабря — Егорий холодный и 6 мая — Егорий голодный. Мы не можем сказать, что царское правительство не стремилось избавить народ от голода. Известны

мероприятия Петра I, а затем Екатерины II, направленные на предупреждение голодания своих подданных. С 1723 г. начальникам ближних губерний было предписано еженедельно рапортовать в Камер-Коллегию об урожае и ценах на хлеб в России и на рынках Западной Европы¹. Мысль Петра I об устройстве запасных хлебных магазинов была осуществлена Екатериной II, повелевшей Указом 20 августа 1762 г. “завести магазины во всех городах, дабы цена хлеба в моих руках была”. Для приведения Указа в исполнение, в 1763 г. была назначена комиссия, которая остановилась на устройстве магазинов не только в городах, но и в деревнях с годовым запасом хлеба.

С большими затруднениями система хлебных запасов совершенствовалась и в XIX веке, но преодолеть наступление голодов так и не удалось². Мешали пережитки крепостничества в деревне, невысокий уровень развития промышленности, боязнь правящих кругов проводить назревшие реформы. Чтобы решить проблему голода, надо было создать эффективное сельское хозяйство. Большинство российского общества понимало это, но вело себя в целом пассивно, а отдельным личностям и даже группам единомышленников решение важнейшей проблемы было не по силам. А по сему, неурожаи вследствие атмосферных явлений, низкого уровня агротехники, всеобщей бедности, разгильдяйства и воровства находили у нас благоприятную почву. Сам по себе недород не вызывал бы голода, а приводил к нему только потому, что заставлял крестьян врасплох, без всяких запасов в натуре и деньгах. В неурожайных районах люди гибли от бесхлебья, а в соседних запасы хлеба оставались нетронутыми. Полученное от государства в ссуду зерно не доходило до нуждавшихся, и продавалось для экспорта, а попадавшие не по адресу денежные пособия делались предметом спекуляций.

Голод 1891-1892 г. охватил 19 губерний. Из-за отсутствия хлеба и других съестных припасов, люди питались травами, корнями камыша и даже на лебеду смотрели как на лакомство. Бедствие обострялось полным неурожаем трав и невозможностью прокормить до весны хотя бы часть скота. Подобное наблюдалось в конце октября, задолго до нового урожая³. Правительство, чтобы спасти людей, производило закупки хлеба в США, но распределить его среди голодавших как следует не сумело. На некоторые села Самарской губернии отпускалось всего по 3,5 фунта (1400 г) муки на едока в месяц⁴. Голод обострялся в производящих губерниях, которые более других поставляли государству отборное зерно, не оставляя себе достаточных запасов. Умирало около 50 человек на каждую тысячу жителей. В среднем на 16% снижалась рождаемость⁵. По свидетельству писателя В. Короленко в волостных книгах вместо смерти от голода писали: “Умерли натуральною смертию”⁶.

Острые голодовки были в 1897-1898 и 1906-1907 гг., а голодное бедствие 1911-1912 гг. немногим уступало 1891-1892 гг. В 1911 г. подверглись полному неурожаю 20 губерний и областей юго-востока Европейской России и Западной Сибири, а всего голодало 26 губерний. Журналист А.С. Панкратов, посетивший пораженные засухой места, рассказывал, что некоторые земские управы старались скрыть голод даже в самом центре — Среднем Поволжье. В сводках слово “голод” заменялось “недородом”⁷.

В голодное время оживала антиправительственная пропаганда различных оппозиционных течений. Лидер социал-демократов (большеви́ков) В. Ульянов (Ленин), находясь в эмиграции, в начале 1912 г. двумя статьями (“Голод и черная дума” и “Голод”) откликнулся на трагическое событие на родине. Он писал: “... крестьян ограбили посредством всех ухищрений, завоеваний прогрессов цивилизации — ограбили так, что они пухнут от голода, едят лебеду, едят комья грязи вместо хлеба, болеют цингой и умирают в мучениях”⁸. Большевики призывали крестьян смести царскую монархию и помещиков, чтобы навсегда избавиться от угрозы голода.

Начало XX века представляло для страны сплошную неблагоприятную цепь событий, сыгравших роковую роль в ее дальнейшей судьбе. Голода “помогали” развитию революции. Закончившаяся для России поражением Русско-японская война привела к голоду 1906-1907 гг., а неурожай и голод 1911-1912 гг. подтолкнули царское правительство к вступлению в войну 1914-1918 гг. Участие в Первой мировой войне привело к общему революционному кризису и надвигавшемуся очередному голоду в России. Порочная связь войны с голодом была подмечена Питиримом Сорокиным. В книге “Голод как фактор” он пишет: “... Голод и его угроза, при невозможности иного утоления, родит войну, а война — голод. Эти два близнеца неразлучны и вместе гуляют по миру”⁹.

Революция 1917 г. привела к свержению самодержавия и ликвидации помещичьего землевладения. Большевики во главе с В. Лениным, чтобы удержаться у власти, создавали государственные запасы хлеба. Они действовали жестокими методами, очищая “... всю страну от спрятанных или не собранных излишков хлеба...”¹⁰. Изъятие хлеба в крестьянских хозяйствах проводилось вооруженными реквизиционными отрядами, действовавшими вне подчинения местным Советам крестьянских депутатов¹¹. Города обеспечивались очень плохо. С лета 1919 г. для горожан были введены продовольственные карточки. С каждым днем паек сокращался, люди голодали, распространялись эпидемии. В Петрограде запрет на ввоз провианта и рыночной торговли привел к фантастическому росту цен на хлеб и другие продукты питания. Вместо продажи распространялся обмен. Крестьяне тайно привозили в го-

род молоко и масло, денег не брали, а просили взамен одежду, обувь и проч.¹²

Первое в мире “социалистическое” государство, разрушив прежние экономические связи, не смогло создать новых и паразитировало на эксплуатации полученных в наследство человеческих и природных ресурсов. Находясь в дипломатической изоляции агрессивный советский режим форсировал строительство военно-промышленного комплекса. С этой целью средства и люди брались из деревни. На случай войны ценою жизни миллионов своих граждан создавались невиданные прежде запасы продуктов питания и промышленных товаров. Они регулярно обновлялись и, как узнаем в дальнейшем, никогда, даже в годы Великой Отечественной войны, являвшейся частью Второй мировой, не использовались по назначению.

В таких условиях главной причиной наступления голода были не погодные условия, а диктат правящей верхушки. Трудно избавиться от мысли, что голода устраивались преднамеренно. Хлебный паек был решающим фактором в реализации честолюбивых замыслов советских вождей. Нищетой и голодом народ превращен в забитую людскую массу. Личности уничтожались и изолировались. “Страшные” голодовки царских времен не шли ни в какое сравнение с голодоморами в 20-40-х годов XX века, когда на грани голодного вымирания оказывалось более половины населения СССР. Средний уровень смертности в 2-3 раза превышал смертность голодавших самых неблагополучных губерний Поволжья в 1892 г. или близком к нему 1912 г.¹³

Революция, гражданская война, насильственное изъятие хлеба в крестьянских хозяйствах (что называлось продовольственной разверсткой) и засуха ускорили пришествие первого советского голодомора 1921-1922 гг., охватившего почти все Поволжье, юг Урала, часть Казахстана, Западную Сибирь, южные районы Украины. По приблизительным данным в голодный год умерло 5,2 млн. человек¹⁴. Число погибших голодной смертью могло быть и больше, если бы не американская помощь, благодаря которой спаслось около 18 млн. людей.

В царской России не запрещали писать о голоде, но и не приветствовали исследования данного профиля. Поэтому ученые и историки не оставили нам ни одной более-менее обстоятельной книги¹⁵. Вместе с тем, делалось многое, чтобы поскорее забыть о произошедшей трагедии. Тревожные предупреждения и призывы таких авторитетов, как Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, А.П. Чехов, В.О. Ключевский, не находили должного отклика у общественности. Беспечность овладевала правительством и большинством народа до очередного неурожая и голода.

В отличие от царизма, советская власть взяла тему голода под свой контроль. Публикации по голоду 1921-1922 гг. были выпущены государственными издательствами по свежим следам и отражали точку зрения правительства. В них вся ответственность за голод возлагалась на империалистическую войну, происки “недобитой” буржуазии в городе и кулаков в деревне, якобы использовавших голод для дискредитации законной власти¹⁶. Работы критической направленности уже не могли прорваться сквозь толщу административного заслона, их тираж откладывался в охраняемых и опечатанных шкафах. Такова была судьба названной выше по тексту книги П. Сорокина, в которой он первым рассказал об использовании правительством Ленина голода для покупки за продовольственный паек значительной части интеллигенции, особенно газетчиков, публицистов и журналистов¹⁷. Анализируя изменение поведения людей при голодании, автор давал ужасные картины из жизни Поволжской деревни 1921-1922 гг., когда местной администрации приходилось “ставить патрули на кладбищах, откуда таскали трупы для еды”¹⁸.

Кратковременный поворот к лучшему наметился в годы новой экономической политики. Подъем сельского хозяйства в 1925 г. позволил большевикам выдвинуть лозунг о возможности избавления народа от голода в ближайшем будущем. Сменивший В.И. Ленина на посту Председателя Совета Народных Комиссаров СССР А.Н. Рыков во вступлении к сборнику статей “В борьбе с засухой и голодом” писал: “... Исключительная по своим размерам засуха и неурожай 1921 г. породили в некоторых районах даже такие явления, как людоедство. Пострадало около 30 млн. крестьянского населения. Это чудовищная цифра. Такой размер бедствия лишает всякой устойчивости земледелие — эту главнейшую основу всего хозяйственного развития страны. ... Самое важное, чего необходимо добиться, это — сделать такие потрясения невозможными”¹⁹. Это была последняя публикация на столь высоком уровне, в которой упоминалось о голоде и о необходимости борьбы с ним. Мысль об экспроприации крестьянских хозяйств ради укрепления обороны страны уже вызревала в головах членов Политбюро.

Первая монография по голоду 1921-1922 гг. была написана за рубежом американским исследователем Н.Н. Фишером и посвящалась операциям Американской администрации помощи (АРА) голодавшим в Поволжье²⁰. Почти через полвека, в самом начале брежневского “застоя”, советским историком Ю.А. Поляковым была опубликована популярная брошюра по борьбе с голодом 1921 г. Она рассматривала причины и мероприятия правительства РСФСР, направленные на ликвидацию бедствия²¹.

Индустриализация, развернутая в конце 20-х — начале 30-х годов, требовала громадных затрат и миллионов рабочих

рук. Средства и люди были взяты из деревни варварским способом — раскулачиванием, сопровождавшимся изъятием имущества и высылкой семей в необжитые края, насильственной коллективизацией, тотальными заготовками с целью умножения государственных запасов и экспортом хлеба в обмен на западные технологии и машины. В результате ежегодно повторяющегося полного вывоза зерна из крестьянских хозяйств, колхозов и совхозов в течение 1930-1932 гг. деревня в конце-концов осталась без хлеба. Летом 1932 г. в СССР засухи не было, но голод разразился именно в производящих зерновых районах Украины, Северного Кавказа, Нижней и Средней Волги, Южного Урала, Западной Сибири и Казахстана. В отличие от голода 1921-1922 гг., голод 1932-1933 гг. правящая верхушка во главе с И.В. Сталиным считала сугубо внутренним делом и всячески скрывала его от Запада. О зарубежной помощи пострадавшим не было речи. Граждане СССР за произнесение слова “голод” подвергались репрессиям.

До сих пор нет единого мнения о числе жертв голода, поскольку не были доступны исследователям статистические материалы по численности населения, рождаемости и смертности в СССР за первую половину 30-х годов, собранные и спрятанные в архивах. Ученые не располагали итогами Всесоюзной переписи населения 1937 г., которые были засекречены и обнаружены в Центральном Государственном архиве народного хозяйства СССР в конце 80-х годов, а опубликованы в 1991 г.²² Все, кто до этого пытался вычислить людские потери в 1932-1933 гг. встречались с непреодолимым препятствием — отсутствием хоть каких-то достоверных источников.

Трудности в подсчете жертв голода испытывал и английский историк Р. Конквест, первым посвятивший свою книгу нашему голоду 1932-1933 гг. Он назвал 7 млн. человек, умерших голодной смертью²³. По оценкам других западных историков Р. Девиса и С. Уиткрофта, а также демографов Б. Андерсона и Б. Сильвера число жертв голода составило 3-4 млн. человек. С ними солидаризируется российский историк-аграрник В.П. Данилов²⁴. Близкий к последнему результат подсчета получила их российская коллега Е. Осокина. Она первой воспользовалась сводками ЦСУ Госплана СССР и определила людские потери 1932-1933 гг. примерно в 3,5 млн. человек²⁵. Есть и другие цифры. В недавней коллективной публикации российских историков — участников Международной научной конференции “Голодомор 1932-1933 гг. на Украине: причины и последствия”, состоявшейся 9-10 сентября 1993 г. в г. Киеве, на базе ранее неизвестных источников был сделан следующий вывод: “Население СССР с осени 1932 г. до апреля-мая 1933 г. сократилось (главным образом за счет сельского населения) на 7,7 млн. человек...”²⁶. Однако рано ставить точку. Подсчет количества погибших в результа-

те голода 1932-1933 гг. продолжается. Нужны объективные методики.

Послевоенный голод 1946-1947 гг. был также рукотворным и тайным. Проводился по накатанной колее. Завеса секретности была настолько плотной, что писать и говорить о нем было запрещено. В отечественной литературе робкое упоминание о голоде было сделано в 4-м томе коллективного труда по истории крестьянства в 1988 г.²⁷ Там назывались отдельные районы голода, размеры государственной помощи по некоторым республикам и областям. Сообщалось, что тяжелые времена переживала не только деревня, но и города. Ограниченность информации создавала иллюзию сравнительно легкого преодоления последствий засухи, неурожая и послевоенной продрозверстки.

В Молдавии, давшей большое число жертв, раньше приступили к изучению послевоенного голода. Неожиданностью, было появление небольшой брошюры Б.Г. Бомешко о голоде 1946-1947 гг. в Молдавии. Построенная на абсолютно неизвестных ранее фактах, она удивляла фиксацией сохранившихся подробностей. Едва ли кто из историков ожидал, что до нас дойдет какой-нибудь учет больных дистрофией и умерших от нее. Оказалось, что имеются данные, позволяющие не на пустом месте делать расчеты о численности погибших голодной смертью²⁸. Через три года, в 1993 г. вышел полный сборник документов о голоде 1946-1947 гг. в Молдове²⁹.

В 1990 г. были опубликованы статьи на материалах Украины. Республиканские демографы А.Л. Перковский и С.И. Пирожков обнаружили в архивах сведения по естественному движению населения в 40-е годы, свидетельствующие почти о двойном снижении коэффициента "жизненности" в 1947 г. Они привели официальные данные правительства республики тех лет о численности голодавших³⁰. Тот же журнал представил статью И.М. Маковейчука и Ю.Г. Пилявца о голоде на Украине в 1946-1947 гг. В ней документально, со ссылкой на источники были изложены причины голода: тяжелое наследие войны, бедственное — на грани голода — материальное положение людей, безразличие правительства к нуждам народа и к сельскому хозяйству. Авторы смогли доказать, что главной причиной голода были государственные заготовки хлеба в неурожайном 1946 г.³¹

Историк-демограф В.А. Исупов, давший небольшую, но содержательную публикацию по Сибири, взял показатели статистики по производству сельскохозяйственной продукции за 1946 г., сравнил их с предыдущими годами и пришел к выводу, что по отдельным данным они были хуже, чем в голодном 1932 г. Автор считает, что на фоне послевоенной деградации сельского хозяйства и сталинской "...перекачки средств из деревни в промышленность, голод был неизбежен"³².

Тяжелейшая политическая и экономическая обстановка в СССР в самом начале 90-х годов XX века, бешеный рост цен, возрастающие проблемы с обеспечением людей продуктами питания с треском ломали прежние идеологические каноны. Положительные перемены в отношении к изучению голода 1946-1947 гг. происходили в Институте российской истории Российской Академии наук. Некоторые ученые, раньше отрицавшие наличие послевоенного голода, изменили свою точку зрения. Историк И.М. Волков упорно исключавший слово "голод" из рукописи своей статьи, основательно ее переработал и опубликовал с "голодом"³³. Разработку темы подталкивал повышенный интерес к ней общественности. В апреле 1992 г. представители института В.П. Дмитренко, В.П. Данилов, В.Ф. Зима выступили с обзором по истории голодов XIX-XX веков на встрече научной общественности, приуроченной к открытию экспозиции "Земля, голод, реформы" в Музее революции в Москве³⁴.

В конце 1992 г. появилась публикация рассекреченных документов по периоду 1946-1948 гг. с примечанием и комментариями на материалах республик, краев и областей России³⁵. Среди них попадались отдельные документы по голоду. В начале 1993 г. конкретно по голоду 1946-1947 гг. в России научным журналом "Отечественная история" была опубликована статья автора данной книги. В ней в сжатом виде намечались некоторые вопросы темы для последующего более аргументированного анализа³⁶. Позднее тот же журнал поместил продолжение, освещавшее последствия послевоенного голода³⁷.

Краткий обзор немногочисленных научных публикаций показал, что тема голода 1946-1947 гг. по-прежнему остается совершенно неизученной и актуальной. Перечисленных статей явно недостаточно. До сих пор нет ни одной даже малого объема брошюры по России. В какой-то мере восполнить данный пробел и призвана предлагаемая работа. В ней впервые делается попытка обобщенного рассмотрения материала по Союзу ССР в целом. На новых, ранее недоступных для исследователей документах фондов партийных и государственных архивов, раскрываются причины, масштабы и последствия послевоенного народного бедствия. Анализируя официальные документы, подписанные Сталиным, Молотовым, Берией и другими руководителями советского государства, а также письма, жалобы трудящихся, воспоминания очевидцев, автор приходит к выводу, что голод был следствием трех главнейших причин: послевоенных трудностей, засухи 1946 г. и политики продрозверстки в отношении колхозов и совхозов. Мы считаем, двух первых причин было вполне достаточно для полуголодного существования народа и третью — продрозверстку — никак не следовало допускать. По мнению автора, ссылаясь на засуху, опасность агрессии со стороны бывших

союзников, советское правительство пошло на голод с целью сохранения резервов хлеба и продажи его за рубеж. Вместе с тем, голод был использован как испытанное средство подхлестывания трудовой активности в колхозах и совхозах с целью заставить людей работать за миску похлебки на полевом стане.

Особенностью было то, что голод охватил не только районы, подвергшиеся засухе, а и большинство других, опустошенных государственными заготовками. Никогда прежде не наблюдалось подобного расползания голодного бедствия по всей территории СССР. Голодало около 100 млн. человек. Голод не закончился в 1947 г. Не такой сильный, как раньше, он продолжал уносить человеческие жизни во многих регионах в 1948 г. и даже в 1949 г. По примерным расчетам в Советском Союзе с 1946 г. по 1948 г. включительно от голода и вызванных им болезней, в том числе эпидемий тифа, погибло около 2-х млн. человек. Миллионы людей стали калеками из-за употребления в пищу суррогатов. Хронологические рамки исследования не ограничиваются 1946-1947 гг., а взяты гораздо шире, с 1945 г. по 1953 г., чтобы обстоятельно и убедительно показать как причины, так и последствия послевоенной голодной трагедии.

Для обоснования социально-экономической части использована почти вся научная литература по военному и послевоенному периоду, а также сборники документов и статистики. Однако их оказалось крайне недостаточно для решения поставленной задачи, так как многие данные за 1946-1947 гг. в них отсутствуют. Особенно это касается демографии. Пришлось во многом расширить документальную базу за счет архивов. Были просмотрены описи десятков фондов РЦХИДНИ (бывший ЦПА ИМЛ), РГАЭ (бывш. ЦГАНХ СССР) и ГАРФ (бывш. ЦГАОР СССР). Досконально изучены открывшиеся фонды специального хранения. Около половины уникальных документов было взято с оригиналов из фонда Управления делами Совета Министров СССР и личных фондов Председателя Совета Министров СССР И.В. Сталина и его ближайшего окружения. Особенное внимание было уделено фонду отдела писем и жалоб приемной Президиума Верховного Совета СССР. Информация "из первых рук" была получена в фондах Министерства внутренних дел, Министерства государственной безопасности СССР и других, состоящая из зашифрованных донесений правительству.

Автор приносит искреннюю благодарность руководству и сотрудникам названных выше архивов, без помощи которых было бы просто невозможным написание данного труда. В финансировании проекта принимал участие Международный Научный Фонд.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРИЧИНЫ ГОЛОДА

*“И станет глад сей бедный край терзать”
(М.Ю. Лермонтов)*

ГЛАВА I. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ПОСЛЕ ВОЙНЫ

1. Тяжелое военное наследие

В годы Второй мировой войны народы СССР вместе со всем прогрессивным человечеством спасли мир от гитлеровского фашизма. Победа Советского Союза в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. была завоевана небывало дорогой ценой. Трудно восполнимые людские потери в сочетании с огромными материальными затратами отбросили на много лет назад и без того неблагоприятную экономику советского государства. Пострадали все сферы народного хозяйства, а наиболее ощутимые удары были нанесены аграрному сектору.

В течение 1941-1945 гг. деревня полностью лишилась мужчин призывного возраста, многие юноши и девушки старше 14 лет были мобилизованы на учебу и работу в промышленность. ЦСУ подсчитало, что на начало 1946 г. численность работоспособного сельского населения (мужчин с 14 до 59 лет и женщин с 14 до 54 лет) составляла не более 74 млн. человек, что соответствовало уровню 1931 г. В действительности почти половина из них являлась инвалидами войны и труда, поэтому фактически принимали участие в работах примерно 37 млн. человек. Число здоровых мужчин зрелого возраста было как минимум в 2,5 раза меньше, чем в 1940 г. В некоторых областях, подвергавшихся оккупации, положение было более тяжелым. В обязательном порядке привлекались к труду все дети старше 10-ти лет. Основной же рабочей силой были женщины, подростки, мужчины пожилого возраста. В целом трудовые ресурсы составляли 50-60% от их потребности¹.

Техническое оснащение сельского хозяйства было прекрашено в самом начале войны. Все без исключения заводы, производившие сельскохозяйственные машины и оборудование, были переключены на военную технику. Поставка селу тракторов и плугов по сравнению с предвоенной, сократилась в 9 раз, комбайнов — в 50 раз². Тракторный парк МТС отличался крайней устарелостью и изношенностью и не обеспечивал заявок колхозно-совхозного производства. Сократилось производство конно-ручной техники и инвентаря, поэтому их естественный износ и убыль не восполнялись. На завершающем этапе войны от 40 до 50% колхозов не имели сеялок, се-

нокосилок, жаток, молотилок, конных плугов³. По решению правительства было изготовлено и продано колхозам и совхозам 1,7 млн. кос и 0,7 млн. серпов⁴. Начавшаяся в конце войны конверсия в военной промышленности требовала времени и солидного финансирования, поэтому деревня больше полагалась на сильно ослабшее конное тягло, использование в упряжке общественных и личных коров. Тут тоже было немало проблем, так как за годы войны численность лошадей в колхозах и совхозах СССР сократилась на 55% и составляла не более 7 млн. голов, в том числе надорванных и больных, непригодных к тяжелым полевым работам⁵.

Ухудшение агротехники привело к падению урожайности важнейших сельскохозяйственных культур. В 1945 г. средняя по Союзу урожайность зерновых была на 35% ниже уровня 1940 г., сахарной свеклы — на 55%, подсолнечника — на 61%, картофеля — на 29,3%, овощей — на 36,3%. В результате вся валовая продукция сельского хозяйства составляла в 1945 г. 60% от уровня 1940 г., соответственно снизился и валовой сбор всех вышеназванных культур⁶.

Снижение качества содержания и ухода за скотом вызывали падеж и сокращение поголовья всех видов скота в колхозах и совхозах. На 1 января 1945 г. численность крупного рогатого скота в колхозах сократилась по сравнению с 1941 г. на 23,4%, в совхозах — на 37,5%⁷.

За годы войны в целом снизилась доля товарной продукции сельского хозяйства в земледелии и животноводстве. Примерно 90% этой продукции отчислялось в счет обязательных поставок государству, остальное поступало кооперации и на внедеревенский рынок⁸. Общее сокращение производства сельскохозяйственной продукции в условиях войны, повлекло за собой снижение общесоюзных государственных заготовок. Для колхозов и совхозов государственный план по зерну был самым трудным. В критическое для советского государства время, когда важнейшие зерновые районы юга находились в оккупации, основная тяжесть госпоставок была возложена на области, края и республики потребляющей Нечерноземной полосы России. Ценой неслыханных лишений и голодания людей, колхозы и совхозы Поволжья, Урала, Сибири из года в год наращивали объемы сдачи государству сверхплановой продукции. На завершающем этапе войны Нечерноземье дало стране хлеба намного больше чем в довоенном 1940 г.⁹

Порой, чтобы полностью рассчитаться с государством по хлебопоставкам, многие хозяйства предлагали замену скотом или мясом. Острый недостаток кормов толкал колхозы и совхозы на путь забоя скота, поэтому по мясопоставкам они ежегодно перекрывали уровень 1940 г.¹⁰ На последнем году войны, сознавая грозящую опасность такой практики, сами колхозы стремились всеми мерами сохранить скот, берегли

его от растущих плановых поставок. Однако это стремление не нашло поддержки в правительстве, которое требовало производить сдачу скота по обязательным поставкам в установленные сроки независимо от состояния животноводства¹¹.

Кроме колхозов и совхозов, весомую часть продукции сдавали государству личные "подсобные" хозяйства колхозников, рабочих, служащих и единоличников. В производстве ряда основных продуктов питания они опережали колхозы и совхозы. Так называемые ЛПХ, среди которых ведущая роль принадлежала хозяйствам колхозников, производили в 1945 г. намного больше мяса чем крупные общественные хозяйства, в несколько раз больше молока и яиц¹². Часть произведенной ими продукции поступала на рынок, а остальное, опять-таки, по обязательным поставкам шло в госфонд. Удельный вес личных хозяйств населения в общих закупках сельскохозяйственных продуктов сразу после войны составлял по подсолнечнику — 13%, картофелю — 36%, скоту и птице — 30%, молоку — 34%, яйцам — 83%, шерсти — 19%¹³. Все это достигалось не ростом производительности труда и созданием в хозяйствах избыточной продукции, а за счет затягивания поясов и внешнеэкономического принуждения со стороны государства.

Сельское хозяйство СССР вышло из войны в плачевном состоянии и нуждалось не просто в огромной помощи, а в совершенно ином подходе к нему со стороны государства. Это хорошо понимали все. Этому не могло не знать правительство, излишне уповавшее на потайные запасы. Сосредоточив внимание на вывозе трофейной техники, оборудования и специалистов, советское руководство заодно пыталось подсобить сельскому хозяйству. Одной из таких попыток можно считать перегон и продажу колхозам и совхозам скота из Германии, Польши, Румынии, Синьцзяна. По неполным данным в 1945 г. в счет выполнения соглашения о перемирии Советскому Союзу было передано 0,5 млн. голов крупного рогатого скота, 225 тыс. лошадей, 2,5 тыс. верблюдов и 147 тыс. овец¹⁴.

С советской стороны заинтересованные ведомства, Наркомзем и Наркоммясомолпром СССР направили в сборные пункты необходимое количество ветеринарных и зоотехнических работников и колхозников-гонимых для приемки и сопровождения скота. Постановлениями ГОКО и СНК СССР из мобрезерва было выделено 34 тыс. т сена для подкормки перегоняемого скота и около 4 тыс. вагонов для перевозки сена на трассы перегона. В организации данного мероприятия имелись серьезные недостатки, приводившие к большим потерям скота в дороге. Из-за неподачи вагонов, сено не завозилось в срок. В то же время большое количество сена, доставленного на узловые пункты железной дороги, из-за отсутствия автотранспорта не попадало на трассы к пунктам подкормки. На территории Литовской, Латвийской ССР, запад-

ных областей Украины и Белоруссии почти не было пастбищ, поэтому скот голодал. Вследствие не соблюдения правил санитарно-бытового обеспечения, имели место случаи заболевания сопровождавших скот колхозников брюшным и сыпным тифом¹⁵.

Те же трудности возникали на приемных пунктах советско-синьзянской границы, где не было условий для комплексной ветеринарной обработки импортных рабочих лошадей и верблюдов. При отсутствии кормов передержка скота приводила к заболеваниям и падежу. Значительная часть лошадей и верблюдов была спасена ускоренной передачей колхозам и совхозам Казахстана, а 9 тыс. лошадей не были обеспечены заявками, поскольку колхозы и совхозы не имели в достатке кормов для скота¹⁶.

Поступивший из-за границы скот распределялся по колхозам и совхозам, на шахты, стройки, химические и другие предприятия. Часть трофейного скота, полученного из Германии, была передана семьям воинов Красной Армии. Наркоммясомолпром СССР должен был получить 5 тыс. голов крупного и 33 тыс. голов мелкого убойного скота, поставленного Румынией. Остальные 9 тыс. крупного рогатого скота, 14 тыс. овец и 11 тыс. лошадей просили Наркомзем, Наркомсовхозов, Наркомпищепром и др. союзные комиссариаты¹⁷. Нам точно не известно, сколько скота осталось после перегона и сколько его на самом деле досталось наркоматам. В 1946-1948 гг. в Совет министров СССР было направлено несколько писем от руководителей республик, краев и областей с просьбами об отсрочке выплат за полученный трофейный скот в связи с отсутствием средств в колхозах и совхозах.

За время проведения операций по перегону падеж всех видов скота доходил до 25% от его начальной численности. До 50% молочного скота было загублено тяжелыми условиями перехода. По воспоминаниям очевидцев купленные высокопородные коровы не подпускали к себе доярок, убегали из стада. Новые владельцы, намаявшись, пукали "иностранок" под нож. В конечном счете от трофеев выходило больше хлопот, чем прибыли.

Несчастливая судьба такого мероприятия в целом характерна для тех времен. Многие серьезные решения правительства на практике исполнялись совсем не так как было задумано, требовали непредвиденно крупных расходов, заканчивались неудачей, не улучшали, а наоборот ухудшали общее состояние дела. Под влиянием подобных промахов в правительственных кругах укреплялось негативное отношение ко всем инициативам и переменам вообще. Не исключено, что именно в то время родилась управленческая поговорка: "Всякая инициатива наказуема".

Из обзоров писем и жалоб, периодически предоставлявшихся госбезопасностью, советское руководство было неплохо информировано о тяжелом положении тружеников села и в ответственные моменты вынуждено было говорить об этом и обещать улучшение. Накануне выборов в Верховный Совет СССР 2 февраля 1946 г. в газете "Правда" было опубликовано обращение ЦК ВКП(б) к избирателям. В нем подчеркивалось: "... Нужно добиться, чтобы колхозная деревня в короткий срок преодолела трудности, вызванные войной, чтобы все колхозники жили зажиточно и культурно. Кто хочет нового подъема социалистического хозяйства, кто стремится к тому, чтобы наша страна имела больше хлеба и других продуктов сельского хозяйства, чтобы все колхозники жили зажиточно и культурно, тот будет голосовать за кандидатов блока коммунистов и беспартийных"¹⁸.

Но дальше слов и обещаний дело не подвигалось. Невозможная сельскохозяйственная реформа означала возвращение к довоенной модели выкачивания средств из сельского хозяйства и не оставляла никаких надежд на улучшение уровня жизни народа. Предложение первого секретаря Курского обкома П.И. Доронина "...по реорганизации колхозов, при которой возросла бы роль семей благодаря их превращению в основную структурную единицу"¹⁹, не получило поддержки в центре. Практика дробного управления сельским хозяйством, когда каждый колхоз подчинялся сразу трем министерствам и должен был выращивать такие культуры, которые не соответствовали местным условиям, не давала дохода колхозам, приводила к снижению оплаты трудодней колхозников²⁰.

В созданный в 1946 г. для укрепления общественного хозяйства Совет по делам колхозов при правительстве СССР поступали тысячи писем председателей колхозов, районных работников, предлагавших конкретные меры подъема отстающих колхозов. В обзорах писем и докладных записках, направленных из Совета по делам колхозов к главе государства И.В. Сталину и его заместителям, содержался объективный анализ проблем колхозной экономики и ценные предложения по ее укреплению. Авторы писем считали необходимым повысить материальную заинтересованность колхозников в труде путем установления твердых норм плановых поставок государству хлеба, мяса, молока и др. продукции, категорически запретив при этом местным партийным и советским органам проводить всякого рода встречные сверхплановые заготовки колхозами и натуральные поставки колхозниками. Разрешить колхозному крестьянству и колхозам после выполнения обязательных поставок производить беспрепятственную продажу излишков всех видов сельскохозяйственных продуктов по рыночным ценам. Повысить заготовительные цены на сельскохозяйственную продукцию, установленные еще в 1928

г., и не превышавшие 10 коп. за 1 кг пшеницы, 5 коп. — за 1 кг картофеля, 25 коп. — за 1 кг говядины и 2-х руб. — за 1 тыс. шт. яиц²¹.

По свежим следам предвыборного обращения 5 февраля 1946 г. ответственные работники ЦК ВКП(б) и Совмина СССР Ицков, Козлов, Смирнов, Пронин и др. (всего 10 подписей) направили письмо в правительство — В.М. Молотову, Г.М. Маленкову, А.И. Микояну и Н.А. Вознесенскому с предложением об улучшении материального положения рабочих и служащих совхозов. Необходимость этой меры они обосновывали тем, что по действовавшим в то время нормам каждая семья рабочего и служащего совхоза могла иметь земельный участок для огорода размером до 0,15 га, а на поливных землях половину этой нормы, т. е. 0,075 га. Участки не закреплялись за ними в постоянное пользование, а выделялись сроком на 1 год. Размер земельного участка не позволял обеспечивать картофелем семью из 4-5 человек. Ввиду ограниченности земельного надела жители совхозов лишались возможности выращивать картофель на корм скоту личного пользования, строить дома, закладывать небольшие сады. Действовавшие правила сильно ограничивали разведение скота в личных подсобных хозяйствах рабочих и служащих. Для прекращения ухода и закрепления кадров в совхозах авторы письма предлагали снять излишние ограничения с ЛПХ в совхозах, приравнять их к колхозным, оказывать людям помощь в получении кредитов и приобретении стройматериалов на постройку домов²². Эти и многие другие предложения по скорейшему возрождению послевоенной деревни, адресованные во все правительственные инстанции, были отправлены в архив и забыты.

В силу объективных и субъективных обстоятельств у правительства СССР складывались иные планы, в них не оставалось места для перемен и послабления режима. Во-первых, советский народно-хозяйственный механизм, всемерно подавлявший личный интерес граждан, не созрел для отказа от нерентабельного колхозно-совхозного принципа в производстве и распределении. В кризисной обстановке правительство видело единственный выход в административно-политическом усилении принудительных мер. Во-вторых, разрыв отношений СССР с бывшими союзниками по войне, общее обострение международной обстановки в связи с взаимными территориально-стратегическими притязаниями и резко усилившаяся борьба за сферы экономического господства, еще больше закрепляли в нашей стране приоритет промышленности, а значит дальнейший развал сельского хозяйства и латание бюджета за счет налогового обложения народа.

Без учета международного и внутреннего положения страны невозможно судить о причинах развернувшихся событий и голода 1946-1947 гг. Непрочность мира была характер-

ной чертой второй половины 40-х годов. В эти годы СССР и США превращались в потенциальных противников. По сути дела враждебные отношения были следствием качественно нового витка возобновлявшейся тогда гонки вооружений двух сверхдержав. Отвечая на вопросы московского корреспондента английской газеты "Санди Таймс" Александра Верта, Сталин говорил, что не верит в реальную опасность новой войны, что советское государство ведет последовательную борьбу за дело демократии, за укрепление всеобщего мира²³. Между тем, в Кремле не было спокойствия. Тревожные донесения поступали от руководителя советской разведки в Германии Серова. В них он приводил высказывания офицеров английской и американской зон оккупации о том, что война с СССР в ближайшее время неизбежна, что Польша и другие страны Восточной Европы будут воевать на стороне Англии и США²⁴.

Советское руководство не исключало новой мировой войны. Форсировались работы по подготовке ракетно-ядерного оружия. Огромные средства направлялись в военно-промышленный комплекс. Бюджет первого года сталинской пятилетки был сформирован таким образом, что сельское хозяйство и производство предметов широкого потребления оставались в нем на последнем месте²⁵. Страна, жившая пять минувших лет по военному бюджету, увеличивала расходы на оборону в послевоенные годы.

В периодической печати все чаще мелькали публикации о подготовке США к войне. Вот отрывок одной из них: "План мобилизации промышленности в США предоставит президенту широкие военные полномочия, предусматривает ассигнование 2 млрд. долл. для приобретения отсутствующих у США стратегических материалов с тем, чтобы дать США возможность вести войну по крайней мере в течение 4-5 лет даже в том случае, если они будут изолированы от источников снабжения"²⁶. Гражданам СССР исполдовал внушалась опасность агрессии с Запада, необходимость милитаризации и пополнения мобилизационных резервов.

2. Продовольственная разверстка в 1946-1947 гг.

После только что закончившейся изнурительной войны, сразу начать подготовку к новой — дело безнадежное при том что деревня как главный донор средств была полностью обескровлена. Засуха 1946 г. нанесла дополнительный урон сельскому хозяйству Центрального Черноземья, Украины, Молдавии. Досталось областям Нечерноземья, Среднего и Нижнего Поволжья. В ряде районов воздействие засухи было преувеличено, чтобы списать на нее организационные просчеты и недопустимо низкий уровень агротехники. По причине нехватки людей, техники, слабой материальной заинтересованности ве-

сенний сев 1946 г. был проведен с низким качеством и непро- стительным опозданием. Повсеместно на пахоте в качестве тягла использовали в упряжке коров. В колхозах Украины и Белоруссии таким способом проводили до половины всех работ. В некоторых колхозах значительные участки вскапывались лопатами и засевались вручную²⁷.

Несмотря на это в Сибири, на Кубани, в Казахстане, Киргизии получили неплохой урожай зерновых культур. Незадолго до начала уборочных работ представители госинспекции на Кубани определили видовую урожайность зерновых в 12 ц с га, в Сибири, Казахстане и Киргизии — примерно по 8 ц, в то время как средняя урожайность зерновых по СССР в т. г. была равна 4,6 ц с га, т. е. меньше чем в 1945 г. всего на 1 ц²⁸. Реальная урожайность была ниже. Задача состояла в том, чтобы вовремя, без излишних потерь убрать урожай, но именно это оказалось недостижимым. Очень много полевой техники было неисправной. Несвоевременный подвоз горючего и небеспеченность МТС денежными средствами на его оплату приводили к простоям тракторного парка и комбайнов в самое время полевых работ.

Примитивный инвентарь, получивший распространение в годы войны, активно использовался в первые послевоенные годы. В печати серьезный упрек получали те колхозы и совхозы, руководители которых недооценивали значение уборки урожая простыми машинами и вручную. Широко пропагандировался опыт Анны Чуевой из колхоза “Золотой колос” Куюргазинского района Башкирской АССР, которая за день связывала 10 тыс. снопов. В полном противоречии находились установка на максимальное расширение посевных площадей и уборка хлебов косами и серпами²⁹.

Когда в европейской части Союза была засуха, в Сибири не прекращались дожди. Там уборочная кампания 1946 г. являлась трудовым подвигом сибиряков. В колхозах и совхозах Краснодарского, Ставропольского, Алтайского краев, а также Кемеровской, Новосибирской, Омской, Курганской, Челябинской, Молотовской (Пермской) и др. областей вследствие неудовлетворительной работы комбайнов и косовицы вручную, уборочные работы затянулись до зимы, а десятки тыс. га не были убраны вообще³⁰. По неполным данным в 21-й области России осталось 166,4 тыс. га неубранных и неполностью убранных полей, в Казахстане пошли под снег 68,4 тыс. га зерновых³¹.

В хозяйствах покрепче успели собрать урожай. В орденосном совхозе “Кубань” было намолочено зерна в среднем по 14,5 ц с га, в совхозе им. Калинина — по 13,5 ц. План сдачи хлеба государству этими совхозами был выполнен в начале сентября. Совхозы Кубанского зернотреста в короткий срок вывезли на ссыпные пункты на 16 тыс. т зерна больше,

чем в прошлом году. Два годовых плана дал Ейский совхоз, где директором был депутат Верховного Совета СССР О.М. Павлюк³², но таких хозяйств было очень мало.

Намного сложнее складывалась обстановка в выжженных весенне-летним зноем зерновых районах. Эпицентром засухи являлись области Центрального Черноземья. Видовая урожайность в колхозах Воронежской области была определена госинспекторами в 2,7 ц с га, Курской — 3, Орловской — 2,8, Тамбовской — 2,4. Чуть мягче последствия засухи отразились на урожайности зерновых в Среднем и Нижнем Поволжье³³. Сильная засуха поразила юг Украины и Молдавии. Пониженная урожайность зерновых отмечалась в областях и республиках Нечерноземной полосы³⁴. Средняя общесоюзная урожайность не обещала хорошего валового сбора.

Вследствие сложных климатических особенностей 1946 г., скороспелых и шаблонных рекомендаций по вопросам агротехники и примитивного уровня организации колхозно-совхозного производства, потери урожая зерновых культур возросли в 2-3 раза относительно предыдущего тоже нелегкого в сельскохозяйственном отношении года. Валовой сбор составлял 39,6 млн. т, т. е. на 7,7 млн. т меньше собранного в 1945 г. и в 2,4 раза меньше уровня в 1940 г.³⁵ Конечно, сравнение с предвоенным годом давало колоссальную разницу, относительно 1945 г. сокращение валового сбора было в рамках допустимого и не давало никаких оснований для чрезвычайщины в проведении заготовительной кампании, ставшей основной причиной последовавшего за ней голода.

В разгар лета 1946 г. в правительственных кругах был разработан план строгого режима экономии хлеба. На практике это означало твердое намерение любой ценой сохранить имевшиеся государственные резервы зерна. С этой целью было решено взять по возможности весь хлеб из колхозов и совхозов по обязательным поставкам и закупкам. Изъятие готовилось и проводилось с особенной тщательностью.

Не уменьшая ведущей роли Сталина, надо сказать о его месте в принятии и проведении государственных решений по сельскому хозяйству и продовольствию в те годы. Конечно, он лично следил за обсуждением и принятием важнейших постановлений. Иногда решительно вмешивался и мог принципиально повлиять на смысл документа и ход дела. Однако в большинстве случаев его функция сводилась к подписанию проектов постановлений, заготовленных в министерствах и прошедших соответствующие отделы Совмина СССР и ЦК ВКП(б). На оригиналах постановлений имеется сталинская правка, которая касалась чаще стиля, чем содержания. Сельское хозяйство занимало Сталина лишь с точки зрения накопления запасов продовольствия. Заготовки были его главным критерием в оценке кадров, занятых в этой сфере. Те, кто

проявлял жалость и сочувствие к людям, попадали в разряд мягкотелых.

Как это делалось, можно проследить на простом примере. Министр заготовок СССР Б.А. Двинский в середине июля 1946 г. направил подробную справку заместителю председателя правительства А.И. Микояну о наличии хлеба, включая резервы на 1 июля 1946 г. “В связи с неурожаем, — писал он, — хлеба на селе мало и сельское население набросится на государственный хлеб. Надо не только пересмотреть сроки введения бескарточной системы и коммерческой торговли хлебом, необходимо провести максимальную экономию расхода хлеба в III квартале 1946 г.” Он просил Микояна доложить Сталину об этих соображениях и добавлял в заключение: “...Было бы хорошо, если бы тов. Сталин определил месячный уровень расхода по всем назначениям (кроме семян и экспорта) в пределах 1,5-1,6 млн. т, тогда все ведомства нашли бы пути и способы к урезыванию своих необычайно возросших потребностей”³⁶.

Вначале провели психологическую обработку руководителей областей сильно пострадавших от засухи, которые надеялись, что их освободят от госплана. Совмин СССР и ЦК ВКП(б) 4 июля того года приняли постановление “О годовом плане заготовок зерна и других сельскохозяйственных продуктов из урожая 1946 г. по Воронежской области”, которым план сдачи зерна государству был увеличен по сравнению с проектом на 8 тыс. т и составил 128 тыс. т. Вместе с тем, колхозам области был отсрочен до урожая 1947 г. и 1948 г. возврат зерна по семенной ссуде, задолженность по натуральной оплате за работы МТС, по обязательным поставкам — всего в количестве 192 тыс. т, а совхозам — более 11 тыс. т семенной зерновой ссуды. Кроме того, с колхозов было списано 112 тыс. т зерна, подлежавшего погашению в 1946 г. и отменена сдача зерна в хлебный фонд Красной Армии, включая задолженность прошлых лет, образовавшуюся в самом начале войны³⁷. За все отпущенные грехи с колхозов и совхозов Воронежской области причиталось, говоря словами Сталина, подписавшего постановление, аккуратное и честное выполнение установленного плана заготовок зерна и др. сельскохозяйственных продуктов. Заключительную часть постановления лучше привести без сокращения: “... Председатель облисполкома Васильев, первый секретарь обкома Тищенко и уполномоченный Министерства заготовок по области Сучков лично отвечают за полное выполнение плана заготовок зерна и других сельскохозяйственных продуктов в установленные сроки”³⁸. Подобный расчет был предложен и другим областям Черноземья. При всех видимых уступках, сам план был невыполним даже с учетом сдачи всего продовольственного и семенного зерна.

Определяющую роль в подготовке продрозверстки сыграло постановление Совмина СССР и ЦК ВКП(б) от 14 июля 1946 г. "О хлебозаготовках", в котором подчеркивалось, что установленный план должен был быть выполнен при любых условиях. При большой потере урожая в Черноземной полосе России, на Украине и в Молдавии, правительство СССР сделало ставку на Поволжье, Урал, Сибирь и Казахстан. Даже тем республикам, краям и областям, которые подверглись губельному воздействию стихии, размеры обязательных поставок зерна в 1946 г. были увеличены. Постановление предоставляло право Советам Министров республик, крайкомам и облисполкомам России, Белоруссии, Казахстана и Киргизии увеличивать колхозам, имевшим хорошей урожай, обязательные поставки зерна государству до 50% от размеров, исчисляемых по действовавшим нормам. Местные власти должны были принять все меры к погашению этими же колхозами задолженности по хлебозаготовкам прошлых лет, включенной в план текущего года, а колхозам, имевшим к тому возможность, — и задолженности, отсроченной на следующий год. Предлагалось выделить на всех в виде поощрения 130 тыс. т зерна для использования по собственному усмотрению тех, кто полностью выполнит план³⁹. Чрезмерное увеличение поставок и мизерный фонд поощрения порождали со стороны мест недоверие ко всему мероприятию.

В России самые крупные надбавки к плану обязательных поставок по зерну получили, соответственно: Краснодарский край и Ростовская область на Северном Кавказе; Горьковская (ныне Нижегородская), Сталинградская области и Татарская АССР в Поволжье; Алтайский край, Курганская и Новосибирская области в Западной Сибири. Среди других союзных республик больше всех размеры плановых поставок были увеличены Казахстану⁴⁰.

Поощрение заготовок было дифференцировано по непонятному принципу. К примеру, абсолютно одинаковое увеличение размера обязательных поставок зерна государству получили Алтайский край, Горьковская и Ростовская области, а отчисление зерна в распоряжение местных советов было разным: Алтайскому краю записали 8 тыс. т, Горьковской области — 4 тыс. т, Ростовской — 9,5 тыс. т. Видимо, в данном случае учитывалась площадь посевов, во всяком случае Горьковская область, в которой средняя урожайность того года была ниже, оказывалась в невыгодном положении и в последствии сильнее пострадала от заготовок⁴¹.

Экономическая незаинтересованность колхозов и совхозов в выполнении, а тем более перевыполнении государственного плана хлебозаготовок была очевидной. В связи с неудовлетворительным ходом хлебозаготовок пятидневные графики сдачи зерна не выполнялись в Архангельской, Вели-

колукской, Воронежской, Калининской (ныне Тверской), Иркутской, Свердловской (ныне Екатеринбургской) областях, Кабардинской, Чувашской АССР и др. Последовал административный нажим. В конце сентября 1946 г. в ЦК ВКП(б) был заслушан отчет этих республик и областей по выполнению государственного плана хлебозаготовок. По "инициативе" Алтайского, Краснодарского крайкомов ВКП(б) было навязано всем социалистическое соревнование за досрочное выполнение и перевыполнение плана хлебозаготовок из урожая 1946 г. 2 и 3 октября т. г. центральные газеты: "Правда", "Известия", "Комсомольская правда", "Социалистическое земледелие", "Животноводство" опубликовали обязательства колхозников и колхозниц, рабочих и работниц совхозов и МТС, специалистов сельского хозяйства Сибири о досрочном завершении сдачи хлеба государству. В следующих номерах были помещены публичные обязательства Кемеровского, Челябинского, Вологодского, Кировского и других обкомов ВКП(б). Каждая республика, край и область обязаны были включаться в соревнование по сдаче хлеба. Огромное психологическое давление на людей оказывали ежедневные первостраничные публикации обязательств. Подаваемые якобы от лица тружеников села они давали в руки разного ранга деятелей право требовать исполнения обещанного в срок и любой ценой.

Борьба за хлеб между государством и деревней была неравной. На стороне властей выступали закон и мощная пропагандистская машина. Печать и радио неустанно твердили о первой заповеди колхозов и совхозов — досрочном выполнении обязательств по поставкам сельхозпродукции и, главное, хлеба государству. Назовем несколько характерных заголовков тех дней из газеты "Правда": "Выполнение плана хлебозаготовок — важнейшая государственная задача". (Передовица. 9 октября 1946 г.); "Выше уровень политической и организаторской работы на хлебозаготовках". (Подборка публикаций. 12 октября т. г.); "Государственный план хлебозаготовок — незыблемый закон для каждого колхоза и совхоза". (Подборка статей. 13 октября т. г.); "Все силы колхозных парторганизаций — на борьбу за хлеб". (Подборка статей. 17 октября т. г.). Вот отрывок из названной выше передовой статьи: "В самом зародыше должна решительно пресекаться всякая антигосударственная практика сдерживания хлебозаготовок. Всякий, кто проявляет беззаботное отношение к заготовкам хлеба, не оправдывает доверия партии и народа. Если на таких работников не действует предупреждение, их придется привлекать к строгой партийной и государственной ответственности. Нельзя делать поблажек людям, нарушающим интересы государства".

На завершающем этапе заготовки “дожимал” Центральный Комитет ВКП(б). В течение 10-ти дней со 2 по 12 октября секретариат ЦК рассмотрел более 60-ти вопросов по обеспечению плана сдачи зерна государству. Регулярно в ЦК партии заслушивались отчеты руководителей республик, краев и областей по хлебопоставкам. 4 октября Секретариат ЦК ВКП(б) рассмотрел вопрос о неудовлетворительном ходе заготовительной кампании в Ростовской области, где на 1 октября т. г. план был выполнен на 64% вместо 95%, предусмотренных законом, а во многих районах было допущено свертывание сдачи хлеба государству. Участники заседания пришли к выводу, что Ростовский обком ВКП(б) и его 1-й секретарь Александрюк не сделали для себя надлежащих выводов из ранее полученного предупреждения. ЦК ВКП(б) признал, что Ростовский обком неудовлетворительно руководит заготовками хлеба и проявляет в этом деле “чуждое большевизму равнодушие к интересам государства” и предложил обкому ВКП(б) представить в ЦК партии к 1 ноября т. г. полный отчет о выполнении плана⁴².

Решения ЦК ВКП(б) о неудовлетворительном проведении хлебозаготовок не ограничивались партийными взысканиями. ЦК ВКП(б) было установлено, что во многих колхозах и совхозах большое количество намолоченного зерна, находившегося на токах и в амбарах, своевременно не сдавалось государству и некоторыми председателями и директорами преднамеренно сдерживалось с тем, чтобы переждать острый период хлебозаготовок и укрыть хлеб от государства. В октябре 1946 г. руководители 27-ми обкомов и крайкомов партии, облисполкомов, крайисполкомов и советов министров были предупреждены о строгой партийной и государственной ответственности за терпимое отношение к антигосударственной практике и саботажу⁴³.

Буквально с каждым днем октября тверже становились меры наказания в отношении партийных лидеров тех районов, которые не справлялись с плановыми поставками зерна. На 5 октября т. г. план хлебопоставок по Ивановской области был выполнен на 41% вместо 70%, предусмотренных законом. В сентябре государству поступило только 9,3 тыс. т зерна, что в 2,8 раза меньше планового и на 6,2 тыс. т меньше заготовленного в августе того же года. Особенно низкие показатели хлебозаготовок были в Середском районе, выполнившим план на 27,8%, Палехском — на 29%, Тейковском — на 30% и др.⁴⁴

Заслушав отчет секретаря Ивановского обкома ВКП(б) Капранова о ходе хлебозаготовок, секретариат ЦК партии во главе со Ждановым признал создавшееся в области положение с заготовками недопустимым, а руководство этим важнейшим государственным делом со стороны обкома партии неудовлетворительным. Приняв к сведению заявление Капра-

нова о том, что Ивановский обком ВКП(б) в кратчайший срок ликвидирует отставание области в хлебозаготовках и обеспечит выполнение плана и дополнительного задания по сдаче зерна государству, ЦК ВКП(б) поручил Управлению по проверке партийных органов в зависимости от результатов хода заготовок по Ивановской области за 2-ю и 3-ю пятidineвки октября, внести на рассмотрение ЦК ВКП(б) соответствующие предложения по кадровому укреплению областного партаппарата.

Вскоре после проработки в ЦК на страницах "Правды" появилась заметка корреспондента по Ивановской области под названием "Вредные тенденции". В ней сообщалось, что в ряде районов области придерживали хлеб под всякими предложениями. В Лухском районе председатели артели становились на путь умышленного завышения урожая, снятого с семенных участков, и сильного занижения урожая с общих посевов. В колхозах того же Лухского, а также Юрьевецкого и Пучетского районов некоторые председатели артели при наличии большого количества намолоченного хлеба пытались сдавать государству взамен хлеба льнотресту. Порочные методы управления хлебозаготовками укоренились во многих районах. Середский район не выполнил до 10 октября третьей доли государственного плана хлебопоставок. Из 102 колхозов района только один полностью рассчитался с государством⁴⁵. Масштабы саботажа были преувеличены. Изнуренная деревня не успевала обмолотить и вывезти зерно на заготовительные пункты.

Вопреки постоянному административному подхлестыванию, план хлебозаготовок по Рязанской области на 5 октября т. г. был выполнен на 29,6% вместо 70%. Более 1000 колхозов, не выполнивших плана, не могли участвовать в ежедневной сдаче хлеба государству так, как это требовалось по закону. В Сараевском, Добровском, Лебедянском, Милославском и других районах, прихваченных засухой, уборка хлебов была "облегчена". Только в Ухоловском районе имелось свыше 4 тыс. га погибших зерновых культур. Подобная обстановка складывалась в Мордовской АССР, где на 15 октября т. г. план сдачи хлеба государству был выполнен на 30,3%. На ту же дату в колхозах Чувашской АССР не был обмолочен урожай с площади в 119 тыс. га, что составляло 25% ко всей уборочной площади⁴⁶.

В ноябре 1946 г. заготовительная кампания достигла крайней напряженности. ЦК ВКП(б) открыто обвинял местных партийных и советских администраторов в укрывательстве саботажников. Рассмотрев вопрос о ходе хлебозаготовок, ЦК признал совершенно нетерпимым положение с хлебопоставками в Горьковской, Рязанской, Куйбышевской, Курганской, Чкаловской (ныне Оренбургской) областях, в Ставро-

польском крае и Мордовской АССР. За допущенные грубые ошибки в руководстве хлебозаготовками 1-й секретарь Чкаловского обкома ВКП(б) Денисов, 1-й секретарь Ставропольского крайкома ВКП(б) Орлов получили по строгому выговору. Спустя 2 недели Орлов был уволен с работы за неспособность проводить линию партии и обеспечивать интересы государства. За плохую работу были наказаны многие уполномоченные Министерства заготовок СССР, а в декабре т. г. ЦК ВКП(б) утвердил новых уполномоченных в республиках, краях и областях не справившихся с планом заготовок. Попали под суд сотни председателей колхозов, в которых было обнаружено укрытое от сдачи государству зерно⁴⁷.

10 ноября 1946 г., когда заготовки зерновых шли полным ходом, Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) приняли новое постановление "Об обязательном плане закупок ржи, пшеницы из урожая 1946 г.". На тот момент как самое важное, оно было подписано от имени Совмина СССР Сталиным, от ЦК ВКП(б) — Ждановым. При подготовке данного постановления Министерство заготовок СССР предлагало дать колхозам, колхозникам и единоличникам задание в размере от 1,92 до 2,88 млн. т зерна. Однако по предварительным заявкам республик, краев и областей не удалось набрать и 640 тыс. т. От участия в продаже зерна отказались все области Центрального Черноземья, а также Великолукская, Горьковская, Ивановская, Саратовская, Тульская, Челябинская, Приморский край и другие. Этого нельзя было не учитывать, поэтому в окончательном варианте утвердили в качестве итоговой цифры 1,12 млн. т зерна⁴⁸.

В 3-х дневный срок Государственная штатная комиссия при Совмине СССР во главе с Л.З. Мехлисом рассмотрела и утвердила штаты спешно восстановленного хлебозакупочного аппарата в системе Центросоюза. Правительством был установлен строгий контроль за работой партийных и советских органов по выполнению плана обязательных закупок хлеба. В ЦК ВКП(б) регулярно заслушивались отчеты обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик, принимались необходимые оперативные меры по усилению хлебозакупок. Контроль за исполнением дела был поручен секретарю ЦК партии Н.С. Патолычеву. Данное мероприятие было направлено на полное очищение деревни от чудом уцелевших остатков зерна. С этой целью правительство выделило для продажи колхозам, колхозникам и единоличным крестьянским хозяйствам, сдавшим государству хлеб по плану обязательных закупок, промышленные товары на сумму 1,82 млрд. руб (в высоких сельских ценах), в том числе в IV квартале 1946 г. — на 0,82 млрд. руб и в I квартале 1947 г. — на 1 млрд рублей. Колхозам, колхозникам и единоличникам продавались промтова-

ры на сумму 60 руб. за каждые 10 руб., полученных от продажи хлеба государству⁴⁹.

Невзирая на категорический отказ многих районов от участия в хлебозакупке, план получили все, за исключением Воронежской, Курской, Орловской, Тамбовской областей, Молдавской и Карело-Финской ССР. Самые крупные задания на закупку хлеба получили Алтайский и Приморский края, Астраханская, Калужская, Псковская, Челябинская области, Тувинская АО, Туркменская и Казахская ССР. В результате закупки зерна у колхозов и населения государство получило до 85% от запланированного количества, что составляло примерно 5% объема общесоюзных заготовок 1946 г.⁵⁰

В зерновые районы страны для выколачивания плана хлебосдачи были направлены испытанные кадры ЦК и Политбюро ЦК ВКП(б), в большинстве своем прошедшие школу голодомора 1932-1933 гг. В Казахскую ССР был направлен А.И. Микоян, в Алтайский край — Г.М. Маленков, Краснодарский — Л.П. Берия и Л.З. Мехлис, в Курганскую область — Л.М. Каганович, затем на Украину в помощь Н.С. Хрущеву — Каганович и Патолычев. Общую координацию осуществлял “специалист” по заготовкам 1932 г. Председатель Совета по делам колхозов при Правительстве СССР А.А. Андреев. Все они хорошо знали, что ожидает людей в колхозах и совхозах после полного вывоза хлеба.

В общем и целом план заготовок зерновых культур на 1 декабря 1946 г. был выполнен на 76,9%, поступило 16,08 млн. т зерна, т. е. меньше прошлого года на 2,27 млн. т и вдвое меньше 1940 г. С величайшим трудом заготовки хлеба проходили в Поволжье, на Урале и на Украине, которые вместе взятые недодали против плана 3,56 млн. т и уменьшили сдачу хлеба по сравнению с прошлым годом на 2,32 млн. т. Районы Сибири и Казахстана дали больше всех и выполнили план на 90%, т. е. больше чем в прошлом году на 1,21 млн. т зерна. Однако, своим зерном они не покрывали недостачи одной Украины, равной 1,36 млн. т. Совхозы всех систем к 1 декабря т. г. недодали до выполнения плана 160 тыс. т зерна, хотя и сдали больше прошлого 1945 г. на 52,8 тыс. т⁵¹.

Не все области Сибири могли справиться с планом. Колхозы Алтайского и Красноярского краев, Кемеровской, Томской и Новосибирской областей провели большую работу по обеспечению выполнения плана хлебозаготовок. В то же время исключение составляли Тюменская, Омская и Курганская области, в которых урожайность хлебов была несколько выше прошлогодней, но уборка и заготовки проходили медленно и в худших погодных условиях⁵².

Заместитель председателя Госплана СССР, член Совета по делам колхозов при правительстве СССР С.Ф. Демидов, информируя правительство о причинах невыполнения плана

заготовки зерновых культур, прямо сделал упор не на засуху и саботаж хлебозаготовок, а на неудовлетворительное состояние сельского хозяйства. Низкая агротехника в связи с необеспеченностью колхозов живым тяглом и плохим состоянием тракторного парка в МТС из-за его изношенности и недостатка запасных частей, все это поставило колхозы и совхозы в 1946 г. в полную зависимость от капризов погоды. Далее он писал, что в целях обеспечения хорошего урожая в 1947 г., надо начинать с наведения порядка в государственных заготовках путем установления стабильной нормы поставок, создания материальной заинтересованности колхозников в общественном труде. Сельскому хозяйству должна быть оказана государственная помощь и на ближайшие два-три года оно должно быть поставлено в условиях военных отраслей промышленности в военное время. Заместитель председателя Совмина СССР Микоян, получивший "наивную" записку Демидова, не придал ей значения, поскольку был полностью занят форсированием хлебозаготовок и пополнением государственных резервов⁵³.

Итоги противоборства с деревней не удовлетворяли центр. Во все концы полетела телеграмма Сталина и Жданова. В ней они обвиняли руководителей республик, краев и областей, не выполнявших план сдачи хлеба, в небольшевистском отношении к делу, в укрывательстве саботажников и расхитителей. "Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б), — говорилось в депеше, — располагают данными о том, что за последнее время участились случаи укрывания хлеба от сдачи государству и его расхищение. В ряде колхозов антигосударственные элементы тормозят обмолот и очистку зерна, загоняют много зерна в так называемые отходы, умышленно проводят некачественный обмолот, оставляя большое количество зерна в соломе, скрывают необмолоченный хлеб в скирдах, незаконно засыпают в семенные фонды зерно с производственных посевов и так далее, а местные партийные и советские организации, а также органы суда и прокуратуры сплошь и рядом проходят мимо этих преступных действий. Партийные и советские органы обязаны решительно пресекать все эти противоправные действия, разоблачать и судить укрывателей хлеба, воров и расхитителей, выявлять укрываемый хлеб и обеспечивать сдачу его государству"⁵⁴. Телеграмма давала "добро" на применение репрессий в отношении районных начальников, вплоть до секретарей райкомов партии и председателей райисполкомов. Они были ознакомлены с текстом послания.

Заготовки длились до конца 1946 г. и весь январь 1947 г. при всеобщей мобилизации партийно-советских структур и органов МВД и МГБ. Удельный вес хлебозаготовок от валового сбора в колхозах и совхозах достигал неслыханных разме-

ров. Процент изъятия заготовок, не считая закупок, от валового сбора в Куйбышевской области был равен 62, Пензенской — 74, Саратовской — 77, Сталинградской — 86. Свыше половины урожая вывезли на государственные элеваторы хозяйства Курганской, Ростовской, Рязанской, Ульяновской, Чкаловской, Крымской областей, Ставропольского края, Мордовской и Кабардинской АССР, Узбекской ССР. Колхозы и совхозы названных районов оставались до очередного урожая 1947 г. без продовольственного и семенного зерна. Из урожая зерновых культур 1946 г. государством было заготовлено 17,5 млн. т, т. е. 44% от валового сбора. По опубликованным данным ЦСУ в сравнении с предыдущим 1945 г. заготовки были на 2,5 млн. т меньше, а процент изъятия из валового сбора — выше⁵⁵. На наш взгляд, итоговая цифра заготовленного в 1946 г. хлеба была занижена. Есть основания предполагать, что при помощи продрозверстки государство взяло из деревни не меньше, чем в 1945 г. Иначе для чего потребовалось секретным постановлением Совмина СССР № 2319 от 17 октября 1946 г. срочно создавать дополнительно 3 тыс. временных глубинных пунктов для ускоренной приемки зерна в районах Урала, Сибири, Казахстана и центральных областей РСФСР. Всего в 1-й половине 1947 г. в Союзе насчитывалось 28,6 тыс. глубинных пунктов хранения зерна.

Из общего количества зерна 11,6 млн. т направили на внутренние нужды государства, остальные 5,9 млн. т поступили в госрезерв (4,8 млн. т) и на экспорт (1,1 млн. т). На 1 февраля 1947 г. в госрезерве было 10 млн. т хлеба, т. е. на 1,9 млн. т больше, чем в то же время 1946 г. На базах Министерства продовольственных резервов СССР было размещено 4,5 млн. т и на складах Министерства заготовок СССР — 5,5 млн. т.⁵⁶ Оба Министерства обязаны были раз в декаду докладывать в Совмин СССР об отгрузке хлеба на базы и его закладке в неприкосновенный государственный резерв. На 1 июня 1947 г. от 11,6 млн. т преходящий, т. е. неиспользованный остаток составлял 3,6 млн. т зерна, которое было переоформлено на целевые назначения очередного года⁵⁷.

3. Государственная инспекция по урожайности.

Промахи в проведении заготовительной кампании 1946 г. были по-своему учтены правительством. В следующем году контроль за колхозами и совхозами был усилен. В соответствии с решением февральского 1947 г. пленума ЦК ВКП(б) в МТС была введена должность заместителя директора по политической части. Партийными органами на эту работу были отобраны тысячи коммунистов, обладавших большим опытом партийной деятельности. Они должны были знать сельское хозяйство и интересоваться состоянием дел в колхозах. Перед

сельскими замполитами партий были поставлены конкретные задачи: "Если в колхозе дела идут плохо, если колхоз не выполняет своих договорных обязательств, надо призвать к порядку руководителей колхоза. Если отсталая часть колхозников нарушает дисциплину труда и тем самым наносит вред общеколхозному делу, надо не проходить мимо этих фактов, а бороться за их искоренение..."⁵⁸.

Этого было мало. Надо было взять колхозы и совхозы в клещи. С этой целью виновником провала заготовок 1946 г. было объявлено Центральное статистическое управление Госплана СССР во главе с В.Н. Старовским. В постановлении Совмина СССР от 3 февраля 1947 г., которое так и называлось "Об ошибках ЦСУ Госплана СССР в определении урожая зерновых культур в 1946 г. и мероприятиях по улучшению статистики урожайности", отмечалось, что данные ЦСУ об урожайности и валовом урожае зерновых культур 1946 г. являлись дефектными и заниженными. ЦСУ обвинялось в формально-бюрократическом подходе к отчетам по урожайности своих местных уполномоченных и верило их заниженным оценкам урожайности, тем самым якобы позволяло руководителям ряда областей и республик использовать эти оценки для оправдания невыполнения государственных планов хлебозаготовок и заявления претензий на оказание помощи продовольствием, фуражом и семенами. Далее в постановлении говорилось то, чего раньше в документах не называли: "...ЦСУ не учло того обстоятельства, что данные об урожайности являются орудием для борьбы мест с центром в таких острых вопросах, как определение размеров натуроплаты и скидок по обязательным поставкам. В октябре 1946 г. тов. Сталиным было обращено внимание на тенденциозное и политически вредное использование данных об урожайности зерновых культур руководством УССР для оправдания провала хлебозаготовок на Украине и тогда же им было запрещено пользование данными ЦСУ об урожайности до рассмотрения их Правительством... Занижение данных об урожайности объясняется главным образом зависимостью работников, определяющих урожайность, от гнилых местных влияний и отсутствием должного руководства их работой, а также недостаточной деловой квалификацией, определяющих урожайность, и их слабой политической подкованностью..."⁵⁹.

Правительством было принято решение об изъятии данных ЦСУ Госплана СССР об урожайности зерновых культур в 1946 г., как дефектных и заниженных, с запрещением пользования ими. Госплану СССР было поручено рассмотреть и утвердить исправленные ЦСУ на основе произведенной проверки и поступивших дополнительных данных среднюю урожайность и валовый сбор зерновых культур за 1946 г. в целом по СССР, а также по областям, краям и республикам. С фев-

раля 1947 г. до утверждения Совмином СССР или по его поручению Госпланом СССР, показатели урожайности сельскохозяйственных культур считались предварительными и пользоваться ими кому бы то ни было запрещалось⁶⁰.

Орудием борьбы с периферией стало вновь образованное Главное управление государственной инспекции по определению урожайности при Госплане СССР. На местах было организовано 420 межрайонных инспекций, за каждой из которых в среднем было закреплено 8-10 районов. Новому контрольному органу отводилась настолько важная роль, что 18 марта т. г. секретариат ЦК ВКП(б) утверждал поименно межрайонными инспекторами по определению урожайности демобилизованных политработников Советской Армии. Они являлись независимыми в своей работе от местных организаций, и последним запрещалось вмешиваться в их деятельность. Тем самым областные и районные руководители, председатели колхозов и директора совхозов связывались по рукам и ногам. Создание госинспекции подтвердило тот факт, что власти окончательно перестали доверять местному руководству. Все это обостряло противостояние государства не только с колхозами и совхозами, а со всей провинцией в целом, отбивало всякую заинтересованность производящих хлеб районов в повышении урожайности сельскохозяйственных культур. Государство давало понять производителям, что его теперь не устраивал план. Центр требовал все сполна, без потерь и расходов на всякие нужды⁶¹.

Несмотря на предварительные организационно-политические маневры, голод внес свои коррективы как в посевные, так и в уборочные работы 1947 г. Весенний сев был затянут до лета. В Чкаловской области на 1 мая план сева яровых был выполнен только на 12%, при том, что посевная была начата месяц назад. В одной из житниц Поволжья Ульяновской области к 5 мая было засеяно 26% запланированных площадей, в Пензенской — 21%. Среди организационных причин отставания часто называлось разногласие между МТС и колхозами, среди технических — ежедневное простаивание значительной части тракторного парка из-за поломок и несвоевременной доставки горючего⁶².

С 1 июня 1947 г. "Правда" и другие газеты последовательно и настойчиво публиковали письма Сталину от колхозников, работников сельского хозяйства и даже крестьян-единоличников Курской, Орловской, Псковской, Смоленской, Тульской, Костромской, Чкаловской областей, Марийской АССР и других с обязательством досрочно выполнить государственный план хлебозаготовок к 30-й годовщине Великого Октября⁶³.

Бурную деятельность развернуло новое союзное управление по урожайности во главе с Савельевым. В середине

июля т. г. специальным постановлением Совмин СССР утвердил представленные этим ведомством данные по урожайности зерновых культур в 1947 г. в колхозах и крестьянских хозяйствах по южным районам Украинской ССР и РСФСР, районам Средней Азии и Закавказья, южным районам Казахстана. По ним Госплан формировал объемы заготовок зерновых для общественных и личных хозяйств. С тех пор определенный свыше размер урожайности также становился обязательным для колхозов и совхозов. Этим как бы отрезались все пути к отступлению и никакие оправдания не принимались⁶⁴.

По доносам Савельева в июле и августе было принято два секретных постановления за подписью Сталина и Управляющего делами Совета Министров СССР Чадаева о фактах предоставления колхозами неправильных отчетов об уборке сельскохозяйственных культур. В первом из них говорилось, что при прямом попустительстве со стороны местных органов, отдельные председатели колхозов встали на путь сокрытия от государства фактических размеров урожая и снижения действительной урожайности в предоставлявшихся ими отчетах. В колхозе имени Сталина, Кзыл-Джарского сельсовета, Чимкентского района Казахской ССР урожайность по зерновым колосовым культурам была определена с участием агрономов в 5,1 ц с га, а при проверке госинспекцией по определению урожайности было установлено, что урожайность зерновых в этом же колхозе составляла 13 ц с га. Отделы сельского хозяйства Сталинского и Брюховецкого районов Краснодарского края снижали представляемые колхозами оценки урожайности на 1-3 ц с га⁶⁵.

В августовской справке Савельев сообщал о многочисленных фактах занижения урожайности колхозами и райотделами сельского хозяйства в Украинской ССР, Ростовской, Сталинградской, Воронежской, Саратовской, Куйбышевской и других областях. В занижении данных якобы были виновны также и райисполкомы. Госинспекторы не находили поддержки со стороны обкомов и облисполкомов, так как причиной занижения урожая считали одно лишь стремление колхозов и совхозов скрыть большие потери, безучетное расходование и расхищение зерна, при этом даже не упоминали необходимость отчислений зерна на личное потребление людей. Председатель Тамбовского облисполкома Кузнецов отклонил просьбу межрайонного госинспектора Кычанова о том, чтобы дать райисполкомом указание о недопустимости занижения урожайности, подкрепив свой отказ заявлением: "Зернышко-то ржи шупленькое..."⁶⁶. Правительство наоборот безоговорочно поддерживало инспекцию по урожайности. Сентябрьское пространное 4-х страничное постановление Совмина № 3180-1039-с требовало пресекать антигосударственную практику, строго наказывать лиц, виновных в занижении урожая и

любом расходовании зерна до выполнения планов обязательных поставок⁶⁷.

Уборочные работы 1947 г. проходили намного тяжелее чем в 1946 г. Голод удвоил число нетрудоспособных, а применение ручного труда возросло. Даже в передовых колхозах Минской области четверть посевных площадей жбиралась серпами, остальное — жнейками. Многодетные женщины обязаны были сжать по 1 га ржи. Вместе с детьми они выходили в поле⁶⁸. В очагах голода некому было убирать хлеб. В колхозах Молдавии, Украины, Северного Кавказа, Поволжья имели место многочисленные факты невыходов на работу и невыработки обязательного минимума трудодней. Зерно осыпалось на корню в ожидании хлебобобов. В силу этого были установлены многочисленные факты найма посторонних лиц для выполнения срочной работы. Колхозы заключали незаконные и кабальные договоры. Широкое распространение такая практика получала в Узбекской, Азербайджанской и других республиках⁶⁹.

Пропаганда не срабатывала так, как хотело правительство. Для того, чтобы хоть как-то заинтересовать хозяйства в уборке хлебов, 28 июля 1947 г. было опубликовано постановление об обеспечении колхозов собственными семенами для осеннего и весеннего сева начиная с урожая 1947 г. Но задачи одних планов расходились с установками других. План государственных хлебозаготовок из урожая 1947 г. был построен с явным желанием наверстать упущенное в 1946 г., а развернутое вскоре социалистическое соревнование за его перевыполнение вновь толкало местных руководителей к сдаче продовольственного и семенного зерна. В период с 10 октября по 10 ноября 1947 г. колхозами нескольких районов Рязанской области было сдано государству 1342 т продовольственного и семенного зерна⁷⁰.

В западных областях Украины, Белоруссии и в Прибалтике государственные заготовители хлеба в полном смысле слова грабили единоличные хозяйства. По отработанной в начале 30-х годов схеме правительство Украинской ССР 3 июня 1947 г. приняло постановление "О порядке заготовок сельскохозяйственных продуктов у кулацких хозяйств", которое через 3 дня было утверждено союзным правительством. Организаторы заготовок включали в списки кулацких хозяйств и облагали госпоставками по завышенным нормам всех середняков. Тех, кто сопротивлялся или не выполнял хлебопоставок судили по ст. 58¹ части II УК УССР и давали срок от 5 до 10 лет с конфискацией имущества. Люди жаловались на неправильное включение их в списки кулацких хозяйств, но рассмотрение жалоб оттягивалось до окончания хлебозаготовок. В Тернопольском облисполкоме к концу октября не было рассмотрено более тысячи таких жалоб, а в ноябре пострадавшие крес-

тьяне были вычеркнуты из списков кулаков. Это было сделано после применения всех видов репрессий. Наверх докладывали об этом как о перегибах на местах⁷¹. В 1946-1947 гг. с единоличников западных районов СССР таким способом взяли много хлеба, т. к. только в 6-ти западных областях Украины без Волынской, Станиславской и Закарпатской насчитывалось 981 тыс. хозяйств с 3,6 млн. человек населения в них⁷².

Склады и элеваторы были полностью забиты зерном. В этом смысле о многом говорит одна из телеграмм, направленных заместителю председателя правительства СССР Маленкову задолго до окончания хлебозаготовок 21 сентября 1947 г. из г. Куйбышева: "Докладываю... почтовый ящик № 118 по состоянию на 20 сентября загружен полностью... Принято 2900 вагонов с зерном, простоя нет. Начальник объекта — Гуляев"⁷³. В итоге государственные заготовки 1947 г. состояли из зерна взятого у колхозов, совхозов, единоличных хозяйств и остатка прошлого года, что в сумме равнялось 31,1 млн. т, из которых 19 млн. т было направлено на внутренние потребности страны, а остальное — в резерв и на экспорт. Переходящий остаток 1947 г. был вдвое больше прошлогоднего и составлял 7,16 млн. т зерна. С каждым годом заготовки возрастали. В 1948 г. в закромах государства без переходящего остатка 1947 г. имелось 23,8 млн. т зерна, т. е. на 4,8 млн. т больше предыдущего года и на 2,8 млн. т больше, чем в довоенном 1940 г. И это при том, что производство зерна в СССР в 1948 г. было на треть меньше чем в 1940⁷⁴.

Следовательно, в голодное время Советский Союз располагал достаточными запасами хлеба, но расходовался он в очень ограниченных количествах и лишь в исключительных случаях, с условием срочного восполнения. Нагнетание военной опасности, недоверие к колхозам и совхозам приводило к тому, что советское правительство чувствовало себя увереннее при наличии огромных скрытых и охраняемых запасов продовольствия, и, в первую очередь, хлеба. Пополнение резервов проводилось за счет изъятия в колхозах и совхозах и сокращения рыночных фондов для городов. Поступление зерна на внутренний рынок в 1947 г. по сравнению с 1946 г. сократилось в 1,7 раза. В результате хлеба выпекали в 3 раза меньше, чем в довоенном 1940 г.⁷⁵

4. Второй хлеб

Большим голодам предшествовало, как правило, совпадение неурожая зерновых и так называемого "второго хлеба" — картофеля. В годы войны 1941-1945 гг. и в послевоенное время в сельской местности особенно в колхозах, где люди не обеспечивались хлебом, а зерна, выдававшегося на трудодни, всегда не хватало до нового урожая, картофель употребляли в

пищу вместо хлеба. Без картофеля крайне плохо жилось горожанам, т. к. хлеба, выкупувшегося по карточкам, бывало недостаточно для поддержания жизни. Так что, второй хлеб часто занимал место первого.

В 1946 г. в целом по СССР средняя урожайность картофеля во всех категориях хозяйств составляла 73 ц с га, т. е. на 3 ц больше чем в 1945 г. и на 26 ц меньше чем в 1940. Несмотря на то, что урожайность картофеля в 1946 г. была чуть выше чем в предыдущем, валовый сбор получили на 2,6 млн. т меньше. При этом государственные заготовки картофеля в 1946 г. были на 62 тыс. т больше чем в предыдущем и составляли 4,5 млн. т, что было равно 53% от заготовок предвоенного 1940 г.⁷⁶

В голодную пору возрастала значимость подсолнечника и овощей (свеклы, моркови, лука, капусты, тыквы). Семья, имевшая в достатке эти продукты, могла дотянуть до лучших времен. Из семян подсолнечника давили масло, добавляли в вареные резанные овощи — получался винегрет. Из свеклы умудрялись гнать самогон, продавали или выменивали его на хлеб. Жмыхи и барда шли на корм скоту. Увы, набором названных овощей могли обладать только счастливицы, имевшие большие огороды и льготы по натуральным поставкам, но таких было очень мало. После войны производство подсолнечника было низким. В 1946 г. средняя по Союзу урожайность семян подсолнечника во всех категориях хозяйств составляла 2,6 ц с га, что было на 0,3 ц меньше чем в 1945 г. и на 4,8 ц, т. е. в 1,8 раза меньше чем в 1940 г. Относительно 1945 г. валовой сбор семян подсолнечника снизился на 52 тыс. т, по сравнению с 1940 г. — на 1,8 млн. т, т. е. в 3,3 раза. Государственные заготовки в 1946 г. немного превышали уровень 1945 г., но были в 2,8 раза меньше, чем в 1940 г. Если в предвоенном году заготовки составляли 57% от валового сбора семян подсолнечника, то в 1945 г. — 58%, в 1946 — 66%⁷⁷. Следовательно, семян подсолнечника оставалось в хозяйствах крайне недостаточно, в основном на посев.

Урожайность, валовой сбор и государственные заготовки овощей за годы войны так же сократились. В 1946 г. урожайность овощей снизилась по сравнению с предыдущим годом на 4 ц и составляла 54 ц с га, т. е. 50% от урожайности 1940 г. Валовой сбор снижался вслед за урожайностью и в 1946 г. был равен без малого 8,8 млн. т, что на 1,4 млн. т меньше собранного в 1945 г. Государственные заготовки овощей в 1946 г. были ниже чем в 1945 г. на 287 тыс. т и равнялись 1,5 млн. т. Всего в 1946 г. заготовки составляли 16,6% от валового сбора, что давало какой-то простор колхозам, совхозам и ЛПХ в использовании овощей по своему усмотрению⁷⁸.

Как видим, в те времена картофель и овощи служили спасательным кругом для подавляющего большинства народа.

Житель деревни как самый крупный производитель картофеля, старался полностью обеспечивать им свою семью и часть продавал на рынке, чем в значительной мере снабжал этим ценнейшим продуктом и своего собрата горожанина. Засуха 1946 г. захватила немалую часть картофелепроизводящих районов. Бывало, личных запасов граждан также не хватало до нового урожая. Тогда в ход пускались, как грызовые, подсолнечные, тыквенные и даже арбузные семечки.

Засушливый 1946 г. остро поставил проблему обеспечения кормами скота в общественных и личных хозяйствах. Летом т. г. угроза бескормицы создалась в областях Центрального Черноземья. По решению Совета Министров СССР Воронежская, Курская, Орловская, Тамбовская области направили более 35 тыс. колхозников на сенокосение и заготовку кормов в Астраханскую, Великолукскую, Брянскую, Новгородскую, Псковскую, Смоленскую и Чкаловскую области, Белорусскую и Карело-Финскую ССР. Эта работа проводилась в течение полутора месяцев. Часть командированных по причине плохого обеспечения питанием, одеждой и обувью самовольно или по болезни с разрешения врачей вернулась домой, остальные проработали до октября 1946 г.⁷⁹

Недостаток тягловой силы, несвоевременная и недостаточная подача железнодорожных вагонов задерживали отгрузку и доставку прессованного сена в пострадавшие области. Несмотря на трудности колхозники заготовили для своих областей десятки тысяч т сена, которое развозилось по областям в октябре-ноябре 1946 г. и позже. Это спасло от забоя десятки тысяч голов молочного скота, без которого многие семьи России едва ли смогли бы пережить голодные месяцы⁸⁰.

Тем не менее, для полного обеспечения скота кормами принятых мер было недостаточно. В 1946 г. во всех категориях хозяйств, подвергавшихся засухе, численность крупного рогатого скота сократилась на 1,5 млн. голов, свиней — на 2 млн., овец и коз — на 2,9 млн. В том же году в колхозах пало 1,2 млн. голов крупного рогатого скота и примерно столько же было забито для потребления и продажи. В преддверии голода в сельской местности возросло число бескоровных личных хозяйств. Примерно вдвое в ЛПХ колхозников сократилось наличие свиней, на 50% — коз⁸¹. В колхозах и совхозах умножилось число низкотоварных, мелких ферм с ограниченным поголовьем коров. В Тамбовской области в среднем на одну ферму приходилось только 6 коров, в Кировской — 7, в Пензенской — 8. Возросло количество колхозов совершенно не имевших маточного поголовья⁸².

Не только засуха и отсутствие кормов были причиной сокращения поголовья в общественных хозяйствах. Падеж скота допускался повсюду. Немалую роль при этом играли бесхозяйственность, кража кормов, плохой уход за скотом. По

такого рода причинам в колхозах Белоруссии в 1946 г. пало 65,7 тыс. лошадей, 10 тыс. свиней, 38,9 тыс. овец и коз⁸³. Очевидец подобных фактов на русском Севере, писатель Ф. Абрамов отмечал, что причиной падежа скота в таких случаях чаще всего записывали авитаминоз. Потеря конного тягла в обстановке острого недостатка, а порой и полного отсутствия автомашин и тракторов, незамедлительно сказывались на производительности труда в колхозах и совхозах. Большинство тяжелых работ производилось вручную. Поскольку мужчин было мало, то в борону или плуг чаще впрягались женщины. Память об этом осталась в многочисленных невеселых по содержанию и смыслу частушках. Вот одна из них:

“Девок много, девок много,
Девок некуда девать.
Как все лошади подохнут,
Девок будем запрягать”.

Сократилось поголовье крупного рогатого скота в том числе коров, свиней, овец в Алтайском и Красноярском краях, Новосибирской, Омской, Вологодской, Кировской, Чкаловской областях и Татарской АССР⁸⁴. Все это сказывалось тяжелейшим образом во время голода, посещавшего беднейшие общественные и личные хозяйства с частичным или полным отсутствием скота.

Таким образом, под прикрытием засухи, с помощью организованного “социалистического” соревнования по сдаче хлеба государству были проведены опустошительные заготовки и “закупки” хлеба в колхозах, совхозах, ЛПХ и единоличных хозяйствах крестьян. В результате чего государство реализовало свой антинародный план, а миллионы сельских семей были обречены на голод.

ГЛАВА II. ПОСЛЕВОЕННЫЙ УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАРОДА

1. На грани голода

Военная обстановка круто изменила жизнь людей. В предвоенные годы рабочие, колхозники, интеллигенция не были избалованы действительностью, но столь тяжелой, кровопролитной и длительной войны никто не ожидал. Шоковое состояние прошло не скоро. Мобилизация лишила народное хозяйство десятков миллионов трудоспособных граждан. Огромные средства направлялись на содержание постоянно растущей армии. Все расходы ложились на плечи советского тыла.

Подавляющее большинство народа восприняло войну как отечественную, справедливую. Каждый считал своим долгом внести посильную лепту в победу. Все обиды и претензии к государству были забыты. Даже то, что раньше считалось произволом и насилием, теперь стало укреплением дисциплины и соблюдением военного режима. Человек был поставлен в железные рамки. С ним не считались, его не щадили. Неисчислимы потери на фронте дополнялись ростом смертности от голода и болезней в советском тылу.

В годы войны уровень народного потребления постоянно понижался. Острая нехватка продовольствия была вызвана временной потерей больших, плодородных районов, ухудшением общего состояния сельского хозяйства и накоплением резервов. За годы войны производство продуктов питания сократилось: хлеба — в 2 раза, масла растительного — в 2,7 раза, мяса — в 2,2 раза, сахара — в 4,6 раза. Снижился выпуск промышленных товаров: обуви — в 3,3 раза, тканей — в 2,3 раза, мыла — в 3 раза⁸⁵. Несмотря на это, на протяжении всех военных лет наличие резервного зерна в государственных закромах было стабильным⁸⁶.

Экономия хлеба достигалась за счет сокращения выдачи его населению. Основной объем промтоваров и продовольствия шел на обеспечение армии. Введение нормированного снабжения населения ограничивало в несколько раз потребности в продовольственных и промышленных товарах. В связи с удлинением рабочей недели, ежедневными сверхурочными заданиями по военным заказам, заработная плата рабочих и служащих увеличивалась, а приобретение продуктов питания и промтоваров сокращалось. Услугами рынка пользовались при крайней необходимости, так как цены на товары были там не по карману. Рацион питания в лучшем случае состоял из картофеля, хлеба и крупы по норме. Многие и этого не ели досыта. Молоко, мясо, масло, сахар были крайней редкостью. Качество и калорийность продуктов питания, выдававшихся по карточкам, были низкими. Натуральное моло-

ко заменялось солодовым, мясо и рыба — субпродуктами, хлеб содержал много примесей⁸⁷.

Худо-бедно, рабочие и служащие получали норму хлеба по карточкам. Со временем, общая численность гражданского населения, находившегося на государственном снабжении хлеба, увеличивалась и составляла на декабрь 1942 г. — 61,8 млн. человек, 1943 г. — 67,7 млн., 1944 г. — 74 млн., 1945 г. — 80,6 млн. человек⁸⁸. На заводах, стройках, шахтах рабочие снабжались хлебом, сахаром или кондитерскими изделиями, “леденцами” по нормам 1-й и 2-й категории. Работники оборонной промышленности, отнесенные к 1-й категории специальными решениями правительства, получали 800 г хлеба и примерно столько же сладкого. По рабочей карточке 2-й категории получали на 200 г меньше. Соответственно, пониженная норма была определена для служащих, иждивенцев и детей до 12 лет. Дифференцировались также нормы выдачи мяса, рыбы, крупы и жиров. В ходе войны снижались нормы отпуска. Вводились специальные карточки на дополнительное питание для поощрения хорошо работавших. По решению директоров для перевыполнивших задания рабочих дополнительно отпускались продукты из подсобных хозяйств предприятий. Нуждавшиеся дети в садах и яслях получали усиленное питание, школьники получали хлеб и сахар к чаю⁸⁹.

Всего этого, конечно, не хватало для того, чтобы не заболеть и сохранить трудоспособность, поэтому спасение было в огородничестве. При Всесоюзном центральном совете профессиональных союзов СССР был создан Комитет содействия индивидуальному и коллективному огородничеству во главе с секретарем ВЦСПС Николаевой. В Москве, Ленинграде (ныне Санкт-Петербурге) и всех других городах с весны 1942 г. почти каждая семья, не имевшая огорода, смогла получить участок земли рядом с городом. В Ленинграде все, кто пережил голод, обрабатывали свой участок или трудились на коллективных огородах⁹⁰.

В тяжелом положении оказались жители сельской местности, не включенные в карточное снабжение продовольствием и промтоварами. Подавляющее большинство среди них составляли колхозники. Деревенские учителя, врачи, инвалиды войны, а также эвакуированные по мере возможности эпизодически обеспечивались пайком: хлебом или зерном, картофелем, крупой, солью, мылом, мануфактурой, обувью. Центросоюз пытался решить проблему своими силами, но дальше лаптей и обуви на деревянной подошве дело не продвигалось.

Колхозники оказались отрезанными от централизованного государственного снабжения и были полностью зависимы от своего хозяйства, огорода, рынка и обмена. За мясо, картофель, пшено они могли получить от горожан соль, мыло, одежду и проч. Возможности были на пределе, по той причине, что натуральная выдача по трудодням в колхозах со-

крашались, а госпоставки с ЛПХ забирали львиную долю произведившейся в хозяйствах продукции. Средний по Союзу рацион питания колхозника был скудным, состоял в основном из картофеля и овощей. Нередко случалось, что к маю-июню не оставалось и этого, тогда употребляли в пищу свекольный лист, лебеду, щавель⁹¹.

Несмотря на лишения, рабочие, служащие и колхозники участвовали во всех патриотических движениях по сдаче продовольствия в фонды обороны и Красной Армии, по сбору теплых вещей и подарков для бойцов и командиров, по сбору средств на вооружение, по подписке военных займов, покупке денежно-вещевой лотереи. Всего за 1941-1945 гг. в фонды обороны и Красной Армии поступило свыше 17 млрд. руб. деньгами и на ту же сумму — драгоценностей. За годы войны было выпущено 4 военных займа на общую сумму в 72 млрд. руб. Подписка на эти займы составляла 89,7 млрд. руб.⁹² Общая сумма внесенная в виде добровольных пожертвований деньгами, облигациями, ценными вещами, подпиской на военные займы и покупкой лотерейных билетов только трудящимися Сибири составляла примерно 15 млрд. руб.⁹³ Уместно привести высказывание В.И. Ленина о поведении людей в годы Гражданской войны в России: "Они шли на голод, холод, на мучения..., они создали тыл, который оказался единственно крепким тылом..."⁹⁴. В 1941-1945 гг. жертвенность народа была неизмеримо выше.

В 1945 г. авторитет Сталина и его команды был очень высок. Многие верили, что близок конец тяжким испытаниям, а кардинальное улучшение жизни казалось скорым и естественным. Победа над грозным капиталистическим противником, каким была гитлеровская Германия, укрепила утопические надежды на чудо. От этого угара людей не отрезвляла даже окружавшая их нищета и разруха. Финансы страны вышли из под контроля. Разрыв укрепившихся за годы войны экономических связей с Западом обострил кризис. Нормированная торговля и множественность цен на товары не способствовали укреплению курса рубля. В данной ситуации правительство практиковало повышение цен на продукты питания и промышленные товары, отмену льгот, увеличение налогов, расширение коммерческой торговли и выпуск новых займов. Сельское хозяйство не обеспечивало потребности населения в продуктах питания, а органы советской власти, под видом возвращения колхозных земель, отбирали у рабочих огороды, запахивали излишки земли у колхозников, душили налогами ЛПХ. По сути дела, сразу после войны в стране было положено начало экономике затягивания поясов, которая и привела к голоду 1946-1947 гг.

После войны заработная плата рабочих заводов, выпускавших в военное время специальную продукцию, снизилась в связи с сокращением трудовой недели и прекращением

сверхурочных работ. Среднемесячная зарплата рабочих на заводах и предприятиях г. Москвы, составлявшая в мае 1945 г. 680 руб., снизилась до 480 руб. На отдельных предприятиях сокращение оплаты труда было еще больше, примерно в 1,5-2 раза. На Краснопресненском силикатном заводе в I квартале 1945 г. она составляла 561 руб., а во II-м — всего 207 руб., на механическом заводе треста Мосжилстрой, соответственно, 510 и 320 руб. Зарботки уборщиц, вахтеров, истопников и других не менялись с 1937 г. и были на уровне 200 руб. в месяц, а минимум заработной платы, не облагавшийся налогами, был установлен в размере 150 руб. При зарботке в 200 руб. удержания составляли: по подоходному налогу — 5 руб., военному — 30 руб., за бездетность — 12 руб., заем — 20 руб. Итого — 67 руб. На руки выдавалось 133 руб.⁹⁵ Рабочие, имевшие огороды, платили в среднем 450 руб. за землю в год⁹⁶. По август 1945 г. включительно все работавшие продолжали оплачивать военный налог.

Значительная часть трудящихся получала на руки зарплату в размере недостаточном для оплаты стоимости нормированного питания и жилья. Одной из комиссий по проверке жалоб было установлено, что только расходы на 2-х и 3-х разовое питание в столовой, включая стоимость хлеба, оплату общежития, спецодежды, бани у молодого рабочего-одиночки составляли 250 руб. в месяц при средней зарплате в 200 руб. На некоторых крупных заводах тяжелой промышленности средний размер зарплат составлял за отдельные месяцы 65% от начисленного заработка, а 35% удерживалось по Госзайму. Крупных размеров достигали удержания из заработной платы за сделанный брак. Иногда рабочие в течение двух-трех месяцев оставались должниками завода⁹⁷.

В 1946 г. низкие зарботки болезненнее сказывались на бюджете рабочего, чем в предыдущие военные годы. В войну, получая натуральные поощрения хлебом, водкой, табаком и проч., рабочие использовали их не столько для личного потребления, сколько для реализации на рынке с целью приобретения необходимых продуктов. Если в войну пол-литра водки, полученной по талонам за 60 руб., оценивалась на рынке в 300-350 руб., то в послевоенные годы цена снизилась до 100-126 руб., 1 кг хлеба — 100 руб., а после войны — 40 руб.⁹⁸ В начале 1945 г. натуральные поощрения прекратились.

Непомерные испытания приходились на долю учащихся школ ФЗО, ремесленных училищ и их недавних выпускников, едва начавших трудовую жизнь. В г. Москве в общежитии школы ФЗО № 2 было грязно и холодно, питание плохое. Администрация при выдаче хлеба обвешивала учеников, недодавая по 15-20 г к каждой порции. Учащиеся голодали, болели. В г. Томске на заводе "Фрезер" Министерства станкостроения находилось 300 молодых рабочих, из них 84 человека не могли выходить на работу из-за отсутствия обуви и верх-

ней одежды. Завтраки и ужины в столовой завода стоили 8-9 руб. в день, а зарплата составляла не более 200 руб. в месяц. В общежитии завода № 756 Министерства резиновой промышленности проживало 83 подростка. Помещение не отапливалось, окна без стекол, в комнатах замерзала вода, всюду была грязь. Мыло не выдавалось и среди молодежи отмечалась завшивленность и высокая заболеваемость⁹⁹.

Во втором полугодии 1946 г. обеспечение трудящихся продуктами питания резко ухудшилось. Засуха в зерновых районах, невыполнение плана хлебозаготовок и нежелание правительства расстаться с запасами усилили и без того строгий государственный режим экономии хлеба. С пайкового снабжения хлебом было снято большинство людей, проживавших в сельской местности, а тому, кто оставался на пайке, не выдавали норму на иждивенцев и детей. По мере нарастания трудностей сокращение снабжения людей хлебом продолжалось. В этом и выражалась сущность режима экономии хлеба в стране. С начала 1947 г. на снабжении хлебом оставалось на 1/4 населения меньше, чем в конце войны, а сельского населения — в 4 раза меньше. Государство отказывало в хлебе примерно 28 млн. человек, половину из них составляли старики и дети. С карточного снабжения снималась сельская интеллигенция. Одновременно были урезаны пайки для отдельных категорий рабочих, а также уменьшены фонды коммерческой торговли хлебом и крупой. Как всегда не бралась в расчет колхозники, а всего не обеспечивалось хлебом около 100 млн. человек, т. е. 58% населения СССР¹⁰⁰. Правительство считало, что эти люди могли пережить трудное время за счет огородов и своих подсобных хозяйств. Но, как известно, в районах засухи посевы на личных участках тоже выгорели, а поголовье скота в ЛПХ сильно сократилось из-за бескормицы.

Большие трудности испытывали рабочие совхозов. Площадь огородов у них ограничивалась. Размер хлебного пайка с начала 1947 г. постоянно сокращался. Заработная плата у трактористов в зимние месяцы снижалась с 356 руб. до 256 руб., у комбайнеров — с 411 руб. до 305 руб. в месяц. Много меньше зарабатывали в совхозе скотники, доярки и телятницы. Работники всех категорий в 1947 г. получили за год на 1 тыс. руб. больше чем в 1946 г. главным образом за счет хлебных надбавок, но это не могло компенсировать роста цен. Маленькая зарплата была у сезонных и временных рабочих — 260-270 руб.. Директора совхозов и их заместители получали примерно столько, сколько зарабатывали ударники труда — от 800 до 900 руб. в месяц¹⁰¹. Со времен 1 пятилетки оплата труда рабочих зерновых и животноводческих совхозов была выше, чем в остальных, но и она никогда не превышала среднемесячной зарплаты промышленного рабочего¹⁰². После войны этот разрыв увеличился за счет понижения размера оплаты труда в совхозах. Зарботки рабочих совхозов были низ-

кими и в среднем в 2,4 раза уступали заработкам рабочих МТС. К тому же выдача заработной платы в совхозах нередко задерживалась. На 1 октября 1953 г. в совхозах союзного подчинения Министерства совхозов СССР задолженность по заработной плате составляла 11,4 млн. руб.¹⁰³

Особенно тяжелое положение населения было на территории подвергавшейся вражеской оккупации. Приведем отрывок из докладной записки министра совхозов Белорусской ССР Крупень в союзное министерство в начале 1947 г.: «Материальный уровень рабочих очень низкий. Многие рабочие... живут в землянках, испытывают недостаток питания. В ряде совхозов положение с одеждой и обувью настолько тяжелое, что отдельные рабочие избегают встреч с посторонними людьми... Землянки пришли в ветхость, в отдельных случаях грозят обвалом, заливаются водой, и это приводит к серьезным заболеваниям рабочих»¹⁰⁴.

Государственный режим экономии хлеба испытывали на себе сельские медики, учителя и даже милиционеры. У них снимали со снабжения хлебом и продовольствием нетрудоспособных членов семей и детей. В тех районах, где фонды хлеба иссякали, их первыми лишали снабжения и урезывали пайки. В милиции зарплата была выше. Участковый уполномоченный — офицер милиции получал 440 руб., включая надбавку в связи с повышением цен на продукты, рядовой милиционер — 330 руб. В январе 1947 г. за них заступился министр внутренних дел СССР Круглов. Он обратился к Сталину и попросил не снижать им хлебный паек и обеспечивать хлебом по нормам сельской местности их иждивенцев и детей¹⁰⁵.

Зарплата медицинских работников и учителей была примерно в 2 раза ниже, чем у рядового милиционера. Нередко они оказывались без пайка и денег. Колхозно-совхозное начальство считало, что их должны обеспечивать районные учреждения, а те наоборот отсылали в общецентральные хозяйства, где располагались больницы и школы. Поданные сельской интеллигенцией заявления и жалобы о плохом обеспечении месяцами лежали в исполкомах без движения. Только 12 апреля 1947 г. в ответ на многочисленные обращения Совет министров РСФСР принял постановление № 277 «О мерах по улучшению материально-бытового положения учителей», которое предлагало местным властям обеспечивать снабжение учителей, их детей и нетрудоспособных иждивенцев, а также учителей-пенсионеров хлебным пайком по установленным нормам. Области, края и республики не располагали такими возможностями. Об этом 16 июня 1947 г. сообщил заместителю председателя Совмина СССР Косыгину председатель исполкома Рязанского областного совета депутатов трудящихся Рыжов: «...Ввиду того, что фонды хлеба, отпускаемые области по селу в количестве 13 тыс. пайков недостаточны, мы не можем обеспечить детей и нетрудоспособных иждивенцев учите-

лей в количестве 12,8 тыс. человек. Просим увеличить лимит для снабжения хлебом по сельской местности на указанное количество людей¹⁰⁶. Косыгин посоветовал ему изыскивать возможности за счет экономии пайков в городах.

После засухи и хлебозаготовок 1946 г. во многих колхозах страны оплата трудодней колхозникам не производилась или носила формальный характер. В целом по СССР 75,8% колхозов выдавали на трудодень меньше 1 кг зерна, а 7,7% — вообще не производили оплату зерном. Расчет с колхозниками по зерну в 1946 г. был хуже, чем в военном 1943 г. — самом тяжелом для сельского хозяйства. Не лучше обстояло с выдачей денег: 37,5% колхозов выдавали на трудодни не более 60 коп., а 29,4% — совсем ни копейки. На одного наличного члена колхозной семьи в 1946 г. было получено по трудодням зерновых на 40% меньше, чем в довоенном 1940 г., картофеля — в 4 раза меньше, денег — в 3 с лишним раза меньше. Особенно низкой была денежная оплата трудодня в колхозах Центра, Поволжья, Севера, Северо-Запада России и БССР. Например, в Саратовской области в 1946-1947 гг. трудодень оценивался в 13 коп.¹⁰⁷ Один трудоспособный мужчина зарабатывавший 500 трудодней в год, при средней оплате трудодня в 30 коп. мог получить не больше 150 руб. за год.

Мы привели усредненные общесоюзные данные, которые полностью не отражают действительность. В отдельных республиках положение с оплатой трудодней обстояло значительно сложнее. В колхозах России, Украины, Белоруссии, Молдавии средняя выдача по трудодням основных продуктов питания была много ниже общесоюзного уровня¹⁰⁸. За средними цифрами часто скрывались те хозяйства, в которых заработанное зерно, картофель, деньги вообще не выдавались людям. В РСФСР в 1946 г. 20,7 тыс. колхозов, т. е. 13,2% от их общей численности не выдавали зерно по трудодням. В Воронежской области таких колхозов было 45,9%, в Орловской — 51,4, Курской — 64,4, Тамбовской — 72%¹⁰⁹.

В послевоенные годы недостаток продуктов питания и денег в семье колхозника в основном компенсировался за счет ЛПХ. Надежд на общественное хозяйство было мало, поэтому на приусадебном участке площадь под зерновыми в 1946-1947 гг. достигала самых крупных размеров за все 40-е, в том числе и военные годы. В Грузинской и Туркменской ССР посевы зерновых занимали до 80% всей площади ЛПХ колхозника, в России — до 15%, так как размер участка не позволял больше. В среднем по СССР до 40 кг зерновых на душу наличного населения поступало от ЛПХ, т. е. в 2,8 раза больше, чем до войны. Как ни важны были посевы зерновых в жизни колхозной семьи, а основное место на участке отводилось картофелю, потому что с того же отрезка земли получали в десятки раз больше продукции. В 1946 г. приход картофеля на каждого члена семьи сократился относительно 1945

г. на 20 кг и составлял не более 400 кг в год. Поступление молока сократилось с 223 до 210 литров¹¹⁰.

Конечно, основная доля этих продуктов шла на питание семьи и нужды хозяйства. Вместе с тем, сильно возрастали обязательные поставки государству, продажа государственным и кооперативным организациям и на рынке. В 1946 г. отчуждение продуктов сельского хозяйства на душу наличного населения по обязательным поставкам в % к приходу зерна составляло более 12%, картофеля — 2,8%, мяса и сала — 15,3%, молочных продуктов — 5,7%, яиц — 14,6%. На рынке продавалось зерна 2,8%, картофеля — 4%, мяса и сала — 15%, молочных продуктов — 2,8%, яиц — 15,8%. Прямой продуктообмен был предпочтительнее для населения. С ростом трудностей меновая торговля в городе и деревне усиливалась и плохо поддавалась учету¹¹¹.

После войны военный налог был отменен, зато ежегодно возрастали натуральные и денежные государственные налоги с колхозников. С соответствием с постановлением Совета Министров СССР от 16 октября 1945 г. поставки по обязательствам и налогам распространялись на всех граждан ранее пользовавшихся льготами, а по приказу Министерства заготовок СССР хозяйства погибших красноармейцев наравне с другими облагались зернопоставками. Для большинства людей это было как снег на голову. О повышении сельхозналога и госпоставок узнавали от налоговых агентов. Летом 1946 г. было принято постановление Совмина СССР № 1439 "Об изменении средних норм доходности для определения облагаемого сельскохозяйственным налогом дохода крестьянских хозяйств". В РСФСР нормы доходности с одной коровы возрастали на 1 тыс. руб. больше, чем в Казахстане и Киргизии. Значительно повышались нормы доходности с одной сотой га земли и с каждой головы скота.

Налоги были непосильными в первую очередь для многодетных вдов, престарелых колхозников, семей инвалидов войны и труда. Отдел писем Верховного Совета СССР был завален жалобами и заявлениями граждан. Для убедительности приведем отрывок из заявления П.М. Соловьевой из деревни Чистоферово Угличского района Ярославской области: "Я имею на иждивении 5 человек детей и большую мать. Мой муж погиб на фронте. В 1946 г. мне довели госпоставку в 130 л молока. Если уплатить, значит отказать детям в последнем питании... В 1945 г. я заработала в колхозе 490 трудодней и за них получила по 300 г зерна и 1 кг картошки... Семью прокормить невозможно. Прошу не отказать в моей просьбе, прислать скидку на молоко"¹¹².

Письма без конвертов, сложенные по-солдатски в треугольник, поступали из Архангельской, Иркутской, Кировской, Северо-Казахстанской и других областей в Совет по делам колхозов при правительстве. Многие верили в то, что этот

орган был создан для защиты интересов колхозов и колхозников. В 1947 г. Совет получил 40957 писем и принял 1126 ходочков¹¹³. Люди сообщали, что не способны оплачивать налоги, за полным неимением средств. Никому пощады не было, так как именно за счет деревни планировалось улучшение обеспечения городов и создание резервов для отмены нормированной торговли. За неуплату в срок налога и поставок направляли дела в суд, приговаривали к крупным денежным штрафам до 3 тыс. руб. и выше. У тех, кто не имел никакого иного имущества или денег в уплату недоимок продавали корову или любой другой скот¹¹⁴. «Поставки по обязательствам и налогам начислены правильно», — таким был ответ с мест на запрос из Верховного Совета СССР о принятых мерах по жалобам потерпевших за недоимки¹¹⁵.

Принципиальная налоговая политика в отношении всего населения являлась важным условием исполнения государственного бюджета. В докладе Министра финансов РСФСР Сафронова на заседании Верховного Совета РСФСР 21 июня 1947 г. освещалось поступление средств от населения: «... В 1946 г. налоговые платежи поступали в бюджет РСФСР полностью. Однако во Владимирской, Пензенской, Тамбовской и Чкаловской областях государственные задания по налогам не были выполнены ни в одном квартале. В 1947 г. выполнение плана по налогам в Пензенской области улучшилось. В остальных из перечисленных выше областей улучшения в налоговой работе до сих пор нет, на что должно быть обращено внимание исполкомов и финорганов»¹¹⁶. План по налогам после утверждения Верховным Советом РСФСР являлся законом, поэтому правительство России принимало самые решительные меры для обеспечения его выполнения.

2. Операция с государственными займами

В первые послевоенные годы усилилось фактически принудительное распространение государственных займов среди населения города и деревни. По существу это был крупный денежный налог. За время голода в СССР было выпущено два займа восстановления и развития народного хозяйства на общую сумму около 45 млрд. руб., что составляло половину суммы 4-х военных займов 1942-1945 гг.¹¹⁷ Первый заем проводился накануне голода в 1946 г. и по сути дела ускорил его пришествие, т. к. забрал большое количество денег у населения. Второй заем усилил воздействие бедствия, так как был реализован в самый разгар голода. В постановлении Совмина СССР от 4 мая 1947 г. кратко была сформулирована цель займа — дальнейшее привлечение средств населения на финансирование хозяйственного и культурного строительства. Передовая «Правды» завершалась призывом: «Ни одного трудящегося без облигаций нового займа... Подписка проводится

под лозунгом “Трех-четыре недельный заработок — займы государству”¹¹⁸.

Мероприятие было организовано как социалистическое соревнование в предельно сжатые сроки. Второй послевоенный займ, выпущенный 4 мая 1947 г. на сумму 20 млрд. руб., был размещен уже к исходу дня 5 мая того же года на 20 млрд. 258 млн. руб. “Правда” за 7 мая т. г. под заголовком “Блестящий успех нового займа” давала любопытные факты: “В 1945 г. за первые сутки после начала подписки заем был реализован в размере 83%. В 1946 г. за такой же срок заем был размещен в размере 94%. В нынешнем году в течение суток заем был размещен на 101,3%. Это подлинный триумф советских государственных займов. Ни одно зарубежное государство не знало и не знает подобных примеров”¹¹⁹. И действительно, не всякое государство решилось бы на реализацию займов волонтаристскими методами во время массового голода в стране. Это был очередной незаслуженный “подарок” народу от советского руководства к дню Победы.

Газеты и радио были переполнены агитационным материалом в поддержку займа. В печати важно было показать успех размещения облигаций в Москве, поэтому “Правда” сообщала, что трудящиеся столицы дали займу государству на 385 млн. руб. больше установленного плана. Слесарь-сборщик автозавода им. Сталина тов. Васильев при заработке в 600 руб. подписался на 1500 руб. Стерженщица завода “Машиностроитель” тов. Мишукова при том же заработке подписалась на 1000 руб. Работники президиума Академии наук СССР дали займы государству 2926 тыс. руб.¹²⁰

Активность колхозников также была показана на примере Московской области, где к 12 часам дня 5 мая намеченная к реализации сумма подписки на заем была превышена. Колхозники внесли наличными около 30 млн. руб. В колхозе “Победа” Дмитровского района той же области по радио узнали о выпуске нового займа, а через два часа в 80 хозяйствах было собрано свыше 60 тыс. руб.¹²¹ Публиковались репортажи из районов голода. В колхозах Ростовской на Дону области подписка на заем также была завершена 5 мая. Вскоре после митинга в колхозе им. Буденного Целинского района колхозная подвода направилась в районный центр. Представителями колхоза было сдано в государственный банк 140 тыс. руб. Вся сумма подписки была внесена колхозниками наличными деньгами¹²².

К 9 мая 1947 г. колхозники, рабочие совхозов и одиночники внесли по подписке на заем 2186,8 млн. руб., т. е. на 189,6 млн. руб. больше, чем в то же время 1945 г. Отдельно дана информация корреспондента “Правды”, фамилия которого не называлась, об успехе займа в Молдавии, где на 8 мая подписка составляла свыше 108 млн. руб. Большинство рабочих и служащих подписывались на месячный заработок. Кол-

хозники и единоличники дали займы государству более 25 млн. руб.¹²³

Во всех республиках, краях и областях подписка на заем к 10 мая превышала все плановые нормы: по РСФСР она составляла — 111% намеченной суммы, по Украинской ССР — 105%, по Белорусской ССР — 111,7%, по Казахской ССР — 111,3%, по Молдавской ССР — 112,7%. Колхозники и единоличники совсем немного уступали в сверхплановом размещении займа рабочим и служащим¹²⁴.

Возможно, экспроприация пролетариев продолжалась бы и дальше, но 11 мая того года “Правда” на 1-й полосе на самом видном месте поместила сообщение Министра финансов СССР А.Г. Зверева о перевыполнении подписки на 2-й государственный заем. На основании указания Совмина СССР Минфин СССР дал распоряжение прекратить повсеместно с 11 мая 1947 г. дальнейшее размещение займа¹²⁵. Дело было сделано. Правительство хорошо знало, что с народа взять больше нечего.

Четыре с лишним десятилетия спустя мы смогли узнать секрет скоростной реализации госзайма 1947 г. Кировский обком ВКП(б) и облисполком совместным решением от 26 февраля 1947 г. не только разрешили заранее провести подготовку средств для досрочной оплаты подписки на заем, но даже утвердили и довели до районов пятидневный график сбора денег. К противоправному делу, проводившемуся задолго до опубликования закона о выпуске займа, были причастны Министерство финансов РСФСР и СССР. Всего с этой целью в течение марта-апреля 1947 г. с колхозников было взято около 36 млн. руб. Жалобы людей на произвол местных властей дошли до ЦК ВКП(б), поэтому 13 июня т. г. Оргбюро ЦК партии большинством голосов осудило неправильную тактику Кировского обкома ВКП(б) по предварительному сбору денег для оплаты подписки на заем. Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) без упоминания Министерств финансов РСФСР и СССР было разослано обкомам, крайкомам ВКП(б) и ЦК компартий союзных республик¹²⁶. Вот так, вместо помощи голодавшим колхозникам, проводился досрочный сбор денег с населения для подписки на заем в 1947 г.

Сохранившиеся в архивах письма трудящихся поведали нам о других тщательно скрывавшихся, неприглядных подробностях истории с голодными займами. Обобранные и оставленные без всякой помощи люди перед угрозой гибели стали обращаться во все инстанции вплоть до правительства с просьбами вернуть деньги, взятые у них государством займы при размещении займов. Десятки тысяч людей предъявляли в сберкассы, банки и другие финансовые органы требования обменять имевшиеся облигации на деньги. Антязаймовое движение получило широкое распространение в народе в мае 1947 г., т. е. именно тогда, когда печать и радио трезвонили о

том, как единодушно рабочие, колхозники и интеллигенция откликнулись на призыв правительства помочь государству.

Сберкассы и банки не соглашались принимать у населения облигации займов в обмен на деньги. Местные и даже республиканские власти не могли решить вопрос о приемке облигаций и выдаче денег. Самых настойчивых просителей направляли в Верховный Совет СССР. Десятки писем на эту тему ежедневно регистрировались в приемной Президиума Верховного Совета СССР. 6 мая 1947 г. на имя председателя Президиума Верховного Совета СССР Н.М. Шверника было получено заявление от колхозницы Н.И. Богачевой со станции Избердей Покровского сельсовета Тамбовской области. Она сообщала: "...Моя семья состоит из восьми человек, в том числе шестеро детей. Муж — инвалид II группы. Мы работали в колхозе 600 трудодней. В связи с засухой на трудодни ничего не получили. В настоящее время семья голодает. Дети лежат в постели опухшие под угрозой смерти. Обращалась в сельсовет за помощью, но ничего не получила. Прошу Вас спасти детей от гибели и разрешить заменить имеющиеся у нас облигации на наличные деньги в сумме 3 тыс. руб., чтобы купить на них продукты питания"¹²⁷.

Не только колхозники обращались за помощью, о том же просили рабочие, фронтовики, инвалиды с разных концов Союза, в основном все многодетные. Рабочий С.Д. Рыбаков из г. Рошаль Московской области сообщал, что в его семье пятеро детей. С января 1947 г. личные вещи выменивали на продукты питания. Он просил выдать 7 тыс. руб. денег за имеющиеся у него облигации, что позволило бы купить семенной картофель на посадку и просуществовать самые трудные месяцы до нового урожая¹²⁸.

Если не к пепелищам, то к разрушенным за годы войны хозяйствам возвращались к мирному труду фронтовики. "Для восстановления моего хозяйства прошу Вас разрешить замену облигаций на деньги по их стоимости, так как я и моя семья дали займы стране 26 тыс. руб." — писал М.М. Афанасьев, проживавший в Арослановском совхозе Мелеузовского района Башкирской АССР¹²⁹.

Очень тяжело приходилось пожилым и одиноким людям, каких после войны было очень много. Сохранилось письмо Швернику от пенсионера по старости, инвалида Н.Е. Бублей из станции Лабинской (ул. Революционная, дом 158) того же района Краснодарского края: "Имея от роду 73 года, проработав 55 лет, теперь не получаю ни хлеба, ни продуктов. Пенсия — 150 руб. в месяц, имею на своем иждивении мать умершей жены. Находясь в крайне тяжелом положении, болея и голодая, я обращался к Министерству финансов СССР с просьбой разрешить мне продать райсберкассе по нарицательной стоимости свои облигации государственного займа на сумму 2340 руб., но от главного управления Гострудсберкассе

получил ответ, что это “не представляется возможным”. На основании Статьи 120 Конституции СССР и будучи в безвыходном положении, я прошу вашего распоряжения возвратить мне данные займы государству деньги, что может спасти меня и мою семью от голодной смерти. Кроме того, прошу вашего содействия о помещении нас обоих в один из домов для престарелых”¹³⁰.

подавляющее большинство прошений получали отказы. На некоторых была резолюция “Отложить”, на единичных — “Обследовать”. Из итогов обследования часто выходил стандартный ответ: “Удовлетворить Вашу просьбу не представляется возможным”. В исключительных случаях приемная Президиума Верховного Совета СССР по своей инициативе пересылала заявления в Министерство социального обеспечения соответствующих республик для рассмотрения на предмет оказания помощи по социальной линии. Не принимая отказа, люди писали во второй и третий раз, не дождавись ответа, ехали в Москву, пробивались на прием к Швернику. Из тех, кто попадал к нему, далеко не все решали вопрос положительно. Из стенограммы бесед Шверника с гражданами с 3 апреля по 14 мая 1947 г. видно, что только в двух случаях ходатайство с его личной резолюцией о разрешении получить деньги за облигации было направлено в Министерство финансов СССР. Таким путем после долгих мытарств двое советских людей получили в центральной сберкассе № 1565 г. Москвы за свои облигации — один 800, другой — 1000 руб. деньгами¹³¹.

3. Голодный рынок

Налоги и займы “съедали” до 30-40% зарплаты, опустошали скудный бюджет сельских жителей. Полное безденежье — самая характерная черта существования человека в те годы. При остром дефиците товаров и постоянном росте покупательная способность граждан приближалась к нулю. Не хватало средств, чтобы выкупить пайковые продукты питания и промтовары в государственной торговле, а дорогой коммерческий сектор или особая торговля были вообще недоступны большинству людей. На среднюю в 500 руб. зарплату рабочего можно было купить в таком магазине железное оцинкованное корыто, а комплект для новорожденного стоил вдвое дороже. Высокие цены на товары коммерческих магазинов устанавливались сверху, поэтому вызвали ослабление спроса, снижение прибыли. Рыночные цены на те же товары бывали ниже коммерческих. В магазине галоши стоили 700 руб. за пару, а на рынке — 500 руб. и ниже, катушка ниток, соответственно, — 30 и 20 руб. Увеличение поступления промтоваров в торговую сеть приводило к дальнейшему разрыву между предложе-

нием и спросом. Магазины так называемой особой торговли затоваривались¹³².

Тогдашний министр торговли А.В. Любимов много лет спустя писал, что коммерческие и особые магазины предназначались для высокооплачиваемых групп населения — работников науки, техники, искусства и литературы, лиц высшего офицерского состава и их семей. С тем, чтобы они, имея средства для приобретения товаров сверх положенных по нормам, не обращались бы к услугам рынков, а получали возможность полнее удовлетворять свои запросы в культурных торговых предприятиях¹³³. Как показывала практика, писатели, академики и генералы предпочитали дешевые рынки культурным, но дорогим магазинам.

Министерство торговли СССР снизило цены в особой коммерческой торговле, чтобы приблизить их к рыночным, но желаемого результата не получилось. По-прежнему, рыночные цены были ниже. На этот счет сохранились высказывания покупателей: “Яйца на базаре стоят 70 руб. за десяток, а здесь 100 руб. — дорого”, “Говорят цены снизили, товаров стало больше, а метр мануфактуры купить нельзя”, “В коммерческих магазинах всего много, а по карточкам не выдают ни муки, ни сахара”¹³⁴.

В начале сентября 1946 г. пайковые цены на хлеб в государственной торговле были повышены в 2 раза. Новая цена ржаного хлеба составляла в среднем 3 руб. 40 коп. за 1 кг, пшеничного — 5 руб. Повышение цен вызывало возмущение рабочих промышленных предприятий. На общих фабрично-заводских собраниях они выражали свое несогласие с этой мерой правительства. На Московском заводе № 37 Министерства транспортного машиностроения рабочие спрашивали: “Почему мы продавали хлеб Франции, Польше, Финляндии и другим странам, когда у нас его не хватает?”; “Почему повышены цены на хлеб, лучше бы на другие продукты повысили, мы их все равно не получаем”¹³⁵. Болезненно реагировали на повышение пайковых цен многодетные, потерявшие мужей на фронте, женщины: “Как пережить трудности, когда не хватает денег на то, чтобы выкупить хлеб?” (Петрова, работница, г. Москва); “Раньше мне было тяжело, но я имела надежду на продкарточки с низкими ценами, а теперь придется голодать” (Зайцева, работница, г. Москва)¹³⁶.

Рабочие отказывались от дорогостоящих завтраков и обедов в столовых, от диетического питания стоимостью в 400-450 руб. в месяц на одного человека. В школах дети не могли покупать подорожавшие завтраки, состоявшие из булочки и конфеты общей стоимостью в 1 руб. 05 коп. По г. Москве количество школьников, прекративших покупку завтраков, составляло 16 сентября 1946 г. 32,4 тыс. человек, 17 сентября — 53,6; 18 сентября — 71,1 тыс. человек из общего числа в 549 тыс. школьников¹³⁷. В связи с этим во многих

московских школах была введена продажа белого и черного хлеба с сахаром. В некоторых школах стоимость завтраков оплачивали профсоюзы. Впоследствии порядок продажи хлеба и сахара был распространен на ряд школ других городов Союза. По рассказам тех, кто в то время учился в школе, первые два урока они не могли разобрать о чем говорил учитель, так как ждали большой перемены, чтобы получить и съесть свой завтрак — чай с хлебом.

Перебои в обеспечении городов хлебом нарастали, поэтому 3 ноября 1946 г. Совмином СССР было принято постановление “О создании неснижаемого запаса муки для хлебопечения в 50 городах”. Кроме 16 столиц союзных республик, в список таких городов вошли лишь некоторые областные и краевые центры, а в основном в него попали районные города военно-стратегической значимости. Города Горького в списке не было, а г. Дзержинск Горьковской области был. Город Ленинград значился на 15-м месте, а на 1-м месте стоял город Березники, Молотовской области. В постановлении были исключительно широко представлены небольшие по тому времени города Урала: Златоуст, Карпинск, Кизел, Копейск, Краснотурьинск и др. Во всех, включенных в постановление городах, должен был создаваться неснижаемый 5-дневный запас муки для хлебопечения¹³⁸. Несмотря на это, многие из особо выделенных правительством городов испытывали постоянные затруднения в обеспечении людей хлебом.

Для сельчан первостепенное значение имели промысловая и сельская потребительская кооперации. Возможности для кооперативной торговли на селе были очень ограничены в связи с тем, что государство почти не обеспечивало ее готовыми товарами, а также сырьем для их изготовления на месте. Преодолевая трудности промысловая кооперация поставляла деревенскому жителю железные ведра, лопаты, вилы, серпы, шорные и гончарные изделия и проч. Как промысловая кооперация, так и сельпо стремились налаживать производство товаров широкого потребления своими силами. Труднее всего приходилось сельской потребкооперации, которая только в годы войны приступила к созданию своих подсобных хозяйств с животноводческими фермами и посевами зерновых и прочих культур.

После войны самообеспечение кооперации становилось еще более актуальным. Подтверждением тому было постановление Совмина от 9 ноября 1946 г. “О развертывании кооперативной торговли в городах и поселках продовольствием и промышленными товарами и об увеличении производства продовольствия и товаров широкого потребления кооперативными предприятиями”. Постановление способствовало оживлению кооперативной торговли. По сообщению “Правды” за 8 месяцев после его принятия в России было открыто 3914 магазинов, палаток, ларьков. Торговля велась товарами широ-

кого потребления и пищевыми продуктами. В магазинах можно было приобрести хозяйственную посуду, швейные изделия, мебель, галантерею, культтовары. В основном торговля охватывала рабочих и служащих, вместе с тем уделялось внимание обслуживанию села. В период весенних полевых работ магазины и палатки Ставропольского края продали колхозникам на 3,2 млн. руб. различных шорных и гончарных изделий, мыла и других товаров. В Краснодарском крае колхозникам было продано товаров на 4,5 млн. руб. В Курскую область направили для продажи упряжи, телег, серпов, лопат и другого на 4,6 млн. руб. Тысячи железных ведер, лопат, вил отправили для продажи колхозникам промысловые артели Чкаловской области. В первом полугодии 1947 г. магазины, палатки и ларьки промысловой кооперации РСФСР продали различных товаров на 1 млрд. 94 млн. руб.¹³⁹ Не все было так хорошо, как об этом сообщалось в газетах, но в условиях острого товарного дефицита и это имело значение, хотя серпы, лопаты и вилы не могли заменить продукты питания.

В некоторых регионах нарушения в организации закупки сельскохозяйственных продуктов и сырья приводили к повышению цен как на рынках, так и в кооперативной торговле. Причиной была закупка сырья и сельскохозяйственных продуктов не в сельских, глубинных местностях, у колхозников и крестьян, а на рынках областных и районных городов. В Татарской АССР имели место случаи, когда кооператоры-заготовители закупали продукты на рынках г. Казани, что вызывало взлет цен на товары. Тоже самое происходило в Ульяновской области. В г. Мелекесе той же области после "налета" заготовителей цены на масло возросли со 112 руб. за 1 кг до 175 руб., а на живой скот цены повысились на 35%¹⁴⁰.

Порой командование кооперативами доходило до абсурда. Заместитель председателя Латвийского потребсоюза Яковлев 15 ноября 1946 г. установил для всех местных потребсоюзов предельно-закупочные цены на говяжье мясо в 20 руб. за кг, в то время как на рынке в Даугавпилском уезде оно стоило 14-16 руб. за кг, на свиное мясо — 45-60 руб., в то время как в том же уезде оно продавалось на рынке за 30-35 руб. Получив телеграмму с закупочными ценами, работники уездного потребсоюза "перестроились" и стали платить за кг свинины по 50 руб. вместо прежних 30-35 руб., что так же повело к повышению рыночных цен. Случаи установления предельно-закупочных цен облпотребсоюзами имели место также в Новгородской, Орловской областях, Бурят-Монгольской АССР. Несмотря на указания Центросоюза от 21 января 1947 г. о том, что республиканские, краевые и областные потребсоюзы не должны устанавливать для районов фиксированных цен, такие случаи имели место в Саратовской и других областях. В других местах диктат властей ударял в обратном на-

правлении. Руководители Шушенского, Краснотуранского, Идринского, Каратузского районов Красноярского края не разрешали кооперативным предприятиям производить закупку сельскохозяйственного сырья и продуктов, а также запрещали продажу населению товаров, выработанных промартелями¹⁴¹.

Некоторые кооперативные организации не выполняли статью 9 постановления Совмина СССР от 9 ноября 1946 г. о сдаче Министерству торговли СССР 20-25% заготавливаемых ими сельхозпродуктов и сырья или выработанных из них изделий, а органы Министерства торговли не всегда реагировали на такие нарушения государственных интересов¹⁴². Несогласованность действий кооперативной и государственной торговли оказывала вредное влияние на общее содержание и эффективность торговых операций, снижала уровень обслуживания населения.

Наиболее доступной для трудящихся была колхозно-рыночная торговля, но за годы войны она сильно сократилась. Помещения рынков в крупных городах были заняты другими организациями. В гг. Астрахани, Ворошиловграде (ныне г. Луганск), Днепропетровске, Ижевске, Кирове, Красноярске, Туле, Ульяновске и многих других торговых корпуса, складские помещения и заезжие дворы были отданы под номерные заводы, фабрики, воинские части, военкоматы, пожарные и санитарные части, конюшни, жилые квартиры и проч. Осенью 1946 г., когда сообщения о заболеваниях дистрофией поступали из разных районов Союза, в ЦК ВКП(б) и Совмине СССР приступили к обсуждению вопроса о восстановлении колхозных рынков, прекративших работу, и о строительстве новых. В декабре 1946 г. был подготовлен проект постановления Совета Министров СССР о мероприятиях по благоустройству и улучшению работы городских колхозных рынков. В нем планировалось лишь к 1 октября 1947 г. восстановление старых и строительство новых павильонов, крытых столов и других торговых сооружений на городских колхозных рынках, а также проведение работ по их благоустройству. Планировалось приступить в 1947 г. к строительству 26 новых рынков в городах Москве, Ленинграде, Куйбышеве, Саратове и других и закончить их строительство в 1948 г. Немедленно разрешить на таких рынках беспрепятственную продажу гражданам поношенных личных вещей и предметов обихода, для чего отвести на территории рынков специальные участки. Всего в СССР для обслуживания городских рынков планировалось восстановить и построить 90 павильонов, 1770 палаток, более 140 складов и камер хранения, 66 ледников, 30 гостиниц и домов колхозника, 45 заезжих дворов¹⁴³.

В 1947 г. почти ничего из запланированного не было реализовано. Руководители ряда республик, краев и областей обращались в правительство с просьбой усилить колхозную

рыночную торговлю в целях ослабления остроты продовольственного дефицита. Однако, на совещании в Москве в апреле 1947 г. секретарь ЦК ВКП(б) Жданов заявил: "Мы не можем принять решение о том, чтобы раздуть колхозную торговлю, потому что в известной мере развитие колхозной торговли кроме вреда ничего не принесет"¹⁴⁴. Такова была точка зрения правительства. В результате цены на колхозных рынках возросли по сравнению с 1946 г. на хлеб, муку — в 5-6 раз, на картофель — в 2-3 раза. Если в 1946 г. 1 кг хлеба стоил 8-14 руб., то в 1947 г. — 50-70 руб.¹⁴⁵ Во столько же раз возросли трудности борьбы за выживание людей, лишенных государственного обеспечения хлебом.

4. Благополучие для номенклатуры

Как говорили в старину, человеку, чтобы не заболеть от скудной пищи, нужно 3 фунта (1200 г) хлеба в день. В голодные послевоенные годы никто из рядовых трудящихся такое количество хлеба не получал. В городах только по рабочей карточке 1-й категории можно было получить 800 г хлеба и некоторые другие продукты питания по мере их наличия. В сельской местности хлеба не было. Зерна и муки, выдаваемых на трудодни, не хватало до нового урожая. В колхозах без выдачи хлеба, он был лакомством. Недостаток хлеба в какой-то мере восполнялся картофелем. Сокращение потребления хлеба вызывало соответствующий рост потребления картофеля. Хлеб картофелем не заменишь, поэтому спасительную функцию выполняло хотя бы ограниченное потребление молока. В 1946-1947 гг. семья колхозника в России расходовала на питание в 2-3 раза картофеля больше обычной нормы¹⁴⁶. Когда кончался картофель, люди ели жмыхи, барду, мякину, щавель, лебеду, крапиву и другие травы. Употребление в пищу суррогатов всегда сопровождалось болезненными последствиями. Созревания хлебов ждали как чуда. Животворный хлебный колос воспевался в песнях и частушках колхозниц:

"Ой подруга моя Люба,
Нет у тебя голоса.
Съешь немного колоса,
Прибавится голоса".

Непосредственный кризис прав получателя при уменьшении количества продовольствия на рынке, о чем пишет Аматая Сен в своей политической экономии голода, не распространялся на партийно-советскую номенклатуру и приближенный к ней хозяйственный, военный, научный и культурный актив, что составляло не более 5% населения¹⁴⁷. Аппарат ЦК ВКП(б), Совмин СССР, бюро республиканских, краевых и областных органов власти обеспечивались продовольствием и промтоварами высшего качества бесплатно и с доставкой на дом. В 1948 г. директивное письмо Совмина

СССР и ЦК ВКП(б) отменило бесплатный отпуск продовольствия и промтоваров и устанавливало денежное довольствие руководящим советским и партийным работникам¹⁴⁸.

Для работников совпартактива рангом ниже существовали лимиты питания по 1-й, 2-й и 3-й группам. Последняя группа была самой многочисленной. За ними шли лимиты питания районного совпартактива. Продовольственные товары отпускались по нормам особого списка с литерами "А" и "Б". На среднем уровне управленческой пирамиды хлеб нормировался и выдавался по группам, приравненным к рабочим 1-й и 2-й категорий, а дальше — по нормам для рабочих промышленности, транспорта и связи. Обслуживание через магазины закрытого типа производилось с помощью разного вида карточек. В пределах лимитов для работников советских, партийных, комсомольских, хозяйственных и профсоюзных организаций, работавших в вечернее время, отпускалось второе горячее питание и 100 г хлеба на ужин. В случае необходимости заместитель председателя Совмина СССР мог назначить для стимулирования труда в промышленности вторые горячие обеды без отрыва талонов продкарточек, при этом руководящие работники получали обеды по специальным карточкам¹⁴⁹.

"Микояновский паек" 1933 г., состоявший из 20 различных наименований продуктов питания сократился незначительно. В 1947 г. в составе лимитов питания совпартактива насчитывалось 19 наименований, включавших все важнейшие продукты питания. Руководящие работники уровня 1-го секретаря райкома ВКП(б) и председателя райисполкома, отнесенные приказом Министерства торговли СССР к 1-й группе, получали 16 наименований продуктов питания и промтоваров, включая папирсы, мыло и 3 бутылки водки или вина в месяц. По карточке они получали по нормам особого списка, на работе их кормили хорошим обедом по нормам литеры "Б" и ежемесячно им выдавался сухой паек. Хлеб ограничивался из расчета по 1 кг в день и не более, кроме макарон и 1 кг печенья. Во 2-й и 3-й группах, рассчитанных на работников среднего звена, список продуктов сокращался, но ужин на работе получали все по мере необходимости. Соответственно, уменьшались нормы выдачи хлеба¹⁵⁰.

Около 6% населения имели лимитные книжки и покупали продукты питания и промтовары со скидкой от 10 до 35% в коммерческих и особых магазинах, но во время голода скидка снижалась до 25% и ниже, что вызывало недовольство их владельцев. В ресторанах 1-го и 2-го разрядов для работников науки, техники, литературы и искусства продажа производилась со скидкой 30% с цен прейскуранта, а для высшего офицерского состава Красной Армии с 50%-й скидкой. Привилегированная часть населения получала дополни-

тельное питание по различным литерам, сухие пайки по группам, спецпитание по спискам¹⁵¹.

Секретным постановлением № 2930-904 от 9 августа 1947 г. были повышены должностные оклады министрам СССР и их заместителям. Оклады самых низкооплачиваемых: министра заготовок, продрезервов, совхозов, торговли, вооружения увеличивались в 2 раза и составляли 5 тыс. руб. в месяц. Постановлением сохранялись оклады министрам СССР, получавшим свыше 5 тыс. руб. Таковой являлась только зарплата министра здравоохранения СССР — 6 тыс. 200 руб. в месяц. Данное постановление не ущемляло интересы министра вооруженных сил, государственной безопасности и внутренних дел СССР, у каждого из которых жалование было более 8 тыс. руб. в месяц¹⁵². Для руководителей в промышленности и строительстве СССР ежегодно распределялись 100 персональных окладов по каждой отрасли на все союзные республики¹⁵³.

Сотрудники аппарата управления как в центре, так и на местах, от первых лиц в ЦК ВКП(б) и Совмине СССР до секретаря первичной парторганизации и председателя сельсовета, обеспечивались необходимым и нужды не испытывали. Многие управленцы не злоупотребляли достатком. Некоторые считали своим долгом быть наравне с рядовыми. Известно, что были председатели колхозов, которые не позволяли себе и своей семье иметь больше положенного, а как настоящие вожаки, голодали вместе с колхозниками. Встречались и такие, которые грели руки на государственной и общественной собственности. В записке уполномоченного комитета партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Пензенской области Бакланова от 15 марта 1947 г. сообщалось в секретариат ЦК об излишествах некоторых руководящих работников Пензенской области в приобретении промтоваров и незаконном строительстве собственных домов¹⁵⁴. Разного уровня проходимцы, из тех кто был близок к продуктам питания, промтоварам и прочим ценностям беззастенчиво наживались на воровстве и спекуляции.

5. Обмен денег и отмена карточной системы

Несмотря на то, что об отмене карточек и обмене денег много говорили в 1946 г., постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 14 декабря 1947 г. "О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары" было неожиданным для трудящихся, которым обещали нормированное снабжение по низким ценам до преодоления дефицита. Благодаря пайку многим удалось пережить буйство цен в 1946-1947 гг. Урожай 1947 г. способствовал понижению рыночных цен на хлеб, картофель, овощи, но с ноября того же года цены снова поползли вверх.

Потребление хлеба, картофеля и других продуктов питания снизилось. Большинство народа материально было не готово к отмене карточек, а тем более к обмену денег.

Текст постановления 14 декабря 1947 г. напоминал обращение к народу. В преамбуле была исторически обоснована экономическая и политическая необходимость данной меры, чтобы ликвидировать последствия Второй мировой войны в области денежного обращения, восстановить полноценный советский рубль и облегчить переход к единым ценам без карточек. “Денежная реформа” и отмена карточек должны были усилить значение денег в народном хозяйстве, сулили большие материальные выгоды городскому и сельскому населению.

В постановлении подчеркивалось, что в отличие от капиталистических государств, “в СССР ликвидация последствий войны и денежная реформа проводятся не за счет народа. Количество занятых рабочих и служащих у нас не сокращается. У нас нет и не будет безработицы. Размеры заработной платы рабочих и служащих не только не снижаются, а наоборот, увеличиваются, ибо в несколько раз снижаются коммерческие цены, а на хлеб и крупу снижаются и пайковые цены, что означает повышение реальной заработной платы рабочих и служащих. Все же при проведении денежной реформы требуются известные жертвы. Большую часть жертв государство берет на себя. Но надо, чтобы часть жертв приняло на себя и население, тем более что это будет последняя жертва”¹⁵⁵.

Начиная с 16 декабря до 22 декабря включительно, а в отдельных районах в течение двух недель, вся денежная наличность, находившаяся у населения, государственных, кооперативных и общественных предприятий, организаций и учреждений, а также колхозов, была обменена, за исключением разменной монеты, на новые деньги по соотношению 10 руб. в деньгах старого образца на 1 руб. в деньгах образца 1947 г. После займов 1946 и 1947 гг. это было второе, более крупное по размерам изъятие денег у населения.

За счет снижения народного потребления государство подготовилось к отмене карточной системы. В течение года товары придерживались, а после обмена денег и “стабилизации” цен товары выбросили на рынок. Сработал эффект показного “изобилия” за счет снижения покупательной способности населения. За месяц до 14 декабря 1947 г. правительством было принято решение о разбронировании товаров из госрезерва на сумму 1,7 млрд. руб. для торговли после отмены карточек, в том числе в городах — на сумму 1,1 млрд. руб., в сельской местности — 0,6 млрд. руб.¹⁵⁶ Переход к открытой торговле сопровождался установлением единых государственных розничных цен, когда пайковые цены были приближены к коммерческим, т. е. были повышены в среднем в 3 раза.

Действовавшие высокие розничные цены на промтовары в сельской местности были сохранены и на их уровне были установлены цены для городских магазинов.

Обмен наличных денег на новые болезненно сказывался на материальном положении низкооплачиваемых категорий трудящихся и был выгоден для вкладчиков сберегательных касс. Вклады размером до 3 тыс. руб. включительно оставались без изменения в номинальной сумме, т. е. переоценивались рубль за рубль, а свыше 3 тыс. руб. до 10 тыс. переоценивались: за 3 руб. старых денег — 2 руб. новых¹⁵⁷.

Союзная прокуратура осуществляла надзор за выполнением постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) от 14 декабря 1947 г. В спецдонесениях и докладных записках сообщалось о нарушениях. Многие руководящие лица, получив секретный пакет с постановлением, вскрывали его раньше указанного срока. Пускались сдавать деньги задним числом, делали фальшивые ведомости, книжки на всю родню. Областные руководители везли деньги прямо в банки. Работники торговли и теневые дельцы, которые на голоде сколотили крупные капиталы, были заранее предупреждены своими партийными и советскими приятелями о предстоящем обмене, и через подставных лиц заводили несколько новых сберкнижек, закупали десятки литров водки, сигарет, кофе, прятали все на дачах и в домах родственников. В спешке срабатывали “нечисто”, попадали под следствие, тогда водка выливалась в снег, коробки с товарами сжигались или просто сваливались в леса и овраги. В отличие от рабочих и колхозников, их судили нестрого, вопреки всем указам давали не более 10 лет¹⁵⁸.

Неэквивалентный обмен наличных денег вывернул карманы трудящихся и позволил правительству за счет этой операции искусственно на короткое время поднять курс рубля. Так называемая денежная реформа в СССР носила более пропагандистский, чем экономический характер. Ее “успех” выдавался за преимущество социализма над капитализмом. Восхваление более чем скромных результатов было неслучайным, так как спустя 3 года была предпринята попытка покончить с финансовой зависимостью от Запада. По постановлению Совмина СССР от 28 февраля 1950 г. “О переводе курса рубля на золотую базу и о повышении курса рубля в отношении иностранных валют”, с 1 марта 1950 г. было прекращено определение курса рубля по отношению к иностранным валютам на базе доллара и установлено золотое содержание рубля. Одновременно устанавливалась покупная цена Госбанка СССР на золото в 4 руб. 45 коп. за 1 г драгоценного металла. Соответственно, курс рубля в отношении инвалют, исходя из золотого содержания рубля в 0,222 г, устанавливался в 4 руб. за 1 американский доллар вместо существовавших 5 руб. 30 коп. Подобный расчет действовал и в отношении к валю-

там других стран¹⁵⁹. Приняв свои внутренние правила, советская финансовая система как бы отделялась от мировой.

В конце 1947 г. и начале 1948 г. в продажу поступило больше хлеба и других продуктов питания, но этих товаров было крайне недостаточно, чтобы удовлетворить потребности горожан, а тем более сельских жителей. Сталину, Молотову, Берии и др. министр внутренних дел СССР Круглов докладывал о серьезных недостатках в работе торговых организаций и о нарушениях правил торговли без карточек. Во многих городах и селах не подготовились к развертыванию торговли. На селе хлеб продавали по спискам по 200-500 г в руки, главным образом, партийно-советскому активу. В городах торговля хлебо-булочными изделиями, крупой, жирами, сахаром прекращалась через 2-3 часа после открытия магазинов. У магазинов очереди устанавливались с 5-6 часов утра. Такое положение имело место в Курганской, Псковской, Свердловской, Смоленской областях, Татарской и Бурят-Монгольской АССР, а также на Украине и в Молдавии¹⁶⁰.

В г. Тюмени и области местными партийными и советскими органами были введены вместо карточек пропуска, имевшие номер и дату отоваривания. Кроме того, в магазинах имелись списки прикрепленных к ним лиц и устанавливались нормы отпуска в одни руки. В Ковернинском, Ветлужском, Сергачском районах Горьковской области хлеб продавался по 500 г в руки. В Линдовском районе той же области хлеб продавался только рабочим. Такой порядок торговли мотивировался перерасходом хлебного лимита в первые дни работы без карточек. В селах продажа хлеба и других продуктов питания вообще не производилась¹⁶¹.

6. Легенда о снижении цен

В 1948 г. материально-бытовое положение народа улучшилось незначительно. Поток жалоб граждан, поступавших в правительство не снижался. Под давлением трудящихся, поддержанных партийно-советским и хозяйственным активом нижнего звена, не имевшим дач, 26 августа 1948 г. Президиум Верховного Совета СССР принял Указ "О праве граждан на покупку и строительство индивидуальных жилых домов". Каждый гражданин или гражданка СССР, к сельским жителям это не относилось, получали право купить или построить для себя на праве личной собственности жилой дом в один или два этажа с числом комнат от одной до пяти включительно как в городе, так и за городской чертой. Земельные участки для этих целей отводились в бессрочное пользование. В последовавшем за указом постановлении Совета Министров СССР было сказано, чтобы размер участка в каждом отдельном случае определялся исполкомами областных, городских и районных советов в зависимости от размера дома и местных

условий, в пределах следующих норм: в городах — от 300 до 600 квадратных метров; вне города — от 700 до 1200 кв. м. За пользование участком взималась земельная рента в установленных законом размерах¹⁶². В условиях города владение отдельным, пусть даже неказистым жильем, лишь отдаленно напоминая дом, имело для семьи решающее значение, так как давало возможность обзаведения крохотным подсобным хозяйством. Вскоре города были окружены поселками из маленьких, уютных, тесно прижатых друг к другу лачуг, построенных в основном беженцами из колхозов и совхозов.

Индивидуальное жилищное строительство коснулось совхозов. В 1947 г. в совхозах Министерства совхозов было построено 2090 жилых домов, в 1948 г. — 10017. Выделявшиеся кредиты из-за недостатка строительных материалов осваивались неполностью. В 1949 г. стали уменьшать размеры кредитов индивидуальным застройщикам. На семью выдавалось всего по 1-2 тыс. руб., что незамедлительно отразилось на качестве построек. Вместо типовых зданий, воздвигались домики с земляным полом. В дальнейшем средний размер кредита был увеличен до 5-6 тыс. руб. на один дом. В 1949 г. в совхозах было построено 14,5 тыс. домов, тем не менее в землянках и непригодных помещениях еще проживало 40 тыс. семей рабочих совхозов Министерства совхозов СССР. Нередко 2-3 семьи ютились в одной комнате¹⁶³.

В 1949 г. были возвращены рабочим и служащим участки под огороды и сады, отобранные у них в 1946 г. По постановлению Совмина СССР от 24 февраля того года рабочие и служащие, не имевшие приусадебных участков, могли через местные Советы получать на свободных землях городов и поселков участки под огороды сроком до 5 лет, в зависимости от плана дальнейшего использования этих земель. В городах участки отводились в размере до 600 кв. м, вне городов — до 1200 кв. м в зависимости от наличия земель. Лучшие и ближе расположенные к населенным пунктам земельные участки отводились в первую очередь семьям погибших воинов и инвалидам Отечественной войны. Земли, отводимые рабочим и служащим под сады, закреплялись за ними в бессрочное пользование при условии непрерывной работы на предприятии, в учреждении или организации в течение 5 лет после отвода земельного участка. Все обязаны были в течение первых трех лет полностью освоить личным трудом или трудом членов своих семей отведенные им земельные участки. Посадить фруктовые деревья и ягодные кустарники в количестве, устанавливаемом городскими и поселковыми исполкомами. В случае невыполнения этого условия рабочий или служащий лишался права пользоваться участком. Важно было то, что доходы, полученные с земельных участков, отведенных под коллективное огородничество и садоводство, полностью освобождались от обложения сельскохозяйственным и подоход-

ным налогами. Освобождение распространялось также на индивидуальные огороды и сады, если их площадь не превышала 0,15 га на семью и у них не было рабочего или крупного рогатого скота, облагаемого налогом. Земли, отводимые рабочим и служащим под коллективные и индивидуальные огороды и сады, освобождались также от земельной ренты¹⁶⁴. Целый ряд ограничений и условий, выдача, как правило, отдаленных земель, не останавливали людей. Очень многие брали участки, весной сажали картофель, летом окучивали и 2 раза пололи, осенью рыли и засыпали в погреба, имевшиеся во дворах домов у многих горожан, а тем более у сельчан. Постановление обязывало руководителей предприятий помогать людям транспортом во время доставки семян и уборки урожая.

Не выдерживает критики легенда о послевоенном снижении цен, как о великом благе. На деле польза от него была незначительная, а шума слишком много. В 1948-1949 гг. цены были снижены на 30% на алкогольные и безалкогольные напитки, минеральные воды, мороженое, красную и черную икру. С тех пор пошла поговорка: "Цены на водку снизили, а на селедку — нет". На другие продукты питания, кроме топленого масла, снижения не было. С 1950 г. начали понемногу снижать цены и на другие продукты питания¹⁶⁵. Это была вынужденная мера, т. к. магазины отказывались от дорогостоящего провианта. Люди требовали хлеб, крупу, жиры.

Снижение проводилось в ущерб деревне, с целью улучшения обеспечения городов. Особенное внимание уделялось г. Москве, где жили представители посольств капиталистических стран и многое было на виду. Несмотря на снижение, продукты питания по-прежнему были очень дорогими и недоступными большинству москвичей. Дешевых продуктов даже в Москве не хватало. Хлеб и картофель составляли основу питания народа. Снижение цен всегда сопровождалось понижением расценок и зарплаты рабочих и служащих, увеличением подписки на государственный заем. В провинции, где жило большинство населения, прилавки продовольственных магазинов были пусты, а торговля хлебом велась по спискам. Муку привозили и продавали только перед праздниками при огромном стечении народа, когда "прилавки" — маленькие окна в кирпичной стене магазина, прозванные "амбразурами", брались приступом с давкой и хождением по головам¹⁶⁶.

В документах правительства первое упоминание о поставке некоторых продовольственных и промышленных товаров для торговли в деревне относится к 1950 г. Колхозники думали, что от Сталина скрывали бедственное положение людей в деревне. Правящим инстанциям жалобы не нравились, поэтому колхозница М.В. Ивина из Комсомольского района Ивановской области в октябре 1952 г. адресовала свою просьбу популярным артистам комедийного жанра Москов-

кой государственной эстрады Мирову, Новицкому и Мироновой, чтобы они по радио высмеяли колхозное и районное начальство за безделие, пьянство и воровство: "...Мы уверены, что наш вождь и учитель тов. Сталин И.В. об этом не знает, а то бы он не допустил так мучиться народ, а заставил бы отвечать руководителей... На праздник (35-й годовщины Великого Октября. — В.З.) собираются дать муку, очередь пишется с 26 октября, ну, не безобразие ли это? За промтоварами — давка, развелся какой-то "блат", без него ничего не достанешь..."¹⁶⁷.

Между тем Сталин держал руку на пульсе страны и был неплохо осведомлен о настроениях различных слоев общества. 4 апреля 1952 г. Министр государственной безопасности СССР С.Д. Игнатьев представил ему письменный доклад о высказываниях населения г. Москвы в связи с проведенным снижением государственных и розничных цен на продовольственные товары. Все без исключения выдержки из писем, телеграмм и разговоров давались с указанием фамилий, инициалов и адресов мест работы или проживания авторов. После восторженно-хвалебных, со словами благодарности советскому правительству, большевистской партии и тов. Сталину за заботу о народе, приводились и критические отзывы, содержавшие объективную оценку данной акции. М.А. Ильичев, ведущий инженер отдела ОКБ-670 Министерства авиационной промышленности, неосторожно сказал следующее: "...Подешевление заметное, если считать по процентам — 15% или 20%. Но если учесть, что оно затронуло только часть продуктов, а промтовары совсем не подешевели, то это очень мало. К тому же повторится ловкий прием в магазинах — более дешевые сорта, которые после подешевления должны бы стать еще дешевле, совсем исчезнут, а более дорогие, подешевев, станут дороже, чем раньше были дешевые. Одним словом, государство никакого убытка не терпит, как об этом пишут газеты". В список неблагонадежных попал студент 5-го курса Московского высшего технического училища им. Баумана П.И. Сальников за брошенную кому-то слишком откровенную фразу: "Хотя и произошло новое снижение, а все равно население питается суррогатами и концентратами, так как в магазинах нет мяса, яиц, а если где и появится что-либо, то выстраиваются огромные очереди"¹⁶⁸.

Таким образом, несмотря на победоносное завершение войны, советское правительство, ссылаясь на внешние и внутренние трудности, наращивало режим экономии продуктов питания и, в первую очередь, хлеба, повышало налоги, изымало у населения деньги по займам и путем ограниченного их обмена. Результатом было резкое снижение и без того низкого прожиточного минимума людей, с последующим массовым голоданием в зерновых и других районах СССР.

* * *

Великая Отечественная война оставила народам Советского Союза тяжелейшее наследство. Она привела к полному обнищанию людей в городе и деревне. Сельское хозяйство не обеспечивало самым необходимым — хлебом и нуждалось в полномасштабных дотациях государства. Было очевидным, что страна находилась на грани большого голода. Несмотря на это, сразу после войны правительство СССР, ссылаясь на опасную внешнеполитическую обстановку, львиную долю средств направляло на создание ядерного оружия и пополнение мобилизационных резервов.

Засуха 1946 г. в зерновых районах не поколебала установку правительства на проведение продразверстки, на введение более строгого, чем в войну, ограничения народного потребления хлеба и других видов продовольствия. Положение людей осложнялось неурожаем картофеля и овощей. С помощью экстренно созданной инспекции по урожайности контроль за колхозами и совхозами был усилен до такой степени, что хозяйствам приходилось сдавать в счет поставок семенное зерно. Продажа хлеба на колхозных рынках запрещалась до полного выполнения задания сверху.

Послевоенные государственные займы и неэквивалентный обмен денежных знаков сделали всех рядовых граждан намного беднее. Отмена карточной системы сопровождалась повышением цен на продукты питания. Мероприятия советского правительства не остановили, а ускорили наступление голода, способствовали расползанию его по территории огромной страны. Правящая элита не опасалась голода. Несколькими степенями материальной защиты имели партийные и советские руководители, крупные военные и гражданские специалисты, составлявшие советскую номенклатуру. Многочисленной армии лиц, их обслуживавших, тоже не грозило истощение. Даже самые мелкие управленцы имели гарантированный паек. Совершенно незащищенными оказались беднейшие слои, составлявшие более половины населения Союза. Это в первую очередь семьи погибших воинов, инвалидов войны и труда, проживавшие в сельской местности и снятые с карточного снабжения. Немногим лучше такие семьи обеспечивались в городах, поэтому именно их ожидали новые смертельные испытания.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

РУКОТВОРНЫЙ ГОЛОД

“С голоду человек шалает, дуреет, становится дикий... Голодный и грубости говорит, и ворует, и, может еще что похуже...”

(А. П. Чехов)

ГЛАВА III. ГЕОГРАФИЯ ГОЛОДА

1. Голод в сельской местности

С победой в семье простых советских людей не пришло долгожданное облегчение и улучшение. Им были навязаны новые испытания и тяготы, нищета и голод. Невозможность допущения послевоенного голода определялась тем, что голодовками военных лет для него была подготовлена слишком благодатная почва. Советское правительство всячески стремилось скрыть масштабы трагедии 1946-1947 гг. от собственного народа и от Запада. В средствах массовой информации упорно создавалась иллюзия успешного преодоления трудностей, улучшения положения в стране.

В самый разгар голода весной 1947 г. в главной газете Союза — “Правде” царил праздничное настроение. Первомайский номер сообщал о трудовых успехах колхозов на весеннем севе: “...Советский народ с радостью узнает о том, что колхозники районов, особо сильно пострадавших от засухи, успешно преодолевают трудности, самоотверженно борются за высокий урожай. Курская область засеяла почти на 400 тыс. га больше, чем в прошлом году... На 500 тыс. га больше в сравнении с прошлым годом засеяли колхозы Воронежской области... Колхозы Украины, борясь за осуществление своих обязательств, принятых в письме тов. Сталину, выполнили на 105% план сева яровой пшеницы... Молдавская ССР, сильно пострадавшая от засухи, в нынешнем году выполнила план колосовых культур на 109%...”. В публикации специально были названы области составлявшие в то время центр массового голодания сельских жителей и, в первую очередь, колхозников. В той же газете за 2 мая был помещен отчет о первомайском параде и демонстрации на Красной площади. В передовице под громким названием “Вперед, к полной победе коммунизма в нашей стране” говорилось о том, что “... потребуются напряженные усилия, чтобы успешно провести весенний сев, добиться богатого урожая и двинуть вперед наше сельское хозяйство”, но ни слова о голодавших колхозниках которые, по замыслу автора, должны были все это сделать.

“Правда” регулярно помещала заметки, репортажи и письма об экономических трудностях, росте безработицы и голоде в капиталистическом мире. В США, Англии, Италии “...трудности послевоенного времени усугубляются эгоистическими действиями правящих классов, ужасами безработицы и спекуляции на голоде”¹. В Вене “... ощущается острый недостаток продовольствия. Получаемый населением паек достаточен только для полуголодного существования... Рабочие на венских заводах от истощения падали в обморок у своих станков”. В другом номере: “В один из холодных мартовских дней изможденный рабочий остановился перед зданием австрийского парламента и с криком: “Голод! Голод! Дайте мне хлеба!” — порезал себе вены. В австрийской республике около 50 тыс. безработных и случаи самоубийств от нужды и голода стали обычным явлением...”².

Не только средства массовой информации безмолствовали о голоде в СССР. Строгий партийно-советский контроль был установлен за органами здравоохранения, которые фиксировали рождаемость и причины смертности людей. В медицинских разработках за 1946-1947 гг. настоящая причина роста смертности — голод — скрывался за такими диагнозами, как желудочно-кишечные заболевания (дизентерия, токсическая диспепсия), септическая ангина. Все это говорит о том, что врачи заставляли маскировать истинную причину смертности. Лишь в исключительных случаях за отдельные месяцы среди причин гибели попадает дистрофия, алиментарная дистрофия, авитаминоз, пеллагра, что на языке медиков означало голодную смерть. Напротив, в секретной переписке местного руководства с центром дистрофия среди населения (слово голод и здесь не упоминалось) — одна из основных тем, обсуждавшихся в связи с угрозой срыва производственных планов.

В России, на Украине, в Белоруссии, Казахстане и др. республиках голод напомнил о себе ранней весной 1946 г. когда на складах многих республиканских центров и крупных промышленных городов иссякло так называемое коммерческое зерно, предназначавшееся для обеспечения населения хлебом. Колхозно-совхозные амбары были вычищены хлебозаготовками, а имевшиеся почти в каждой области склады госрезерва, именуемые почтовыми ящиками и тщательно охраняемые, содержали десятки тысяч тонн зерна, накопленного за многие годы. В Совет Министров СССР, в ЦК ВКП(б) были направлены многочисленные телеграммы-ходатайства о разбронировании хлеба из госрезерва. Секретарь Новосибирского обкома ВКП(б) М.В. Кулагин сообщал заместителю председателя Совета Министров СССР Н.А. Вознесенскому об отсутствии хлеба и просил 10 тыс. т зерна из Бердского почтового ящика для жителей Новосибирска и городов области. В Свердловской области также не было хлеба и руководство

просило другого заместителя председателя Совмина СССР Молотова дать разрешение разбронировать находившиеся на территории области 45 тыс. т продовольственного зерна. Телеграммы подобного содержания поступали на имя секретаря ЦК ВКП(б) Маленкова от секретарей обкомов партии и председателей облисполкомов Запорожья, Калуги, Пензы, Рязани, Махачкалы, Иркутска и др.³

Задача нормированного обеспечения хлебом крупных городов была настолько злободневной, что никто не обращал внимания на жителей села, которые давно существовали без хлеба. Не найдя взаимопонимания и поддержки у областного и районного начальства, они вынуждены были напоминать о себе правительственным особам. Большое количество писем исходило от инвалидов войны и труда, многодетных вдов, пожилых людей, оставшихся без кормильцев. Писали Сталину, Калининну, Ворошилову, Маленкову и другим. Из-за бюрократического барьера крайне редко полные отчаяния и мольбы послания доходили до адресатов. Люди просили хлеба и, хотя бы временного, освобождения от непосильных налогов. Даже полностью нетрудоспособные инвалиды-фронтовики, проживавшие в деревне, не имели права на получение хлебного пайка, как якобы связанные с сельским хозяйством. Вот выдержка из одного письма: "... Я инвалид II группы. Как трудно мне жить, паек не дают... Никому мы теперь не нужны. Придется, наверное, погибать". (Г.К. Комков Куйбышевская область, Утевский район, село Спиридоновка). Из другого: "... Моя семья из 4-х человек, в том числе муж инвалид труда II группы. Заработала в прошлом году 750 трудодней, на которые не получила ничего... Пришлось продать единственную корову, чтобы уплатить мясолопоставки и сельхозналог. В настоящее время не имеем никакого питания и находимся на грани заболевания". (Е.Т. Шеина, Горьковская область, Павловский район, деревня Низково)⁴. Инвалиды войны и труда стали жертвами бездушной политики властей, лишивших их средств к существованию. Люди, в годы войны отдававшие свое здоровье во имя победы, в мирное время умирали от голода.

Плохо было на Украине. Приведем отрывок из письма колхозников села Попелюхи Песчанского района Винницкой области, адресованного первому секретарю ЦК КП(б)У и председателю Совета министров Украины Н.С. Хрущеву: "Никита Сергеевич, отец наш, заступник! Тяжело нам, оборваны мы и босы... на людей не похожи, живем хуже скотины. Никогда не было нам так трудно, как сейчас. Люди умирают от голода, дети от недоедания и болезней остаются калеками..."⁵. На имя председателя Президиума Верховного Совета СССР М.И. Калинина в мае 1946 г. поступило письмо из села Станиславка Котовского района Одесской области от

жены погибшего на фронте бойца Красной Армии М.И. Бузовской. Она писала, что один из 4-х детей умер от голода и, беспокоясь о жизни других, просила оказать срочную материальную помощь. Это письмо сохранилось в личном фонде всесоюзного старосты с пометкой "На контроль"⁶. Большинство людей никуда не обращалось и не писало. Одни не хотели унижаться, а другие считали обращение к властям бесполезной тратой времени.

Хрущев в начале апреля того же года из Киева направил пространную телеграмму заместителю председателя Совмина СССР Микояну с просьбой помочь республике. В ней он даже не упомянул о бедственном положении в деревне: "За последнее время создалось весьма напряженное положение с обеспечением бесперебойного снабжения хлебом населения г. Киева и др. крупных городов... В целях недопущения перебоев в снабжении хлебом населения городов и промышленных центров Украины Совет министров УССР просит Совет министров СССР разбронировать из госрезерва 57 тыс. т продовольствия"⁷.

Министерство заготовок СССР, получившее больше десятка заявок о помощи хлебом, обратилось в Совмин СССР с предложением рассмотреть данный вопрос, но не получило ответа. Тот же результат имели обращения в другие высшие инстанции. Правительство ценою многих жизней, сохранившее запасы хлеба в войну, не хотело расставаться с ними и в мирное время. Редким исключением являлось поручение ЦК ВКП(б) № 19490 от 13 марта 1946 г. о дополнительном выделении продовольствия населению Великолукской области, глава которой, секретарь обкома партии Бойкачев, просил для остронуждающегося сельского населения по 400 т хлеба и по 25 т крупы ежемесячно до нового урожая. Никаких других подобного рода распоряжений не было обнаружено. Хлеба не давали, а просьбы Куйбышевского, Молотовского, Челябинского, Свердловского, Кемеровского и др. областных комитетов партии о позаимствовании из резервов любых других продуктов питания были также отклонены Совмином СССР⁸.

Из закрытых донесений правительству видно, что в конце 1946 г. — начале 1947 г. заболевания алиментарной дистрофией распространились на территории Российской Федерации, охватив многие районы Воронежской, Горьковской, Костромской, Курской, Ленинградской, Ростовской, Рязанской, Саратовской, Тамбовской, Ульяновской областей, а также Краснодарского края, Башкирской и Татарской автономных республик. Особенно были подвержены заболеванию жители сельских районов.

Слушая радио и читая газеты люди думали, что голодают только у них в колхозе, совхозе, районе, а все другие советские граждане живут хорошо. Спешили сообщить о проис-

ходившем правительству. Директор ордена Ленина совхоза "Кубань" Краснодарского края телеграммой сообщал секретарю ЦК ВКП(б) Маленкову о голодании рабочих и их семей и просил оказать срочную помощь питанием. Не прекращался поток писем из союзных республик. В приемную Президиума Верховного Совета СССР пришло полное возмущения письмо из г. Кондопога Карело-Финской ССР от рабочего Н.Е. Ильина. Вот отрывок из его письма: "... Знаете ли вы о том, что люди от недоедания готовятся к смерти... Если не поверите мне и не улучшите положение рабочих, то многие помрут от голода. Многие начинают болеть уже зимой и до весны не доживут. Кто дотянет до весны, тот будет с брюшным тифом и другими заболеваниями... Если какая-либо страна объявит нам войну, то мало окажется годных к военной службе. Не надо будет капиталистическим странам ломать голову как уничтожить СССР... Такое угрожает не только нам, а и вам, дорогое наше правительство"⁹.

В исключительных случаях руководители высокого ранга пытались отреагировать на жалобы людей, поступавшие из голодных мест. Сохранилось письмо заместителя министра здравоохранения СССР М.Д. Ковригиной отправленное 27.02.1947 г. секретной почтой заместителю председателя Совмина СССР А.Н. Косыгину, который в то время занимался помощью Молдавской ССР. Она сообщала следующее: "По предложению отдела агитации и пропаганды радиокомитета, я написала беседу "Забота советского государства о матери и детях", которая была передана 5 февраля с. г. перед выборами в Верховный Совет РСФСР. Позднее я получила 12 писем от женщин, в которых сообщения о тяжелом положении с питанием. Все эти письма я направляла в Министерство торговли СССР и РСФСР в надежде, что руководители этих министерств по мере возможности могут оказать просителям кое-какую помощь. Но последнее письмо, полученное от Е.И. Бузмаковой, медицинской сестры больницы зерносовхоза № 694 Обливского района Ростовской-на-Дону области, я решила послать Вам. В своем письме Бузмакова пишет о страшно тяжелом положении рабочих совхоза и их детей, которые буквально пухнут от голода, и просит послать правительственную комиссию, чтобы на месте разобраться в этом деле. Со своей стороны я убедительно прошу Вашего личного вмешательства"¹⁰. На копии письма спустя месяц 26 марта 1947 г. рукой Ковригиной было написано: "Ответ получен несекретный". Косыгин посоветовал ей направлять такого рода письма в приемную Президиума Верховного Совета СССР. Завязалась переписка, проверка, а необходимой оперативной помощи не было.

Весной 1947 г. в Воронежской области число больных дистрофией достигало 250 тыс. человек, многие из них умира-

ли. Очевидцу Г.М. Попову, инженеру из г. Москвы было тогда 8 лет. Жил он с родителями в с. Скрипники, неподалеку от бывшего райцентра Старая Криуша (ныне Калачевский район) Воронежской области. Детское сознание с фотографической точностью запечатлело безлюдное село, полное отсутствие еды, смерть родных. "...Одноклассник, отец которого работал на мельнице в соседнем селе, приносил в школу лепешки. Их делили на всех, включая учителей. Помню отец сказал: "За селом умерли, в г. Калач ходили за хлебом, назад не дошли. Надо хоронить". Спасаясь от голода к нам приехали двое братьев отца, но не выжили и оба умерли от истощения. Дедушка умер. Не помню, как сам потерял сознание в голодном обмороке. Меня спасла стоявшая неподалеку воинская часть, очулся в госпитале..."

В 32-х районах Курской области голодало 47 тыс. колхозников, причем их численность с каждым днем увеличивалась. Проверкой было установлено 11 тыс. больных алиментарной дистрофией, из них госпитализировано в особенно тяжелом состоянии 400 человек, умерло 52. В Ракитянском районе остро нуждающихся в хлебе было более 16 тыс. человек, из них большинство истощенных, а 510 человек в состоянии дистрофии II-й степени, т. е. нетрудоспособны. Не менее критическое положение было в Скороднянском районе той же области, где не имели хлеба 1139 семейств. Среди них в состоянии дистрофии I-й степени — 1365 человек, II-й — 700 и III-й, почти неизлечимой, — 135 человек. Труднее всего пришлось семьям, в которых имелось 7-10 и более детей, в области их насчитывалось до 56 тыс. В безвыходной ситуации оказались семьи погибших воинов и инвалиды, которых было более 90 тыс. Эти семьи не имели средств на покупку хлеба, продаваемого иногда в порядке помощи по коммерческим ценам¹¹.

Голод захватил некоторые районы Рязанской области. По воспоминаниям историка В.И. Кострикина, жившего и работавшего в 1946-1947 гг. в деревне Новоселки Рыбновского района Рязанской области: "С трудом дожили до весны те, кто имел в своем хозяйстве корову и небольшие запасы картофеля. Молоко на рынке обменивали на другие продукты. В мае-июне ели крапиву, лебеду, ничего другого не было. От травы зубы были всегда зеленые. Много людей было опухших, некоторые так ослабевали, что не могли выйти из дома. Сам я тогда совсем молодой человек ходил за 4 км на работу в школу, а в дороге вынужден был дважды отдыхать — такая была слабость..."

По численности болевших дистрофией можно примерно определить очаги массового голода в России: в Ульяновской области болело 104,4 тыс. человек, Тамбовской — 67,5 тыс., Башкирской АССР — 35 тыс., Молотовской обл. — 33,5 тыс..

Костромской — 30 тыс., Краснодарском крае — 23 тыс., Читинской обл. — 12 тыс.¹² По неполным данным здравоохранения Коми-Пермяцкого национального округа, в апреле 1947 г. имелось свыше 12 тыс. человек, страдавших от дистрофии, в том числе 7 тыс. детей¹³.

В письме Сталину секретарь Хакасского обкома ВКП(б) Афанасьев сообщал, что на 1 февраля 1947 г. в колхозах автономной области насчитывалось 2800 человек дистрофиков. К весне положение продолжало ухудшаться, т. к. запасы картофеля и овощей иссякали и люди все больше питались травами. Он просил оказать помощь выделением 600 т хлеба на 16059 колхозных дворов.

В марте-апреле 1947 г. цензурой МГБ СССР было перехвачено более 500 писем, исходивших из Великолукской, Калининской, Костромской, Курской областей в Советскую Армию, с сообщениями о голоде и выезде людей из колхозов. Приведем выдержки из некоторых писем, представленных в правительство СССР: 23 марта 1947 г. "... У нас ужасный голод. Хлеба не найдешь, картошка 100 руб. Народ разъезжается кто куда... В колхозе никто не хочет оставаться, на трудодни ничего не достается..." (А.А. Белякова, Калининская обл., Есеновичский р-н., дер. Холуй). 28 марта 1947 г. "... В Гушине очень многие голодают, едят кукоколь (сорняк из рода однолетних трав) — хлеба нет. Мы живем тоже плохо. Жизнь пошла такая, что хуже некуда. Отец ушел неизвестно куда... Все уезжают, народу остается мало" (Н.И. Таранова, Костромская обл., Межевский р-н., дер. Гушино). 6 апреля 1947 г. "... У нас сейчас большой голод. По нашему колхозу и по району нет сытых людей, ни у кого нет хлеба. У некоторых нет решительно ничего, кроме воды и соли. Очень многие уезжают..." (Н.П. Панасенкова, Великолукская обл., Ильинский р-н., дер. Борок)¹⁴.

Председатель исполкома Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся Харитонов и секретарь Ленинградского обкома ВКП(б) Бадаев телеграфировали Маленкову: "В связи с отсутствием каких-либо продовольственных ресурсов большое количество колхозников области находится в состоянии дистрофии. В Оредежском, Тихвинском, Подпорожском, Киришском и Пашском районах зарегистрировано свыше 3000 человек взрослого и детского населения, имевшего I-II-ю степень дистрофии. Значительная часть больных госпитализирована. Это обстоятельство подрывало усилия по обеспечению подготовки и проведения весеннего сева и последующих полевых работ. Без оказания немедленной государственной помощи хлебом сельскому населению области, мы не можем предотвратить нежелательные последствия". Просили отпустить 800 т зерна в качестве продовольственной ссуды, с условием возврата из очередного урожая¹⁵. С подобной

просьбой обратился к правительству секретарь Курганского обкома ВКП(б) Шарапов. Он сообщал, что 54 тыс. колхозников области переживали затруднения с хлебом. В ряде колхозов проверкой было установлено истощение и опухание взрослых и детей от недоедания¹⁶. Телеграмма о смертности колхозников от дистрофии и просьба о помощи зерном поступила к Маленкову от председателя Совмина Марийской АССР Кондратьева¹⁷.

Сообщения о заболевании колхозников дистрофией были направлены в центр из Архангельской, Владимирской, Калужской, Рязанской, Сталинградской, Чкаловской областей, Краснодарского края, Татарской АССР и др. Сотни телеграмм от директоров совхозов поступили зимой 1946-1947 гг. в Совмин СССР. Они информировали правительство о том, что в связи со снятием рабочих с хлебного пайка распространились заболевания дистрофией. Вследствие чего имели место массовый невыход на работу и увольнения¹⁸.

Историк В.П. Данилов вспоминает, что после демобилизации он из Германии прибыл в конце 1945 г. в Чкаловскую область. Положение с продовольствием было очень плохое, а в декабре 1946 г. был голод. Видел опухших от голодания людей, забитые досками окна домов. Многие спасались бегством в другие края. В областном центре такого, конечно, не было.

По данным Министерства здравоохранения РСФСР, в апреле 1947 г. было зарегистрировано 372,3 тыс. больных алиментарной дистрофией, а в мае того же года их численность возросла до 507,7 тыс., из них умерли 706 человек¹⁹. Цифра смертности явно занижена. Впереди были трудные для выживания месяцы, о которых точно подметил В.И. Ленин, в мае 1918 г. предупреждавший об этом питерских рабочих: "... За непомерно тяжелым маем идут еще более тяжелые июнь, июль и август"²⁰. Имеется достаточно примеров, подтверждающих ленинские слова на материалах 1947 г. К сожалению, из-за подтасовки учета и тщательного сокрытия фактов голода в России нет возможности привести обобщенные данные численности больных дистрофией и умерших от нее в следующие за маем месяцы²¹.

Южные районы Белоруссии, граничащие с Украиной и Орловской областью, оказались серьезно задетыми засухой. Кроме того, в 1945 г. более 1/3 всех колхозов республики не выдавали хлеба и более половины не выдавали денег на трудодни колхозникам. Не увеличивалась выдача на трудодни и в 1946 г. Запасы продовольствия иссякли к весне 1947 г. Секретарь ЦК ВКП(б) Белоруссии Гусаров сообщал секретарю ЦК ВКП(б) Маленкову: "Колхозники Полесской, Полоцкой и Витебской областей Белорусской ССР с начала текущего года испытывают острую нужду в хлебе и в последнее время питаются жмыхами, отрубями, травами. Большое напряжение фи-

зических сил во время полевых работ, при неудовлетворительном питании, привело многих колхозников к истощению". Он просил дать указание об отпуске 500 т ячменя и овса для продажи остро нуждающимся семьям колхозников²².

В Карело-Финской ССР, несмотря на низкий урожай 1946 г., колхозами республики в срок и с превышением был выполнен план обязательных государственных хлебопоставок. Колхозы дали 70,6 тыс. ц зерна, что на 28,6 тыс. ц больше чем в 1945 г. На продовольственные нужды 59838 человек колхозного населения, после засыпки на семена, оставалось в среднем на каждого по 36 кг зерновых и по 38 кг картофеля. Жители колхозов с сентября 1946 г. исчерпали собственные запасы и у многих в январе 1947 г. хлеба уже не имелось. Люди переживали крайнее затруднение. Кроме того, в республике с 1 октября 1946 г. была сокращена численность сельского населения, снабжавшегося пайковым хлебом, с 80600 человек до 40500 человек. В связи с произведенным сокращением было полностью снято со снабжения хлебом из государственных фондов более 15 тыс. человек населения, возвратившегося во II-й половине 1946 г. из эвакуации. Семьи возвратившихся не имея огородов, не успевали выработать достаточное количество трудодней, поэтому с колхозов им причиталось хлеба совсем мало. В этой группе людей в январе 1947 г. были установлены массовые заболевания дистрофией, требовавшие безотлагательной помощи. Всего в январе 1947 г. в Карело-Финской ССР насчитывалось 36740 человек колхозного населения, нуждающегося в хлебе. При отсутствии излишков сельскохозяйственных продуктов у колхозников, приобрести хлеб на рынках не имелось возможности. Правительство Карелии решило трудоспособную часть населения колхозов привлечь для работы на лесозаготовки, где их можно было обеспечивать хлебом, а 20 тыс. человек престарелых и детей, занятых на колхозных работах, просило союзное правительство принять на пайковое снабжение по централизованным хлебным фондам из расчета 6 кг зерна на одного человека в месяц²³.

Более полные сведения о численности голодавших есть по Украине и Молдавии. Министерством здравоохранения Украинской ССР 27 января 1947 г. было дано указание всем заведующим облздравотделами по ведению учета больных дистрофией и ежедневной отчетности о заболеваемости и госпитализации больных. На упорядочение учета больных дистрофией обращалось внимание и в последующих распоряжениях Минздрава УССР. По донесению на 25 февраля 1947 г. в 16-ти областях республики было зарегистрировано 498 тыс. заболеваний дистрофией, из них 53 тыс. в городах. Из общего числа больных 156 тыс. человек составляли дети²⁴. На 10 апреля 1947 г. по 23 областям Украины и г. Киеву из 819 тыс.

дистрофиков, 80% приходилось на село, а число умерших от дистрофии составляло 32 тыс. человек. Всего в республике голодало более 2,7 млн. человек колхозного населения²⁵.

В Молдавской ССР учет больных дистрофией производился с осени 1946 г. В ноябре того же года было зарегистрировано 29,9 тыс. человек, заболевших дистрофией, в декабре — 41,6 тыс., в январе 1947 г. — 131,5 тыс. человек. Из-за не совершенности системы учета, сведения о заболеваниях населения дистрофией, поступающие из уездов были разноречивы. Это обстоятельство в последующем потребовало изменения учета. По материалам подворного обследования на 20 февраля 1947 г. в городах, уездах и районах Молдавии состояло более 208 тыс. человек больных дистрофией, из них у 27 тыс. состояние болезни было неизлечимым. Среди общего числа больных 47% составляло дети. В конце марта 1947 г. заместитель министра здравоохранения СССР Кузнецов, постоянно находившийся в Молдавии, сообщал в Москву, что благодаря проведенным мероприятиям общегосударственного и местного порядка, дальнейший рост дистрофии был якобы приостановлен и по состоянию на 20-е марта в республике заболеваемость дистрофией была будто бы стабилизирована за исключением отдельных районов. Вывод оказался поспешным и не подтвердился, т. к. в середине апреля того же года в Молдавии было зарегистрировано более 300 тыс. больных дистрофией, из которых умерло более 36 тыс.²⁶

По всей стране голодали рабочие железной дороги, проживавшие в сельской местности, у которых в 1946 г. сняли с централизованного снабжения детей и иждивенцев. В декабре 1946 г. отмечены массовые заболевания дистрофией среди семей железнодорожников. По неполным данным, к концу года на 16 железных дорогах страны насчитывалось более 11 тыс. больных дистрофией. Наиболее неблагоприятное положение было на Забайкальской железной дороге (2,5 тыс. больных), Кишиневской (2,4 тыс.), Сталинской (670), Кировской (260), Сталинградской (250)²⁷. Некоторые рабочие ввиду истощения не могли выходить на работу, часть детей не посещала школу, были зарегистрированы случаи смерти от голода. Многие железнодорожники увольнялись, переходили на другие участки, чтобы получать больше хлеба по карточкам. В этой связи характерно заявление на имя начальника 1-й дистанции службы пути Казанской железной дороги рабочего Г.Ф. Гладеева: "... Прошу войти в мое положение... рабочая карточка 550 г на 7 человек, нас не обеспечивает. Другой месяц мое семейство хлеба и картофеля не видит, дохожу. Жалованье 300 руб., на мешок картошки... Прошу дать мне разрешение перейти на 2-й околоток в рабочие, хоть на время, если можно, то поскорее..."²⁸.

Секретарь центрального комитета профсоюза рабочих железных дорог юга, находившегося в г. Харькове, 20 января 1947 г. направил председателю Совмина СССР Сталину докладную записку об имевшихся случаях заболевания дистрофией. В ней отмечалось, что значительная часть работников железных дорог юга проживала в сельской местности. У тех из них, кто имел приусадебную землю, в засушливый год погиб урожай картофеля и овощей. В связи с отменой выдачи карточек на детей и иждивенцев, многодетные оказались в тяжелых материальных условиях. Недостаточная калорийность питания, отсутствие полноценных белков, воздействие холода на организм способствовали развитию безбелковых отеков — дистрофии и авитаминоза. Такие заболевания имели место на Кишиневской, Северо-Донецкой, Южной, Сталинской, Юго-Восточной и Северо-Кавказской железных дорогах, где было госпитализировано 246 человек. По неполным данным, 29 случаев заболевания окончились летальным исходом. ЦК профсоюза выделил дополнительные ассигнования в размере 100 тыс. рублей из бюджета государственного социального страхования для особо нуждающихся. Отдельным рабочим была выделена материальная помощь в размере от 500 до 700 руб. Некоторые селения (Фламенда, Романовка, Бессарабская Молдавской ССР), в которых главным образом проживали железнодорожники, не связанные с сельским хозяйством, по ходатайству партийных, советских, профсоюзных организаций были переименованы Верховным Советом СССР в рабочие поселки, что дало возможность детям и иждивенцам получать хлебные и продовольственные карточки. Однако проводившиеся мероприятия были совершенно недостаточны и без непосредственной помощи со стороны вышестоящих организаций не могли ликвидировать и предотвратить дальнейшее развитие заболеваний²⁹.

2. Голод в городах

Голод коснулся и крупных промышленных центров с гарантированным карточным обеспечением продовольствием: Москвы, Ленинграда, Ростова-на-Дону, Сталинграда, Красноярска, Ярославля и др. Зимой 1947 г. на предприятиях и стройках Ленинграда и Сталинграда имелись случаи массовых заболеваний дистрофией. В феврале 1947 г. по Сталинграду было зарегистрировано 998 заболеваний у взрослых и 1370 — у детей, из них 700 человек имели дистрофию II степени. В марте того же года на предприятиях Ленинграда при медицинском обследовании рабочих установлено, что заболеваемость алиментарной дистрофией и авитаминозом превышала 30%. На заводе "Севкабель" из 300 обследованных рабочих выявлено 128 (42%) больных дистрофией и 31(10%) — авита-

минозом; на Ижорском заводе — 38% рабочих с дистрофией и 14% с авитаминозом; на заводе им. Сталина, соответственно, — 20 и 14%³⁰. Подобное положение с голодной заболеваемостью было вскрыто на заводе им. Марти, “Линотип”, им. Жданова и комбинате им. Кирова³¹.

Ленинградское руководство 29 марта приняло строго секретное постановление о предупреждении развития заболеваемости населения г. Ленинграда авитаминозами и алиментарной дистрофией. Виновниками голода были объявлены хозяйственные, партийные, профсоюзные работники заводов и Ленгорздравотдела, которые проявляли бездушие и безразличие к нуждам трудящихся. Постановление рекомендовало всем предприятиям общественного питания шире практиковать витаминизирование приготовляемой пищи, а в буфетах закрытого и открытого типа организовать продажу витаминов, фруктовых, ягодных и овощных соков. С этой целью надо было подготовиться и с начала весны проводить сбор ранней дикорастущей зелени — щавеля и крапивы для использования ее на приготовление блюд в предприятиях общественного питания.

Более конкретной была задача организовать с 5 апреля 1947 г. во всех заводских столовых под наблюдением врачей усиленное рациональное питание для рабочих и служащих больных алиментарной дистрофией по следующим нормам питания, представленным в таблице 1.

Таблица 1

Нормы усиленного питания рабочих и служащих г. Ленинграда, больных алиментарной дистрофией, в день (г)*.

<u>Нормированные продукты за счет продовольственной рабочей карточки</u>	<u>Ненормированные продукты</u>
1 Крупа - 67	1 Картофель - 120
2 Мясо-рыба - 60	2 Овощи - 80
3 Жиры - 27	3 Мука пшеничная - 5
	4 Соевая колбаса - 100
	5 Творожно-соевая сырковая масса - 100
4 Сахар - 30	6 Кефир соевый - 150
Итого - 184	Итого - 555
	Всего - 739

* РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 42. Д. 597. Л. 23.

По плану “усиленное” питание рабочего должно было составлять 739 г в день. Если бы к этому еще 200-400 г хлеба, то общая калорийность всех названных продуктов питания была бы около 2000 ккал., т. е. чуть больше половины нормальной потребности взрослого человека, но о хлебе в постановлении не упоминалось. При этом необходимо учесть, что в приведенном выше рационе питания преобладали раститель-

ные белки, а основную долю калорий давали соевые продукты. Ни калорийное содержание, ни качественная структура набора продуктов не являлись достаточными для излечения больных дистрофией.

Для обеспечения запланированного питания больных был утвержден план производства и распределения дополнительной ненормируемой продукции на апрель и май 1947 г. В нем предусматривалось произвести на предприятиях Ленинграда 1500 т соевого кефира, 900 т творожно-соевой сырковой массы, 850 т мясного бульона, 60 т плавленного сыра, 80 т овощной икры, 100 т рыбных отходов. Этими продуктами предполагалось накормить 100 тыс. рабочих и служащих, 273 тыс. школьников, 55 тыс. ремесленников и 57 тыс. детей в садах, яслях и детдомах³². Проблема была в том, что в Ленинграде не было этих продуктов питания. Спустя два дня после принятия постановления было подготовлено письмо на имя заместителя председателя Совета Министров СССР А.Н. Косыгина. В нем секретарь Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) П.С. Попков обращался за срочной помощью, ссылаясь на то, что у населения Ленинграда, перенесшего тяжелые испытания в период блокады, повторные массовые заболевания дистрофией вызывали тяжелые последствия. Он просил увеличить до июня включительно лимит лечебно-диетического питания с 10 тыс. человек до 25 тыс. и усиленного детского питания с 22 тыс. до 40 тыс. человек. Выделить сухого картофеля — 1000 т, сои или соевого жмыха — 1000 т, 500 т сухофруктов, а также увеличить завоз молока из Эстонии на 2000 т и освободить подсобные хозяйства промышленных предприятий от сдачи государству 50% вылова рыбы, чтобы во II квартале 1947 г. всю рыбу использовать на дополнительное питание рабочих³³.

Необеспеченность рабочих питанием пытались компенсировать административно-судебными мерами. При этом главные обвинения выдвигались против хозяйственников и снабженцев. В прокуратуру г. Ростова-на-Дону 4 июня 1947 г. из газеты "Молот" поступил материал о смерти рабочего завода сельскохозяйственных машин "Красный Аксай", участника Великой Отечественной войны Н.И. Аникийчука. Проверкой, произведенной прокуратурой, было установлено, что Аникийчук был принят на завод 25 апреля того же года и проработал 20 дней. Во время работы он упал в голодный обморок и его на носилках доставили в здравпункт. Придя в сознание Аникийчук объяснил врачу, что он три дня ничего не ел. Его накормили и в связи с отсутствием свободных мест для дистрофиков в больнице выдали больничный лист, отправив затем в заводское общежитие. Там через 9 дней, в полном одиночестве, он умер от голода. Этот факт вызвал взрыв возмущения трудящихся завода, потребовавших создания комис-

сии для расследования. При медицинском обследовании других рабочих было выявлено еще 92 человека с тяжелой формой дистрофии. По представлению прокурора 22 июля того года Ростовским горкомом ВКП(б) было вынесено решение, в котором указывалось директору завода "Красный Аксай", секретарю заводской парторганизации и председателю профкома на бездушное отношение к нуждам рабочих. Они были предупреждены о строгой ответственности в случае повторения подобных фактов. Начальник жилищно-коммунального отдела завода, комендант общежития и работники ОРСа, виновные в срыве обеспечения людей питанием, были привлечены к суду³⁴.

На юге голодание людей продолжалось и осенью 1947 г. 18 октября прокурор Ростовской области Полозков сообщал Генеральному прокурору СССР К.П. Горшенину, что в г. Таганроге зарегистрировано 70 случаев смерти людей от дистрофии, в Шахтах — 42, в Новочеркасске — 19. В котельной завода им. Молотова в г. Таганроге 6 октября того же года был обнаружен труп рабочего стройучастка А.П. Кочетова 55-ти лет. Предварительным расследованием установлено, что рабочий Кочетов, не имевший квартиры и хлебной карточки, оказался в тяжелых материальных условиях и ночевал в котельной завода. В результате истощения он умер. В кармане брюк умершего было обнаружено заявление на имя начальника стройучастка завода об оказании ему материальной помощи. В связи с этим случаем прокуратурой области было возбуждено уголовное дело³⁵.

В конце зимы 1947 г. обострились продовольственные трудности в столице СССР г. Москве. С перебоями отоваривались хлебные карточки, в городе иссякли запасы картофеля и овощей. Ввиду того, что у некоторых заводов картофель изъяли на семена, а других источников поступления ОРСы не имели, то не обеспечивалось общественное питание рабочих. Положение было настолько опасным, что под угрозой срыва оказалась работа предприятий и строительных трестов Министерства авиационной промышленности, а также Министерства вооружения СССР. На других, несекретных заводах Москвы и Московской области, положение с питанием было хуже³⁶.

Утром 28 марта того года работниками московской милиции были обнаружены и сорваны 35 листовок, расклеенных в людных общественных местах Куйбышевского, Железнодорожного и Щербаковского районов г. Москвы. Текст листовок, написанный карандашом под копирку призывал к демонстрации: "Всем, всем, всем! Гражданин России! Выполни свой долг и впредь в первое воскресенье каждого месяца! В 12 часов 6 апреля с. г. в центре г. Москвы состоится безмолвная демонстрация. Наша задача: заполнить центр, остановить

уличное движение. Возьмите авоськи-сумки. Ваша безопасность гарантирована. Мы требуем хлеба. Долой колхозы, рабство и произвол. Мы за частную собственность, свободную торговлю, за открытие границ, свободу и счастье народа. Запомните дату 6 апреля. Все на демонстрацию! Содержание воззвания передавайте всюду, всем и всеми способами". Московской милицией были приняты меры к розыску автора листовок, а материалы переданы в Министерство государственной безопасности СССР³⁷.

По воспоминаниям историка Е.Г. Гимпельсона, в г. Москве голода не было. По карточкам он получал 400 г хлеба, крупу, жиры. Этим, конечно, не наедался, а купить хорошие продукты было не на что, хотя получал ежемесячную зарплату в 500 руб. По тем временам не маленькую. В булочной всегда стояли нищие и просили хлеба.

В Новосибирске причиной почти 50% смертных случаев стали болезни, вызванные хроническим недоеданием, употреблением в пищу суррогатов, общим ослаблением человеческого организма. За период с января по август 1947 г. число умерших от дизентерии в городе возросло в 12 раз, от токсической диспепсии — в 13 раз, от гастроэнтероколита — в 7 раз³⁸. В сельской местности положение было сложнее. В колхозах и совхозах совершенно не было хлеба, а приближался весенний сев. В то же самое время на Новосибирском маслозаводе скопилось 1000 т пищевого соевого жмыха и склады были переполнены. По этой причине завод перешел на переработку рыжика. Председатель Новосибирского облисполкома Соколов направил телеграмму заместителю председателя Совмина СССР Микояну с просьбой разрешить израсходовать 1000 т соевого жмыха для продажи на селе. На этой телеграмме рукой Микояна написано: "Т. Зотову (Министру пищевой промышленности СССР), т. Двинскому (Министру заготовок СССР). Почему бы не передать (1000 т. соевого жмыха. — В.З.) Минзагу для примеси к муке на месте?" На что Двинский отвечал: "...Минзаг считает возможным отпустить Новосибирскому облисполкому для продажи колхозам 300 т соевого жмыха за счет остатков в промышленности"³⁹.

3. Септическая ангина

Еще в 1932 г. в ряде районов Союза (Урал, Западная Сибирь и др.) стало наблюдаться заболевание, получившее условное название "септическая ангина". Оно характеризовалось резким снижением белых кровяных телец в крови, высокой температурой, некрозами в зеве и полости рта, кровоизлияниями на коже. Смертность колебалась от 17 до 50%. Ежегодно заболело несколько тысяч человек. Заболевания возникали весной после употребления в пищу зерна (проса,

пшеницы, ржи, гречихи и др.), зимовавшего в полях под снегом.

Врачи толком не знали способ лечения коварного заболевания. Вот как запомнилось первое столкновение с этой болезнью студентке мединститута, будущему заместителю, а в последствии и Министру здравоохранения СССР М. Ковригиной: "В мае 1934 г. меня и двух моих соучениц срочно вызвали в Свердловский Облздравотдел. Там нас встретил председатель областного отдела НКВД... Он объявил, что мы мобилизованы на борьбу с неизвестной заразной болезнью и сегодня же должны выехать к месту работы... Нас передали в распоряжение главного врача маленькой сельской больницы (в деревне Дуброва, близ Оханска Пермской области. — В. З.). Больных человек 15, все в очень тяжелом состоянии. Воздух в больнице был пропитан сладковатым гнилостным запахом. Почти все больные кровили. У многих температура поднималась до 40° и выше. Никогда мне не забыть такой страшной картины: во двор нашей больницы въезжает телега, на ней, на перине, лежат две молодые красивые женщины, мать и дочь, обе мертвенно-бледные, потерявшие сознание. Их везли из соседней деревни, и пока доехали до больницы, вся перина пропиталась кровью, пожми ее — потечет кровь. Врач больницы рассказал нам, что удалось спасти только 7-летнюю девочку, у которой умерли отец, мать и трое братьев... Нам показали эту девочку: бледная, худая, обессиленная, в зеве у нее не было ни миндалин, ни дужек, ни маленького язычка. Все некротизировалось, все отторглось. Смертность в больнице была высока, и население стало своих больных скрывать. Тогда и было решено устраивать подворные обходы для выявления больных... Подозрительных на заболевание сразу же направляли в больницу, и, чем раньше выявляли больных, тем быстрее они поправлялись. Со временем я стала находить больных по характерному сладковато-гнилостному запаху, который шел от заболевших... Не было ни одного случая заражения от больных медицинского персонала"⁴⁰.

В последние перед войной годы заболевание встречалось реже, что было связано с своевременной уборкой хлеба, но в 1943-1944 гг. количество заболеваний снова сильно подскочило вверх. Пик заболеваемости приходился на 1944 г., когда численность учтенных заболевших достигала 173 тыс. человек, из которых умерло примерно 28 тыс. До 80-85% больных и умерших было в России, а самая высокая заболеваемость наблюдалась в Куйбышевской, Чкаловской, Ульяновской областях, Башкирской, Татарской АССР и др.⁴¹

Работы, проводившиеся в ряде научно-исследовательских институтов в годы войны, приблизили медиков к пониманию причин заболевания. Изучение этиологии септической ангины затруднялось тем обстоятельством, что ни на

одном из лабораторных животных не удавалось воспроизвести картину заболевания. Только человек заболел септической ангиной. Существовало мнение, что это заболевание связано с авитаминозом, однако работами, проведенными в 1943 г., эта теория была окончательно опровергнута. Добровольцы, бывшие на полноценном питании, получали перезимовавшее просо, изъятое из очагов септической ангины Ульяновской области, несмотря на отсутствие авитаминоза, заболели септической ангиной. Само-собой ученые знали, что только год-два заставлял людей собирать для питания ядовитое зерно, но открытым текстом по понятным причинам об этом не писали. По совету Наркомздрава СССР 31 декабря 1943 г. был подготовлен специальный приказ № 38 уполномоченного ГКО "О мероприятиях по предупреждению и борьбе с септической ангиной". В соответствии с ним был проведен учет полей с необрунным осенью урожаем в Куйбышевской, Саратовской, Ульяновской областях, Ставропольском крае и др. Смертно-носные поля были взяты под строгую охрану⁴².

В июле 1945 г. ученым медицинским советом Наркомздрава РСФСР было принято для этого заболевания название "алиментарно-токсическая алейкия", что намного точнее характеризовало болезнь. Однако, и после этого причиной летальности по-прежнему записывали септическую ангину, поскольку пострадавшие жаловались на боль в горле. На самом деле под септической ангиной скрывалась лейкопения — заболевание, связанное с отравлением кроветворной системы, а проще говоря, лейкопения. Весной 1947 г. массовые заболевания так называемой септической ангиной были отмечены в 30 областях, краях и республиках России и ряде областей Казахстана. В апреле в Горьковской области было учтено 5 тыс. больных, в Челябинской — более 2,8 тыс. Тяжелое положение было в Куйбышевской, Курганской, Новосибирской, Саратовской, Чкаловской, Ярославской, Западно-Казахстанской (Казахская ССР) областях, Башкирской и Удмуртской АССР⁴³. Сведения о заболеваемости септической ангиной и смерти от нее противоречивы. С мест сообщали в центр о тысячах опасно больных, а в справке председателя Совмина РСФСР констатировалось, что в 1945 г. заболело 193 человека, из них умерло 42; в 1946 г. соответственно — 615 и 90; в 1947 г. — 2857 и 224. Но и по этим данным видно, что в 1947 г. смертность была в несколько раз выше, чем в 1946 г.⁴⁴

4. Голод и дети

Чтобы спасти детей от смерти, некоторые родители увозили их подальше из голодных мест и оставляли в городах. Прокурор Латвийской республики сообщал Генеральному прокурору СССР, что за последние дни февраля 1947 г. учас-

тились случаи, когда родители подбрасывали детей в возрасте от 2-х лет и старше, иногда сразу двоих-троих из одной семьи. С детьми оставляли записки с указанием года рождения, имени и фамилии ребенка и кратким объяснением: "Кормить нечем...". Бросив детей на вокзале, около милиции или детприемника, родители скрывались. За февраль месяц было подобрано 49 таких детей⁴⁵. По Крымской области было зарегистрировано 52 случая оставления детей, по Воронежской — 15. О том же были сообщения из Ленинградской, Орловской и других областей⁴⁶. Родители надеялись отыскать и вернуть детей по окончании голода, только далеко не всем это удавалось.

Тяжело складывалась судьба осиротевших в войну детей, взятых на воспитание. В семье колхозников Калужской области было принято на воспитание более 4,6 тыс. детей-сирот. Зимой 1947 г., не имея хлеба на пропитание, опекуны подавали заявления с отказом от их дальнейшего содержания и приводили детей в отделы народного образования. По Хвастовичскому району было подано 38 таких заявлений. В этом районе трех сирот Калинкиных, отец которых погиб на фронте, а мать умерла, воспитывал дедушка, инвалид II группы. В связи с отсутствием хлеба и картофеля, чтобы хоть как-то спасти внучат, он отказывался от их содержания и просил ускорить определение детей в детдом. В том же районе и по той же причине колхозница Сычева просила забрать от нее 4-х сирот, отец которых погиб на фронте, а мать подорвалась на mine. Много аналогичных заявлений об отказе от патронирования по причине полного отсутствия в хозяйствах хлеба было подано по Борятинскому, Дзержинскому, Детчанскому, Думичскому, Износковскому, Ульяновскому и др. районам. Разместить всех детей в детдомах область не имела возможности⁴⁷. Такое наблюдалось и в других местах.

Быстро распространившейся по стране детской беспризорностью занималось Министерство внутренних дел СССР. По состоянию на 1 ноября 1947 г. органами МВД было устроено 360 тыс. беспризорных и безнадзорных детей, подобранных с улиц и железнодорожного транспорта. Из них 125 тыс. детей были направлены в детские дома, 25,5 тыс. — в школы ФЗО и ремесленные училища, 51 тыс. — на работу в промышленность и сельское хозяйство, 14,5 тыс. — в детские трудовые воспитательные колонии МВД и 144 тыс. детей было возвращено родителям⁴⁸.

Разросшаяся в военное время государственная сеть детских учреждений очень скоро была переполнена и не вмещала всех нуждавшихся в призрании сирот. Наспех создавались новые детдома, дома младенцев, детские воспитательные колонии для успешных совершить мелкие правонарушения. В конце 1947 г. для приема беспризорных и безнадзорных детей

имелось 1504 детских комнаты милиции и 341 детский приемник-распределитель МВД. Количество мест в приемниках было доведено до 28,7 тыс.⁴⁹

В голодное время далеко не всегда детский дом, больница или дом ребенка были спасительным местом для искавших пропитания, лечения и приюта детей. Детские учреждения, входившие в систему министерства просвещения и здравоохранения были особенно подвержены расхищению продуктов питания и товаров, предназначенных детям. Помимо хищений и систематического урезывания отпускаемых по специальным фондам продуктов, из детского котла незаконно снабжалась вся администрация с обслуживающим персоналом и члены их семей. Нередко с ведома заведующих, разворовывались и продавались на рынках детская одежда и обувь. Ответом на произвол администрации и голодное существование было массовое бегство детей из такого рода учреждений.

В городах медицинское обслуживание детей ухудшилось, а в сельской местности — почти полностью отсутствовало. Детская смертность от воспаления легких, туберкулеза, остро го расстройства питания превышала 20% общей численности умерших в I квартале 1947 г. Углубленный осмотр детей школьного возраста выявил свыше 30% инфицированных туберкулезом. Одной из основных причин роста смертности детей было крайне неудовлетворительное питание в лечебно-профилактических учреждениях: отсутствие молока, низкосортные продукты и их заменители. Иркутский городской комитет ВКП(б), обеспокоенный ростом заболеваемости и смертности среди детского населения города, 7 апреля 1947 г. постановил ежедневно выделять молоко на 7 тыс. ослабленных детей школьного возраста из расчета 0,5 л на человека, организовать детскую столовую на 1500 человек, обязать горсобес перечислять горздравотделу из внеминистерских средств 100 тыс. руб. на оплату питания детей в столовой по медицинским показаниям, просить облисполком выделить добавочно 500 детских пайков для дистрофиков, находившихся на лечении в детской больнице⁵⁰.

Нетерпимая обстановка сложилась в учреждениях для самых маленьких. В доме малютки № 2 г. Кирова регулярно недодавали детям установленную норму питания. "Сэкономленные" продукты присваивались. Голодание детей, несвоевременное оказание медицинской помощи, вызывали высокую заболеваемость и смертность. За 9 месяцев 1947 г. из 150 детей заболели 73, из них умерло — 60, в том числе от дистрофии — 16 детей. Для сокрытия высокой смертности было организовано тайное погребение 53-х трупиков. В Тотемском районе Вологодской области по той же причине умерли от истощения 87 детей из 153 поступивших в дом ребенка⁵¹.

Расследование таких преступлений проводилось следователями по важнейшим делам прокуратуры РСФСР. Преступники получали длительные сроки лишения свободы. Заведующая дома малютки № 2 г. Кирова Блинова была приговорена к 20 годам, сестра-хозяйка Дорофеева — к 15-ти, повар Григорьева — к 10 годам заключения в исправительно-трудовых лагерях. Для предотвращения воровства в июле 1947 г. Генеральным прокурором СССР был издан приказ № 167 “Об усилении борьбы с хищением и разбазариванием промышленных и продовольственных товаров и другими злоупотреблениями в детских учреждениях”. В процессе исполнения приказа органами прокуратуры были вскрыты многочисленные факты хищения продуктов и других материальных ценностей в детских яслях, домах, больницах. Были привлечены к судебной ответственности и осуждены за кражу работники детских учреждений в Белоруссии, Молдавии, Таджикистане, на Украине, Дагестанской и Татарской АССР, Ивановской, Куйбышевской, Саратовской, Тюменской, Челябинской и других областях. Однако и после серьезного мероприятия продолжались хищения и злоупотребления в детских учреждениях⁵². Причиной тому являлся не столько голод, сколько особенности государственной системы социального обеспечения, где бесконтрольность создавала все условия для хищения, взяточничества, очковтирательства.

5. Психические расстройства на почве голода

Заболевание дистрофией нередко приводило не только к физическому истощению организма, но и к сильнейшим изменениям в психике и поведении человека. Взаимоотношения с окружающими менялись в сторону повышения раздражительности, нарастания психических расстройств от пищевых галлюцинаций до потери рассудка. Следственный отдел прокуратуры СССР в 1946-1947 гг. завел специальную папку для фактов людоедства на почве голодания и массовых отравлений граждан суррогатами пищевых продуктов.

Прокурор Измаильской области Украинской ССР сообщил в г. Киев, что в с. Васильевка Болградского района Измаильской области дочери Ф. и Л. К-вы употребили в пищу труп умершей от истощения матери. Врачебным освидетельствованием было установлено, что обе крайне истощены и никаким продовольствием не располагали. Были даны указания о немедленном их задержании и привлечении к уголовной ответственности. В этом же письме незадачливый прокурор спрашивал вышестоящее руководство, по какой статье квалифицировать действия арестованных⁵³. На основе данных уголовного розыска 1 марта 1947 г. Министр внутренних дел СССР С.Н. Круглов секретной почтой разослал письма Ста-

лину, Молотову и Берии с описанием случаев людоедства в Запорожской, Сталинской, Харьковской областях УССР⁵⁴. В Молдавии было зарегистрировано немало случаев поедания трупов людей голодными, а также убийства детей с целью употребления в пищу⁵⁵. Исчезновение людей, особенно детей и подростков, было зарегистрировано в 1947 г. в Воронежской, Курской, Ленинградской, Московской и других областях⁵⁶.

В течение 1947 г. с мест поступали донесения о массовых пищевых отравлениях. В г. Ярославле было отравление рабочих и членов их семей растительным маслом, использованным в технических целях при выработке лаков и красок на заводе "Победа рабочих". В колхозе им. Молотова Хохловского сельсовета Смоленской области вследствие употребления в пищу мяса павшего скота произошло заболевание 22-х колхозников, которые были госпитализированы. В Кировской области председатель колхоза "Авангард" вместе с председателем ревизионной комиссии купил на рынке 93 кг муки из отходов зерна и льносемени. Купленную муку они выдавали колхозникам в счет оплаты трудодней. От употребления в пищу хлеба из полученной муки, имели место тяжелые отравления у 66 человек взрослых и детей. В Щуровском районе Татарской АССР в колхозе "Ленинский путь" 87 человек были отравлены мукой из смеси пшеничных отходов с протравленным зерном, отпущенным на общественное питание косякам и трактористам⁵⁷.

Голод был одной из основных причин роста самоубийств в 1946-1947 гг. В обстановке всеобщего обнищания люди переставали надеяться на помощь со стороны государства. Голод притуплял сострадание к ближнему, обострял чувство безысходности. Очередное повышение цен, потеря хлебной карточки, денег, невнимание со стороны начальника, а тем более окружающих могли подтолкнуть физически и морально ослабевшего человека к последнему шагу. Низкооплачиваемые многодетные вдовы болезненно воспринимали повышение пайковых цен на хлеб осенью 1946 г. Многие не хватало зарплат на то, чтобы выкупить хлеб по карточкам. Крепильщица кузнечного цеха завода "Подъемник" (г. Москва) Е.Я. Кирпичева, имевшая 3-х детей и получавшая 500 руб. в месяц, заявила в профсоюзном комитете: "Мне трудно было кормить детей до повышения цен, а теперь остается только повеситься"⁵⁸. В действительности женщины с детьми держались до последнего. Пока был жив хоть один ребенок, мать не смела накладывать на себя руки. Чаше кончали самоубийством молодые одиночки, иногда даже прошедшие войну.

Бюро Кировского обкома ВКП(б) 9 апреля 1947 г. на своем заседании обсудило вопрос "О фактах самоубийства на кордной фабрике и механическом заводе". Партийное руко-

водство было обеспокоено тем, что в течение месяца на двух заводах города покончили жизнь самоубийством три молодые работницы: Шумских, Харина и Якурнова. Областной комитет партии пришел к выводу, что самоубийство девушек являлось следствием бездушного бюрократического отношения руководителей предприятий к материально-бытовым нуждам людей. В заводских общежитиях было грязно, мыло и сменной белье выдавалось рабочим редко, многие не имели верхней одежды и обуви. Обеды в столовых были низкого качества и дорогие. Выдача зарплаты систематически задерживалась. Тяжелое материальное положение заставляло некоторых рабочих заниматься перепродажей хлебных карточек, хищением вещей и денег у соседей. В постановлении бюро обкома были предупреждены руководители заводов о том, что если они не наведут должного порядка в общежитиях и не улучшат материальное положение рабочих, то будут сняты с занимаемых постов и привлечены к партийной и судебной ответственности⁵⁹.

Послевоенная нужда ломала не только женщин, но и бывалых мужчин. В парке культуры и отдыха г. Таганрога 15 октября 1947 г. на суку дерева был обнаружен висевший труп рабочего-молотобойца кузнечного цеха завода “Красный котельщик” С.А. Корокоц. Осмотром места происшествия было установлено, что Корокоц покончил жизнь самоубийством через повешение. В кармане найдено написанное его рукой заявление на имя начальника кузнечного цеха Шереметьева: “Я неоднократно обращался к вам за помощью, так как у меня вытащили хлебные карточки и месяц живу без хлеба. Вы же послали меня к черту. Вы работников ставите хуже собаки...”. Предварительное расследование установило, что Корокоц поступил на завод всего месяц назад, а до того работал на заводе им. Молотова. В Советской Армии служил 7 лет и в 1945 г. был демобилизован. Он потерял свои хлебные карточки и не имел квартиры. Об этом факте был информирован секретарь Ростовского обкома ВКП(б) Патоличев, который поручил доложить ему результаты расследования с тем, чтобы в последующем обсудить на бюро⁶⁰. Факты, связанные с гибелью рабочих, не оставались без внимания. Находили “виновных”, привлекали к партийной и даже судебной ответственности, а положение не менялось, т. к. основная причина — острая нехватка продуктов питания — оставалась в тени. Перед этой проблемой были бессильны партийные и советские чиновники. Решения местных властей были направлены на соблюдение элементарной законности при распределении продуктов питания по карточкам и поддержание общественного порядка. Это все, что они могли сделать.

6. Голод и переселенцы

Массовые переселения людей редко обходились без голода. Не миновали его переселения 40-х годов. В экстремальные условия были поставлены плановые переселенцы, спец. высленцы с Северного Кавказа, западных и других областей СССР, бывшие кулаки и колхозники, высланные по указу от 2 июня 1948 г. В войну и послевоенное время, воспользовавшись постановлениями правительства, не от хорошей жизни, переселились на "освобожденные" территории более 56 тыс. семей колхозников, из них 28,8 тыс. — в сельское хозяйство Грозненской, Крымской, Ленинградской, Саратовской областей, 27 тыс. — в рыболовецкие колхозы и рыбную промышленность Астраханской, Архангельской, Мурманской, Камчатской областей и Хабаровского края. В Калининградскую область было переселено 11,6 тыс. семей колхозников из Белоруссии, Центра и Поволжья России⁶¹. Все они получали небольшую денежную и продовольственную ссуду для обустройства, которая скоро кончалась. Вопреки обещаниям в местах вселения их ожидала разруха. Несмотря на запреты и угрозы некоторые сразу потянулись назад, а с началом голода в 1946 г. волна переселенцев хлынула в обратном направлении. До 1947 г. в Курскую, Орловскую, Ростовскую области, Краснодарский край, на Украину вернулось 28 тыс. семей, где их ожидали новые испытания⁶².

В ЦК ВКП(б) и Совмин СССР поступали тревожные сигналы и принимались срочные меры к прекращению массового самовольного выезда переселенцев из колхозов мест вселения. В Калининградской, Крымской и Саратовской областях было проведено взыскание с самовольно выбывших переселенцев непогашенной ими государственной ссуды и кредита. На местах была проведена проверка материального положения переселенцев. Постановлением Совмина РСФСР от 5 марта 1947 г. № 172 "О хозяйственном устройстве переселенцев" был намечен ряд мероприятий, обеспечивавших прекращение обратных выездов переселенцев и закрепление их на новых местах⁶³. Запоздалость этих мер была очевидной.

Русские и украинские переселенцы голодали в Грозненской и Крымской областях, а изгнанные из родных мест чеченцы и крымчане в Средней Азии, на Севере и других необжитых местах. Высланные размещались в селах отдаленных районов. Измотанные заготовками колхозы и совхозы не обеспечивали питанием своих работников, не говоря о прибывших. Государственная продовольственная помощь не спасала от дистрофии остро нуждающихся колхозников, а тем более спецпереселенцев, которые не имели домов, огородов, скота. В мае 1946 г. в Бородулинском районе Семипалатинской области Казахской ССР, в ответ на сигналы о массовых

фактах нарушений при распределении продовольственной помощи в колхозах, была проведена проверка. Выяснилось, что среди спецпереселенцев (чеченцев и немцев) существовала практика уравниловки в выдаче спецпайков без учета наиболее нуждающихся семей. Работники спецкомандатуры районного отделения МВД, зная о массовых случаях смертности спецпереселенцев от истощения, никаких мер к предотвращению этих явлений не принимали и не информировали об этом партийные и советские органы. В колхозах им. Кирова, "Начало", "Многополье", "II Пятилетка", "Новый путь", "Новая жизнь", "Новая деревня", "Украинец", "Переменовка" было выявлено 154 семьи с истощенными взрослыми и детьми, из них коренных семей — 28, остальные семьи спецпереселенцев⁶⁴. В следующем году продовольственное положение спецпереселенцев ухудшилось. По состоянию на 10 февраля 1947 г. в Северо-Казахстанской области находилось в тяжелом материальном положении 1328 семей (6230 человек) спецпереселенцев, в том числе 658 человек болели дистрофией⁶⁵.

На лесозаготовительные предприятия министерства целлюлозной и бумажной промышленности, а также министерства лесной промышленности, расположенные в Костромской области, в конце 1945 г. прибыло около 4 тыс. семей (до 15 тыс. человек) репатриированных спецпереселенцев (немцев, татар). Из указанного количества людей способных к тяжелому физическому труду насчитывалось примерно 3 тыс. человек, остальные были престарелые, больные и дети. Причем часть семей не имела ни одного трудоспособного. Считалось, что все они проживали в сельской местности, поэтому по постановлению Совмина СССР от 27 октября 1946 г. всем иждивенцам спецпереселенцев, не работающим на производстве, прекратили выдачу хлеба и других продуктов питания. В связи с тем, что никто из них подсобных хозяйств не имел, начались заболевания людей на почве истощения⁶⁶.

Не в лучшем положении оказались вернувшиеся из ссылки бывшие кулаки, массовое освобождение которых из спецпоселений началось в 1946 г. Никто не ожидал их возвращения в родные края после 20-летнего изгнания. Дома раскулаченных были проданы другим людям или заняты под школы, клубы и медпункты. Семьи бывших кулаков ютились у родных или знакомых, испытывая крайнюю нужду. Те из них, кто не успевал выехать из деревни, становились первыми жертвами голода.

Многие раскулаченные, особенно фронтовики, обращались в Президиум Верховного Совета СССР, с просьбой вернуть дома, отобранные в коллективизацию. Ф.Я. Ананьев из Воронежской области Липецкого района Сенцовского сельсовета сообщал в письме следующее: "...В 1933 г. всей семьей

мы были высланы в Карело-Финскую АССР, где проживали до 1941 г. Потом нас эвакуировали в Коми АССР. В 1941 г. отец, старший брат и я были призваны в Красную Армию. Отец и брат погибли на фронте. Моя мать, как член семьи военнослужащих, получила освобождение и документы. В 1944 г. она приехала в родное село на постоянное жительство. Я демобилизовался по указу от 4 февраля 1947 г. и тоже вернулся на место рождения. Мы вдвоем с матерью скитаемся по чужим углам и бедствуем, потому что наш дом занят медпунктом. Я обращался к районному прокурору и он мне посоветовал написать вам. Прошу Вас, тов. Председатель, оказать содействие в возвращении отцовского дома, ибо я не имею средств приобрести или построить дом заново". Ему ответил заведующий приемной Президиума Верховного Совета СССР Савельев: "... За истечением срока давности не может быть принято к рассмотрению ходатайство о возвращении Вашего дома, отобранного в 1933 г."⁶⁷ Ответы такого содержания получали все без исключения раскулаченные, обращавшиеся к властям с подобной просьбой.

7. Окончание голода в 1948-1949 гг.

Так завершился злосчастный 1947 г., но с ним не закончились людские страдания. И хотя 1948 г. был легче, в ряде мест Союза голодание достигало роковой черты. Весной и летом 1948 г. участились случаи заболевания людей дистрофией в колхозах Вологодской, Саратовской, Сталинградской областей, Алтайского края, Удмуртской АССР и др. Возросла численность остроножающихся в хлебе колхозников в Астраханской, Горьковской, Кемеровской, Курганской, Орловской, Смоленской, Томской областях, Башкирской, Татарской АССР и др.

Как и в 1947 г., в следующем 1948 г. весь продовольственный вопрос сводился к хлебу. Основным поводом обращения за хлебной ссудой называлась не опасность гибели людей от голода и болезней, а нежелательность нарушения темпов прополки посевов, сенокосения, уборки урожая и других неотложных сельскохозяйственных работ. Порой и такого обоснования для получения продсуды бывало недостаточно, тогда ссылались на суховеи или дожди, на прибывших переселенцев, командированных на сенокос или уборку урожая городских рабочих, только не на своих полуголодных, вконец отошавших колхозников.

По неполным данным, в течение одного месяца, июня 1948 г., к правительству обратилось с просьбой о срочной помощи хлебом 16 краев и областей, 4 автономные республики, одна автономная область России и 3 союзные республики Средней Азии. Секретарь Архангельского обкома ВКП(б) Ни-

колаев и председатель облисполкома Летунов писали Маленкову, что рыночные фонды хлеба по селу были увеличены в 1948 г. по сравнению с фондами голодного 1947 г. всего на 23%, что не обеспечивало хлебом рабочих, служащих, специалистов сельского хозяйства, учителей и врачей в сельской местности, а на колхозников вообще никто не рассчитывал. Многие колхозы получили в 1947 г. пониженный урожай зерновых и выдавали хлеба на трудодни в минимальных количествах, в 26-ти оленеводческих колхозах хлеб на трудодни не выдавался совсем. Такие колхозы не имели своего хлеба, а продавать им хлеб через магазины торговых организаций, из-за ограниченности фондов, не представлялось возможным. Северяне запрашивали 1 тыс. т хлеба в ссуду для питания нуждающихся колхозников и только на время полевых работ. Из Удмуртской АССР информировали Совмин СССР, что колхозы приступали к сенокосению и силосованию, причем многие из них испытывали большую потребность в хлебе, что сильно отражалось на производительности труда, просили отпустить 2,5 тыс. т краткосрочной ссуды для больных дистрофией и инфекционными заболеваниями.

Впервые за послевоенное время в начале лета 1948 г. в списки просителей попал Алтайский край, где в Старобардинском, Тогульском, Чарышском, Кытмановском, Залесском, Петропавловском, Быстроистокском, Баевском и др. районах сложилось крайне тяжелое положение с продовольствием и были случаи заболевания дистрофией. Острая потребность колхозников в хлебе побудила руководителей Иркутской области в начале мая 1948 г. обратиться к Маленкову с просьбой о продаже 1,3 тыс. т зерна урожая 1937-1944 гг., зараженного клещом и хранившегося на Червянском глубинном пункте Шиткинского района. Подобное обращение об использовании испорченного зерна было направлено правительству из Вологодской области, где отсутствие хлеба вызывало рост заболеваний дистрофией и в поисках пропитания люди покидали колхозы⁶⁸.

Весной 1948 г. Узбекская ССР просила хлеба для жителей г. Ташкента и др. городов, а осенью — для колхозов, посеяв которых пострадали от засухи. Секретарь ЦК КП(б) Узбекистана Юсупов, в связи с создавшимся исключительно тяжелым положением со снабжением хлебом населения городов и хлопкосдатчиков, просил разбронировать из резерва 20 тыс. т зерна. В ноябре т. г. шифровкой он же просил разрешения выдать из республиканского фонда единовременную помощь особо нуждающимся колхозникам Кашка-Дарьинской области в сумме 250 тыс. руб. В письме зампреду Совмина СССР Маленкову председатель Горьковского облисполкома Жильцов и секретарь обкома Киреев напоминали, что в 1947 г. колхозы области, досрочно выполнив план хлебосдачи, не обеспечили

себя семенами и фуражом. Около половины колхозов области выдавали зерно колхозникам только в порядке авансирования до 300 г на трудодень. Семенную и фуражную ссуду правительство им отпустило, а продовольственную нет, поэтому многие колхозники испытывали большие затруднения с продовольствием, что ставило под угрозу сенокосение и уборку урожая. Просили краткосрочную ссуду в размере 4 тыс. т⁶⁹. Полное отсутствие хлеба в некоторых колхозах Томской области сдерживало темпы полевых работ в июне 1948 г. Томичи обратились в бюро Совмина СССР с просьбой выделить в порядке продссуды 250 т зерна⁷⁰. Подобных обращений было немало.

Из-за отсутствия хлеба и денег в переселенческих колхозах Калининградской области люди самовольно возвращались в прежние места жительства. Подобное было и в левобережных степных районах Саратовской области, где проживали колхозники-переселенцы, среди которых возросло количество дистрофиков. В Кемеровскую область были направлены спецпереселенцы из западных областей УССР. Из них 7 тыс. человек нетрудоспособных стариков и детей отделили и сразу отправили в колхозы. Снабжение их хлебом производилось из скудных ресурсов колхозов. В мае 1948 г., когда в колхозах хлеб кончился, снабжение спецпереселенцев было прекращено и Кемеровский облисполком затребовал для них 300 т зерна в порядке продссуды⁷¹.

Как и в 1947 г., несмотря на строгий запрет властей и органов здравоохранения в феврале-марте 1948 г. тысячи голодных людей собирали перезимовавшее в поле под снегом зерно. Сообщения об отравлениях поступали со всех концов страны. Из Курганской области сообщали, что во многих колхозах в связи с отсутствием хлеба люди употребляли в пищу собранное в поле ядовитое зерно. В 3-х районах области имелось до 200 человек болевших септической ангиной. Просили оказать колхозам продовольственную помощь⁷². Аналогичного содержания телеграммы поступали в центр из Алтайской и Краснодарского краев, Вологодской, Горьковской, Молотовской, Новосибирской, Саратовской, Чкаловской, Ярославской областей, Башкирской и Татарской АССР, Казахской ССР и др. В марте в целях предупреждения заболеваний септической ангиной Совмин СССР секретным распоряжением обязал министерство заготовок и Центросоюз СССР организовать обмен собранного населением зерна на доброкачественное и обеспечить отдельное его хранение. Планировалось открыть пункты обмена в 32-х республиках, краях и областях России⁷³.

Секретарь Калужского обкома партии Панов в июне 1948 г. сообщал Маленкову о предстоящем привлечении населения городов и рабочих поселков для уборки урожая и о затруднениях в колхозах с хлебом, просил отпустить спецназна-

чением для области 800 т муки для продажи печеным хлебом⁷⁴. Министерство совхозов СССР в письме правительству сообщало об исключительно тяжелом положении в торговле хлебом и крупой, отчего рабочие самовольно уходили с работы. Директора совхозов, чтобы удержать людей, расходовали на питание под видом отходов фуражное зерно⁷⁵.

Как ни прискорбно, но 1948 г. не стал последним годом послевоенного голода. Казалось, не будет конца голодной пытке. В ряде районов Союза зимой и весной 1949 г. продовольственное положение трудящихся было на уровне голодного и полуголодного существования. Если в крупных промышленных центрах голодание было исключением, то в сельской местности встречались места, где в 1949 г. наблюдалось резкое ухудшение материального положения людей. Сказывались последствия засухи, охватившей летом 1948 г. степные районы Средней и нижней Волги, частично Южного Урала, Северного Кавказа, Грузии, Казахстана и Узбекистана.

“Сталинградский обком ВКП(б) обращается к Вам, Иосиф Виссарионович, с просьбой оказать помощь колхозникам”, — писал секретарь обкома партии Прохвятилов председателю Совета Министров СССР Сталину. Для срочной помощи у области были все основания. Многие колхозы заволжских и приволжских районов попали в неблагоприятные метеорологические условия. Трижды повторившийся юго-восточный суховей уничтожил посевы яровых культур, урожайность которых составила не более 1 ц с га. Во многих районах выдача хлеба на трудодень колхозникам не превышала 100-150 г, поэтому осенью семьи колхозников нуждались в хлебе и многие из них выезжали за пределы области. Прохвятилов просил продсуду в размере 15 тыс. т.

По той же причине серьезные продовольственные затруднения переживали колхозы заволжских районов Саратовской области: Безымянского, Красноярского, Красно-Кутского, Красноармейского, Комсомольского, Приволжского, Подлесновского, Первомайского, Ровенского, Советского и Свердловского, где проживали преимущественно переселенцы. Не лучше было в колхозах юго-восточных районов той же области: Озинского, Амайского, Ново-Репинского, Питерского, Перелюбского и Новоузенского. Часть колхозов в этих районах совершенно не производила в 1948 г. выдачи зерна на трудодни колхозникам, а большинство колхозов выдавали 100-200 г зерна на трудодень. Многие колхозники испытывали исключительные трудности с продовольствием и нуждались в неотложной помощи. По самым скромным подсчетам, саратовцам требовалось 5 тыс. т хлеба. Секретарь Челябинского обкома ВКП(б) Белобородов и председатель облисполкома Бессонов просили Совмин СССР отпустить для своих колхозников, нуждавшихся в хлебе, продсуду в размере 3 тыс. т⁷⁶.

В Грозненской области в 1948 г. подверглись засухе степные национальные и притеречные районы, а также большинство переселенческих районов: Надтеречный, Гудермесский, Горячеисточенский с частью колхозов Междуреченского, Грозненского, Сунженского и Новосельского. В колхозах этих районов погибла большая часть озимых и особенно яровых культур, а оставшиеся посевы колосовых, кукурузы, картофеля, овощей, подсолнуха дали урожай значительно ниже планового и в 2-3 раза ниже прошлого 1947 г. Большинство колхозников-переселенцев не успели обзавестись хозяйством, а приусадебные участки повыгорали. К тому же они не имели средств на покупку хлеба. Несмотря на запрет, многие семьи переселенцев самовольно уезжали в прежние места жительства, мотивируя тем, что там урожай хороший⁷⁷. В последнем квартале 1948 г. рыночный фонд муки для области был выделен в размере 9,2 тыс. т, что составляло в день, в переводе на хлеб, в среднем 367 г на душу городского и сельского жителя. Из-за больших очередей люди не могли ежедневно покупать хлеб. Перебои в торговле хлебом усилились в начале 1949 г. в гг. Грозном, Кизляре и Гудермесе, а также на нефтеразведках, лесоразработках, лесозаводах. Снабжение хлебом рабочих, служащих, учителей, врачей и агрономов было нарушено, так как выделявшиеся Грозненской области рыночные фонды муки были совершенно недостаточны, а засуха вызывала резкое сокращение поступления на колхозные рынки овощей, картофеля и др. сельхозпродуктов. Это вызывало недовольство у населения и отражалось на состоянии работы нефтяной промышленности, железнодорожного транспорта и др. отраслей народного хозяйства. На недостаток хлеба в торговой сети поступало много жалоб в обком партии, в облисполком и в ЦК ВКП(б). Усилия местных партийных, советских и торговых организаций разрядить обстановку ни к чему не привели, поэтому Грозненский обком ВКП(б) просил Маленкова дать указание об увеличении Грозненской области ежеквартальных рыночных фондов муки до 11,5 тыс. т, крупы и макарон до 800 т, а также выделить для г. Грозного из резерва 4 тыс. т картофеля⁷⁸.

В Грузии в результате сильной засухи весной и летом 1948 г. колхозы Кахетии, южных нагорных и западных районов республике получили низкий урожай озимых и яровых зерновых культур. После продолжительной засухи 29 и 30 июля случились заморозки, повредившие посевы зерновых культур в двух районах: в Богдановском из 15,4 тыс. га посевов зерновых было повреждено 10,3 тыс. га, в Ахалкалакском из 26,9 тыс. га — 2,4 тыс. га. В течение мая, июня, июля количество осадков по сравнению с нормой составляло по Имеретии — 40-59%, по Рача-Лечхуми — 34-47%. В районах этой зоны было сосредоточено до 80 тыс. га посевов кукурузы, из

них 20 тыс. га погибло, а с остальных посевов, угнетенных засухой, сбор кукурузы был низкий. В Застафонском районе из 6,5 тыс. га посевов кукурузы, полностью погибло 3,1 тыс. га, в Маяковском из 4,8 тыс. га — 2,8 тыс. га, в Самтредском из 8,4 тыс. га — 1,5 тыс. га. Сложное положение было и в других районах Имеретии. Засуха сильно отразилась на состоянии посевов кукурузы в Абхазии и в отдельных районах Мингрелии. В первой половине августа по всей республике стояла засушливая погода, осадков не было, температура держалась очень высокая, доходившая в отдельных местах до 38-40° в тени. От этого пострадали и посевы картофеля, овощей, табака.

В отличие от упомянутых выше обращений к правительству за хлебной ссудой, руководство Грузии пошло по иному пути и в своем письме заострило внимание на смягчении предстоящих заготовок и отсрочке долгов по ссудам. Для облегчения выполнения плана хлебозаготовок колхозами, пострадавшими от засухи, секретарь ЦК КП(б) Грузии Чарквиани и председатель Совмина республики Чхубианишвили попросили Сталина сократить на 14 тыс. т план сдачи хлеба по натуроплате за выполненные МТС работы; зачесть в выполнение плана хлебопоставок 7,5 тыс. т зерна, сданного колхозами годом раньше, авансом в счет натуроплаты и обязательных поставок на 1948 г.; сократить план возврата ссуды на 1 тыс. т переселенческим колхозам, отсрочив ее до урожая 1949 г.; разрешить колхозам, пострадавшим от засухи, взамен 3 тыс. т пшеницы сдавать кукурузу по соответствующему эквиваленту⁷⁹. Это был новый тактический ход в борьбе с центром.

И наконец, совсем кратко отметим, что в результате недорода зерновых в 1948 г. значительная часть переселенцев в северных и северо-восточных районах Казахстана не обеспечивалась продовольствием. По неполным данным МВД СССР, в Акмолинской, Актюбинской, Кокчетавской, Кустанайской, Северо-Казахстанской, Семипалатинской областях на 1-е апреля 1949 г. было учтено 118259 выселенцев, остро нуждающихся в хлебе, из них 2590 больных дистрофией. Было зарегистрировано 18 случаев смертности от истощения и недоедания⁸⁰.

Можно без преувеличения сказать, что послевоенный голод затянулся на всю пятилетку и с разной силой воздействия захватил почти половину густонаселенной территории СССР. Начало массового голода пришлось на осень 1946 г. Самый тяжелый период — весна и лето 1947 г. Голод уходил медленно, словно нехотя, примерно в течение 3-х лет. Ежегодно осенью в 1948-1950 гг. положение улучшалось, а весной и летом снова наступало обострение и число дистрофиков увеличивалось. По нашим данным движение этого маятника

смерти было остановлено только в начале 50-х годов, когда материально улучшилась жизнь народа.

География голода была в целом традиционной, схожей с 1932-1933 гг. Абсолютный, т. е. близкий к голодомору, с поеданием людьми травы, трупов павших животных и проч., голод разразился в некоторых зерновых районах Черноземного Центра, Средней и Нижней Волги, Северного Кавказа, юга Украины и Молдавии. Слабее воздействие голода отмечалось в соседних с ними регионах Белоруссии, центральной, западной, северной и восточной России, включая Урал, Сибирь и Дальний Восток. В других местах наблюдался скрытый голод с постоянным недоеданием, где в основном спасались картофелем.

Первыми приняли удар сельские жители, составлявшие большинство населения и лишенные нормированного обеспечения хлебом. Несмотря на строгий кордон, воздвигнутый между селом и городом паспортной системой и милицией, голодавшие заполняли города. Многие и там не находили спасительного пропитания, просили подавания, окончательно ослабевали, болели и умирали. Большинство горожан обеспечивалось очень плохо. В особо оберегаемых городах: Москве, Ленинграде, Киеве и др. немало рабочих семей голодало. Как в деревне, так и в городе, сильнее пострадали самые низкооплачиваемые: рядовые колхозники, рабочие совхозов, промышленных предприятий, составлявшие до 90% всего населения Союза. Больше всего жертв дали многодетные семьи погибших воинов, инвалидов войны и труда, а также семьи военных и послевоенных спецпереселенцев. По примерному расчету в 1946-1949 гг. всего переболело дистрофией и септической ангиной около 4 млн. человек, из них 1,5 млн. человек — в тяжелой форме, когда уровень летальности достигал 50% и выше.

С тех пор минули десятилетия, а люди не могут забыть того, что творилось. Вот что написала в апреле 1989 г. в редакцию газеты "Сельская жизнь" пенсионерка М.И. Евдокимова, трудившаяся тогда в колхозе "Заветы Ильича" села Чуфарово Сергачского района Горьковской области: "Кончилась война, а в наши семьи еще больше пришла нищета. Люди обессилели от работы, голода, холода. Не было сил вести борьбу со вшами, клопами, тараканами. Утюги грелись деревянными углями, а дров-то в помине не было. После зимы ходили в поле, собирали гнилую картошку, свеклу, лебеду, клевер, толкли картофельную ботву. Все это ели. Молоко, мясо, яйца, шерсть сдавали государству".

ГЛАВА IV. ГОЛОД И ПРЕСТУПНОСТЬ

1. Рост преступности в 1946-1947 гг.

Преступления, связанные с резким понижением материального положения трудящихся, получили широкое распространение среди населения советского тыла в 1941-1945 гг. Преступниками становились голодные многодетные вдовы и сироты. При учете, не превышавшем в среднем 80%, число лиц, осужденных в годы войны за хищение государственного и общественного имущества, составляло 1 млн. 59 тыс. человек. В том числе только в 1943-1944 гг. за такого рода преступления было осуждено 465,3 тыс. человек, из них 230 тыс. человек — женщин и подростков до 16 лет. В сравнении с предвоенным 1940 г. к концу войны подростковые правонарушения увеличились в 2-3 раза, а женские — в 4-5 раз⁸¹.

Война предъявляла самые высокие требования. Считалось, что хищения, хотя и в малых размерах, но носившие массовый характер, могли причинить огромный вред как фронту, так и тылу. Посягательство на личное имущество граждан в ряде случаев перерастало в посягательство на народное хозяйство и влекло за собой принципиальное осуждение со стороны государства и общества. В условиях войны хищения с индивидуальных и общественных огородов, хотя бы и совершенные в первый раз и без иных отягчающих обстоятельств, не могли рассматриваться как обычная кража. Гораздо большее осуждение и наказание получали посягательства на социалистическое государственное имущество. Не случайной являлась передача дел о преступлениях, предусмотренных законом 7 августа 1932 г., в местностях, объявленных на военном положении, на рассмотрение военных трибуналов. Такого рода осуждение обязательно влекло за собой не только суровое основное наказание, но и дополнительное — в виде поражения прав и конфискации имущества⁸².

Усиленной охраной пользовались во время войны хлеб и другие сельскохозяйственные продукты. Приказы и постановления органов юстиции, суда и прокуратуры, направленные против хищений, разбазаривания и порчи зерна, овощей и других продуктов питания, подчеркивали опасность подобных преступлений, ведущих к уменьшению стратегических ресурсов государства. Преступные посягательства на колхозную и совхозную продукцию являлись тягчайшим правонарушением и карались по законам военного времени. К такого рода преступлениям не применялась амнистия, тем не менее большинство советского народа с пониманием принимало жесткую правовую политику государства.

В конце войны общее количество преступлений относительно 1944 г. сократилось за исключением разбоев и грабежей, численность которых на заключительном этапе войны возросла, хотя была ниже чем в предвоенные годы. В 1945 г. по сравнению с предыдущим годом возросла численность осужденных за хищение государственного и общественного имущества среди коммунистов и комсомольцев, что могло быть вызвано начавшейся демобилизацией воинов и возвращением эвакуированных, попавших в критическое материальное положение. Однако отдельные моменты не смогли нарушить общую тенденцию к понижению всех других видов преступности. В честь окончания войны по амнистии было освобождено из тюрем и колоний более 40 тыс. человек осужденных⁸³.

После войны распространились нарушения законности партийными и ответственными работниками, проявившиеся по отношению к колхозной собственности. Местные руководители произвольно распоряжались колхозным добром, изымая имущество, продукцию и денежные средства не только на строительство домов передовиков сельского хозяйства и агротехники, а и на проведение совещаний, слетов, митингов, сопровождавшихся банкетами и вечерами.

В Михневском районе Московской области, по инициативе 1-го секретаря райкома ВКП(б) Лизнина в феврале 1946 г. был организован банкет по случаю встречи с кандидатом в депутаты. На банкете присутствовали работники райкома партии, председатель райисполкома, начальники НКВД и НКГБ. Продукты питания и деньги для встречи были взяты у колхозов района. Подобное происходило в Алмаатинской области Казахской ССР, Башкирской АССР, Куйбышевской, Ярославской и др. областях⁸⁴. По колхозам рассылались приказы о доставке продовольствия и денег на закупку вина для застолья.

Самоснабжение местных партийно-советских работников за счет колхозов было привычным делом. Колхозы им. Сталина, Молотова, Шаумяна Ахталинского района Армянской ССР в конце 1945 г. и начале 1946 г. бесплатно отпустили районным руководителям 3,8 т пшеницы, 106 кг масла, 145 кг сыра. В числе нахлебников были секретарь райкома партии, заведующий отделом, инструктор, помощник секретаря и шофер. На иждивении колхоза "1-й Октябрь" Ново-Александровского района Ставропольского края находилось большинство руководящих работников. О том, как было организовано снабжение начальства мукой рассказывал сотрудником комиссии Министерства государственного контроля СССР бывший председатель этого колхоза Нечаев: "О выделении муки меня просили работники района. Муки в колхозе не бы-

ло и по моему распоряжению на мельницу было завезено 10 ц пшеницы для колхоза и для снабжения мукой районного начальства...⁸⁵. Чкаловский райком партии Чкаловской области в марте 1946 г. для снабжения работников своего аппарата взял по заниженной цене в колхозе им. Горсовета 400 кг пшеницы. В том же месяце 1-й секретарь райкома Степанов направил колхозам района указание о сдаче мяса в буфет райкома ВКП(б)⁸⁶.

Министр государственного контроля СССР Л.З. Мехлис 3 августа 1946 г. направил большое (56 стр.) письмо Сталину и Жданову "О разбазаривании колхозной собственности руководителями ряда партийных организаций". В заключение он писал: "... Размеры беззаконий допускаемых в отношении колхозной собственности многими партработниками столь велики, что часто партийный аппарат не в состоянии занять принципиальную позицию в отношении лиц, разбазаривающих колхозную продукцию"⁸⁷. Открытый грабеж колхозов происходил на глазах у сельчан и никак не способствовал укреплению дисциплины и повышению заинтересованности колхозников в общественном труде.

В ответ на тревожные сигналы правительство повысило меру ответственности за растаскивание колхозной собственности. В постановлении Совмина СССР и ЦК ВКП(б) "О мерах по ликвидации нарушений устава сельскохозяйственной артели в колхозах" от 19 сентября 1946 г. было сказано о необходимости судить, как уголовных преступников, тех руководителей, которые виновны в противоклхозных, а значит и противогосударственных действиях⁸⁸. В "Известиях" за 26 сентября 1948 г. было опубликовано сообщение о заседании Совмина СССР, на котором за использование служебного положения в корыстных целях и попустительство расхитителям имущества было снято с должности и отдано под суд несколько районных руководителей Куйбышевской и Ярославской областей.

Голод, прокатившийся по всей стране, вызвал невиданный даже в военные годы рост преступности. Не имевшие средств к существованию, обезумевшие люди ради собственного спасения шли на воровство, грабеж, убийство. В создавшейся обстановке правительство, ограничивая помощь голодавшим, повышало карательные функции государства. Вал указов и постановлений нарастал как снежный ком по мере усиления голода и летом 1947 г. достиг своего апогея. Указы Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня того же года об уголовной ответственности за хищения государственного имущества и об усилении охраны личной собственности затмили сатанинскую силу закона от 7 августа 1932 г., прозванного в народе законом о пяти колосках. В условиях голода эскалация уголовного законодательства обернулась не против

настоящих преступников — крупных грабителей государственной и личной собственности, а против всего обездоленного люда, причинив ему много страданий.

Рассмотрим некоторые аспекты исполнения правовой политики на примере правонарушений, связанных с хищением хлеба и других продуктов питания. Пайково-карточная зависимость от государства формировала страх перед голодом в сознании людей, а лишение нормированного питания миллионов сельчан, искусственно нагнетало криминогенность обстановки. Суровых законов военного времени было недостаточно для устрашения и закрепощения обманутого народа. После войны с новой силой заработала сталинская формулировка времен голодомора 1933 г.: “Борьба за охрану общественной собственности, борьба всеми мерами и средствами, предоставляемыми в наше распоряжение законами Советской власти, — является одной из основных задач партии”⁸⁹.

Во второй половине 1946 г. Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) приняли два постановления по усилению охраны хлеба: 27 июля — “О мерах по обеспечению сохранности хлеба, недопущению его разбазаривания, хищения и порчи”, 25 октября — “Об обеспечении сохранности государственного хлеба”. В них говорилось о многочисленных случаях хищения хлеба. Правоохранительным органам вменялось в обязанность обеспечение сохранности и неприкосновенности государственного хлеба, что означало применение крайних мер⁹⁰.

Во исполнение данного решения партии и правительства Министерством юстиции СССР были даны указания всем органам суда о рассмотрении дел по такого рода представлениям не позднее 10-дневного срока с применением к виновным по закону от 7 августа 1932 г. в качестве меры судебной репрессии за хищение колхозного и кооперативного имущества высшей меры наказания — расстрела, с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже 10 лет⁹¹.

По неполным данным, осенью 1946 г. было осуждено за хищение хлеба 53369 человек, из них 36670 человек (74,3%) приговорены к лишению свободы. По закону от 7 августа 1932 г. осудили 1146 человек, из них 35 человек приговорили к расстрелу. Много осужденных по такого рода делам было в Красноярском и Ставропольском краях, в Башкирской АССР, Ростовской, Рязанской, Саратовской, Киевской, Харьковской, Одесской областях⁹².

Сокращение поступлений хлеба на внутренний рынок, необузданный рост цен весной 1947 г. привели к увеличению краж зерна, муки, печеного хлеба. При острой потребности людей в деньгах, возросло число преступлений против государственного и личного имущества. Для того, чтобы сбить на-

раставшую волну голодной преступности, не раскрывая истинных причин ее роста, правительство усиливало меры наказания путем многократного повышения сроков лишения свободы за мелкие кражи. На заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) 5 марта того года по предложению секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Жданова была создана комиссия по разработке предложений о повышении мер уголовного наказания за кражу государственного, общественного и частного имущества⁹³. Итогом работы комиссии были указы Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 г. “Об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества”, “Об усилении охраны личной собственности граждан”.

В этих указах, обнародованных “Правдой” 5 июня, основное внимание уделялось охране государственной и общественной собственности. Третий пункт указа об уголовной ответственности за хищения государственного и общественного имущества специально был посвящен колхозам. В нем говорилось, что кража, присвоение, растрата или хищение колхозного, кооперативного или иного общественного имущества — карается заключением в исправительно-трудовом лагере (ИТЛ) на срок от пяти до восьми лет с конфискацией имущества или без конфискации. Далее пояснялось, что за повторное или групповое (шайкой) или в крупных размерах хищение следовало применять наказание от восьми до двадцати лет с конфискацией имущества. Указ об охране личной собственности граждан был мягче. В нем за разбой, т. е. нападение с целью завладения чужим имуществом, соединенное с насилием или угрозой применения насилия, предлагалось от 10-ти до 15-ти лет с конфискацией имущества.

Правдинская публикация скрыла настоящую меру тяжести наказания. В действительности минимальный срок лишения свободы за кражу, присвоение или растрату госимущества составлял от 7 до 10 лет, а повторное или совершенное организованной группой преступление — до 25 лет исправительно-трудовых работ. По секретному распоряжению Совета Министров СССР действие указа от 4 июня 1947 г. было распространено и на мелкие кражи на производстве во изменение ранее действовавшего указа от 10 августа 1940 г. “Об уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве и хулиганство”. По этому неопубликованному указанию рабочие и служащие приговаривались за мелкие кражи не к 1 году лишения свободы, как было раньше, а к 7-10 годам⁹⁴.

В письме секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецову Генеральный прокурор СССР Горшенин просил разрешить информировать население об изменении в судебной практике путем публикации в печати сообщений о судебных процессах, чтобы тем самым предупредить людей о том, что их на самом

деле ждет за мелкие хищения⁹⁵. Просьбу прокурора учли и на пятый день после указа тоже в “Правде” была опубликована небольшая подборка судебных приговоров. Пять приведенных для примера случаев из 10-ти приходились на кражу продуктов питания. В сообщении не было и намека на 25-летний срок наказания, из него едва ли можно было понять, что после указа уголовная ответственность за мелкие кражи была повышена в 7-10 раз. Больше никаких сообщений не последовало. Правительство не собиралось посвящать людей в “подробности” уголовного законодательства. Секретные дополнения к указам позволяли манипулировать законом и держать народ в страхе перед “правосудием”, что уже отмечалось в исторической литературе⁹⁶.

Вместе с тем, секретные распоряжения Совмина вносили путаницу в исполнение указов от 4 июня 1947 г. Для того, чтобы снять вопросы, возникавшие при рассмотрении дел о хищениях, Пленумом Верховного суда СССР было дано указание судам о нецелесообразности применения закона от 7 августа 1932 г. и указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 августа 1940 г. “Об уголовной ответственности за мелкие кражи на производстве и хулиганство”⁹⁷. Новое указание не проясняло ситуацию и привело к тому, что судебные органы в большинстве случаев за хищения государственного имущества, независимо от характера и размера краденного и личности обвиняемого, назначали крайнюю меру наказания — 10 лет ИТЛ.

В тяжелой экономической и социальной обстановке решительные действия со стороны правительства были необходимы, беда была в том, что усиление правовой ответственности граждан за мелкие хищения не было подкреплено соответствующей материальной помощью голодающим. В силу этого правовое преследование расхитителей вылилось на практике в репрессии против главной движущей силы на производстве — рабочих и колхозников.

Указы и постановления раздули небывалую кампанию по борьбе с хищениями. В кратчайший срок суды провели сотни и тысячи показательных процессов. Через полгода после издания указов тюрьмы и лагеря были переполнены осужденными. Сигналы об этом поступали в правительство из МВД, Верховного Суда, Прокуратуры СССР. Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н.М. Шверник 5 августа 1948 г. официальным письмом сообщил Сталину о многочисленных заявлениях от осужденных и их родственников, в которых указывалось на несоответствие между тяжестью наказания и совершенным преступлением, когда за кражу пороженного мешка давали 7 лет исправительно-трудовых работ. Предложение Шверника состояло в том, чтобы органы суда и

прокуратуры пересмотрели дела осужденных по указам от 4 июня 1947 г. за мелкие кражи и переквалифицировали эти преступления по указу от 10 августа 1940 г., что могло снизить меру наказания в 3-4 раза. Сталин согласился и неповоротливая бюрократическая машина заработала в обратном направлении⁹⁸. Реализация предложений Шверника в какой-то мере способствовала нормализации деятельности судов и прокуратур и постепенному угасанию репрессий в отношении женщин, детей, стариков и инвалидов в последующие годы.

В послевоенном судопроизводстве многое зависело от деятельности судов, которая протекала в тяжелых условиях. Здания, помещения так называемых народных, районных судов, за редким исключением, напоминали тюремные заведения. Во многих не было элементарных условий, находились они в запущенном состоянии, грязные. Судебные процессы проходили без надлежащей предварительной подготовки во многих случаях на низком уровне, в результате чего терялась их эффективность. Имели место необоснованные осуждения граждан. Установлено много фактов преступной волокиты, нарушения советских законов, злоупотребления служебным положением, взяточничества и пьянства со стороны судебных работников, дискредитировавших недостойным поведением советский суд и вызывавших справедливое недовольство и недоверие к ним трудящихся.

В ряде случаев областные, краевые и республиканские органы юстиции, не выполняя распоряжение Молотова от 13 января 1946 г. "О создании необходимых условий для работы народных судей". Ослабив контроль за работой нарсудов, они не боролись со злоупотреблениями и не наказывали виновных. Вследствие безответственного отношения к подбору кадров на руководящую работу нередко назначались работники с низкой общей и специальной квалификацией. В Омской области из 59 народных судей 25 имели низшее и незаконченное среднее образование, а юридическое среднее и высшее — 24 человека, т. е. 40,6%⁹⁹.

2. Председатели колхозов под судом и следствием

Рассмотрим подробнее некоторые особенности исполнения уголовного наказания в 1946-1947 гг. Закон от 7 августа 1932 г. и июньские указы 1947 г. вновь напомнили деревне о том, что весь произведенный колхозами и совхозами хлеб являлся государственным достоянием и безжалостно карали за малейшие проявления прав на него со стороны производителей. Закон о пяти колосках заставлял ловчить, изворачиваться, обманывать для того, чтобы хоть что-то оставить для людей и хозяйства. Многие председатели колхозов, директора

совхозов, районные и областные руководители за утайку зерна и выдачу его на трудодни привлекались к суду.

В соответствии с постановлением Совмина СССР № 1703 от 31 июля 1946 г. "О запрещении торговли хлебом и подсолнухом до выполнения планов заготовок хлеба и подсолнуха" в июле и августе т. г. органами МВД за незаконную продажу зерновых было задержано 184 человека из числа должностных лиц колхозов. Материал на них был передан в органы прокуратуры для привлечения к уголовной ответственности. За те же действия оштрафовано 8297 колхозников и крестьян-единоличников на сумму 713,5 тыс. руб. В Костромской области председатели колхозов Толоконин и Барышев в августе-октябре 1946 г. тайком возили зерно в г. Кострому для продажи на колхозном рынке. Областной суд приговорил их за это к расстрелу, как за хищение хлеба¹⁰⁰.

Разбазариванием хлеба в колхозах считалась выдача зерна авансом в счет трудодней или на общественное питание до полного расчета с государством по обязательным поставкам, после чего обычно оставались пустые амбары. Председатель колхоза им. Кирова Лебяжского района Кировской области Печенкин в августе того же года ночью "незаконно" выдал голодным колхозникам 8 т хлеба. Во время раздачи за деревней были выставлены дозоры на случай появления областного или районного начальства. Колхозные осведомители донесли в НКВД, а те в райком партии. Поскольку план хлебозаготовок был выполнен колхозом только на 29%, то председателя колхоза Печенкина и кладовщицу Быкову осудили на 10 лет лишения свободы.

Не всегда спасал и полный расчет с государством по обязательным хлебопоставкам. Председатель колхоза "Победа" Новосокольнического района Великолукской области Железков, член ВКП(б), фронтовик, участник парада Победы в Москве, имевший 5 правительственных наград, был осужден на 6 месяцев за выдачу на трудодни колхозникам 280 кг зерна. Председатель колхоза "Красная борьба" той же области был привлечен к суду за то, что разрешил колхозникам взять 300 немолоченных снопов в счет оплаты трудодней. Причем в обоих колхозах план заготовок был выполнен полностью¹⁰¹. Аналогичные случаи тогда имели место в колхозах "Прожектор" и "Красный пахарь" той же области, а также в колхозах Крымской области, Марийской АССР и др. Отчеты о показанных судах освещались местной печатью¹⁰². Доверием правящей верхушки не пользовались те председатели, которые пытались проявлять какую-то заботу о колхозниках.

Разгул репрессий, обрушившийся на деревню с изданием указов, усовершенствовал и способы утайки хлеба от госпоставок для поддержания жизни колхозников. Нам известны

лишь некоторые приемы этой опасной игры с государством. В колхозе им. Чапаева Варгашинского района Курганской области в середине июня по указанию председателя колхоза Нестерова было срезано 379 кг ржаных колосьев и разделено между колхозниками. Нестеров был привлечен к уголовной ответственности за то, что сделал это задолго до выполнения плана хлебозаготовок. В другом случае председатель колхоза "Пятилетка" Ронгинского района Марийской АССР Воронцов при обмолоте, якобы в целях последующего хищения, оставлял в соломе зерно. Две тысячи недомолоченных снопов раздал колхозникам по трудодням. Верховный суд Марийской АССР приговорил Воронцова к 10 годам лишения свободы с конфискацией имущества¹⁰³.

После принятия постановления ЦК ВКП(б) от 14 июня 1947 г. "О недопустимых фактах частой сменяемости и необоснованной отдачи под суд председателей колхозов" количество преданных суду председателей постепенно сокращалось, уменьшались сроки наказания. Постановление спасло некоторых председателей от указов 4 июня 1947 г. Назовем статистические сведения о численности председателей колхозов, получивших срок в основном за выдачу хлеба на трудодни колхозникам и за невыполнение плана хлебопоставок. В I полугодии 1946 г. в СССР было привлечено к суду 4490 председателей колхозов, а во II полугодии того же года — 8058; в I полугодии 1947 г. — 4706, во II полугодии — 2269; в I полугодии 1948 г. — 1760. Как видим, действие партийного постановления от 14 июня 1947 г. стало заметным уже во II полугодии того же года, когда осудили вдвое меньше, чем в I-м. В письме Прокуратуры СССР для ЦК ВКП(б) говорилось, что сокращение привлеченных к суду председателей колхозов происходило по делам о некорыстных преступлениях.

Следовательно, самая многочисленная "посадка" председателей колхозов производилась во II полугодии 1946 г., как раз во время проведения государственных хлебозаготовок. Именно в этот период в Российской Федерации привлечено к уголовной ответственности более 5500 председателей, в Украинской ССР — 1148, Белорусской ССР — 345, Казахской ССР — 317¹⁰⁴.

Заодно с председателями колхозов пострадал сельсоветский и колхозный актив: в I полугодии 1946 г. всего по СССР осудили 2229 активистов, во II-м — 4671; в I полугодии 1947 г. — 3787 человек, а во II-м — 1807, т. е. в два с лишним раза меньше, чем в I-м. В этом тоже сказало названное выше постановление ЦК ВКП(б). Как и в случае с председателями колхозов, больше всего "преступлений" дали активисты России (2468), Украины (612), Казахстана (308), Белоруссии (123). По отдельным областям более всего осужденных было в Смо-

ленской и Калининской областях, соответственно, 232 и 215 человек¹⁰⁵.

Обобщенные данные позволяют примерно определить масштабы репрессий за срыв заведомо невыполнимых государственных планов хлебосдачи. В целом в 1946-1948 гг. количество осужденных председателей колхозов составило 21285 человек, что по численности равно общему количеству председателей колхозов Белоруссии, Казахстана и Грузии вместе взятых¹⁰⁶. Кроме председателей оказались за решеткой 14569 человек сельсоветского и колхозного актива.

Вред перегиба был очевидным и пагубно сказался на проведении весеннего сева 1947 г., во многих местах затянувшегося до лета. ЦК партии предпринял попытку вернуть в колхозы хотя бы часть отбывавших срок председателей. В соответствии с решением ЦК ВКП(б), Прокуратурой СССР совместно с руководящими работниками обкомов ВКП(б) в мае-июле 1947 г. была проведена проверка обоснованности приговоров председателей колхозов в 1946 г. и I квартале 1947 г. Верховный суд СССР затребовал в Москву для изучения около 15000 дел. Юристы пришли к выводу, что значительное число председателей колхозов были осуждены без достаточных оснований. На многих были вынесены протесты на прекращение дела¹⁰⁷. Выяснилось, что практика необоснованного привлечения к уголовной ответственности председателей колхозов особенно широко была распространена в Великолукской, Смоленской, Чкаловской, Калининской, Горьковской, Могилевской, Черниговской областях.

За 1946 г. и I квартал 1947 г. в органы прокуратуры Великолукской области были переданы материалы на предание суду 837 председателей колхозов, что составляло 24,4% к их общему числу. При проверке 100 судебных дел оказалось, что 53 из них были фальсифицированы¹⁰⁸. По обвинительным приговорам в отношении 433 председателей Смоленской области установлено, что из них 183 человека (42,3%) были осуждены за корыстные преступления (хищения, растраты, подлоги), а остальные 250 человек (57,7%) — за невыполнение плана хлебозаготовок 1946 г. Среди них 256 человек (59,1%) являлись участниками Великой Отечественной войны. После демобилизации они не успели проработать и года в указанной должности. В результате проверки проверки дел осужденных, комиссией было принято решение о необходимости опротестования приговоров в отношении 169 человек (39%) за отсутствие состава преступления и в связи с необоснованностью обвинения¹⁰⁹.

Материалы на привлечение к уголовной ответственности председателей колхозов поступали непосредственно к районным прокурорам от уполномоченных по заготовкам, от

райкомов ВКП(б) и райисполкомов, от агитаторов. Отрицая свое участие, все они указывали на “главного виновника” срыва плана хлебозаготовок — председателя колхоза.

3. Кража общественной и личной собственности

Колхозники, пережившие голод 1932-1933 гг., хорошо понимали, чего им ждать после заготовок 1946 г. Чтобы дожить до нового урожая, многие, не получавшие ни грамма зерна на трудодни, вынуждены были красть его, используя каждый удобный случай. По неполным данным, в ноябре 1946 г. было привлечено к уголовной ответственности за хищения зерна 5407 колхозников, в том числе в Саратовской области — 517, Харьковской — 410, Днепропетровской — 365, Курской — 363, Херсонской — 318, Московской — 216, Воронежской — 197, Запорожской — 185, Великолукской — 147, Могилевской — 126, Краснодарском крае — 119 и др. Всего в названных областях по возбужденным прокуратурой уголовным делам установлено хищение 830 т зерна¹¹⁰.

В Винницкой, Московской, Полтавской и других областях было совершено несколько крупных ограблений колхозных зерноскладов. Некоторые из них были неплохо подготовлены. В колхозе им. Шевченко Машевского района Полтавской области в ночь на 5 октября 1946 г. четверо преступников, вооруженных автоматами, подъехали на грузовой машине к зерноскладу и приказали сторожевой охране лечь к земле лицом. Они вскрыли склад, насыпали в машину 1,8 т пшеницы и скрылись в неизвестном направлении, предварительно перерезав телефонные провода, соединявшие колхоз с райцентром. Преступники не были обнаружены. Выезд на место проистествия прокурора и квалифицированных работников областного управления милиции не дал положительных результатов¹¹¹.

Органы МВД, бессильные в раскрытии крупных хищений хлеба, отыгрывались на мелких кражах, совершаемых женщинами и детьми. Летом, когда начал созревать урожай колосовых культур, на колхозных нивах разворачивались драматические события. По приказу Генерального прокурора СССР от 21 июля 1947 г. № 191 “О надзоре за точным соблюдением законов об урожае и заготовках сельскохозяйственных продуктов в 1947 г.” следователи выезжали в колхозы, на месте контролировали соблюдение законности. Правоохранительные органы делали все, чтобы не подпустить голодных людей к хлебному полю. Так, Базковским отделом МВД Ростовской-на-Дону области 8 июля т. г. были арестованы колхозницы Крамскова и Шпырева, имевшие каждая по 3-е де-

тей от 8 месяцев до 9 лет. Они вдвоем срезали ножницами 2,7 кг колосьев, за что получили по 8 лет ИТЛ.

Отлов "парикмахеров" не обходился без курьезов. В Кировском районе Крымской области в ночь на 29 июля т. г. на поле совхоза "Джамчи" в момент стрижки колосков были задержаны 4 человека из колхоза имени Молотова во главе с его председателем Антоновым, у которых было изъято 25 кг колосьев. Как было установлено, днем они посылали на стрижку колосьев детей.

В другом случае колхозная система ставила одного против другого близких родственников. Братья оказывались по разные стороны хлебного поля. В Гайсинском районе Винницкой области (УССР) во время проверки колхозных полей был убит председатель Губниковского сельсовета П.О. Кондратюк. Среди убийц находился его родной брат И.О. Кондратюк с двумя жителями села Губники, которые при задержании за срезку колосьев нанесли смертельное ранение представителю власти. Преступники были преданы суду. Подобные факты имели место в других областях, краях и республиках СССР¹¹².

Некоторые осужденные не соглашались с решением суда. В кассационной инстанции Смоленской области с августа по октябрь 1947 г. включительно рассмотрено 82 дела, связанных с хищением сельхозпродуктов во время уборки и заготовки, из них оставлено в силе 64 приговора (65,3%), отменено — 30(30,6%), изменено — 4(4,1%). Из 30 отмененных приговоров 8(27%) по протестам районных прокуроров были восстановлены. Проявляя исполнительское рвение некоторые прокуроры считали оправдания недопустимыми, возмущались мягкостью наказания и необоснованностью возвращения дел для доследования. Областной прокуратуре приходилось сдерживать не в меру горячие головы. Прокурор области отклонил протест прокурора Кардымовского района на мягкость меры наказания в отношении Сивенковой, осужденной к пяти годам лишения свободы условно за кражу с колхозного поля 5-ти снопов ржи. В данном случае прокурор области признал, что мера наказания, не связанная с лишением свободы, была избрана правильно, т. к. муж осужденной погиб на фронте и она имела на иждивении 3-х детей в возрасте от 6 до 9 лет и 80-летнюю мать¹¹³.

Смоленской судебной коллегией признаны недействительными несколько приговоров за нарушение судами процессуального кодекса. Приговор народного суда Демидовского района по делу Иванова, осужденного по Указу от 4 июня 1947 г. за хищение зерна, 18 ноября того же года был отменен, т. к. дело слушалось при отсутствии адвоката, а подсудимому не было предоставлено слово для защиты¹¹⁴.

Среди осужденных, конечно, попадались настоящие мошенники и воры, но они составляли меньшинство, так как лучше знали удобные лазейки в государственный карман. Одним из распространенных методов хищения муки на мельницах являлось не приходование гарнцевого сбора. Пока органы прокуратуры “докопались” до причин крупной недостачи муки и отходов в Армавирском мельничном управлении Краснодарского края, в течение 1946 г. было расхищено 40 т муки и 394 т отходов¹¹⁵.

Рост спекуляции наблюдался в пищевой промышленности. Распространение этого зла подрывало торговлю, мешало карточному снабжению населения продовольственными и промышленными товарами. Приказ министра пищевой промышленности СССР “Об усилении борьбы со спекуляцией” от 24 сентября 1946 г. не возымел должного действия. Кражи продуктов питания участились и требовалось вмешательство МВД¹¹⁶.

В городах продавцы магазинов и рабочие хлебозаводов не голодали. Воровство совершалось в основном в целях спекуляции и в таких случаях решительные действия правоохранительных органов были правомерны. Кражи совершались при транспортировке с хлебозаводов в торговые точки, а также продавцами магазинов. Рабочие 10-го хлебозавода Выборгского района г. Ленинграда при развозке хлеба в магазины 13 ноября 1946 г. похитили 128 буханок хлеба, которые продали по 25 руб. за штуку. При второй поездке в тот же день украли еще 12 буханок, с которыми были задержаны. Арестованным было предъявлено обвинение по закону от 7 августа 1932 г.¹¹⁷

Усиление репрессий против колхозников, выразившееся в массовых арестах и уголовных наказаниях за самые мелкие хищения зерна или картофеля, вызывало возмущение населения. Дело не ограничивалось только жалобами в высокие инстанции. Известны случаи убийства ненавистных председателей колхозов. В колхозе им. Шевченко села Березовка Липовецкого района Винницкой области 22 июля 1947 г. до 2-х часов ночи производилась молотьба. Окончив работу, колхозники разошлись, а на току остались председатель колхоза Каминский, уполномоченный райкома КП(б) Коренблит, весовщик тока и сторож, вооруженный винтовкой. Все, кроме сторожа, легли спать. В 3 часа ночи на ток пришли пятеро вооруженных людей, один из которых обезвредил сторожа, набросил на него мешок, приказал не двигаться. Ночные пришельцы связали спящих уполномоченного и весовщика, а председателя колхоза увели с собой. Утром труп убитого председателя был обнаружен в реке со связанными руками, с камнем на шее. Поскольку преступники не тронули находившиеся на току мешки с зерном, то решили, что это была месть.

По делу наугад, как заложников, арестовали 3-х человек, являвшихся родственниками ранее осужденных за хищение зерна¹¹⁸.

Из особой папки протоколов бюро Пензенского обкома ВКП(б) узнаем об убийствах председателей колхозов во время хлебозаготовок того же года в Терновском, Головищенском и Большевьясском районах. Бюро обкома партии обязывало свои управления МВД и МГБ укреплять агентурную сеть в деревне, улучшать работу с негласным аппаратом с тем, чтобы впредь своевременно предотвращать подобные преступления и всякого рода враждебные проявления¹¹⁹.

Указ об охране личной собственности был запоздалой реакцией на рост преступлений с целью завладения имуществом граждан, так как во II половине 1946 г. и I-й половине 1947 г. было совершено 70% такого рода уголовных преступлений¹²⁰. Среди преступников были рабочие, колхозники, служащие, военнослужащие, в том числе члены ВКП(б) и ВЛКСМ, никогда прежде не совершавшие даже самых мелких краж. В числе осужденных за уголовные преступления были фронтовики и бывшие партизаны. По времени голод совпал с демобилизацией из Красной Армии миллионов военнослужащих. На долю победителей выпало немало проблем материально-бытового плана, поскольку постановление правительства о трудоустройстве демобилизованных выполнялось неудовлетворительно. Десятки, если не сотни тысяч бывших солдат, старшин и офицеров оказались безработными, без каких-либо средств к существованию. Для того чтобы трудоустроиться, фронтовики, многие из которых были чуть старше 20-ти лет, скрывали ранения и инвалидность, так как были распоряжения не принимать на работу инвалидов II группы. Некоторые из них умирали от ран и болезней, другие нищенствовали, а третьи, чтобы прокормить семью, становились на путь преступлений.

Ранней осенью 1947 г., когда хлеб нового урожая ускоренно отправлялся на государственные заготовительные пункты, то тут, то там появлялись народные мстители, а по определению МВД, вооруженные бандитские группы, препятствовавшие вывозу хлеба из села. Борьба с ними было трудно, т. к. после совершенного преступления участники группы являвшиеся местными жителями, растворялись среди населения. Даже после раскрытия не всех удавалось задержать. В Каменец-Подольской области Украины в августе т. г. было ликвидировано 2 таких группы общей численностью в 18 человек¹²¹.

Одна из них действовала в Славутском районе той же области и состояла из бывших партизан — жителей сел Миньковцы и Хутор. Возглавлял группу А. Шитман, охранник

лесопильного завода “Большевик”, награжденный орденом Отечественной войны. Его помощниками были: Косин — заведующий хозяйством того же завода, награжденный орденом Красной Звезды и Миронюк — колхозный кузнец. В группу также входил брат главаря Р. Шитман — колхозник, комсомолец, а также грузчик завода “Большевик” Сукач и шофер того же завода Молоков. Названные лица 3 августа т. г. близ районного центра Славута остановили колхозную автомашину, следовавшую на пункт “Заготзерно” для сдачи 1,7 т ржи. Под угрозой оружия высадили из машины шофера и грузчиков. Оставив их в лесу под вооруженной охраной, угнали грузовик с зерном. Спустя некоторое время порожняя машина была возвращена колхозникам. При аресте у преступников были изъяты: автомат, 2 винтовки, винтовочный обрез, 4 охотничьих ружья, патроны и похищенное зерно¹²².

Другая вооруженная группа из 12 человек действовала в течение 3-х месяцев в Грицевском районе той же области во главе с И. Кравчуком. “Банда” состояла в основном из колхозников. Во время одного из “налетов” преступники обмолотили на колхозном поле села Губча 90 снопов ржи. Все, кроме главаря, были арестованы, найдено спрятанное оружие. МВД принимало самые решительные меры к задержанию скрывавшегося Кравчука¹²³. Судя по тому, что никто из участников обеих групп не занимался продажей зерна, можно предположить, что оно раздавалось нуждавшимся сельчанам.

Материальная необеспеченность побуждала к преступлениям вчерашних выпускников ремесленных училищ. Доведенные голодом до отчаяния юные (от 14 до 16 лет) рабочие завода № 235 Министерства вооружения в г. Воткинске Удмуртской АССР, совершили нападение на сторожей, охранявших склады с картофелем. Закрыв двух сторожей в будку, нападавшие взломали замки у дверей складов и похитили 740 кг картофеля¹²⁴. Нам неизвестны приговоры по описанным выше преступлениям. Законы тех лет не оставляли места для надежд на снисхождение с учетом прежних заслуг или несовершеннолетия. Бывшие советские партизаны, направившие оружие против госпоставок, запросто могли получить высшую меру, а вчерашние ремесленники — по 10 лет колоний усиленного режима.

Нападения совершались на дома и хозяйственные постройки жителей городов, поселков, деревень и хуторов. В первую очередь забирались продукты питания. Не обходилось без человеческих жертв. Большинство раскрытых дел подтверждает тот факт, что нередко преступниками двигала не жажда наживы, а пищевой голод. В ночь с 3 на 4 февраля 1947 г. житель села Орловка Мартыновского района Ростовской области Гончаров 1923 г. рожд., член ВЛКСМ с 1942 г., зав. сельской

библиотекой, зная, что у жителя хутора Четырехярского Кириченко имеется пшеница, после работы направился к нему домой с целью добиться продажи пшеницы, а если Кириченко откажется продать, то убить его и забрать пшеницу. Захватив с собой молоток и 300 рублей денег, Гончаров пришел к Кириченко. На предложение продать ему немного зерна Кириченко ответил отказом. Тогда Гончаров попросил у него хлеба, чтобы там же покушать. Хозяин также отказал. После этого незваный "гость" нанес Кириченко 4 удара молотком по голове и убил его. Затем, насыпав в мешок 30 кг пшеницы, взял хозяйские валенки и ушел.

Из того же донесения НКВД другой случай. В селе Никольском Знаменского района Тамбовской области в своем доме при попытке оказать сопротивление грабителям была убита выстрелом из пистолета колхозница Зяблова. Все произошло на глазах у ее детей, которых преступники не тронули. По их показаниям, двое неизвестных проникли в дом через окно, которое выходило во двор. Преступники унесли с собой продукты питания. Обнаруженные около дома следы выводили на дорогу в г. Котовск¹²⁵.

Испытывавшие острую нехватку питания горожане шли грабить деревню, а сельчане, не дождавшись обещанной помощи, направлялись в города. В полночь 10 февраля 1947 г. в г. Воронеже в погреб, принадлежавший Ручкину, сломав замок, проник неизвестный, который пытался забрать 2 мешка с картофелем. Хозяин погреба застал вора с поличным. Сопротивляясь, вор выстрелил из винтовочного обреза и ранил Ручкина. Задержанным оказался уроженец села Гвоздевка Семилуцкого района, проживавший в городе без прописки и без работы¹²⁶.

Многое напоминало войну за кусок хлеба. Голодные отнимали последнее у своих соседей. Спасая имущество, люди вынуждены были объединяться. Последствия "самообороны" были непредсказуемы. Так, ночью 10 марта 1947 г. двое жителей г. Рязани направились в ближайшую деревню и увели овцу со двора колхозника. Группой местной молодежи они были задержаны, оказывая сопротивление ранили одного из колхозников. До приезда милиции рязанцы были оставлены в сельсовете под охраной 5-ти исполнителей. Утром большая группа сельчан пришла в сельсовет, отгеснила охрану и учинила самосуд над задержанными, в результате которого они скончались¹²⁷. Есть и другие доказательства того, что в голодное время отношения между городом и деревней обострились. В трудное время крестьянство особенно остро ощущало незаслуженное, потребительское отношение к селу со стороны власти сконцентрированной в городах. Нелюбовь и растущее

недовольство автоматически распространялись и на жителей городов.

4. Спекуляция продуктами питания

Запрет на торговлю хлебом порождал взлет цен на колхозных рынках и рост спекуляции. Разного рода дельцы входили в стовор с руководителями колхозов и сбывали колхозную продукцию на самых дорогих рынках. Другие скупали по дешевке зерно и муку у колхозников, нуждающихся в деньгах для уплаты налогов, и из более-менее благополучных районов вывозили на продажу в голодные края.

Спекулянты проникали во встречную государственную торговлю на селе. Подпольные торговцы, имея поддельные документы о заключении с колхозами договоров, открывали в городах на рынках свои палатки, нанимали продавцов и таким путем сбывали колхозную продукцию. На вырученные деньги закупали промышленные товары, с которыми выезжали на село для продажи их сельским жителям. В течение августа 1946 г. в гг. Кирове, Свердловске, Симферополе, Сталинграде, Чкалове сотрудниками МВД были арестованы и привлечены к уголовной ответственности более 15 человек, занимавшихся скупкой зерна в колхозах и продажей его в городах и райцентрах по высоким ценам. При задержании у них было изъято около 10 т зерна и 128 тыс. руб. денег¹²⁸.

В г. Симферополе был арестован некий Сеницын, который, выдавая себя за героя Советского Союза, обманным путем получал в госпитале № 55 грузовую машину. Выезжая в Херсонскую область, скупал там хлебопродукты и привозил в Симферополь для продажи на рынке. Сеницын был задержан милицией, хлеб изъят. При обыске в его квартире была найдена поддельная медаль "Золотая Звезда" и пистолет "ТТ" с боевыми патронами¹²⁹.

В качестве продавцов использовались нуждавшиеся женщины. Многие из них привлекались к уголовной ответственности. В г. Сталинграде была арестована нигде не работавшая Уразова. Проживая в г. Баку, она скупала там муку по 400-500 руб. за пуд и продавала ее в г. Сталинграде по 900-1000 руб. за пуд. В г. Кирове мать и дочь Аникины скупали муку у колхозников в различных районах области и продавали ее на рынке. Всего ими было куплено и продано свыше 2 т муки¹³⁰.

В результате усиления борьбы со спекуляцией количество привлеченных к уголовной ответственности по статье 107 УК РСФСР во II полугодии 1947 г. увеличилось по сравнению с первым более чем вдвое и составляло 24 тыс. человек. Кроме того, по Указам от 4 июня 1947 г. за спекуляцию похи-

шенными товарами было привлечено 2140 человек, вскрыто и ликвидировано 3250 спекулянтских групп, по которым привлечено 7770 человек. За спекуляцию продовольственными товарами осуждено 12 тыс. человек, т. е. 50% от общего числа привлеченных, в том числе за спекуляцию хлебом, мукой, крупой более 5 тыс. человек, сахаром — около 2 тыс. человек, мясом и жирами — более 3 тыс. человек. По делам о спекуляции привлечено к уголовной ответственности 2,5 тыс. человек работников торговли.

После отмены карточек спекуляция приняла более конспиративный характер. Выходя на рынок спекулянты имели при себе образцы товаров, а занимались продажей на своих квартирах или у покупателей через третьих лиц. Крупные дельцы использовали кооперативную торговую сеть, комиссионные магазины, через которые по стовору с продавцами сбывали дефицитные товары¹³¹.

Карточная система и запрещение хлебной торговли создавали благоприятные условия для обогащения расхитителей и теневиков. В то время как в колхозах учитывался каждый килограмм зерна, на черном рынке оно текло рекой. Крупные поставки товара для подпольной торговли обеспечивались за счет разворовывания государственного и колхозного зерна. Так, во время голода на ниве общественной собственности подрастали советские капиталисты.

В те же годы процветала и другая отрасль теневого бизнеса — производство поддельной водки. Запрещенная ликероводочная торговля потеснила государственную монополию. Скрытые цеха по изготовлению внеплановой водки работали на полную мощность и фактически беспрепятственно сбывали свою продукцию через открытую торговую сеть. Зеленый змий питался белым хлебом. Когда государственные заводы останавливались из-за отсутствия зерна, нелегальные “частные” функционировали без перебоев. Для них был режим наибольшего благоприятствования, т. к. прибыль целиком шла в карман предпринимателей.

Милиция занималась отдельными гражданами, гнавшими зелье (“самогон”) для личного пользования из самого дешевого сырья — свеклы. За подвозку дров, сена, копку картофеля платили “первачом”. Изредка в милицейские сети попадали опытные самогонщики, не пожелавшие платить “налог” или слишком широко развернувшие свое дело и докучавшие солидным “фирмам”. В основном же доставалось простым смертным. В январе и феврале 1947 г. за самогонование было привлечено к уголовной ответственности 15867 человек, кроме того оштрафовано 7019 человек на 786,4 тыс. рублей. У них изъято 12864 самогонных аппарата, 76 тыс. л самогона, денег на общую сумму 223,3 тыс. руб. Установлено,

что на изготовление самогона потрачено 97 т хлеба, 10,4 т сахара и 417,4 т других продуктов¹³². А сколько пошло зерна на производство водки в подпольные цеха? Десятки тысяч тонн государственного хлеба, исчезавшего на потайных винокурнях, списывались за счет потерь при уборке, перевозке и хранении.

В то время, когда производителей хлеба — колхозников и рабочих совхозов привлекали к уголовной ответственности за взятую на току горсть зерна, представители номенклатуры сбывали на рынке купленные по государственным ценам в закрытых магазинах продукты питания высшего качества. Наживались за счет огромной разницы в ценах. Благо условия для спекуляции были идеальные. Для некоторых руководящих работников республик, краев и областей выдача продовольствия, вопреки постановлению от 12 июля 1943 г. о снабжении работников партийных, комсомольских, советских, хозяйственных и профсоюзных организаций, производилась без каких-либо ограничений. Отдельные руководители, злоупотребляя этим, закупали такое количество продуктов питания, которое не вызывалось потребностью их семей. Этим не гнушались высокопоставленные партийцы. Бывший заместитель председателя Бюро ЦК ВКП(б) по Литве Ковалев получал для себя сверх установленных Управлением делами ЦК ВКП(б) норм большое количество продуктов, часть которых его жена через других лиц продавала на рынке. Решением партийной комиссии Комитета партийного контроля при ЦК ВКП(б) за непартийное поведение Ковалеву был объявлен строгий выговор с предупреждением и занесением в учетную карточку. Ему было запрещено в течение двух лет занимать руководящие должности в партийных и советских органах, а его жена за спекуляцию была исключена из членов ВКП(б)¹³³.

Подобные преступления получили распространение в высших эшелонах власти. С целью предотвращения злоупотреблений срочно выбирались Суды чести в ЦК ВКП(б) и во всех союзных министерствах. В течение всей первой половины 1947 г. секретариат ЦК ВКП(б) утверждал председателей этих судов. Таким способом Сталин и его команда пытались удержать своих подручных от великого соблазна спекулировать на рынке сахаром, шоколадом, маслом, водкой и проч.¹³⁴

Не отставали от нечистых на руку важных персон и некоторые “деяти” районного и сельсоветского уровня. При постоянно растущей дороговизне продуктов питания, разграблению со стороны местных и приезжих чиновников подвергалась продукция колхозов и совхозов. Вопреки постановлению Совмина СССР и ЦК ВКП(б) от 19 сентября 1946 г. о мерах по ликвидации нарушений устава сельскохозяйственной артели в колхозах, запретившему под страхом уголовной ответ-

ственности районным и другим организациям и работникам требовать с колхозов хлеб и другие продукты для проведения совещаний и празднований, порочная практика принимала иные формы¹³⁵. Количество банкетов стало меньше, зато распространялась бесплатная или по низким ценам выдача сельскохозяйственных продуктов по запискам председателей колхозов.

Совет по делам колхозов при правительстве СССР проверил положение дел с расходом сельскохозяйственных продуктов в колхозах Краснодарского края. В справке, представленной в Совмин СССР, были изложены факты массового растаскивания начальством колхозной собственности. Однако представитель Совета по делам колхозов, возглавлявший комиссию по проверке, прежде всего поставил в вину правлениям колхозов перерасход продуктов по низким ценам на общественное питание и продажу трофейного скота колхозникам по ценам в 2-3 раза ниже рыночных¹³⁶. В то время как ничего не получавшие на трудодни колхозники были обязаны покупать продукты на общественное питание, руководящие работники брали их бесплатно или за бесценок.

Комиссия отмечала факты поборов с колхозов со стороны районного руководства. Приведем несколько выдержек по одному району. Председатель Штейнгардского райисполкома Краснодарского края Ляшов и другие работники райисполкома взяли бесплатно в колхозе "Пионер" в 1947 г. более 0,5 т муки и зерна. Под давлением проверяющих Ляшов был освобожден от занимаемой должности и назначен райкомом партии председателем колхоза "Красная заря" того же района. Уполномоченный министерства заготовок по тому же району Овчинников присвоил 96 кг масла и столько же сахара, принадлежавших колхозу "Красная заря". Прокурор того же Штейнгардского района Рождественский взял в колхозах бесплатно 144 кг муки, за что Краснодарский крайком ВКП(б) объявил ему выговор, оставив работать в прежней должности. Всех превзошел народный судья Гусев, который в течение 1947-1948 гг. взял бесплатно в колхозах 560 кг муки, 48 кг мяса, 400 штук яиц, 176 кг картофеля и много других продуктов питания¹³⁷.

По представлению и проекту председателя Совета по делам колхозов при правительстве СССР А.А. Андреева, Совмин СССР принял постановление № 4198 от 8 ноября 1948 г. "О фактах расхищения сельскохозяйственной продукции в колхозах Краснодарского края". В нем было сказано, что руководители ряда колхозов и местных органов власти вместо того, чтобы стоять на страже общественного хозяйства колхозов и ограждать их общественную собственность от посягательств частнособственнических, рваческих элементов, сами

занимались растаскиванием колхозной сельскохозяйственной продукции. В постановляющей части рекомендовалось ликвидировать поборы, осудить и наказать виновных, обязать к 15 января 1949 г. представить отчет о выполнении постановления¹³⁸. Разумеется, столь решительные меры предназначались для того, чтобы остановить рост хищений со стороны руководителей не только в Краснодарском крае, а и во многих других краях, областях и республиках Союза.

5. Женские и детские преступления

Среди осужденных в 1946-1947 гг. женщины с малолетними детьми, последовавшими вместе с ними по этапу, составляли около 50%. Поступление в места заключения многодетных матерей увеличивалось с общим ростом численности осужденных женщин. В исправительно-трудовых лагерях, колониях и тюрьмах на 1 июля 1947 г. с матерями находилось 18790 детей в возрасте до 4 лет, а также 6820 беременных женщин. Число малышей, начинавших свою жизнь за колючей проволокой, в 3 раза превышало вместимость лагерных домов младенца, поэтому часть из них содержалась в малоприспособленных и даже в общих бараках вместе со взрослыми заключенными¹³⁹.

Дети осужденных вдов старше 7 лет, если их не брали на воспитание имевшиеся родственники, попадали в государственные учреждения: детдома и дома ребенка. Только в Ивановской области в 1946 г. из всех детей, помещенных в дома ребенка, 17,1% составляли дети осужденных матерей, а в 1947 г. — 30%¹⁴⁰. Большинство же детей грудного возраста были вместе с матерями в местах заключения, что раздражало администрацию ГУЛАГа.

МВД как могло избавлялось от детской проблемы. 15 июля 1947 г. министр внутренних дел СССР Круглов сообщал заместителю председателя Совета Министров СССР Молотову о том, что большинство прибывших и родившихся в тюрьмах, лагерях и колониях детей являлись физически слабыми, нуждались в особом уходе и соответствующих гигиенических условиях. Он предложил освободить 15 тыс. женщин, беременных и с детьми до 4-х лет, от дальнейшего отбывания наказания, кроме женщин, осужденных за измену Родине, шпионаж, террор, диверсии, бандитизм, убийства и расхищение социалистической собственности. К письму прилагался проект Указа Президиума Верховного Совета СССР по данному вопросу. Указ был секретно принят 16 августа 1947 г. и предусматривал освобождение из заключения упомянутых выше категорий осужденных. Он не распространялся на осужденных за хищение социалистической собственности (за стрижку

колосков и др.), за что отбывали срок большинство колхозниц, зато был удобен для профессиональных воровок, спекулянтов, мошенниц¹⁴¹.

С одной стороны, МВД освобождалось от нетрудоспособных женщин с детьми, а с другой, лагеря, колонии и тюрьмы наполнялись новыми жертвами, получавшими срок за мелкие кражи государственного и личного имущества по указам от 4 июня 1947 г. Казалось, что движение по замкнутому кругу остановить невозможно. За вызволение женщин и детей принялась общественность. Тысячи жалоб поступали в правительство. В мае 1948 г. Сталин, Жданов и др. получили письмо от журналистки А. Абрамовой, в котором сообщалось о тяжелом положении матерей и беременных женщин, осужденных по указам от 4 июня 1947 г. за мелкие кражи. После посещения судов и мест заключения, бесед с осужденными, а также с руководителями предприятий и партийными работниками, она пришла к выводу, что данный вопрос вызывал большую тревогу среди народа и заслуживал серьезного рассмотрения со стороны правительства.

Такой вывод был обоснован тем, что на местах указы извращались. Привлеченными к суду и осужденными к 7-10 годам лишения свободы оказывались люди, попавшие в тяжелое материальное положение и своевременно не получавшие никакой помощи и поддержки от хозяйственных и партийно-профсоюзных организаций. Суды и прокуратуры, писала она далее, при рассмотрении дел не вникали в существо причин, приведших работницу или колхозницу к совершению преступления, не ставили вопросов перед соответствующими организациями о принятии мер к их устранению. Пользуясь перегруженностью и кажущейся простотой таких дел, будто бы не требовавших расследования, они ограничивались фиксированием проступка и с легкостью выносили приговор с крайней мерой наказания. При этом полностью игнорировались те статьи уголовного кодекса, которые позволяли при исключительных обстоятельствах смягчать меру наказания.

Вся судебнo-прокурорская работа по этим делам сводилась к получению акта с предприятия о факте задержания работницы, которая, как правило, сразу же сознавалась в совершенном проступке. На этом основании давалась санкция прокурора и выносился приговор нарсуда. Скороспелые приговоры вызывали возмущение трудящихся. К осужденным матерям относились с большим сочувствием как по месту преемней работы, так и в местах заключения.

Не рассчитывая на чисто человеческое понимание или сострадание со стороны власть имущих, А. Абрамова сделала акцент на экономию средств путем сокращения денежных расходов на содержание неправильно осужденных женщин и

их детей. По ее подсчетам, на детей в домах младенца при ИТЛ в год затрачивалось якобы свыше 65 млн. руб., а годовое содержание беременной женщины обходилось в 5 тыс. рублей. Она просила создать правительственную комиссию по пересмотру дел и дать разъяснение по указам. Несмотря на очевидную выгоду предложения, в юридическом отделе Верховного Совета СССР у Абрамовой были оппоненты, выступавшие за незыблемость указов, против каких-либо изменений в сторону их смягчения¹⁴².

Попытки остановить начинавшийся процесс реабилитации не удалось. Летом 1948 г. в ЦК ВКП(б) Жданову от председателя Верховного суда СССР Голякова поступил проект указа Президиума Верховного Совета СССР об освобождении от наказания осужденных беременных женщин и женщин, имевших при себе детей в местах заключения. Для проведения в жизнь планируемого мероприятия предусматривалось создание в исправительно-трудовых учреждениях специальных комиссий в составе председателя лагерного суда, прокурора места заключения и представителя администрации.

Вместе с проектом указа был предложен проект постановления пленума Верховного Суда СССР по данному вопросу. В нем кратко говорилось, что суды, определяя наказание по делам о преступлениях, караемых Указами от 4 июня 1947 г., назначают в полном объеме наказание в отношении подсудимых беременных женщин и женщин, имевших малолетних детей до 4-х лет, совершивших единичное мелкое хищение в результате тяжело сложившихся семейных обстоятельств. Ввиду этого пленум указывал судам на правомерность применения условного или иного наказания, не связанного с лишением свободы¹⁴³.

ГУЛАГ превращался в общесоюзную камеру матери и ребенка. По официальным данным, на исходе 1948 г. в местах заключения пребывало 503 тыс. женщин, в том числе 9300 беременных и 23790 матерей, отбывавших срок вместе с малолетними детьми¹⁴⁴. Опасность перерождения почуяли сами лагерники и первыми забили тревогу. 1 февраля 1949 г. Министр внутренних дел, Министр юстиции, Генеральный прокурор и Председатель Верховного Суда СССР, все вместе, обратились с письмом к Сталину, в котором сообщали о переполненности ГУЛАГа беременными женщинами и женщинами, имевшими при себе малолетних детей. В качестве единовременной меры обосновывалась необходимость освобождения от дальнейшего отбывания наказания из исправительно-трудовых лагерей, колоний и тюрем МВД 70 тыс. беременных женщин и женщин с детьми до 7 лет. Этим число предполагавшихся к досрочному освобождению женщин увеличивалось в 4,7 раза и возраст малолеток на 3 года, что было явным

прогрессом по сравнению с 1947 г. В заключении письма главы советской пенитенциарной системы просили одобрить проект, который целиком совпадал с проектом, полгода назад предложенным Жданову¹⁴⁵.

Коллективное обращение к вождю ускорило дело и 22 апреля 1949 г. проект указа "Об освобождении от наказания осужденных беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей" был утвержден Президиумом Верховного Совета СССР. Своим чередом заработала исполнительская машина и 26 апреля был готов совместный приказ министра внутренних дел и генерального прокурора СССР, в котором подробно излагался порядок освобождения. Женщины, осужденные за контрреволюционные преступления (все пункты статьи 58 УК РСФСР), за бандитизм, умышленное убийство, за хищение социалистической собственности, совершенное повторно, организованной группой или в крупных размерах (закон от 7 августа 1932 г., статьи 2 и 4 указов от 4 июня 1947 г. и т. д.), не освобождались. Освобожденные женщины, до осуждения являвшиеся выселенками, направлялись под конвоем в места их обязательного поселения.

В отношении женщин, имевших детей вне лагеря (колонии) или тюрьмы, через городские и районные отделы и отделения МВД телеграфом запрашивались справки, подтверждавшие наличие у осужденных детей до 7 лет. Освобождение и отправка женщин и детей к местам жительства проводилась группами в течение нескольких месяцев с тем, чтобы не допускать скопления их на вокзалах, станциях и пристанях, не привлекать внимания. Выделялись специальные работники МВД, наблюдавшие за своевременной посадкой и проездом освобожденных и недопускавшие их задержек при пересадках¹⁴⁶.

В соответствии с последним указом было освобождено досрочно 55657 женщин с детьми и беременных. Спустя некоторое время освободили еще 28560 женщин, имевших детей вне мест заключения¹⁴⁷. Как и в 1947 г., указ 1949 г. имел немало ограничений для осужденных по закону от 7 августа 1932 г. и указам от 4 июня 1947 г. колхозниц и работниц, поэтому многие женщины с детьми и беременные продолжали отбывать срок. За рамками последнего указа остались женщины, имевшие детей на год-два старше 7 лет. Из них 13 тыс. женщин заявляли о своем желании освободиться, но получили отказ¹⁴⁸.

Одной из самых болевых проблем, вызванных голодом, был рост преступлений, совершаемых бездомными и беспризорными детьми, среди которых было немало сирот. Согласно сообщениям прокуроров в г. Ленинграде число беспризорных детей возросло во II-м полугодии 1946 г. до 3042 человек, в г.

Свердловске — до 1981, Ростове-на-Дону — до 801. Повышение беспризорности и безнадзорности детей происходило в Татарской и Башкирской АССР, Куйбышевской, Калужской, Крымской, Новосибирской областях и в Краснодарском крае.

Весной 1947 г., когда тысячи голодной, оборванной детворы, не вмещавшейся в переполненные детские дома и приемники МВД, нахлынули в города, Советом Министров СССР было принято постановление № 857 от 7 апреля по устройству детей и подростков, оставшихся без родителей. Оно обязывало Министерство трудовых резервов организовать до 1 июня 1947 г. 80 специальных ремесленных и 20 сельскохозяйственных училищ для устройства подростков, направляемых из детских приемников-распределителей (ДПР) и из детских домов. Кроме того, МВД надо было организовать до 1 августа того же года детские колонии на 10 тыс. человек. На организацию и содержание детских домов и колоний выделили из резервного фонда Совмина СССР 299,8 млн. руб.¹⁴⁹

Данное постановление обязывало столичные и провинциальные власти взять под особое наблюдение всю работу по устройству детей, оставшихся без родителей. Если прежде Советы депутатов трудящихся и милиция вели борьбу с беспризорниками и всячески отстранялись от устройства бездомных и голодных детей, то после принятия постановления они должны были заниматься и этим вопросом.

Чтобы поскорее освободить места в детдомах, детприемниках и колониях для новых поступлений, подростков 13-16 лет направляли в ремесленные училища и школы фабрично-заводского обучения (ФЗО), а чаще просто на любую работу. При большом потоке отбор детей производился наспех. Не обходилось без грубых ошибок. На работу и учебу попадали ранее судимые подростки. Некоторые из них вскоре совершали тяжкие преступления. Из детприемника г. Ростова-на-Дону на трудоустройство в колхоз "Красный путиловец" 9 марта 1947 г. прибыли несовершеннолетние Сурайкин и Иванов. Их определили на квартиру к колхознице Поруковой. 20 марта т. г. с целью завладения имуществом они убили хозяйку дома, забрали личные вещи, деньги и скрылись. По чистой случайности вскоре были задержаны. Выяснилось, что ранее оба были судимы за кражи.

Руководство предпочитало направлять беспризорников подальше от городов. Арзамасский ДПР Горьковской области в течение года без учета желания направил в колхозы 1200 подростков, из которых большинство там не закрепились¹⁵⁰. Причиной неудачи являлся не только формальный отбор несовершеннолетних, но и тяжелый труд, полуголодное существование в колхозах.

Не от хорошей жизни сотни ребят спасались бегством из школ ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищ. В 1946 г. органами МВД было задержано 10,5 тыс. таких беглецов. Из ремесленных училищ и школ ФЗО г. Ленинграда сбежало 3,4 тыс. учеников, в том числе 2,2 тыс. — из школ ФЗО¹⁵¹. Подобное происходило во многих городах России, Украины, Узбекистана и др. республик. За самовольное оставление школы ФЗО или училища детей старше 14-ти лет привлекали к суду по указу от 28 декабря 1940 г. Так как возвращаться домой было опасно, сбежавшие ученики пополняли число беспризорников. Совершая мелкие хищения продуктов питания и вещей, они скоро переходили в разряд малолетних правонарушителей, а после задержания и суда попадали в воспитательно-трудовые колонии.

В течение 1946 г. органами МВД было привлечено к уголовной ответственности за совершенные преступления 2390 учеников школ ФЗО, ремесленных и железнодорожных училищ, в том числе в Украинской ССР — 189 человек, в г. Москве — 144, г. Ленинграде — 92, Свердловской области — 88, Владимирской — 78 и др.¹⁵² Проверками в колониях были обнаружены дети, не достигшие 12 лет, т. е. с незаконными приговорами. Там же содержались и дети на год-два постарше, впервые совершившие малозначительные преступления, за которые их не следовало даже судить, а тем более содержать под стражей. Нарушение закона проявлялось также в том, что в ИТЛ рядом с уголовниками находились “беспаспортные”, не достигшие 16 лет подростки, осужденные за нарушение правил прописки¹⁵³.

Указы усиливали репрессии не только против беспризорных и бездомных, а против всех малолетних правонарушителей. Надзор со стороны прокуратуры за расследованием преступлений несовершеннолетних был слабый. Состояние качества следствия на местах оставляло желать лучшего. Рассмотрение дел подростков шло по ускоренному конвейеру. При формальном установлении вины несовершеннолетних суды выносили обвинительные приговоры. Такое было в Московской, Ивановской, Архангельской, Горьковской, Саратовской, Ленинградской, Молотовской и др. областях. Поточные процессы вызывали многочисленные жалобы родителей и самих подростков в Прокуратуру СССР.

В течение лета 1947 г. прокурор группы по делам несовершеннолетних при Генеральном прокуроре СССР проводил проверку жалоб по применению указов об охране общественной и личной собственности в Молотовской области. Свои впечатления он изложил в докладной записке, которая выражала озабоченность необоснованным ростом тяжести наказа-

ний в отношении несовершеннолетних за мелкие кражи, вызванные голоданием.

Со дня издания июньских указов и по 15 августа 1947 г. в области было дано вдвое больше санкций на арест несовершеннолетних. В тюрьме № 1 г. Молотова содержалось под стражей 245 подростков, из них 36 человек, т. е. 14,7% ранее были судимы. По семейному положению 48 малолетних “уголовников” были полными сиротами, 70 — полусиротами, а у 32-х в делах имелись сведения о том, что их отцы погибли на фронте. Из всех проверенных дел не было ни одного, заканчивавшегося применением условного осуждения, тогда как раньше, до издания указов, в 1-м полугодии 1947 г. за кражи было приговорено к условным наказаниям 36,6% всех преданных суду подростков.

Типичный для того времени состав преступления 15-летней ученицы 8 класса женской школы Вахриной. Рассматривая альбом с фотографиями на квартире своей подруги, она обнаружила в нем две хлебные карточки и не удержалась от кражи. В тот же день, продав карточки на рынке за 100 руб., она купила 500 г хлеба, мороженое, несколько штук конфет и сразу все съела. Из дела явствовало, что за неделю до кражи у Вахриной умер от чахотки отец, оставив семью из 8 человек, в которой работала только старшая сестра. Вызванная московским прокурором из школы классная руководительница дала хорошую характеристику школьнице, указав, что последняя страдала пороком сердца и фурункулезом на почве истощения. Под влиянием проверяющего и по просьбе местного прокурора суд вынес условное наказание¹⁵⁴.

Кампания борьбы с несовершеннолетней преступностью наносила огромный вред обществу. Детей судили наравне со взрослыми. Даже при смягчающих обстоятельствах, ограничиваемые новыми указами, адвокаты могли просить лишь применение минимальной меры наказания, что означало 5 лет лишения свободы. Жалобы, как правило, не рассматривались. Народный суд Ленинского района г. Молотова удовлетворил просьбу прокурора и адвоката о “минимальном сроке” и определил пятнадцатилетнему Аркадию Абатурову 5 лет лишения свободы. Юный “рецидивист” до того отбывал год в колонии, после чего был передан под опеку родителей. Отец у него вскоре умер. Мать работала одна и не в силах была прокормить 9 человек детей, из которых Аркадий был самый старший. Голод вновь толкнул его на преступление. Как записано в деле, на рынке он украл у женщины, продававшей хлеб, кусочек весом 150 г. Сразу был задержан, а отобраный хлеб был возвращен хозяйке. Вместе с Абатуровым в тюрьме следственного изолятора содержались под стражей его ровесники Баширов, Кунтуганов, Исароматов за то, что на колхоз-

ном поле нарвали около 1 кг гороха в стручках¹⁵⁵. Для этих и многих таких же подростков тюрьма, лагерь и воспитательная трудовая колония были единственным местом, где они ежедневно обеспечивались питанием и ночлегом.

На начало ноября 1947 г. в системе МВД СССР имелось 134 детских колонии, в том числе 58 воспитательных, в которых содержалось 20800 беспризорных и безнадзорных детей и 76 трудовых, в которых было 45300 несовершеннолетних, осужденных судами за различные преступления. В основе воспитания детей, поступивших в воспитательные колонии, а также перевоспитания несовершеннолетних преступников в трудовых колониях, лежало производственное обучение, осуществлявшееся через сеть учебно-производственных мастерских и школ-семилеток. Ученые-эксперты убеждали правительство в том, что такое воспитание (перевоспитание) являлось эффективным. На самом деле государство, спасая детей физически, калечило их нравственно, т. к. многие из бывших воспитанников ГУЛАГа, не заинтересовавшиеся трудовыми навыками рабочих специальностей, пополняли воровские ряды. К счастью, вскоре укрепление рабочего класса воспитанниками колоний натолкнулось на материальную преграду. На создание новых колоний не было средств.

Правительство не сразу осознало утопичность идеи общения детей к знаниям через колонии. Попыткой перекрыть приток подростков в исправительно-трудовые учреждения было постановление Пленума Верховного Суда СССР от 17 февраля 1948 г. "О применении Указов от 4 июня 1947 г. в отношении несовершеннолетних". В нем разъяснялось, что дети от 12 до 16 лет это не закоренелые преступники, их действия не носят характер повышенной общественной опасности и не требуют применения суровых мер наказания, поскольку причиной воровства бывало якобы детское озорство и самоуправство. Причины материального плана, а тем более голод, не назывались¹⁵⁶.

Пленум рекомендовал судам обращаться к не утратившему силу постановлению Совнаркома СССР от 15 июня 1943 г. № 659 "Об усилении мер борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и хулиганством". В случае совершения несовершеннолетним в возрасте от 12 до 16 лет хищения незначительного размера, суды могли не ставить на обсуждение вопрос в уголовном порядке, а направлять обвиняемого в воспитательную колонию МВД или, при смягчающих обстоятельствах, принять условное осуждение с передачей подростка на попечение родителей или опекунов с обязательным осуществлением за ним повседневного надзора. Применяя условное осуждение, суды не должны были допускать, чтобы у несовершеннолетнего оставалось чувство безнаказанности за со-

вершенное преступление. Суды были обязаны разъяснять подсудимому значение испытательного срока и предупреждать, что в случае нового преступления, он понесет наказание и за ранее совершенное¹⁵⁷. Так что, возвращение к методам военного времени считалось послаблением в послевоенной карательной политике.

6. Хищения государственных запасов зерна

Государство располагало возможностями для того, чтобы накормить людей и остановить рост голодной преступности, поскольку имелись значительные запасы продуктов питания (хлеба, масла, сахара и др.) в виде неснижаемых государственных резервов. Однако, государственная машина изначально была устроена так, что помощь голодавшим не входила в ее обязанности. Люди умирали от голода и вызванных им болезней, а запасы оставались неприкосновенными¹⁵⁸.

Охрана огромных продрезервов доставляла немало хлопот правительству, т. к. они постоянно разворовывались. По сведениям центрального управления военизированной охраны (ВОХР) Министерства заготовок СССР бойцами охраны за 3 квартала 1946 г. задержано с похищенным зерном 20120 человек, из них 15496 человек или 77% были сами же работники предприятий Минзага, в том числе 1260 человек составляли охранники¹⁵⁹.

Представители прокуратуры установили, что хищения хлеба были распространенными нарушениями законности на складах, заготовительных пунктах, при перевозке на железнодорожном транспорте. Если на складах кражей зерна занимались кладовщики и рабочие, то на железной дороге снятые с карточного снабжения сельские работники железной дороги. В ноябре 1946 г. за расхищение хлебных грузов было привлечено к уголовной ответственности 946 человек, причем 48% из них являлись путейцами¹⁶⁰.

Хищения совершались также при транспортировке зерна на судах речного флота, доставлявших его из глубинных пунктов в промышленные центры. Только за 15 дней октября 1946 г. на 6-ти бассейнах: Верхне-Волжском, Камском, Средне-Волжском, Западно-Сибирском, Днепровском и Амурском в 14 судах и баржах обнаружено и изъято более 30 т зерна, муки и др. хлебопродуктов, подготавливаемых к хищению.

В октябре того же года команда баржи № 2018 Верхне-Волжского бассейна во главе со шкипером Лапшиным, пользуясь тем, что вес погруженного зерна определялся по осадке судна неточно, во время транспортировки занималась хищением хлеба. На плесе Камское Устье-Горький, у переправы деревни Токари Горно-Марийского района они прода-

ли жителям деревни и обменяли на другие сельскохозяйственные продукты около 2,5 т пшеницы.

На Днепре в Киевской области была арестована группа, состоявшая из 10 человек, в которую входили шкипер баржи № 633 Старченко, матрос Красюк, бакенщик Грушецкий и колхозники села Стайки той же области: Шестаков, Загородный, Басенко и др. Члены команды баржи, во время перевозки зерна из разных районов на Киевский элеватор, в пути следования систематически расхищали и передавали его своим односельчанам — колхозникам, подъезжавшим к барже на лодках. Всего было переправлено в село 9 т зерна¹⁶¹. Околоными путями возвращался к людям изъятый у них во время государственных заготовок хлеб.

Правительство заботилось об укреплении охраны государственного хлеба. При этом важная роль отводилась вооружению. Министр заготовок СССР Двинский 4 января 1947 г. сообщал заместителю председателя Совета Министров СССР Берии, что военизированные и пожарно-сторожевые подразделения, охранявшие государственный хлеб, были не полностью обеспечены нарезным оружием и боеприпасами. Просил дать распоряжение Министерству вооруженных сил об отпуске трофейного оружия: 6 тыс. винтовок системы "Маузер" и 369 тыс. патронов к ним, 700 винтовок системы "Росса" с 42 тыс. патронов. В правительстве внимательно отнеслись к просьбе министра. Согласованием вопроса занимался управляющий делами Совмина СССР Чадаев. Вскоре министерству заготовок было разрешено получить недостающее вооружение¹⁶².

В соответствии с секретным постановлением Совмина СССР от 7 апреля и от 21 июля 1947 г. Министерство заготовок передало Министерству продрезервов дополнительно 232 продовольственные базы, а также элеваторы. По распоряжению Сталина численность военизированной охраны Минпродрезервов была увеличена с 6515 до 16115 человек, соответственно возросло число работников инспекций ВОХР при территориальных управлениях и центральном аппарате. Примерно той же численности охрана находилась в распоряжении Министерства заготовок. Для ограждения 500 крупнейших заготовительных пунктов и продовольственных баз оба министерства получили 750 т колючей проволоки¹⁶³.

Трофейные винтовки, колючая проволока и июньские указы 1947 г. не смогли остановить рост хищений продуктов питания со складов и баз продрезервов, так как из общего числа задержанных с похищенным зерном в июле-августе того года 80% составляли сами работники заготзерно и 10% — охранники. Больше всего хищений наблюдалось среди личного состава и охраны глубинных пунктов в сельской местности.

Причиной являлось то, что зарплата у работников и охранников была очень низкая и составляла 150-180 руб. в месяц, к тому же с сентября 1946 г. они были сняты с хлебного снабжения вместе со всеми сельскими жителями¹⁶⁴.

По заданию правительства летом 1947 г. Министерство государственного контроля СССР, возглавляемое Мехлисом, подвергло ревизии 17 территориальных управлений и 25 баз Министерства продовольственных резервов СССР. Результаты были неутешительными и обсуждались на Бюро Совета Министров СССР. В итоге 9 сентября 1947 г. было принято совершенно секретное постановление № 3159-1047 "О хищениях, скрытии от учета, порче и самовольном разбазаривании продрезервов". В нем подробно, с конкретными примерами, освещались недостатки деятельности Министерства продрезервов. Наряду с хищениями и порчей продовольствия, в постановлении не скрывалась обеспокоенность правительства распространившимися фактами очковтирательства в деле закладки зерна на длительное хранение. Отчеты показывали намного больше зерна, чем имелось на самом деле, поэтому постановление обязывало привлекать к ответственности, расследовать и судить виновных в этом по всей строгости принятых указов. Над исполнением данного постановления хорошо поработали органы милиции, суда и прокуратуры. До начала 1948 г. было осуждено более 10 тыс. материально-ответственных лиц: заведующих, кладовщиков, учетчиков, а более всего грузчиков и работников охраны заготовительных пунктов, элеваторов и складов¹⁶⁵.

На основе изложенного материала можно сделать некоторые выводы. По обобщенным итоговым сводкам МВД СССР, количество уголовных преступлений и численность осужденных в 1946-1947 гг. по сравнению с 1945 г. резко возросли. Особенно четко это прослеживается на самом распространенном виде преступлений — мелких хищениях. Сквозные сводки за 1940-1950 гг. зафиксировали в 1946-1947 гг. и самый высокий рост хищений государственного и личного имущества. При всей усредненности, низкой — 87%-й — полноте учета и стремлении к приукрашиванию, эти данные в целом отражают динамику преступлений.

Всего за уголовные преступления было осуждено в 1947 г. более 1,3 млн. человек. Из них до отмены смертной казни 26 мая 1947 г., т. е. менее чем за полгода было расстреляно 1620 человек, что всего на 396 человек меньше, чем за весь 1946 г. Число осужденных на срок лишения свободы свыше 10 лет в 1947 г. по сравнению с 1946 г. увеличилось в 100 раз и составляло 16260 человек, а в следующем 1948 г. возросло еще в 3,8 раза¹⁶⁶. Большую долю уголовных преступлений дали хищения государственного хлеба. К концу 1947 г. в тюрьмах и

лагерях было примерно 80 тыс. человек, осужденных по закону от 7 августа 1932 г. и 300 тыс. человек — по указам от 4 июня 1947 г.¹⁶⁷

В целом по СССР хищений всякого рода имущества повысилось в 1947 г. относительно 1946 г. на 43,7%. Случаи банديзма, разбоя и грабежа в 1947 г. были в два раза чаще, чем в предыдущем. Из общего количества краж 32,7% было совершено женщинами. В 1946-1947 гг. были осуждены за хищения и отбывали срок более 20 тыс. подростков до 16 лет. Среди расхитителей в 1947 г. коммунистов и комсомольцев было в 2 раза больше, чем в 1946 г.¹⁶⁸

Несмотря на то, что в 40-е годы ГУЛАГ постоянно расширялся, он никак не мог вместить всех определенных в него послевоенной чисткой. Начиная с 1948 г. суды все чаще вместо уголовного наказания с отбыванием срока под стражей, применяли общественное порицание. В 1950 г. такая мера наказания увеличилась по сравнению с 1947 г. в 9 раз и использовалась в отношении 43,2 тыс. осужденных. С 1948 г. по 1951 г. численность обитателей тюрем и лагерей постепенно сокращалась, но в 1952 г. — снова рост “преступности”, совпавший с пиком налогового засилья тружеников деревни.¹⁶⁹

Таким образом, поднявшаяся волна преступлений была спровоцирована голодом 1946-1947 гг. Правительство, неспособное противостоять крупному, организованному хищению государственного хлеба, обрушивало репрессии против мелких краж, совершавшихся голодными людьми. Миллионный наплыв осужденных вдов, инвалидов и сирот захлестнул ГУЛАГ, ставший для большинства из них “спасительным” местом. Если голод убивал физически, то указ и лагерь уродовали морально. Правовое закрепощение народа, проводившееся в голодное время под видом борьбы с “уголовной” преступностью, послужило не укреплению, а разрушению государственности и падению авторитета власти в последующие годы.

* * *

Голод охватил большинство территорий России, Украины, Молдавии, некоторые области Белоруссии и Казахстана. Эпицентром являлись зерновые районы, пострадавшие не столько от засухи, сколько от заготовительной кампании 1946-1947 гг. Ужасные испытания выпали на долю многих семей в сельской местности. Десятки тысяч погибших, сотни тысяч перенесших на почве голода страшные заболевания: дистрофию, пеллагру, септическую ангину, тиф и психические расстройства. Миллионы людей, бросая имущество, скот, покидали свои дома, искали спасения в других местах. Это практически парализовало всякую жизнь в районах голода, созда-

вало реальную угрозу посевной и уборочной страде в 1947 г. Голод перерастал в затяжной экономический кризис. От голода пострадало население многих крупных промышленных центров. Первым в списке значился г. Ленинград, жители которого не опомнились от блокадного кошмара. Другие города в том числе и столица г. Москва, очень плохо обеспечивались хлебом, держались на полуголодном пайке. Латвия, Литва, Эстония избежали голода только потому, что имели более крепкое и нетронутое еще коллективизацией сельское хозяйство.

Голод сопровождался небывалым ростом преступлений. По причине полного отсутствия средств к существованию на скамью подсудимых попадали люди никогда прежде воровством не занимавшиеся. Типология правонарушений в 1946-1947 гг. имеет свои особенности. Отдельную группу "правонарушителей" составляли председатели колхозов, осужденные за выдачу зерна колхозникам в качестве оплаты труда, а также за утайку зерна от государства. Частая сменяемость "ненадежных" руководителей подрывала и без того расшатанное управление хозяйствами. Из среды рядовых колхозников и рабочих совхозов на долю женщин и детей приходилось больше всего мелких краж колосьев и зерна. Возросло число вооруженных ограблений в городе и деревне. Среди лиц, ответственных за хранение и распределение продовольствия, увеличилась спекуляция продуктами питания и продовольственными карточками. Во время голода хищения государственных запасов зерна достигали огромных масштабов. Всеми силами стремясь остановить рост голодной преступности и удержать резервы продовольствия на прежнем уровне, правительство наращивало мощь карательных мер. В результате 1946-1949 годы дали самые крупные пополнения ГУЛАГа женщинами и детьми. Спад преступности начался лишь с улучшением материального положения трудящихся в 50-е годы.

Голод 1946-1947 гг. полностью вписывается в разряд рукотворного, то есть произошедшего в основном по вине правящих структур как в центре, так и на местах. Этот факт был основной причиной его всемерного засекречивания. Правительство СССР официально не признало голода, тем самым снимало с себя ответственность за организацию помощи голодающим.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЗАПОЗДАЛАЯ ПОМОЩЬ

*“...Во время мира целые области
могут вымирать с голоду, прежде
чем мы почешемся или дадим
три целковых”*

(Ф.М. Достоевский)

ГЛАВА V. ГОСУДАРСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ПОМОЩЬ ПОСТРАДАВШИМ

1. Помощь голодающим России

Непризнание факта голода в стране позволяло правительству пренебрегать организацией необходимой продовольственной помощи. Руководство областей, краев и республик, наученное отказами, не спешило в 1946 г. информировать центр о бедствии и обращаться за помощью. Сообщали в Москву только тогда, когда массовое голодание населения грозило остановкой производства. Без постанова Совета Министров СССР или распоряжения Сталина помощь не оказывалась. На переписку и согласование во многих инстанциях уходило не меньше месяца, тем самым упускалось драгоценное время, стоившее жизни тысячам людей. Выделялось из госрезерва меньше того, что испрашивалось. К тому же отпускали совсем не те продукты: вместо крупы — соевый жмых, вместо мяса и рыбы — овощи, а вместо молока — обезжиренная молочно-кислая смесь. Бывало и так, что предлагалось обойтись за счет экономии собственных средств и подсобных хозяйств.

Государство почти бесплатно получало от колхозов и совхозов продовольствие, а помощь голодавшим выдавалась в виде ссуды с процентами. Ссуда могла быть обычной — в 10 ц или льготной — в 2 ц начисления на каждые выданные 100 ц при возврате из очередного урожая, а в виде редчайшего исключения беспроцентная и с рассрочкой на 2 года. Многие колхозы до голода являлись вечными должниками государства, поэтому для них 10%-я зерновая ссуда была очередным ярмом. Некоторые председатели с ведома районных “вождей”, чтобы избавиться от компенсации, переоформляли если не всю, то значительную часть ссуды в счет хлебопоставок. В ряде районов Воронежской, Курской, Тамбовской и других областей партийные и советские работники просто обязывали председателей колхозов зачислять отпущенную колхозам государственную хлебную ссуду в выполнение “взятых” обязательств и зерно оставалось на прежнем месте — в “почтовых ящиках”. Правительству предоставлялась заведомо ложная от-

четность о хлебозаготовках, а колхозники не получали выделенную специальным постановлением помощь¹. При этом все закрывали глаза на обман.

Больше пользы, чем продссуда и коммерческая торговля, приносило обеспечение хлебом через государственную торговлю, а оно было совершенно недостаточным и не распространялось на колхозное население. Постановлением Совмина СССР от 12 февраля 1947 г. руководству Курской области было разрешено принять на снабжение хлебом в сельской местности по 200 г — 20 тыс. человек и по 100 г — 30 тыс. человек, что позволило оказать помощь семьям рабочих и служащих, проживавших на селе². Помимо продссуды помощь производилась и в порядке продажи. Твердо соблюдалось правило: весной получил, осенью отдай с процентами. Все постановления и распоряжения об оказании помощи заканчивались требованием возместить резервы в кратчайший срок. Это вынуждало министерство заготовок идти на крайние меры и применять всевозможные ухищрения при выдаче ссуд, вывозить зерно из одних голодных районов в другие и проч.

Решение об оказании помощи больным дистрофией железнодорожникам готовилось правительством в течение месяца. В прошении министра путей сообщения чего только не запрашивалось: фруктово-овощные консервы, соки и фирменный шоколад. Министр не забыл и голодных рабочих. Для них он просил субпродукты III и IV категории, картофель, овощи для бескарточного питания и 6 тыс. пайков на 2 месяца. Главное, о чем просили больные путейцы, — не отбирать у них при госпитализации карточки, чтобы дома их жены и дети, а у некоторых и престарелые родители не умерли бы от голода, пока кормильца спасали от истощения. Сталин не дал министру ни шоколада, ни соков, но разрешил перебронировать резерв картофеля и овощей из урожая собственных подсобных хозяйств, не отбирать у госпитализированных путейцев хлебные карточки, но количество пайков урезал. Больным дистрофией рабочим Ленинграда спустя месяц отпустили продовольствия втрое меньше запрошенного. Такая же участь постигла и рабочих авиационных заводов южных районов и Комсомольска-на-Амуре, которые просили 300 т сои-бобов, 200 т жмыхов сои, 200 т жмыхов других культур и 50 т соевого творога. Соевые бобы не дали вообще, а выдачу жмыхов сократили в 2 раза³.

Совмин СССР 1 марта 1947 г. принял секретное постановление о создании в РСФСР и Казахской ССР запасов продовольствия для оказания помощи населению в случае возникновения заболеваемости септической ангиной. Создали необходимый запас продовольствия: муки — 1000 т, крупы — 100 т, сахара — 350 т, жиров животных — 200 т, яиц — 200 ящиков. Расходование велось сверхэкономно, исключительно

для больных септической ангиной, ни под каким видом не разрешалось отпускать продовольствие "простым дистрофикам". Продовольственные запасы были выбраны менее чем на 50%. Помощь, в 2-3 раза меньше запрошенной, получили 7 областей и автономных республик России и 3 области Казахстана⁴.

Горьковские облисполком и обком партии, чтобы открыть сто питательных пунктов для больных септической ангиной, просили выделить 200 т муки, 50 т масла, 25 т рыбы, 15 т животных жиров, 15 т сахара и 20 т крупы, а получили треть названных продуктов питания, без мяса и рыбы. Для той же цели, вдвое меньше Горьковской получила продовольственную помощь Курская область. Символическое пособие в размере 15 т муки и 0,5 т крупы было выдано больным Ярославской области⁵. Даже если это делалось в зависимости от потребности каждой области, то из столь малого количества продовольствия едва ли что-то доходило до больных септической ангиной.

Упор больше делался на медико-просветительскую сторону дела, чтобы предупредить возможные отравления. По решению бюро Башкирского обкома ВКП(б) и СНК республики в районы массовых заболеваний септической ангиной была направлена специальная литература и плакаты, агитаторы и врачи. Министерство торговли СССР отпустило на питание больным 110 т муки, 10 т жиров, 8 т крупы, 12 т сахара, 12 ящиков яиц⁶.

В то время самой эффективной мерой по предупреждению заболеваний септической ангиной считался обмен населению перезимовавшего в поле под снегом зерна на доброкачественное. В организованные пункты обмена в 1947 г. поступило от населения 9287 т зерна, не убранного вовремя колхозами и совхозами и собранного весной руками голодных людей⁷. В Красноярском крае на обменных пунктах было принято 227 ц пшеницы, ржи, овса⁸. Обмен зерна был организован настолько плохо, что через год, когда сложилась аналогичная ситуация, пришлось принимать по этому же вопросу секретное распоряжение за подписью главы правительства Сталина, которое обязывало Министерство заготовок и Центросоюз обеспечить обмен и отдельное хранение зерна, а также своевременную передачу его спиртзаводам для переработки.

На селе первыми продовольственную и семенную суду получили колхозы и совхозы Черноземной полосы, более других пострадавшие от засухи и находившиеся под угрозой голода летом 1946 г. В конце июля — начале августа Курская область получила 66 тыс. т ржи и 30 тыс. т овса; Воронежская, соответственно — 64 и 45, Тамбовская — 33 и 25; Орловская — 24 тыс. т ржи. Зерно было отгружено и доставлено с баз Министерства продрезервов из Саратовской, Полтавской

(УССР), Ульяновской и других областей, где урожай был ниже среднего, а колхозные амбары пустыми. Контроль за выполнением постановлений по помощи возлагался на секретаря Сталина Поскребышева. Первая ссуда колхозам и совхозам черноземных областей была беспроцентной и выдавалась из государственных ресурсов с возвратом натурой равными долями из урожая 1947-1948 гг., но далеко не все районы пострадавших областей ее получили. В Орловской области завезли рожь только в восточные и юго-восточные районы⁹.

Помощь задержала надвигавшийся голод, вселила в людей надежду в преодоление трудностей, приостановила на какое-то время бегство в другие края. В спецсообщении МВД Тамбовскому обкому ВКП(б) о настроениях населения в связи с решением правительства об оказании помощи приведены высказывания колхозников: "Мы думали, погибнем с голоду. У нас все выходило плохо, так как не было дождей всю весну. Однако тов. Сталин о нас позаботился. Нам дали 6 пудов ржаного хлеба. Пошли дожди и картофель неплохо растет. Настроение... поднялось, помощь пришла вовремя" (Лысогорский район); "... Тов. Сталин подумал о нас в своем Кремле и приказал дать хлебушка, скоро получим и с голоду не умрем. Хлеб было дошел до 1000 руб., а теперь скостили до 300 руб." (Знаменский район); "... Мы ожидали голодовку, но государство пошло нам навстречу и дало ссуду, хотя государственные запасы за войну крепко истощали. Дали всем по 2 пуда на едока. Слава Богу и тов. Сталину! Народ воскрес. Помогать будут и скоту сеном..." (Каменский район)¹⁰. Помощь была явно недостаточной и больше рассчитанной на пропагандистский эффект. Осенью того же года она иссякла, никакой другой материальной поддержки не последовало.

Руководство Курской области 27 февраля 1947 г. сообщило Сталину, Молотову, Маленкову и другим о тяжелом продовольственном положении в колхозах, о массовой дистрофии и смертных случаях от истощения. Просило выделить хлеба в продссуду колхозам в размере 2 500 тыс. пудов (40 тыс. т), а также восстановить до августа 1947 г. ежемесячный отпуск 200 т ржи для продажи трактористам, комбайнерам, бригадирам и др. Просьбу удовлетворили через 3 месяца — выдали 10 тыс. т зерна вместо 40 тыс. т.¹¹

Летом, когда голод обострился, в воскресном номере "Правды" за 1 июня 1947 г. опубликовали письмо рабочих курских совхозов Сталину с социалистическими обязательствами в честь 30-й годовщины Октября и со словами благодарности: "Никогда не забудем мы, т. Сталин, Ваших забот о курских колхозниках. Вы прошлым летом дали нам продовольствие... Вы в этом году снабдили нас семенами... Вы и сейчас оказываете нашей области большую разностороннюю помощь". По данным Минздрава России, на 1 июня того же

года в области было зарегистрировано 85 тыс. больных дистрофией¹². Спустя 10 месяцев после начала голода курыне получили 1 млн. руб. на содержание коек для больных дистрофией¹³.

Не лучше было с помощью сельским жителям в других местах. Только во второй половине марта 1947 г., когда голод захватил половину территории России, Совмин РСФСР направил правительству СССР план медицинской и продовольственной помощи больным дистрофией. Намечалось в 13 областях и автономных республиках открыть временные стационары на 19,5 тыс. коек и организовать лечение на дому 28 тыс. больных сельской местности сроком с 1 апреля по 1 августа 1947 г.¹⁴ Предусматривалась продовольственная помощь дополнительно к рыночным фондам: муки — 2184 т, крупы и макаронных изделий — 436,8 т, мяса и рыбы — 182 т, молока — 546 т, яиц — 3792 ящика, картофеля — 2184 т, овощей — 546 т. На оплату питания и медикаментов предполагалось отпустить в первом полугодии 1947 г. 113 млн. руб. В плане нашла отражение идея изыскания средств на местах путем разрешения республиканским и областным властям принимать на снабжение питанием больных дистрофиков за счет экономии продовольствия, выделяемого по квартальным планам, а Горьковской и Саратовской областям также за счет экономии по фондам гг. Горького и Саратова¹⁵.

Несмотря на запоздалость план помощи больным дистрофией, подготовленный в правительстве России, был научно обоснованным и оптимальным. Предполагалось в течение 4-х месяцев обеспечить пострадавших разнообразными продуктами питания по повышенной норме на каждого человека в месяц: муки — 12 кг, крупы и макарон — 12,4 кг, мяса и рыбы — 2,7 кг, жиров — 1 кг, сахара и кондитерских изделий — 1 кг, молока — 3 л, яиц — 30 шт., картофеля — 13 кг и овощей — 3 кг¹⁶. Подразумевалось трехразовое питание каждого больного на 3840 килокалорий, что почти на тысячу килокалорий больше дневной потребности взрослого человека.

Предложенный план помощи российскому селу не мог получить одобрения, поэтому даже не рассматривался в союзном правительстве. К началу июня 1947 г. число госпитализированных дистрофиков составляло 24,5 тыс. человек. В наиболее неблагоприятных областях успели развернуть дополнительно 2558 временных коек, вместо 19,5 тыс., как было запланировано. Минздрав РСФСР отправил на места 129 тыс. метров хлопчатобумажной ткани, а просьба об оказании дополнительной продовольственной помощи осталась без внимания¹⁷.

Нередко бывали категорические отказы. За перевыполнение плана хлебозаготовок в 1946 г. Свердловской области выделили 2460 т хлеба. Из них в порядке оказания помощи

семьям погибших на фронте военнослужащих, многодетным матерям, остро нуждающимся колхозникам облизполком отпустил 1148 т, остальные 1312 т выдал на семена отстающим колхозам для ярового сева. Летом 1947 г. председатель Свердловского облизполкома Ситников сообщал заместителю Председателя Совмина СССР Маленкову, ответственному за выдачу продовольственных и семенных ссуд, что “в отдельных колхозах совершенно не имеется хлеба, есть случаи заболевания, невыхода на работу, вследствие чего сдерживается заготовка кормов, прополка посевов. ...Просим выделить 1000 т продовольственного хлеба”. Ходатайство оказалось неубедительным. Совмин ответил, что по состоянию коммерческих ресурсов хлеба, нет возможности удовлетворить запрос. Посоветовал обеспечить улучшение питания нуждающихся за счет выделяемых области и городу фондов коммерческой торговли. Повторные отказы в питании для больных дистрофией получили Архангельская, Владимирская, Чкаловская области, Краснодарский край и др. Не дали помощи Северной Осетии, просившей хлеба для женщин и детей, бежавших из голодных мест Центральной России и попавших в те же условия на юге¹⁸.

Иногда после отказа Министерства заготовок самые настойчивые запросы удовлетворялись Сталиным лично. Так были удовлетворены просьбы Вологодской, Саратовской, Тамбовской областей, Татарской АССР и др. Сохранилось несколько томов переписки на эту тему. В одном из них, озаглавленном “О продовольственной помощи колхозам и совхозам”, собраны десятки телеграмм и писем. Непрерывный поток прошений со всех концов страны вынудил Совмин СССР 3 июля 1947 г. принять секретное постановление, разрешающее отпускать из госрезерва в порядке единовременной продсуды зерно в размере 61620 т, в том числе 30810 т пшеницы и ржи, из них колхозам — 53920 т и совхозам — 7700 т. Отпуск зерна в ссуду производился на льготных условиях возврата из урожая 1947 г. с начислением 2 ц на каждые 100 ц выданной ссуды. Постановление обязало Министерство заготовок возместить в госрезерв к 15 сентября 1947 г. 61620 т зерна с процентами. В приложении к постановлению давался список распределения ссуды по территории России. В это постановление не попали Костромская, Свердловская области, Коми АССР и др., испытывавшие проблемы с хлебом.

2. Помощь голодающим Украины, Белоруссии и Молдавии

В связи с тяжелым положением на Украине, в Белоруссии, Молдавии более десятка постановлений и распоряжений союзного правительства о продовольственной помощи при-

шло на эти республики. На юге Украины заболеваемость дистрофией получила широкое распространение осенью 1946 г. В ноябре т. г., когда обозначились крупные очаги голода, Минздрав республики вышел с ходатайством в Совет Министров УССР, по постановлению которого от 4 декабря 1946 г. № 219-123/с (буква "с" в конце номера означает секретность) в Измаильской, Николаевской, Одесской, Херсонской областях было организовано 27 пищевых станций с ежедневным отпуском питания на 9 тыс. детей, 625 временных яслей на 25 тыс. детей, 26 домов на 4100 детей и одноразовое питание для 151 тыс. детей. Кроме того было отгружено 60 т рыбьего жира, витамины, глюкоза, белье и оборудование для больниц¹⁹.

Этого было слишком мало и голод перекинулся на соседние области. 13 февраля 1947 г. Минздравом УССР был издан приказ о проведении мероприятий по развертыванию дополнительных коек за счет эпидемического фонда и улучшению питания в сельских больницах путем покупки продовольствия по коммерческим ценам, по переводу детских яслей на круглосуточную работу. С участием ученых была разработана, подготовлена к печати и разослана на места инструкция по диагностике, клинике и методах лечения алиментарной дистрофии. Были даны указания об использовании дрожжей, дикорастущей зелени.

Республиканская чрезвычайная противоэпидемическая комиссия Украины, памятуя ошибки 1932-1933 гг., направляла свою работу на борьбу с дистрофией, являвшейся главной причиной зарождения очагов инфекционных заболеваний. С этой целью себе в помощь она привлекла Министерства просвещения, социального обеспечения, внутренних дел, лечебно-санитарные службы юго-восточного округа железных до-
рог²⁰.

По своей линии проявлял активность Минздрав республики. По его представлениям Совет министров УССР и ЦК КП(б)У приняли ряд постановлений по оказанию помощи населению Украины. Для обеспечения потребности в молоке детских больниц, яслей и молочных кухонь было принято постановление от 13 февраля 1947 г. № 183-11/с "Об упорядочении снабжения цельным молоком лечебных учреждений министерства здравоохранения"²¹.

За три зимних месяца число пораженных голодом областей Украины увеличилось в 3,5 раза, а помощь оказывалась только четырем. Для ликвидации этого большого разрыва 26 февраля 1947 г. было вынесено новое партийно-правительственное постановление № 217-16/с "О дополнительных мерах по оказанию помощи питанием населению областей УССР, пострадавших от засухи". Еще 10-ти областям были выделены продовольственные фонды и ассигнования для питания 226 тыс. человек. Важное значение имело постановле-

ние № 285-19/с от 15 марта т. г. “О мероприятиях по расширению сети столовых потребкооперации”, по которому было обеспечено питанием в марте 800 тыс. человек, а с 1 апреля — 1 млн. человек.

Основная доля продовольственной помощи оставалась в городах, а село получало меньше, хотя потребность в питании сельского населения была значительно больше, чем городско-го. Эта разница в обеспечении была несколько понижена после постановления от 21 марта т. г. № 320-22/с “О предоставлении помощи продуктами питания сельским больницам УССР”. Село получило дополнительно 205 т супов-концентратов, 24 т фасоли, 32 т орехового масла, 15 т томатного и лимонного сока и 7 т кофе²².

Среди мероприятий правительства Украинской ССР необходимо упомянуть выдачу продовольственной ссуды крестьянским хозяйствам и организацию общественного питания для работающих в поле на севе почти во всех колхозах. Вследствие проведенных мероприятий по оказанию помощи голодавшему населению, имевшиеся в распоряжении украинского руководства продовольственные и финансовые ресурсы, были почти полностью исчерпаны. Однако, рост заболеваемости и гибели людей от дистрофии не прекратился, а в сельской местности нарастал. Правительство Украины неоднократно просило Совмин СССР помочь республике хлебом, фуражом, ма-нуфактурой, деньгами на содержание лечебных стационаров²³.

По продовольственной и фуражной помощи колхозам и крестьянским хозяйствам Украины Совмином СССР было принято четыре специальных постановления: 22 декабря 1946 г., 19 марта, 6 июня, 3 июля 1947 г. На основе данных постановлений Украина получила из госрезерва в виде продссуды 33 тыс. т муки на условиях возврата зерном из урожая 1947 г. по соответствующему эквиваленту перерасчета на зерно с начислением 10 ц на каждые 100 ц выданной ссуды. Последняя июльская ссуда колхозам и совхозам состояла из 20 тыс. т продзерна, отпущенного на условиях возврата из урожая 1947 г. с начислением 2% на 100% выданной ссуды. По мартовскому 1947 г. постановлению вместе с продссудой колхозы Украины получили фуражную помощь в размере 10 тыс. т сена и 10 тыс. т кормовых отходов в порядке продажи по распределению Совмина УССР, а с апреля т. г. Сталин разрешил правительству Украины организовать через потребкооперацию закупку в западных областях республики, полностью выполнивших план хлебозаготовок, 500 тыс. пудов (8 тыс. т) зерна. Закупка зерна производилась по существовавшим закупочным ценам на условиях продажи промтоваров, установленных для закупки ржи и пшеницы. При этом использовались промтовары, завезенные на Украину в конце ноября 1946 г.²⁴

Как и в России, помощь Украине была запоздалой и недостаточной, несмотря на сигналы с мест в Киев и Москву о надвигавшемся голоде. Бывший тогда первым секретарем ЦК КП(б)У Хрущев в своих воспоминаниях пишет, что сообщал Сталину о голоде и людоедстве зимой 1947 г., но ответом был лишь гнев вождя: "Мягкотелость! Вас обманывают, нарочно докладывают о таком, чтобы разжалобить и заставить израсходовать резервы"²⁵. По самым приблизительным подсчетам, только 6-ти наиболее пострадавшим от голода областям Украины требовалось около 79 тыс. т продовольственной помощи, а было выделено всего 60 тыс. т²⁶. Что из этого количества дошло до голодавших, теперь определить трудно.

Не лучше обстояло дело и по другим республикам. По помощи Молдавии было еще больше постановлений союзного правительства, чем по Украине. Колхозам, крестьянским хозяйствам и совхозам Молдавской ССР, пострадавшей от засухи и неурожая 1946 г., постановлением Совета министров СССР от 19 августа т. г. была отпущена продовольственная ссуда. Однако эта помощь не предотвратила наступление голода. К декабрю 1946 г. были исчерпаны все продовольственные ресурсы, даже суррогаты. Секретарь ЦК КП(б) Молдавии Н. Коваль и председатель Совмина республики Г. Рудь сообщили об этом союзному правительству и запросили 15 т мяса, 6 т жиров, 5 т сахара, 12 т крупы и 99 т хлеба для обеспечения питанием 11 тыс. больных дистрофией. Это был мизер, спохватившись Коваль по телефону 17 декабря т. г. информировал заместителя председателя Совмина СССР Косыгина о том, что число дистрофиков сильно увеличилось. Косыгин написал об этом записку заместителю председателя Совмина Берии, но опоздал. 18 декабря Совет министров СССР рассмотрел и утвердил распоряжение № 13975-рс за подписью Берии о выделении Молдавии для питания больных дистрофией, запрашиваемого количества продовольствия, но без хлеба. Распоряжение рекомендовало правительству республики обеспечить больных хлебом за счет экономии по плану IV квартала 1946 г.²⁷

Под давлением новых сигналов молдавского руководства о распространении голода, 29 декабря 1946 г. Совмин СССР принял постановление, во исполнение которого колхозы и крестьянские хозяйства должны были получить из госрезерва 24 тыс. т зерна в порядке беспроцентной ссуды для ежемесячного распределения начиная с января 1947 г. Кроме того, указанным постановлением было предусмотрено выделение 500 т мяса и рыбы, 65 т жиров, 370 т крупы и 130 т сахара для обслуживания одноразовым питанием 100 тыс. человек остро нуждавшегося населения через питательные пункты, организованные Центросоюзом. Но и этого оказалось слишком мало. Голод продолжал обостряться. 25 января 1947 г. последо-

вало постановление правительства СССР за № 129-63-сс выделявшее в распоряжение Совмина Молдавии ежемесячно до 1 июня т. г. для питания больных дистрофией по нормам особого списка: 44 т мяса, 12 т жиров, 10 т сахара, 44 т крупы и хлеба по 600 г в день на человека²⁸.

В начале февраля в связи с предстоящими выборами в Верховный Совет республики Центральным комитетом КП(б) Молдавии несколько активизировалась деятельность по оказанию помощи населению продовольствием. Основную массу избирателей составляли голодавшие крестьяне, поэтому главное внимание было обращено на ужасающее положение людей на селе. В ход были пушены административные меры. Заслушав сообщения секретарей райкомов партии и председателей райисполкомов Кангазского и Чадыр-Лунгского районов, бюро ЦК(б) Молдавии пришло к выводу, что в них крайне неудовлетворительно выполняли постановление от 2 января 1947 г. "Об оказании дополнительной помощи колхозам, совхозам и крестьянским хозяйствам Молдавской ССР в связи с неурожаем в 1946 г.". За допущение роста заболеваний дистрофией и смертности, за проявленную беспечность в распределении продсуды населению, председатели райсоветов названных районов Тодоров и Лошинин были сняты с работы, а секретари райкомов Гундырев и Потапов получили предупреждение²⁹. На время проведения выборов в Молдавии специальным постановлением № 259 от 11 февраля 1947 г. Совмином СССР был увеличен контингент снабжаемый хлебом в сельской местности на 20 тыс. человек, а постановлением № 356 от 27 февраля т. г. "О дополнительных мероприятиях по неотложной помощи Молдавской ССР" колхозы и крестьянские хозяйства получили продсуду на март, апрель и май в размере 6 тыс. т муки равными частями и продукты для тяжело больных дистрофией детей³⁰. В итоге по Молдавской ССР, кроме распоряжений, мы насчитали 5 постановлений об оказании помощи со стороны союзного правительства. Последнее распоряжение по данному вопросу было в июле 1947 г.

Всего Молдавская ССР получила примерно 60 тыс. т хлеба. Часть ссуды была сразу же переоформлена в счет госпоставок и не дошла до голодавших, остальное было направлено на расширение продажи коммерческого хлеба городскому и сельскому населению. С января 1947 г. была увеличена до 30 тыс. человек численность сельских жителей на выдачу пайкового хлеба. Введены горячие завтраки для школьников. Отпущены денежные средства для помощи бедняцкой части населения, не имевшей возможности оплачивать отпускавшийся коммерческий хлеб³¹. Практика реализации мероприятий по спасению людей имела целый ряд извращений, подрывавших их эффективность. Большое количество зерна было разворовано и ушло на черный рынок. Вначале при распреде-

лении ссуд практиковалась уравнительная система выдачи 4-х кг хлеба на каждого человека без учета степени нуждаемости. В дальнейшем была введена дифференцированная система выдачи продссуд в зависимости от степени потребности каждого хозяйства не свыше 8 кг на каждого члена семьи. При выдаче ссуды мукой в ряде районов удерживался гарнцевый сбор, из-за чего уменьшался размер ссуды. Крестьяне сами мололи зерно ручным способом. Впоследствии взимание гарнцевого сбора было отменено.

В конце февраля 1947 г. Молдавию посетил Косыгин и ознакомился с действительным положением голодавших. Им было дано распоряжение о выдаче продссуды только мукой и на сроки не более 10-ти дней. Однако и после этого имели место не единичные случаи выдачи ссуд зерном, употребление которого являлось почти неэффективным, а иногда и смертельным. По-прежнему практиковалась выдача ссуды сразу на месяц, которая съедалась в первые 5-10 дней. Из-за отсутствия транспорта имели место задержки в выдаче ссуд, а иногда люди ходили за получением продссуды на железнодорожную станцию за 8-10 км, затрачивая физическую энергию равную полученному питанию³².

Правительственная хлебная ссуда по разным причинам застревала в городах и на железнодорожных станциях, а сельчанам, составлявшим 85% населения, трудно было выжить в апреле, мае, июне 1947 г. Коммерческий хлеб кончился и положение ухудшилось. Союзное правительство считало, что с голодом покончено. Корреспондент "Правды" в г. Кишиневе дал материал о якобы состоявшемся 30 июня т. г. празднике трудящихся в городах и селах Молдавии по случаю 7-й годовщины со дня воссоединения Бессарабии с Советским Союзом³³. Публикация почти совпала с письменной просьбой молдавского руководства, направленной в Совмин СССР, об оказании помощи хлебом. Письмо было адресовано заместителю председателя Совмина СССР Молотову и выдержано в спокойном тоне. Секретарь ЦК КП(б) Молдавии Коваль и председатель Бюро ЦК ВКП(б) по Молдавии Иванов вместе убедительно просили зампреда Совмина СССР Молотова разрешить содержание 20 тыс. больничных коек для дистрофиков на два месяца и выделить для этой цели продукты питания: 280 т муки, 60 т крупы, 88 т мяса-рыбы, 24 т жиров, 24 т сахара и кондитерских изделий, 360 т картофеля, а также 10 млн. руб. денег. После всей уже оказанной помощи республике, это был слишком смелый шаг. Молотов пишет в резолюции управляющему делами Совмина СССР Чадаеву: "Выяснить (без шума)". После переписки Чадаева с министром торговли и министером финансов все цифры были сокращены и подготовлен проект распоряжения, попавший в руки Косыгина. Тот еще раз исправляет все проектируемые объемы помощи в

сторону понижения: вместо оставшихся 200 т муки пишет 100, вместо 30 т крупы — 20 и т. д. Из фразы “для питания тяжело больных дистрофией” вычеркнул последнее слово. Сталин подписал проект 14 июля т. г. Так была перевернута последняя страница в истории о помощи Молдавии³⁴. Хотя голод в республике продолжался до глубокой осени.

Возглавлявший правительство и ЦК компартии Белоруссии П.К. Пономаренко в письме “О весеннем севе 1947 г. в колхозах Белоруссии” от 13 февраля 1947 г. сообщал секретарю ЦК ВКП(б) Маленкову о том, что многие колхозники в самом начале текущего года не имели хлеба, питались суррогатами, и просил зерновую ссуду³⁵. По вине местного и центрального руководства помощь пришла с опозданием на полгода и судя по малому ее размеру предназначалась в основном партийно-советскому аппарату. В начале июля т. г. запрошенное количество зерна в порядке продсуды республика получила полностью, так как просила всего 500 т ячменя и овса. Зерно было отпущено из резерва на кабальных условиях возврата из урожая 1947 г. с 10%-ным начислением³⁶. После этого Белоруссия больше не обращалась за помощью.

В западных районах Украины, Белоруссии, Молдавии помощь оказывалась в основном активистам сельсоветов и колхозникам, тем самым власти давали понять единоличникам, что для них спасение только в колхозах. Опыт ускорения сплошной коллективизации с помощью голода, накопленный в 30-е годы, активно применялся в послевоенное время.

Для питания больных дистрофией на территории голодных районов России, Украины, Молдавии в райцентрах и крупных селениях были развернуты питательные пункты. Они обеспечивали питание в основном больных дистрофией I-й степени. В случае невозможности госпитализации принимали и больных II-й степени, а также неизлечившихся от дистрофии людей после выписки из стационарных лечебниц. Срок питания на пункте устанавливался на 3-4 недели. Пропускная способность питательного пункта была рассчитана на 200 нуждавшихся в сутки. При организации пунктов устанавливался примерный суточный рацион питания: мяса — 33 г; крупы — 24,7 г; жиров — 4,3 г; сахара — 8,6 г. Хлеб в размере 200 г в сутки выдавался на питательные пункты за счет продсуды или коммерческой закупки. Отбор больных производился администрацией совместно с медработниками, контроль за санитарным состоянием на пунктах и организацией питания целиком возлагался на врачей³⁷. Питательные пункты являлись одним из основных средств в борьбе с голодом, но и они имели серьезные недостатки в функционировании. Корнем зла было то, что партийные и советские органы передоверили организационную работу по составлению списков, оформлению документации и выборку продовольственной ссуды сель-

советам, а организацию питательных пунктов райпотребсоюзам и сельпо. Вследствие этого распределение продсуды населению, открытие питательных пунктов в некоторых местах затягивалось на один и два месяца. Под питательные пункты отводились крестьянские дома, сельсоветы, клубы, школы. Недостаток помещений, кроватей и постельного белья приводил к скученности больных, педикулезу, распространению инфекционных заболеваний. Открывавшиеся бараки не были приспособлены для размещения больных, не имели медикаментов, термометров и квалифицированных специалистов, способных лечить дистрофию. Катастрофически не хватало продуктов питания, поэтому нормы выдачи часто не обеспечивали выздоровление. Имели место задержки выписки больных закончивших лечение. Это относилось прежде всего к беспризорным детям и старикам, потерявшимися в суматохе или брошенным родными³⁸.

Острая нехватка транспортных средств, весенняя распутица и безответственное отношение к своим обязанностям некоторых руководителей приводили к перебоям в снабжении питательных пунктов продуктами питания, топливом. Отсутствие должного контроля приводило к расхищению продуктов питания, включению в списки на получение продпомощи лиц, не нуждавшихся в ней. Истощенным крестьянам отказывали в помощи, при выдаче питания и продсуды с них взимали плату, в стационарах больным дистрофией выдавали хлеба в 2-4 раза меньше нормы. Раздача питания на дом не гарантировала использование пищи действительно зачисленным на питание людям, что подтверждалось случаями, когда больные не поправлялись и в дальнейшем в тяжелом состоянии поступали на стационарное лечение³⁹.

В 1948 г. государственная хлебная помощь голодавшим в принципе мало отличалась от помощи предыдущего 1947 г. Одним из первых официальных документов о помощи было распоряжение Совмина СССР от 30 марта 1948 г. № 3658-рс "Об обмене населению зерна, перезимовавшего в поле под снегом, на доброкачественное с целью предупреждения распространения заболеваний септической ангиной", о котором мы упоминали. В приложении к данному распоряжению было названо более 30 республик, краев и областей России и весь Казахстан, что по территории нисколько не уступало 1947 г. Постановление прямо подталкивало голодавших к собираю ядовитого зерна, которое при неудовлетворительной организации обмена употреблялось в пищу⁴⁰.

Изобретательности руководства не было предела. Ранней весной 1948 г. массовые заболевания дистрофией возобновились в южных областях Украины: Измаильской, Херсонской, Николаевской, Одесской, Днепропетровской и Запорожской. В ответ на настойчивые просьбы было принято сле-

циальное постановление № 1184-445-с от 15 апреля т. г., которым Совет министров СССР разрешил руководству республики использовать 2,8 тыс. т зерна, изъятого у высланных из западных областей Украины крестьян для больных дистрофией колхозников, с начислением 10 ц на каждые 100 ц выделенной ссуды⁴¹. На деле это означало, что правительство было не прочь получить с разоренных колхозов дивиденды за отобранную у единоличников продукцию. В прежние времена в отношениях между колхозами и государством ничего подобного не наблюдалось. Тогда награбленное при раскулачивании автоматически и бесплатно поступало в общественные хозяйства.

К началу весеннего сева большинство заявок на семена все-таки были удовлетворены, а продссуду начали отпускать колхозам лишь в июне, после того как из-за полного отсутствия хлеба в колхозах и у населения были приостановлены все работы в ряде сельскохозяйственных районов СССР. По постановлениям союзного правительства летом 1948 г. в ограниченном количестве хлеб получали колхозы Архангельской, Горьковской, Курганской, Тюменской областей, Башкирской и Удмуртской АССР. Партийные комитеты, которые пошли на "хитрость" и просили хлеба только для обеспечения людей, привлекавшихся на уборку урожая в колхозах, получили в 3 раза меньше запрошенного. Свердловчане просили для нуждающихся колхозников всего 800 т зерноотходов, но получили отказ от Министерства заготовок СССР. Руководителям Иркутской области, добивавшимся разрешения на продажу колхозам 1,3 тыс. т зараженного клещом зерна, дали только половину указанного количества⁴². Даже испорченное зерно в достатке не попадало к людям, поскольку десятки тысяч тонн дефектного зерна ежегодно требовала спиртовая промышленность. Из-за отсутствия сырья в 1-й декаде мая 1948 г. остановились крупнейшие спиртзаводы, и правительство, не желая допускать ущерба промышленности, направляло зерно на переработку⁴³.

Голодание 1948 г. было усилено засухой в отдельных частях СССР, которых миновали потрясения 1946-1947 гг. С ранней осени т. г. из областей посыпались заявки в правительство с просьбой дать им хлебную ссуду. Ограниченную продовольственную помощь получили пострадавшие от засухи колхозы Грозненской, Саратовской, Сталинградской, Челябинской областей, Чувашской АССР и др. Сталинградская область вместо 15 тыс. т продссуды получила только 5, Челябинская — вместо 3 тыс. т — одну. Руководство Грузии просило центр снизить на треть размер оплаты зерном за работу МТС в пострадавших от засухи колхозах, но получило отказ⁴⁴. Правда, бывали исключения. Из государственного резерва запрошенная зерновая ссуда была отпущена колхозам Омской

области, пострадавшим от наводнения. Без сокращений, с условием отсрочки возврата зерна на год, получили продовольственную ссуду, пострадавшие от засухи и градобития колхозы Чувашии⁴⁵.

Правительство не баловало поддержкой плановых переселенцев. Наоборот, выдавая им ссуду под высокие проценты оно всячески старалось закрепить их долгами на новом месте. Оставшиеся без хлеба переселенцы в Калининградскую область, специальным постановлением Совмина СССР получили лишь в конце 1947 г. 3 тыс. т зерна с возвратом из урожая 1948 г., с начислением 10 ц за каждые 100 ц выданной ссуды⁴⁶. Вследствие засухи 1948 г. переселенческие колхозы Грозненской области не обеспечили своих людей ни зерном, ни деньгами, а союзное правительство выделило всего 700 т зерновой продссуды и 200 т для продажи остро нуждающимся колхозникам. Не в лучшем положении оказались переселенцы в колхозы левобережных степных районов Саратовской области, получившие в ссуду вместо 5-ти только 2 тыс. т ржи с 10-ти процентным начислением при возврате государству. Глава государства Сталин разрешил не взимать с этого зерна гарнцевого сбора, что не спасло людей от дистрофии⁴⁷.

Как и в начале 30-х годов, самыми униженными и небеспеченными являлись семьи спецпереселенцев. Передав их в руки МВД государство полностью снимало с себя всякую ответственность за их судьбу. В свою очередь МВД относилось к вымирающему контингенту с привычным равнодушием. Некоторый интерес представляли трудоспособные спецпереселенцы занятые на лесозаготовительных и промышленных предприятиях. Их иждивенцы с 27 октября 1946 г. не получали хлеба и были обречены на гибель. В ряде случаев местные власти пытались их спасти. В феврале 1947 г. председатель Костромского облисполкома Куртов умолял Косыгина в виде исключения выделять для 12 тыс. человек, стариков и детей спецпереселенцев, находившихся в сельской местности, хотя бы 100-граммовые пайки хлеба, но получил категорический отказ. Сам Косыгин не распоряжался хлебом, а в Министерстве заготовок и Министерстве торговли СССР считали, что семьям "спецов" и так хорошо и никаких дополнительных лимитов для них выделять не положено⁴⁸. Летом 1948 г. руководство Кемеровской области добилось от правительства поддержки на время сенокоса тех колхозов, в которых были размещены спецпереселенцы из западных областей Украины и получили в ссуду 500 т зерна, которое распределялось по районам области⁴⁹.

Бесправием и беззащитностью ссыльных пользовались нечесты на руку сельсоветские активисты. Отпущенная спецпереселенцам продовольственная помощь разворовывалась. Известен факт, когда органами прокуратуры была арес-

тована и привлечена к уголовной ответственности группа расхитителей из колхоза им. Крупской Семипалатинской области Казахской ССР за кражу 3-х т хлеба и 4-х т зерна из продсуды предназначенной голодавшим спецпереселенцам⁵⁰. А сколько было подобных случаев по всему Казахстану, Уралу, Сибири? — Никаких следователей и прокуроров не хватает, т. к. развращенный мелкий чиновник не считал грехом морить голодом “врагов народа”.

3. Зарубежная помощь советскому народу

Во время голода в СССР поступало продовольствие с Востока и с Запада. В декабре 1946 г. был подписан договор между Всесоюзным объединением “Экспортхлеб” и Китайской фирмой “ТУН-СИН”, которая продала СССР 1 млн. т зерна и соевых бобов, 10 тыс. т мяса⁵¹. Из Маньчжурии закупленные товары и, особенно хлеб, вывозились крайне неорганизованно и преступно медленно. По состоянию на 25 марта 1947 г. на территорию Советского Союза было вывезено (в переводе на зерно) 181,7 тыс. т, что при плане 420 тыс. т составляло всего 43%. Кроме того, было подготовлено к погрузке, но не вывезено 5,3 тыс. т хлеба⁵².

Основными причинами медленного вывоза хлебопродуктов была плохая организация оборачиваемости подвижного состава и непринятие мер к оборудованию места погрузки для круглосуточной работы, чем вызывался длительный простой порожняка и несвоевременная перегрузка прибывавших вагонов с импортным грузом. Из-за непригодности загрузки в ночное время, не полностью использовалась пропускная способность станции Пограничная, через которую следовало основное количество продуктов. При пропускной способности 330 вагонов в сутки, за период с 28 ноября 1946 г. по 1 марта 1947 г., станция отправляла в среднем 66 вагонов, т. е. 20%, а в остальные дни погрузка и отправка не превышала 20-ти вагонов. С советской стороны железной дорогой не выполнялся установленный порядок взвешивания вагонов с продовольствием на станциях отправления, а в отдельных случаях допускалась отправка вагонов без документов, что вызвало справедливые нарекания представителей фирмы “ТУН-СИН” и вносило путаницу в учет и во взаиморасчеты с объединением “Экспортхлеб”⁵³.

Западная помощь СССР в 1946-1947 гг. имеет свою предысторию и восходит к деятельности Правительственной закупочной комиссии СССР в США по ленд-лизу в годы войны. Из отчета о ее работе узнаем, что в заявке советского правительства на закупки за океаном, продукты питания были на самом последнем месте, а на первом — оружие и различное оборудование. Ничто не смогло нарушить такую последо-

вательность: ни голод в блокадном Ленинграде, ни голод в советском тылу. Всего за годы войны по ленд-лизу в СССР было поставлено продовольствия на 1,7 млрд. амер. долларов, что составляло 18,3% от всех поставок⁵⁴. По последнему соглашению между правительствами СССР и США от 15 октября 1945 г. были продолжены поставки товаров, заказанных по ленд-лизу. В нем продукты питания вообще не упоминались. Сталин просил только технику: паровозы, металлорежущие станки, дизели, компрессоры. Вскоре отношения между двумя странами ухудшились и в январе 1947 г. американские поставки прекратились.

В Москве 7 октября 1946 г. было подписано кредитное и торговое соглашение между СССР и Швецией. Правительство Швеции предоставляло советскому правительству кредит в размере 1 млрд. шведских крон для оплаты советских заказов в Швеции на промышленное оборудование⁵⁵. Советский Союз примерно в то же время получал кредит от Великобритании. Расчет за оба кредита предусматривал поставки советской пшеницы и сырья для промышленности капстран.

По всей вероятности все бы этим и кончилось, оставалась одна нить, которая связывала нашу страну с Западом через Организацию Объединенных Наций. Еще в 1943 г. при Лиге Наций была создана Администрация Помощи Восстановления (ЮНРРА) для оказания помощи жертвам войны⁵⁶. Советский Союз стал членом этой международной организации. Распоряжением Совнаркома СССР от 8 июля 1945 г. за подписью Молотова, Наркомфин СССР перевел 800 тыс. амер. долларов на текущий счет ЮНРРА в окончательную уплату взносов СССР за 1943-1944 гг.⁵⁷ В течение 1946 г. ЮНРРА выполнило заявку на поставку товаров для Украины и Белоруссии, утвержденную постановлением ГКО от 2 сентября 1945 г. Можно лишь гадать, почему в заявку не вошли хотя бы бывшие в оккупации области России или Молдавия. В документах никаких объяснений на этот счет нет.

Работу по осуществлению поставок ЮНРРА для Украинской и Белорусской ССР проводила все та же закупочная комиссия СССР по ленд-лизу. Украина получила товаров на сумму 189 млн., а Белоруссия — на сумму 61 млн. амер. долларов. В поставки входили продукты питания, семена, сырье для мыловарения, промтовары, промышленное и медицинское оборудование. Вскоре эти товары оказались как нельзя кстати не только на Украине, в Белоруссии, а также в близлежащих областях Российской Федерации⁵⁸.

Руководство СССР, несмотря на амбиции и стремление убедить свою и мировую общественность в незначительности и преходящем характере послевоенных трудностей, уделило достаточно внимания помощи ЮНРРА и держало под своим контролем. По данному вопросу было два секретных поста-

новления союзного правительства, принятых 9 марта 1946 г. и подписанных Молотовым. Первое — “О миссиях ЮНРРА в СССР и БССР” одобрило создание при правительстве этих республик советских управлений по поставкам зарубежных грузов и состав миссии ЮНРРА в Киеве и Минске в количестве 15 человек для каждой республики. Постановление ограничивало передвижение иностранного персонала ЮНРРА на территории СССР и БССР. Выезд за пределы столиц разрешался только с ведома НКВД. Запрещалось посещение закрытых районов и объектов. Сообщения о деятельности миссий в советской прессе ограничивались краткой информацией о фактическом положении дел с поставками.

Второе постановление утвердило порядок распределения товаров, поставляемых ЮНРРА, а также использования вырученных от их реализации сумм. В нем предлагалось Совнаркомам СССР и БССР обеспечить использование товаров на восстановление отраслей хозяйства, обслуживающих первоочередные потребности населения, и оказание помощи людям, пострадавшим от немецких оккупантов. Управления по поставкам ЮНРРА при СССР и БССР должны были предоставлять Наркомфину и Наркомвнешторгу СССР ежемесячные отчеты о получении, распределении и остатках товаров ЮНРРА, а также об использовании средств, вырученных от их реализации⁵⁹.

Поступившие от ЮНРРА оборудование и материалы были переданы в основные фонды республик бесплатно для восстановления пищевой и легкой промышленности. Продовольствие и промтовары рыночного назначения продавались населению по единым ценам нормированного снабжения через государственную и кооперативную торговую сеть. Больницам, детским садам, детским домам и яслям, домам инвалидов товары передавались бесплатно. Деньги, вырученные от продажи товаров, зачислялись на специальный счет правительств СССР и БССР в Госбанке СССР и предназначались на восстановление, строительство и содержание школ, больниц, детских домов, яслей, домов инвалидов и престарелых⁶⁰.

Мы не располагаем сведениями о том, насколько эффективно использовалась помощь ЮНРРА на Украине и в Белоруссии для восстановления хозяйства республик, но есть подтверждение об использовании продовольствия и денег для помощи голодающим в 1946/47 гг. Р. Конквест пишет: “У нас нет возможности оценить число жертв, но земля эта (Украина, Белоруссия и пограничные с ними области. — В.З.) была спасена от гибели Комитетом помощи ООН и Управлением по делам спасения, в основном американским, которые поставили к январю 1947 г. только одной Украине продовольствия на 100 млн. долларов (288 000 метрических т)”⁶¹. Историк В.М. Кабузан, живший с родителями в Западной Украин-

не, утверждает, что помощь ЮНРРА спасла их от голодной смерти. К ним бежали от голода молдаване, падали прямо на улице с протянутой рукой. Сегодня, заглянув в архивные сводки по демографии, с которых спала завеса секретности, можно сказать, что число жертв было немалым, а значит зарубежная помощь, как и правительственная, не всегда полностью и вовремя доходила по назначению.

Важную роль в распределении помощи среди населения Украины и Белоруссии сыграло присутствие миссий ЮНРРА, которые в течение апреля, мая, июня находились в республиках и участвовали вместе с советскими специалистами в организации помощи. На 4-й странице "Правды" за 1 июля 1947 г. предельно сжато сообщалось об обеде у председателя Совета министров БССР Пономаренко в честь Миссии ЮНРРА в Белоруссии, в связи с окончанием деятельности и предстоящим ее отъездом. На обеде присутствовал глава миссии господин Уоллер и все ее члены. Спустя пять дней в той же газете промелькнула заметка о находившейся проездом в г. Ленинграде миссии ЮНРРА на Украине, возглавлявшейся господином Уайтом. Гости пробыли в г. Ленинграде несколько дней. Они ознакомились с достопримечательностями города, осмотрели Петропавловскую крепость, побывали в Эрмитаже, в театрах и на пароходе "Белоостров" выехали из СССР⁶². Подавляющее большинство читателей едва ли что-нибудь уловили из четырех-пяти строк, в которых ничего не говорилось ни о самих миссиях, ни о цели их пребывания.

Советский Союз являлся членом Международного Союза Обществ Красного Креста. Регулярно, и в годы войны, оплачивал членские взносы валютой в комитет этой организации. В СССР, начиная с военных лет, правда, после войны в меньших объемах, продолжала поступать помощь по линии Советского общества Красного Креста и Красного Полумесяца (СОКК и КП). Размеры помощи возросли, когда на Западе стало известно о начавшемся в 1946 г. массовом голоде. В течение 1946/47 гг. от Американского Красного Креста, а в основном от благотворительной организации Рашен Релиф (США) получено грузов на сумму 31 млн. долларов⁶³. Это была самая крупная помощь, направленная в СССР во время голода.

Помимо того под предлогом помощи жертвам войны (иначе советская сторона подарки не принимала) поступали сотни тысяч посылок из Аргентины, Дании, Ирана, Швейцарии, Швеции и др. Летом 1946 г. детские дома России получили 100 тыс. продовольственных посылок от Датского Красного Креста. Подарки Шведского Красного Креста, прибывшие в сентябре 1946 г., были адресованы детским учреждениям Москвы, Киева, Минска. В октябре того же года для детс-

ких домов Азербайджана поступило 20 т риса от Иранского общества Красного Льва и Солнца.

Советское правительство с подозрением относилось к послевоенной помощи и искало предлог для отказа от нее. Когда осенью 1947 г. Канадский Красный Крест предложил переправить населению Украины продукты питания на сумму 100 тыс. долларов, то руководство СОКК и КП усмотрело в этом провокацию и от помощи отказалось. По прямому указанию Министерства иностранных дел в марте 1947 г. исполком СОКК и КП отклонил предложение Датского Красного Креста, приглашавшего 10 советских граждан в возрасте от 25 до 35 лет, пострадавших от войны и нуждавшихся в укреплении здоровья, провести 2 месяца в санатории для прохождения курса лечения. Швейцарский Комитет помощи советским детям, пострадавшим в войне, усомнился в наличии двух детских домов в Молдавии, предложенных СОКК и КП в качестве возможных адресатов, нуждающихся в продуктах питания, одежде и обуви. Комитет просил разрешить направить в Молдавию с первой партией груза своего секретаря, но получил ответ, что такого рода поездка является излишней. Переписка затянулась на полгода, а 26 ноября 1947 г. советская сторона отказалась от помощи⁶⁴.

Направленные в СССР по линии обществ Красного Креста грузы распределяла не администрация СОКК и КП, а Совмин СССР по проектам, представленным комиссией по распределению подарков при Госплане СССР. Сложившаяся в годы войны практика распределения дарственных грузов ставила в неловкое положение руководство СОКК и КП перед отправителями, требовавшими подтверждения в получении и использовании грузов в соответствии с их назначением. Поскольку помощь часто обезличивалась и передавалась по другим адресам, а жертвователи не получали вразумительных ответов об ее участии, то за границей распространялись слухи, что посылаемые в СССР подарки расхищались.

В мае 1947 г. безадресные поступления подарков по линии Красного Креста прекратились и направлялись только грузы целевого назначения. Тому немало способствовало мнение советского руководства о нецелесообразности поощрения сбора средств в пользу СССР, что могло быть использовано Западом "для демагогической пропаганды". Министерство иностранных дел рекомендовало исполкому СОКК и КП под благовидным предлогом отказаться от помощи, а Минфин предупредил, что со второго полугодия 1947 г. намерен прекратить финансирование краснокрестной миссии в США. В конце мая т. г. председатель исполкома СОКК и КП Колесников сообщил Молотову, что в связи с прекращением помощи Американского Красного Креста Советскому Союзу разрешено закрыть советскую миссию в США с 1 июля 1947 г.

Советское правительство продемонстрировало Западу, что СССР способен сам оказывать помощь тем, кто в ней нуждался. Распоряжением Совета Министров СССР от 31 марта 1947 г. исполкому СОКК и КП было разрешено удовлетворить просьбу Маньчжурского Красного Креста и направить ему медикаменты и другие материалы на сумму 370 тыс. руб. Этот груз был отправлен из Москвы в Харбин в мае того же года. В Югославию для борьбы с малярийными заболеваниями направили сроком на год 12 санитарно-эпидемических отрядов по 15 человек в каждом, со всем необходимым имуществом.

4. Экспорт и потери зерна в СССР во время голода

Основу экспорта СССР в те трудные годы составлял хлеб. В ответ на просьбы со стороны Франции, Болгарии, Румынии, Польши, Чехословакии, Югославии в эти и другие страны в 1946-1947 гг. из Советского Союза было отправлено 2,5 млн. т зерна⁶⁵. Дальше — больше, и не только в виде помощи. Многие капиталистические страны охотно брали советскую пшеницу в обмен на промышленное оборудование. В 1948 г. из СССР было экспортировано 3,2 млн. т зерна, что всего на 400 тыс. т меньше, чем за три предвоенные 1938-1940 гг. вместе взятые⁶⁶. Значительная доля зерна поступала в страны формировавшегося тогда восточноевропейского блока. Ввиду неурожая в Чехословакии наша страна поставила ей в 1948 г. 200 тыс. т пшеницы и 200 тыс. т кормового зерна. В соответствии с соглашением от 26 января т. г. осуществлялись поставки зерна в Польшу⁶⁷. Все постановления правительства СССР по экспорту были секретными. По постановлению от 18 февраля т. г. Советский Союз поставил в Румынию 30 тыс. т семенной яровой пшеницы, стоимость которой румыны должны были возместить 33 тыс. т пшеницы из урожая 1948 г. На основании решения от 23 июля 1948 г. осуществлялись поставки 100 тыс. т пшеницы в Германию для снабжения населения г. Берлина. Причем перевозка зерна морем производилась за счет уменьшения на 25 тыс. т вывоза металлолома и на 25 тыс. т репарационных грузов из этой страны. Срочная помощь была оказана Восточному Пакистану, куда из государственного резерва было отправлено 30 тыс. т пшеницы, собранной со складов нескольких областей России⁶⁸. Не последним было постановление об экспорте зерна от 26 ноября 1948 г. Оно обязывало Министерство государственных продовольственных и материальных резервов СССР отгрузить из запасов и направить в черноморские порты 60 тыс. т пшеницы, в том числе для Пакистана — 50 тыс. т и государства Израиль — 10 тыс. т за счет количеств, неотгруженных в 1948 г. в Голландию и Швейцарию. В дальнейшем вывоз зерна за ру-

беж нарастал и достиг в 1952 г. 4,5 млн. т в год. Поставки, в основном пшеницы, производились в Албанию, Болгарию, Венгрию, КНДР, Египет, Индию, а также в западноевропейские страны: Англию, Австралию, Данию, Италию, Финляндию, Швецию, Норвегию⁶⁹. Небесплатно получали зерно и будущие братские страны, хотя начисления при возврате натурой не превышали 5%⁷⁰.

Экспорт хлеба был бесспорно велик, но, на наш взгляд, не он являлся главной причиной голода 1946/1947 гг., а также последующего полуголодного существования трудящихся. В результате проводившихся заготовительных кампаний государство располагало достаточным количеством хлеба для того, чтобы предотвращать голод и иметь порядочные резервы, но правительство СССР всегда шло привычным путем экономии за счет жизни и здоровья своего народа. Такая практика не могла оставаться безнаказанной. Чрезмерное рвение о запасах сыграло со скупыми рыцарями злую шутку — зерно превращалось в труху и не доставалось никому.

В послевоенное время порча государственного хлеба на элеваторах, складах, железнодорожных станциях, пристанях и при перевозке достигала неслыханных размеров. Убранное с таким трудом и сданное государству зерно сваливалось в грязь, мокло под дождем, покрывалось снегом, портилось, списывалось и тайно уничтожалось. Проявляя нездоровую озабоченность пополнением хлебных резервов, правительство опять-таки репрессиями пыталось остановить растущую бесхозяйственность и безразличие к государственной собственности. Это подтверждали два грозных постановления Совмина СССР и ЦК ВКП(б) от 27 июля и 25 октября 1946 г. “О мерах по обеспечению сохранности хлеба, недопущению его разбазаривания, хищения и порчи”, которые способствовали очередному усилению административной и уголовной ответственности.

Однако в последующие месяцы порочная практика даже усилилась. В самом начале января 1947 г. в Секретариат ЦК ВКП(б) поступила записка от уполномоченного Комитета партийного контроля по Челябинской области “О массовой порче зерна на Троицком элеваторе Челябинской области”. Не менее тревожные сигналы были получены из Алтайского края, Ульяновской области, Удмуртской АССР и др.⁷¹

С большим опозданием 4 октября т. г. Совмином СССР было принято постановление “О мерах по обеспечению сушки сырого и влажного зерна и сохранности хлеба”. Прямой контроль за выполнением постановления был полностью возложен на МВД. О нарушениях установленного порядка хранения хлеба информировались местные советские и партийные органы, а злостные нарушители и саботажники привлекались к уголовной ответственности. В результате проведен-

ной работы по 4 республикам, краям и областям было выявлено и взято на учет 360,2 тыс. т хлеба, хранящегося в бунтах под открытым небом, в том числе ничем не укрытого — 96 тыс. т. В Узбекской ССР на пристанционных пунктах и пристанях хранилось в неукрытых бунтах 28,3 тыс. т хлеба, в Кабардинской АССР — 13 тыс. т, в Краснодарском крае — 10,5 тыс. т и в Казахской ССР — 9,1 тыс. т⁷².

Ряд колхозов и совхозов, не принятый у них из-за сильной влажности хлеб бросали на дворах ссыпных пунктов. При проверке Балаковского пункта “Заготзерно” в Саратовской области на его территории было обнаружено на земле 113 т брошенного зерна, словно сами колхозы в нем не нуждались. Хотя в 1947 г. многие из них не рассчитались со своими колхозниками зерном по трудодням. Директор известного на всю страну Лабинского совхоза Краснодарского края, после безответных обращений в вышестоящие инстанции, направил телеграмму Маленкову. В ней он сообщал, что у них в совхозе из-за неподачи вагонов в бунтах лежало неукрытое и в больших количествах портилось 11 тыс. т хлеба. В то же время рабочие совхозов не обеспечивались хлебными пайками и голодали⁷³. На открытой площадке железнодорожной станции, как и на заготовительном пункте, уже никто не смел брать обреченное на догнивание зерно. МВД следило, чтобы всякое даже несъедобное зерно надежно охранялось, т. е. “заботилось” о том, чтобы люди им не отравились.

Всего при проверке ссыпных пунктов, баз и элеваторов было выявлено 2485,6 тыс. т влажного и сырого хлеба, в том числе в Алтайском крае — 408 тыс. т, в Чкаловской области — 253,3, Белорусской ССР — 196,3, Новосибирской области — 165,3, Куйбышевской — 129,9, Казахской ССР — 117,5, Горьковской области — 115, Башкирской АССР — 102,3⁷⁴.

В течение ноября 1947 г. органами МВД было выявлено 211,4 тыс. т зерна, зараженного амбарными вредителями и 22,7 тыс. т полностью испорченного. В Алтайском крае на Овчинниковской базе Министерства продовольственных резервов обнаружено около 200 т хлеба, оставленного на месте бывших бунтов. Зерно проросло и превратилось в сплошную грязно-зеленую массу. На Троицкой базе того же министерства в силосную яму было сброшено около 70 т ржи, спрессованной в черные комья. На территории той же базы находились кучи сгнившего, смешанного со снегом зерна⁷⁵.

Одними репрессиями правительство не смогло остановить напор бесхозяйственности и постоянно растущую порчу отобранного у народа хлеба, поэтому в 1948 г. многое повторилось. В разгар уборочной 20 августа т. г. Совмин СССР принял постановление “О мероприятиях по обеспечению сохранности хлеба урожая 1948 г. на заготовительных пунктах Министерства заготовок и базах Министерства государствен-

ных продовольственных и материальных резервов”, а 20 ноября — второе постановление о ходе выполнения первого. Оба постановления, подписанные Сталиным, также не сработали. На многих заготовительных пунктах в Алтайском и Красноярском краях, Горьковской, Воронежской, Тамбовской, Курской, Новосибирской, Орловской, Полтавской областях, Татарской АССР и Казахской ССР были вскрыты многочисленные волюющие факты порчи хлеба.

Опасаясь наказания, заведующие пунктов предоставляли ложные отчеты о качестве состояния зерна. В отчете Воронежской областной конторы заготзерно на 1 октября 1948 г. было показано 18295 т греющегося и испорченного зерна, тогда как только на 7-ми проверенных пунктах имелось 28669 т такого зерна⁷⁶. По сообщениям из пунктов “Заготзерно” Алтайского края на 1 ноября т. г. в бунтах находилось 3585 т зерна, а краевая контора заявила в отчете только 1200 т.

Ввиду недостатка транспортных средств и перегруженности складов укрупненных пунктов, в 1948 г. вывозка зерна из глубинных пунктов почти не производилась. В глубинке большое количество хлеба было засыпано в непригодные помещения: в Тамбовской области — более 7 тыс. т, в Казахской ССР — более 9 тыс. т. В целом по Союзу в непригодных складах хранилось 262 тыс. т зерна⁷⁷.

По неполным данным в СССР на 10 октября 1948 г. установлено самосогревание 611,5 тыс. т зерна. В восточных районах большое количество греющегося зерна имелось в Алтайском крае — 12,4 тыс. т, Красноярском — 8,1 тыс. т. В течение сентября и первой декады октября т. г. на отдельных заготовительных пунктах этих краев было обнаружено 14,7 тыс. т зерна ухудшенного качества. В Горьковской области в результате невыполнения правил сушки и совместного складирования сырого и сухого зерна только на 4-х проверенных заготпунктах контролерами было выявлено 530 т испорченного зерна. Директор зернобазы “Сибирская пристань” Гуткин “допустил” порчу свыше 10 т зерна. Чтобы избежать наказания, он вывез испорченное зерно на один из складов на берегу Волги, где в половодье оно было смыто водой.

На Ординском заготовительном пункте Новосибирской области за период с 23 по 30 сентября было засыпано на голую землю 98 т пшеницы и столько же овса при использовании имевшейся складской емкости лишь на 36%. В результате бесхозяйственного хранения весь находившийся под открытым небом овес подвергся самосогреванию и приобрел плесневело-затхлый запах. В Украинской ССР на 10 ноября 1948 г. на открытых площадках в бунтах хранилось 89,9 тыс. т зерна, в Краснодарском крае — 30,3, в Крымской области — 10,5 и т. д.⁷⁸

По нашим расчетам, испорченного хлеба могло бы хватить для того, чтобы оплатить натурой выработанные трудодни голодавшим колхозникам России, Украины, Белоруссии, Молдавии. Вместо этого огромное количество зерна было загублено и списано. Прелое, проросшее зерно направлялось на потребление населению. Мука из такого зерна получалась непривычного цвета и запаха, а хлеб, как вспоминали очевидцы, не могли склеить самые опытные лекари. В многочисленных жалобах, поступавших в Министерство торговли СССР, отмечалось, что хлеб выпекался сырой, кислый, горелый, с грязными отсталыми корками, следами непромеса и неприятным запахом. Во время голода 1946/47 гг. в практику хлебопечения было введено повышенное 40%-е содержание несвежих примесей ячменя, овса, кукурузы, соевой муки, а с февраля 1948 г. и муки из "морозостойкого" зерна. Добавки предполагалось отменить не раньше 1949 г. только в гг. Москве и Ленинграде, а в других городах только снизить на 20%⁷⁹. Горожане возмущались качеством поступавшего в продажу хлеба, а для колхозников и такой был большой редкостью.

Следовательно, следующей причиной разразившейся послевоенной трагедии была символическая государственная помощь голодавшим. Украина и Белоруссия были спасены от очередного голодомора зарубежной помощью, а России и Молдавии пришлось труднее. Правительство СССР, опустошив колхозные и совхозные закрома, продолжало пополнять зерновые запасы за счет 10%-ной ссуды, выдававшейся под видом помощи с условием возврата из урожая 1947 г., а также гарнцевого сбора, взимавшегося за помол полученного на росто-вщических условиях зерна. Последствием государственного обмана был голод, повторившийся в 1948 г. во многих местах Союза. Десятилетиями зерно накапливалось и сгнивало в многочисленных непригодных для хранения складах, но не доставалось людям. Такова объективная реальность так называемого социалистического способа "накопления".

В отличие от дореволюционных голодов и первого советского голода 1921 г., в 1933 и 1947 гг. из-за строгой секретности власти не позволяли общественности заниматься организацией помощи голодавшим в благополучных районах. В таких условиях спасала только взаимовыручка и поддержка людей друг другом. Пострадавшим давали хлеб, одежду, деньги. Беженцам предоставляли кров, прятали их от милиции в квартирах и общежитиях.

ГЛАВА VI. ЖЕРТВЫ ГОЛОДА И ЭПИДЕМИЙ

1. Пагубное влияние войны 1941-1945 гг. на движение населения СССР

Послевоенный голод и вызванные им эпидемии дали значительное число жертв, в основном за счет того, что бедствие охватило почти половину населения страны. Там, где не было засухи и хлеб уродился хороший, голод был вызван насильственными заготовками. Отличие голода 1946-1947 гг. от предыдущих не в силе его воздействия, а в масштабах охвата территории. Подсчитать точное число жертв пока невозможно не потому, что все сведения о голодавших шли под грифом "совершенно секретно, только лично", а просто подсчетом погибших никто не занимался. Хуже всего учет был в России, чуть лучше — на Украине и в Молдавии. Аналогичное случилось и с жертвами эпидемий. Сводки содержат информацию по численности больных сыпным и возвратным тифом, а по умершим обобщенных данных нет. Длительное время эта тема была запретной, а материалы по голоду и эпидемиям не доступны историкам, поэтому некоторые из них отрицали факт голода. Однако в памяти людей послевоенный голод сохранился, а в наши дни подтвердился открывшимися в начале 90-х годов материалами архивных спецфондов. Отложившиеся в секретных сейфах документы, представлены статистикой, распоряжениями, отчетами НКВД и МГБ и, главное, письмами голодавших.

Впервые нами предпринимается попытка определить примерное число умерших от голода и болезней. Обратимся к источникам по естественному и механическому движению населения, записям актов гражданского состояния, научным публикациям последних лет. Приводимые ниже данные по ориентировочной численности городского и сельского населения, рождаемости и смертности основаны на местном текущем учете. Составлением сводок занимались районные и городские инспекторы ЦСУ. В их распоряжении были все имевшиеся материалы. В городах число людей определялось на основе данных регистрации актов гражданского состояния, по хлебным карточкам и талонам, данным прописки, выписки и даже по спискам избирателей. Для уточнения проводилась проверка домовых книг. В сельской местности привлекались похозяйственные книги, списки сельсоветского учета с регистрацией актов гражданского состояния. Источниками расчетов служили также сводки бюро по учету и распределению рабочих силы, призыва в ФЗО, ремесленные и железнодорожные училища, данные отделов репатриации и управлений по эвакуации. Полученные таким путем сведения группировались, обобщались, корректировались, согласовывались с мес-

тными партийными и советскими организациями, окончательный вариант направлялся в центр.

Сбором и обработкой данных о движении населения специально занимались два центральных государственных ведомства: отдел записи актов гражданского состояния (ЗАГС) Главного управления МВД СССР и отдел демографии ЦСУ при Госплане СССР. Кроме них свою статистику вело Министерство здравоохранения СССР. Между этими ведомствами не было сотрудничества. Вся проводившаяся работа была засекреченной. По переписке видно, что руководство отдела ЗАГСов при МВД выражало в своих донесениях недоверие ЦСУ и утверждало, что оно дает заниженные сведения по численности населения. Этот факт подтвердился, но расхождения оказались незначительные, а банк данных у ЦСУ был богаче. Информация всех ведомств, предварительно профильтрованная в ЦК ВКП(б) и Совмине СССР, поступала к Сталину и его ближайшему окружению.

Прежде чем перейти к обзору документов, надо несколько слов сказать о времени их создания. Статистические отчеты ЦСУ, Минздрава и ЗАГСов содержат богатейший материал, без которого едва ли сможет обойтись современный исследователь. Вместе с тем, отчеты носят отпечаток мощного идеологического давления и нуждаются в критическом пересмотрении. Не исключено, что фальсификация была одной из причин их засекреченности. Расчет был прост — спустя десятилетия труднее будет опровергнуть подделку. Несмотря на это, материалы отчетов подаются нами без искажений и правок, но с соответствующими авторскими комментариями и выводами.

Начнем с того, что в отчетах обязательно проходило сравнение с данными 1940 г., поэтому есть необходимость дать совсем краткую характеристику предвоенным цифрам. При сравнении с 1940 г. следует учитывать, что короткая, но трудная и с большими потерями зимняя война с Финляндией 1939-1940 гг. озадачила советское правительство. Были предприняты меры для того, чтобы не провалились приближавшуюся войну с Германией. Спешно пополнялись мобилизационные продовольственные резервы за счет сокращения потребления народа. Ухудшение питания незамедлительно отразилось на естественном движении населения. В СССР в 1940 г. было зарегистрировано 5709 тыс. рождений, что на 637 тыс. меньше, чем в 1939 г. В том же году было 3216 тыс. смертей — на 208,7 тыс. больше, чем в 1939 г. В данные по количеству умерших не входили потери Красной Армии, которые учитывались Народным комиссариатом обороны СССР. В отдельных областях и республиках смертность в 1940 г. по сравнению с 1939 г. дала еще большее увеличение, чем в целом по Союзу: в Коми АССР — на 48%, Киргизской ССР — на 43%, Дагестанской АССР — на 32%, Молотовской обл. — на 28%, Кировской —

на 23%, Азербайджанской ССР — на 23%, Кабардино-Балкарской АССР — на 22%, Чечено-Ингушской АССР — на 21%, Архангельской обл. — на 21%. Увеличение смертности имело место в городах: Днепропетровске — на 138%, Рязани — на 80%, Махачкале — на 30%, Сталино (ныне Донецке) — на 29%, Баку — на 28%, Горьком — на 25% и др.⁸⁰

Необеспеченность молоком и сахаром детских учреждений вызвала чрезвычайный рост младенческой смертности на фоне высокой общей смертности людей в городе и деревне. В 1939 г. умерших детей до 1 г. было зарегистрировано 1,06 млн., что составляло 35,3% от всех умерших за год. В следующем 1940 г. смертность детей до 1 г. увеличилась по сравнению с 1939 г. еще на 15,3 тыс. человек. Всего же за два года умерло более 2,1 млн. младенцев. В официальном отчете главного управления ЗАГСов взрыв детской смертности в предвоенные годы объяснялся в основном ростом эпидемических заболеваний. В 1939 г. болело гриппом — 11,7 млн. человек, в 1940 г. — 13,2 млн. Кроме того в СССР в те же годы имела место высокая заболеваемость корью и сыпным тифом⁸¹. Данные по рождаемости и смертности населения в предвоенные годы были сразу “арестованы” за то, что отражали демографический срыв. После войны статистики о них вспомнили и стали вводить в оборот при подготовке сводных отчетов для Госплана СССР и правительства. Эти сведения оказались очень удобными для сравнения с военной и послевоенной численностью родившихся и, особенно, умерших, поскольку на их фоне сглаживались волны роста смертности и падения рождаемости в войну и послевоенное время. Вот как в начале XX века В.И. Ленин оценивал опасность такого манипулирования цифрами: “Социально-экономическая статистика — одно из самых могущественных орудий социального познания — превращается таким образом в уродство, в статистику ради статистики, в игру”⁸². Такая игра в 30-е и 40-е годы нанесла большой вред делу изучения народонаселения СССР.

Огромные людские потери на фронтах Великой Отечественной войны были пополнены гибелью гражданского населения от голода и эпидемий в советском тылу. Очагом страшного голода был блокадный Ленинград, давший с осени 1941 г. по июль 1942 г. примерно 1 млн. лишних смертей⁸³. За время войны голод и эпидемии посещали многие республики, края и области советского тыла. Всплеск смертности наблюдался в 1942 г., когда численность умерших составляла 2,5 млн. человек, что на 0,5 млн. больше, чем в 1941 г., в том числе миллион детей в возрасте от 0 до 4 лет⁸⁴. Высокая смертность в 1942 г. была в городах Архангельске, Вологде, Казани, Кирове, Молотове, Рязани, Свердловске, Ярославле⁸⁵.

Естественное движение гражданского населения в 1943 г. в целом по СССР значительно ухудшилось, даже по срав-

нению с 1942 г., поэтому смертность опережала рождаемость на 241 тыс. человек. В том же году за счет падения рождаемости убыль населения увеличилась против 1942 г. еще на 239 тыс. человек⁸⁶. Произошло это исключительно за счет России. По остальным республикам хотя и имелся естественный прирост населения, но по сравнению с 1941 г., он значительно снизился⁸⁷. Превышение смертности над рождаемостью привело к тому, что неестественная убыль населения в 1942-1944 г. составила более 1 млн. человек. Сокращение среди населения доли детей, связанное с ростом смертности и уменьшением рождаемости, снизило относительный уровень общей смертности.

Данные по естественному движению населения СССР за 1945 г., отложившиеся в отделах записи актов гражданского состояния, отражали поворот к лучшему в сравнении с 1944 г. Поскольку сравнение наполовину мирного 1945 г. с чисто военным 1944 г. выигрышнее, поэтому не станем переоценивать положительные сдвиги, намечавшиеся в 1945 г. По сопоставимым территориям СССР в 1945 г. было зарегистрировано 1691 тыс. рождений. В сравнении с 1944 г. рождаемость увеличилась на 353 тыс. человек или на 26%. По городским поселениям рождаемость увеличилась на 172,7 тыс. человек или на 31%, по сельской местности — на 180,7 тыс. или на 23%. В 1945 г. по сравнению с 1944 г. увеличение рождаемости имело место в 60 республиках, краях и областях СССР, а снижение рождаемости отмечалось в Брянской обл. — на 11%, Краснодарском крае — на 8%, Орловской обл. — на 1%, Смоленской — на 0,4%⁸⁸.

ЗАГСами в 1945 г. было зарегистрировано 1931 тыс. умерших, т. е. на 493 тыс. человек меньше чем в 1944 г. В городах по сравнению с 1944 г. смертность снизилась на 30%, в селах — на 28%. При наличии общесоюзного снижения смертности, в Мурманской обл. по сравнению с 1944 г. смертность увеличилась на 8%, а в Туркменской ССР — на 4%. В общем числе умерших по СССР за 1945 г. детей в возрасте до 1 г. зарегистрировано меньше, чем в 1944 г. на 10,8 тыс. человек. По городам смертность детей увеличилась на 3,7%, а по селам — сократилась на 19%. При снижении смертности детей до 1 г. в целом по СССР имело место ее увеличение в Мурманской области — на 75%, Кемеровской — на 36%, Ивановской — на 35%, Московской — на 34%, Вологодской — на 31%, Коми АССР — на 25%, Грозненской обл. — на 22%, Владимирской — на 20%, Армянской ССР — на 17%. В 1945 г. по СССР естественный прирост населения составил 628,3 тыс. человек, тогда как в 1944 г. прироста населения не было, а количество умерших превышало число родившихся на 279,7 тыс. человек⁸⁹.

Из приведенного материала можно сделать вывод, что относительное улучшение демографической ситуации в СССР

началось на последнем году войны. В подавляющем большинстве республик, краев и областей отделы ЗАГСов отметили рост рождаемости, снижение смертности и естественный прирост населения в 1945 г. относительно 1944 г. Исключение составлял рост детской смертности в 10-ти республиках и областях России и в Армении. Однако, по данным ЦСУ, численность умерших в 1945 г. не сократилась по сравнению с 1944 г., как указывалось в отчете ЗАГСов, а наоборот возросла на 104 тыс. человек за счет сельского населения⁹⁰. Кому верить?

В сентябре 1945 г. по заданию Госплана СССР демограф А.Я. Боярский подготовил квартальную динамику естественного прироста и убыли гражданского населения СССР без оккупированных территорий в 1940-1945 гг.⁹¹ Потери населения в 1942-1944 гг. в целом составили 1962 тыс. человек. Самое большое сокращение было весной и летом 1942 г. Высокая убыль населения наблюдалась и в I полугодии 1943 г. Со II полугодия 1944 г. начался переход к стабилизации, а в начале 1945 г. наблюдался небольшой прирост населения, который в дальнейшем получил развитие. Вместе с тем отметим, что вычисленные на базе предвоенных цифр и распространенные на неоккупированную территорию СССР данные не могут дать полного представления о людских потерях в нашем тылу.

Сегодня не секрет, что война 1941-1945 гг. оказала пагубное воздействие на все последующее состояние народонаселения. По ориентировочным данным потери СССР составили 13-15% от 196 млн. человек условной довоенной численности населения. Для сравнения заметим, что Россия в результате войны 1914-1918 гг. потеряла убитыми, умершими от ран и, в основном, оставшимися в плену 3,6% от 139 млн. человек населения 1913 г.⁹² Численность гражданского населения СССР на 1 июня 1946 г. без спецпоселенцев и репатриантов по ориентировочным расчетам составляла 164,1 млн. человек, в том числе 56,6 млн. человек городского населения и 107,4 млн. человек сельского⁹³. Больше других от войны пострадало население союзных республик, подвергавшихся вражеской оккупации: России, Украины, Белоруссии, отдельные потери которых в процентном отношении намного выше среднего общесоюзного показателя. Сильное сокращение общей численности населения произошло в Узбекистане, Азербайджане, Грузии⁹⁴.

Эвакуация, бегство и рост смертности привели к обезлюдению областей, попавших в зону боевых действий. Численность населения Ленинградской области сократилась в 4 раза, Орловской — в 3 раза, Смоленской — в 2,2 раза, Витебской и Могилевской — в 2 раза, Киевской и Сталинской — на 1 млн. человек. Многочисленные мобилизации, высокая смертность и низкая рождаемость были причиной сокращения населения ряда областей советского тыла: Новосибирской, Ива-

новской — в 2 раза; Московской, Куйбышевской, Омской — на 1 млн. человек; Горьковской, Рязанской, Ярославской — на полмиллиона в каждой. Естественное и механическое сокращение численности населения происходило в автономных республиках России: в Башкирии — на 412 тыс. человек, Татарии — на 372 тыс., Мордовии — на 177 тыс., Удмуртии — на 169 тыс. За счет эвакуированных и беженцев из западных районов страны, состоявших в основном из женщин с детьми и пожилых людей, заметно возросла численность населения Свердловской и Молотовской областей, Хабаровского и Приморского краев⁹⁵.

В городах, ушедших на фронт мужчин, на самых тяжелых работах заменяли женщины и подростки. В деревне помимо мобилизации широко практиковались оргнаборы несовершеннолетней молодежи в фабрично-заводские училища. Вследствие постоянного недоедания и тяжелого труда показатели физического развития подростков в конце войны были значительно хуже чем в начале. В 1945 г. они были ниже ростом, чем их сверстники 1940 г., легче по весу. В тылу примерно каждый пятый юноша стал инвалидом труда.

Начавшаяся в 1945 г. демобилизация не оправдала надежд на оздоровление населения, так как не смогла восполнить утраты. После войны в северных областях РСФСР было немало сел, в которые не вернулся с войны ни один мужчина. Кто-то задержался в городе, а большинство погибли. Миллионы сельчан остались лежать в чужой земле. Многие вернулись неспособными трудиться калеками, были на попечении своих семей, умирали от ран⁹⁶. По именам, высеченным на памятнике павшим воинам села Унгор Путятинского района Рязанской области, видно, что в 1941-1945 гг. погибло 280 человек мужчин. В списках погибших значилось целые семейства: Грачевых — 14 человек, Зубовых — 8 человек, Марьяшиных, Володиных, Губаревых, Кудрявцевых — по 7 человек и т. д. Подобный список был взят писателем М.Н. Алексеевым с обелиска в родном селе Монастырском, что на Саратовщине и опубликован в романе "Драчуны", посвященном голоду 1932-1933 гг. Такое же положение было в каждой российской деревне. По усредненным общесоюзным данным после частичной демобилизации в 1945 г. один трудоспособный мужчина приходился примерно на 2-3 двора. В некоторых областях России мужчин было меньше. В Центре, на Северо-Западе и Урале было немало хозяйств, лишенных и трудоспособных женщин⁹⁷. Доля мужчин всех возрастов в сельском населении Западной Сибири на 1 января 1945 г., т. е. до демобилизации (ДМБ) составляла 37%, а на 1 января 1947 г., после ДМБ — всего на 4,2% больше⁹⁸.

2. Демографический спад вследствие голода 1946-1947 гг.

Послевоенное демографическое положение в стране не было готово к простому воспроизводству населения, но сопротивление “вымиранию” было велико. В первые мирные месяцы возросло число браков и рождений, снизилась смертность. Кратковременное улучшение положения в естественном движении населения между окончанием войны и началом послевоенного голода оказало воздействие на формирование общесоюзных сведений об умерших⁹⁹. В 1945 г. в городах, а в 1946 г. и в сельской местности число умерших сократилось. На союзный показатель 1946 г. повлияло большое по численности сокращение умерших на селе. При небольшом сокращении общего числа умерших в 1946 г. относительно 1945 г. в целом по СССР численность умерших в России и на Украине продолжала повышаться.

Несмотря на обострение продовольственных трудностей и начало голода в 1946 г., в отчете МВД отмечалось улучшение демографического положения в СССР. Размеры сглаживания неудобных показателей оказались столь велики, что за исключением трех территорий повсеместно был дан естественный прирост населения и повышение рождаемости. Вместе с тем, в 36 республиках, краях и областях, что составляло 46% территории СССР, не удалось скрыть рост смертности. По всей стране смертность детей до 1 г. увеличилась по сравнению с 1945 г. на 44%¹⁰⁰. Наибольшее увеличение общей смертности было в Мурманской обл. — на 38%, Ленинградской — на 28%, Приморском крае — на 27%, Курской обл. — на 22%, Ростовской — на 15%, Омской — на 12%, Кабардинской АССР — на 12%, Саратовской обл. — на 11%, Хабаровском крае — на 10%, Тамбовской и Воронежской обл. — на 9%¹⁰¹.

Все доклады и сводки официальной отчетности, направленные правительству, отмечают ухудшение показателей естественного движения населения в 1947 г. по сравнению с 1946 г.: спад рождаемости и рост смертности, особенно детской, общее сокращение численности населения. Несмотря на это, статистики “сделали” прирост родившихся против 1946 г. на 373,3 тыс. человек, т. е. на 9%. Возможно, они засчитали мертворожденных? При увеличении рождаемости в целом по Союзу, на Украине, в Молдавии, а также в Воронежской, Вологодской, Курской, Куйбышевской, Ленинградской, Саратовской и многих других областях России отмечалось сильное уменьшение числа родившихся в 1947 г. по сравнению с 1946 годом¹⁰².

В районах голода скрыть огромное число преждевременно погибших в 1947 г. было непросто. Обобщенные данные по численности умерших всячески занижались. Большой

недоучет умерших в 1947 г. получался за счет беженцев из голодных районов. Неимевшие паспортов колхозники, как взрослые, так и дети, умиравшие в городах и рабочих поселках, часто не фиксировались городскими и районными ЗАГСами. Смертность нищих, бездомных, беспризорных также оставалась неучтенной. Статистики, которые часто, не по своей воле занимались фальсификацией, в отчетах всегда применяли термин "зарегистрировано", а сколько не зарегистрировано догадайся сам. В том же году ЗАГСы зарегистрировали 2640 тыс. умерших, что на 11 тыс. больше данных ЦСУ Госплана СССР. По сравнению с 1946 г. число умерших увеличилось на 770 тыс. или на 41%. По городской местности в 1947 г. смертность увеличилась на 48%, по сельской местности — на 37%. В I полугодии 1947 г. смертность населения была особенно высока, а в I квартале превышала смертность за тот же период 1940 г. Всего за I квартал 1947 г. было зарегистрировано 724 тыс. умерших, в 1946 г. — 501,6 тыс., в 1940 г. — 705 тыс. человек. Увеличение смертности по сравнению с 1946 г. отмечалось повсеместно, за исключением Латвийской ССР и Дагестанской АССР, где было небольшое снижение. Самый высокий рост смертности имел место в Молдавии, на Украине, в Астраханской, Воронежской, Вологодской, Грозненской, Курской, Ростовской, Ульяновской областях, Удмуртской АССР¹⁰³.

В 1947 г. в общей численности умерших по СССР было 508 тыс. детей в возрасте до 1 г. По сравнению с 1946 г. детская смертность увеличилась на 228 тыс. или на 45%. В отдельных республиках, краях и областях России число умерших младенцев возросло в несколько раз по сравнению с 1946 г.: в Ростовской обл. — в 2,9 раза, Краснодарском крае — в 2,7, Алтайском — в 2,6, Сталинградской и Курганской обл. — в 2,5, Астраханской и Чкаловской — в 2,4 раза¹⁰⁴.

В течение 1947 г. по СССР было зарегистрировано 1847 тыс. актов бракосочетания. В сравнении с 1946 г. число браков уменьшилось на 274 тыс., т. е. на 13%. По городской местности число браков в сопоставлении с 1946 г. снизилось на 22%, по сельской — на 3%. В регионах голода численность бракосочетаний сократилась вдвое. Всего в 1947 г. в СССР было зарегистрировано ЗАГСами 28,8 тыс. разводов, что означало увеличение по сравнению с 1946 г. на 11 тыс., т. е. на 38%.

Несмотря на общесоюзный рост смертности и падение рождаемости, в отчете МВД СССР за 1947 г. прирост населения был отмечен повсеместно, за исключением Молдавской ССР, Вологодской и Псковской областей¹⁰⁵. Главное управление ЗАГСов ухитрилось в 1947 г. вывести прирост населения по всем голодным областям Черноземного Центра, Среднего и Нижнего Поволжья, Украины, где смертность населения в среднем в 1,5-2 раза превышала рождаемость.

Медицинская отчетность указывала причины смерти людей, возраст, пол, численность умерших, территорию распространения. Информация медиков несла социальную нагрузку. По отчету Минздрава Российской Федерации за 1947 г. к числу наиболее неблагополучных по смертности относились южные и западные области России, ряд областей Поволжья, Урала, Сибири и Русского Севера. Для уточнения регионов, охваченных голодом, нам пришлось просмотреть все сводки, по которым составлялся годовой отчет. В итоге обозначилась примерная территория отрицательного воздействия бедствия на жизнь людей.

В 29 республиках, краях и областях, в том числе и в городах России в 1947 г. наблюдался высокий рост смертности. В Воронежской, Курской, Орловской, Ростовской, Тамбовской, Ульяновской областях число умерших было вдвое больше, чем в 1946 г., а в Вологодской, Костромской, Ленинградской, Молотовской, Новосибирской, Сталинградской, Читинской областях, Краснодарском крае, Башкирской и Коми АССР количество умерших в 1947 г. было на 70-80% больше, чем в предыдущем году¹⁰⁶.

Помесячный учет численности умерших в 1946-1947 гг. в городах и селах РСФСР позволяет определить, что самые большие потери населения были летом 1947 г. В июле численность умерших в городах была в 1,7 раза выше в сравнении с тем же месяцем 1946 г., а в сельской местности — в 1,9 раза, в целом в городе и деревне — в 1,8 раза. В течение 1946-1947 гг. был полностью разрушен едва начавшийся процесс восстановления рождаемости. По данным таблиц помесечных чисел видно, что с января 1946 г. и по август включительно, как в городах, так и в сельской местности наблюдался рост рождений, а с сентября того же года началось снижение, причем более сильное сокращение рождаемости отмечалось на селе. В 1947 г. происходило повсеместное обвальное падение рождаемости. В городах за год численность родившихся сократилась в 2,1 раза, на селе — в 1,9 раза, а в целом по республике — в 2 раза¹⁰⁷. Вследствие роста смертности и бегства людей произошло резкое сокращение общей численности населения в Астраханской, Воронежской, Орловской, Псковской, Тамбовской, Ярославской областях, в городах Куйбышеве, Ростове-на-Дону, Сталинграде. По той же причине сильно сократилось сельское население Вологодской, Калининской, Костромской, Курской областей¹⁰⁸.

В СССР в 1947 г. по сравнению с 1946 г. на 51% увеличилась детская смертность. Если верить сводке МВД, союзный очень высокий показатель 1940 г. по детской смертности не был превышен в 1947 г. Умерло детей в возрасте до года на 1 тыс. родившихся: в 1940 г. — 189, в 1946 г. — 69, в 1947 г. — 115, в 1948 г. — 85¹⁰⁹. Однако можно предположить, что цифры за 1946 и 1947 гг. были занижены вследствие недоучета.

так как из того же документа видно, что во многих областях РСФСР, Украинской, Белорусской, Молдавской ССР число умерших детей до 1 г. увеличилось в 1947 г. по сравнению с 1946 г. в 2 раза.

В Российской Федерации высокий уровень детской смертности имел место в городах Воронежской, Вологодской, Кировской, Курской, Орловской областей, Удмуртской АССР, а в сельской местности, помимо названных, еще и в Архангельской, Астраханской, Ленинградской, Молотовской, Свердловской областях и Коми АССР¹¹⁰. Историк-демограф В.А. Исупов пишет, что в 1946-1947 гг. уровень детской смертности в Сибири был выше, чем в 1943-1945 гг.¹¹¹ По данным сотрудника ЦСУ тех лет демографа М.Я. Дыхно, обобщившего демографические показатели по РСФСР за 1947 г., высокая смертность детей отмечалась в городах, краях и областях, пострадавших в годы войны от оккупации. В них всплеск детской смертности наблюдался в первом полугодии 1947 г. По абсолютным показателям численность детей, умерших с января по август 1947 г. была в 2-3 раза выше численности умерших в те же месяцы 1946 г. Весной 1947 г. рост смертности детей на селе был более интенсивным, чем в городе. Причинами смерти детей записывали воспаление легких, острые желудочно-кишечные заболевания, но только не голод¹¹².

Обобщенные сведения об умерших по возрасту и полу свидетельствуют, что в 1947 г. в РСФСР умерло 1462,4 тыс. человек, т. е. на 402,8 тыс. больше, чем в 1946 г. Из общего числа умерших 461 тыс. человек (31%) составляли дети до 4 лет, из них 73% — в возрасте до года. Из других возрастов чаще умирали пожилые люди (278,4 тыс. чел.). В сельской местности число умерших было на 188 тыс. человек больше, чем в городских поселениях, причем, как и в городах, спасая детей, первыми умирали мужчины¹¹³.

Подобная картина смертности наблюдалась на Украине и в Молдавии, а учет в них поставлен был лучше. Если данные об умерших в России легче было скрыть во множестве областей, краев и республик, то на Украине, а тем более в Молдавии это сделать было труднее. Таблицы смертности по этим республикам более объективны. Численность умерших на Украине в 1947 г. была в 1,7 раза, а в Молдавии — в 2,5 раза больше, чем в 1946 г. В обеих республиках с первых месяцев голода фиксировали истинную причину роста смертности. В учете движения населения Белоруссии потери от голода и болезней в 1946-1947 гг. не нашли должного отражения ни по отдельным областям, ни по республике в целом. Поэтому получила растущая помесечная динамика численности населения Полесской, Полоцкой и Витебской областей, отмеченных постановлением Совмина СССР о срочной помощи хлебом. Примерно то же самое было сделано со статистикой народонаселения Казахстана, где пограничные с Россией и

некоторые другие области были частично охвачены голодом¹¹⁴. За счет этого набирался общесоюзный прирост населения.

В целом по СССР из 2628,9 тыс. умерших по разным причинам в 1947 г. 2248,7 тыс. (85%) пришлось на РСФСР, Украину и Молдавию. Численность людей, умерших в 1947 г. в районах голода, превышала численность умерших в 1946 г. на 774,5 тыс. Возможно столько же, если не больше, умерших не вошло в сводки естественного движения населения из-за неполного учета, как в названных выше, так и в других республиках. Основное число умерших по возрастам составляли дети до 4 лет. Намного больше умерших, чем в 1946 г. пришлось на поколение людей старшего возраста. Значительно возросла численность умерших в самых трудоспособных группах от 20 до 40 лет¹¹⁵. По данным ЦСУ, общая численность умерших в 1947 г. на 166 тыс. человек превышала ту же цифру за 1942 г. — самый неблагоприятный по смертности из всех военных лет. По сравнению с 1940 г. численность умерших по разным причинам в 1947 г. была намного больше по всем возрастам за исключением 3-х возрастных групп: от 0 до 4 лет, от 25 до 29 и от 30 до 34 лет¹¹⁶. Таковы некоторые загадки послевоенной демографии.

3. Людские потери от голода и вызванных им заболеваний

После краткого анализа естественного движения населения в 1946-1947 гг. рассмотрим ряд ориентировочных данных об изменениях численности населения России. Как видно из таблицы 1, в РСФСР численность всего населения за год (с 1 декабря 1945 г. по 1 декабря 1946 г.) возросла на 5,6 млн. человек за счет демобилизованных, возвратившихся беженцев, репатриантов и 2,2 млн. новорожденных¹¹⁷. Следовательно, приток был в основном механический и произошел за счет мигрантов. Из них в РСФСР основная масса в 2,9 млн. человек осела в городах и только 0,4 млн. человек вернулись в село. За четыре зимних месяца 1946/47 гг. полностью прекратился прирост населения республики, а к 1 апреля 1947 г. оно сократилось на 29 тыс. человек. Невозможно вообразить, как такое произошло спустя четыре месяца после годового пяти-миллионного прироста.

Таблица 1

Численность населения России в 1945-1947 гг.
(тыс. человек)*

	Городского	Сельского	Всего
1 декабря 1945 г.	36376	53837	90213
1 декабря 1946 г.	40345	55500	95845
1 апреля 1947 г.	40812	55003	95815
1 августа 1947 г.	40626	55592	96218

* Отечественная история. 1993. № 1. С. 43.

В то же время (с декабря 1946 г. по март 1947 г. включительно) произошло полумиллионное сокращение населения сельской местности. Из этого числа, по сводкам ЦСУ, примерно 200 тыс. человек умерших, а остальные, предположительно, смогли уйти в города и другие районы¹¹⁸.

Сельское население направлялось на фабрики и заводы в надежде трудоустроиться и получить там продовольственные карточки. Так, на предприятия и стройки городов Центра России, а также Кирова, Челябинска и других в конце 1946 г. было принято в 1,5-2 раза рабочих больше, чем в сентябре т. г. в основном за счет прибывших из деревни¹¹⁹. Летом 1947 г. стали заметны благоприятные виды на урожай и часть сельчан вернулась обратно в колхозы. К августу того же года городское население РСФСР сократилось относительно апреля на 186 тыс. человек (табл. 1).

Болезненные демографические процессы наблюдались в районах РСФСР, подвергавшихся оккупации (табл. 2). После войны население этих районов, насчитывавшее 20,6 млн. человек, увеличилось к 1 декабря 1946 г. до 22,2 млн. Весной и летом 1947 г. голод привел к сокращению всего населения на 2,4 млн. человек. Спад произошел на 90% за счет сельского населения.

Таблица 2

Численность населения России в 1945-1947 гг.
в районах, подвергавшихся оккупации (тыс. человек)*

	Городского	Сельского	Всего
1 декабря 1945 г.	5349	15267	20616
1 декабря 1946 г.	6297	15928	22225
1 апреля 1947 г.	6421	15729	22150
1 июня 1947 г.	6338	13604	19942

* Отечественная история. 1993. № 1. С. 44.

В целом по РСФСР значительное сокращение численности сельского населения произошло в Воронежской, Горьковской, Курской, Московской, Орловской, Рязанской, Сара-

товской, Свердловской, Тамбовской, Чкаловской, Ярославской областях, что привело к снижению общей численности населения республики в 1947 г. относительно 1946 г.¹²⁰ Демобилизация военнослужащих помогла местным статистикам нейтрализовать воздействие голода 1946-1947 гг. на динамику численности населения Сибири¹²¹. Не удалось скрыть необычно высокий переток деревня-город, который отчетливо прослеживается на примере данных по Западной Сибири¹²².

Статистические данные об изменении численности населения Украинской ССР (табл. 3) по своей динамике в общих чертах совпадают с российскими. Тот же высокий механический приток, то же преобладающее сокращение сельского населения в 1947 г. Отличие в том, что в годы войны Украина длительное время находилась в оккупации, поэтому здесь прослеживается больше сходства с бывшей в оккупации территорией России. Статистика численности населения УССР, как и РСФСР, претерпевшая несколько цензурных фильтров, содержит немало вопросов. Например, по месяцам общая численность населения республики к июню 1947 г. сократилась на 101 тыс. человек, в то время как численность населения только восточных областей Украины к июню 1947 г. сократилась на 213 тыс., а население западных областей к тому же времени стало меньше на 207 тыс. человек. Исходя из суммы двух последних цифр, сокращение населения УССР в 1947 г. должно составлять, даже с поправкой на рождаемость, не менее 300 тыс. человек, а не 101 тыс., как сообщало ЦСУ республики.

Таблица 3

Численность населения Украинской ССР
в 1945-1947 гг. (тыс. человек)*

	Городского	Сельского	Всего
1 октября 1945 г.	8795	21664	30459
1 июня 1946 г.	9799	23604	33403
1 апреля 1947 г.	11182	23196	34378
1 октября 1947 г.	11363	22937	34300

* Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 565. Л. 182; Д. 626. Л. 135.

Общая убыль жителей села к октябрю 1947 г. по сравнению с июнем 1946 г. составила 667 тыс. человек. В то же время наблюдался значительный рост населения в городах, наполнявшихся голодными сельчанами. По отдельным данным, сельское население восточных областей Украины сократилось в 1947 г. по сравнению с 1946 г. на 560 тыс. человек, а западных — на 250 тыс. человек.

Значительные демографические изменения были в восточных областях УССР: Днепропетровской, Запорожской, Одесской, Харьковской, Херсонской. Сельское население Днепропетровской области сократилось на 129 тыс. человек, т. е. на 12%, Запорожской — на 125 тыс., на 15%, Харьковской — на 109 тыс., на 10%. В западных областях при сравнительно меньшей общей численности населения, отток людей был больше. Сельское население Измаильской области сократилось на 118 тыс. человек, т. е. на 23%, Ровенской — на 111 тыс., т. е. на 14%, Станиславской — на 116 тыс., т. е. на 13%¹²³. Не исключено, что в число выбывших попали спецпереселенцы.

Среди причин спада численности населения было превышение смертности над рождаемостью. Высокая смертность отмечалась в Измаильской обл., где число умерших в 1947 г. превысило число родившихся в 2,4 раза. Среди общей численности умерших за год более 85% составляли жители села. В ряде районов Днепропетровской обл. смертность в несколько раз превышала рождаемость. В Васильковском районе в 1 полугодии 1947 г. смертность была выше, чем в то же время 1946 г. на 463%, в Днепропетровском — на 465%, Криничанском — на 414%, Синельниковском — на 464%, Томаковском — на 558%¹²⁴. Подобное наблюдалось и в других вышеуказанных областях. Некоторые украинские статистики в своих отчетах предприняли попытки свалить вину за снижение рождаемости на слабую борьбу с подпольными абортами. Они предлагали правительству изъять из продажи все противозачаточные средства и усилить наказание вплоть до предания суду врачей и пациенток за неразрешенные врачебными комиссиями аборты¹²⁵.

По причине голода произошло сильное сокращение населения Молдавии также в основном за счет жителей села (табл. 4). Убыль сельского населения республики в 1947 г. по сравнению с 1946 г. составила 230 тыс. человек, т. е. 11%¹²⁶. Единственный случай, когда по обобщенным сводным показателям таблицы мы можем определить, насколько сократилось все население МССР к октябрю 1947 г. — на 228 тыс. человек.

Таблица 4
Численность населения Молдавской ССР
в 1945-1947 гг. (тыс. человек)*

	Городского	Сельского	Всего
1 декабря 1945г.	257	1816	2073
1 декабря 1946г.	342	2035	2377
1 апреля 1947г.	339	1918	2257
1 октября 1947г.	344	1805	2149

* Составлено по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 566.
Л. 86; Д. 628. Л. 218-229; Д. 686. Л. 170-189.

Общие итоги естественного движения населения Молдавии за 1947 г. показывали уменьшение числа родившихся относительно 1946 г. на 100% и увеличение численности умерших на 256%. По г. Кишиневу в 1947 г. число умерших было в 1,8 раза больше, чем в 1946 г., по другим городам республики — в 2,4 раза, по селу — в 2,6 раза. Особенно много жертв голода было среди крестьян в Бендерском, Кагульском, Кишиневском уездах, где смертность в 2-3 раза превышала рождаемость, а также в Оргеевском и Бельцском¹²⁷. На почве полного отсутствия продуктов питания возросли эмиграционные настроения. Сотни людей пытались бежать в Румынию, но в большинстве были пойманы на границе. Румынские жандармы задерживали перебежчиков и передавали их советским властям. В течение 1946/1947 гг. десятки молдаван-перебежчиков были выведены из Румынии, как “изменники Родины”. Большинство из них по социальному положению были бедняки и середняки. Допросами МГБ было установлено, что все они хотели спастись от голода¹²⁸. Немногие вырвались из голодного ада на запад, что не повлияло на статистику населения республики — она в целом достоверна.

По подсчету Б.Г. Бомешко потери населения Молдавской республики от голода составили 70-80 тыс. человек (свыше 3% всего населения)¹²⁹. Историк Н.Х. Туфар считает, что жертв больше, т. к. людей старше 60 лет, погибших от голода, записывали как умерших естественной смертью¹³⁰. От голода в Молдавии, как и в других республиках, многие умирали на дому и не включались в медицинские сводки и отчеты ЗАГСов по умершим от дистрофии.

В итоге, по архивным данным, в охваченных голодом районах РСФСР, Украины, Молдавии вместе взятых, с населением примерно в 50 млн. человек, в 1947 г. по сравнению с 1946 г. произошло сокращение численности населения за счет бегства в другие места и роста смертности на 5-6 млн. человек. Из них жертвы голода и связанных с ним болезней составили около миллиона человек, в основном сельского населения, в том числе в России не менее 0,5 млн. человек.

Значительное число жертв голода дал и следующий 1948 г. Продолжался спад рождаемости, слишком высока была смертность, не снижалась миграция из села в город. Из докладной записки начальника главного управления милиции МВД СССР Леонтьева министру внутренних дел СССР Крутому о естественном движении населения СССР в 1948 г. видно, что голод не сразу сдавал свои позиции. После 1947 г. в целом по Союзу положение с рождаемостью ухудшилось. В первой половине 1948 г. по СССР было зарегистрировано родившихся на 28% меньше, чем за тот же период 1947 г. Рож-

даемость городского населения уменьшилась на 37%, сельского — на 30%. В ряде республик, краев и областей России ухудшение было более значительным. В Астраханской, Вологодской, Воронежской, Костромской, Курганской, Московской, Ярославской областях, Башкирской, Кабардинской, Северо-Осетинской, Удмуртской АССР и Хабаровском крае число рождений в I полугодии 1948 г. по сравнению с тем же периодом 1947 г. уменьшилось на 40-50%. Снижение рождаемости наблюдалось повсеместно, кроме Алтайского края и Тувинской АО, где число родившихся увеличилось на 8%. С августа 1948 г. рождаемость начала возрастать, в результате чего во II полугодии 1948 г. число родившихся по СССР было больше, чем во II полугодии 1947 г. В целом же по СССР в сравнении с 1947 г. количество родившихся уменьшилось на 330,2 тыс. человек, т. е. на 7%. В г. Москве рождаемость уменьшилась против 1947 г. на 25% в г. Ленинграде — на 23%. Исключение составляли несколько территорий, на которых рождаемость в 1948 г. по сравнению с предыдущим годом возросла: в Молдавской ССР — на 21%, Калининградской обл. — на 14%, Курской — на 8%, Томской — на 7%, Воронежской, Пензенской, Сталинградской, Псковской, Орловской — на 6%¹³¹.

Смертность населения пошла на убыль, хотя начало года было трудным. По союзным данным в январе 1948 г. численность умерших относительно января 1947 г. снизилась на 12%. По городам снижение смертности составило 5%, по селу — 17%. При снижении числа умерших в целом по СССР, в 45 республиках, краях и областях смертность населения продолжала возрастать. Главная причина роста заболеваемости и смертности людей — острая нехватка питания. В январе 1948 г. в записях актов гражданского состояния 30-ти республик, краев и областей РСФСР было зарегистрировано 2370 человек, умерших от дистрофии, и более 600 человек от сыпного тифа¹³².

Перелом наместился в середине 1948 г. после того, как число умерших по СССР уменьшилось в сравнении с I полугодием 1947 г. на 28%. По городской местности число умерших снизилось на 26%, по сельской — на 29%. Несмотря на уменьшение числа зарегистрированных смертей в целом по Союзу, в Армянской ССР смертность в I полугодии 1948 г. увеличилась относительно того же периода 1947 г. на 28%, в Чувашской АССР — на 13%, Марийской АССР — на 11%, Грузинской ССР — на 5%, Казахской ССР — на 4%, Кировской обл. — на 3%¹³³.

Всего за 1948 г. число умерших снизилось по сравнению с 1947 г. на 27%. Снижение смертности происходило равномерно, как по городской, так и по сельской местности. В гг. Москве, Ленинграде смертность уменьшилась в сравнении с 1947 г. на 23%. При уменьшении численности умерших по

Союзу, в Грузинской ССР смертность возросла на 31%, Армянской — на 20%, Азербайджанской — на 18%, Узбекской — на 6%. В Киргизской и Казахской ССР число умерших осталось на уровне 1947 г. Резкое увеличение смертности по Туркменской ССР в 1948 г. относительно предыдущего года объяснялось произошедшим землетрясением в г. Ашхабаде и районах Ашхабадской области. В 1948 г. в общем числе умерших по СССР было зарегистрировано 352,8 тыс. детей в возрасте до 1 г. По сравнению с 1947 г. детская смертность уменьшилась на 157,4 тыс. человек, т. е. на 31%¹³⁴.

В 1 полугодии 1948 г. естественный прирост населения СССР составил 716,5 тыс. человек, что на 223 тыс. человек (на 31%) меньше, чем в 1 полугодии 1947 г. По городской местности прирост населения уменьшился на 49%, по сельской — на 15%. Улучшение началось в середине года и к концу 1948 г. естественный прирост повысился по сравнению с 1947 г. на 21%. По городам прирост был равен 3%, по селу — 33%¹³⁵. Выручала деревня, т. к. общий прирост происходил за счет сельского населения.

Суммируя основное можно сделать вывод. В 1948 г. относительно 1947 г. естественный прирост населения был незначительным, что подтверждается данными ЦСУ. Если же обратить внимание на повсеместное понижение рождаемости и десятикратное превышение прироста сельского населения над городским, то общесоюзный показатель прироста за 1948 г. нам представляется сильно завышенным.

В заключении краткого обзора архивных источников по демографии, необходимо отметить, что в нашем распоряжении имелись неполные данные по естественному движению населения. Отчеты МВД СССР, предназначенные правительству, были приукрашены и не отражали настоящих размеров людских потерь. Помесячные сведения об изменении численности населения республик, краев и областей, подготовленные ЦСУ, также не лишены серьезных погрешностей и не способны дать более-менее объективную картину бедствия. Однако анализ совокупности источников и обобщенного фактического материала позволил сделать вывод, что послевоенный демографический срыв возник от резкого падения жизненного уровня населения. Наметившийся в 1945 г. процесс стабилизации естественного движения населения был смят голодом. Несмотря на то, что после войны население СССР было на 26 млн. человек меньше предвоенного, численность умерших в первые голодные месяцы 1947 г. была намного больше, чем в благополучном и полувоенном 1940 г. Можно предположить, что в период с 1946 г. по 1948 г. умерло от голода более 1 млн. человек. Вследствие голодания переболели дизентерией, диспепсией, пневмонией и др. около 4 млн. человек, среди которых было еще около полумиллиона умерших. Ухудшение демографической обстановки в 1946-1948 гг.

почти полностью нивелировало первую послевоенную компенсаторную волну рождаемости.

4. Распространение эпидемий тифа

Послевоенный голод был чреват небывалым распространением инфекционных заболеваний среди населения, переходящих в эпидемии. На возникновение и затяжное течение эпидемий влияли в первую очередь социальные факторы: убогий уровень материально-бытового, медицинского и санитарного обеспечения при массовых заболеваниях и вынужденных, голодных, скрытых от властей, миграциях. Издревле известны инфекционные болезни быстро оживавшие в тяжелые времена. К таковым относились паразитарные тифы (сыпной и возвратный, так называемый европейский). Источником и резервуаром инфекций являлись сами больные, а переносчиком — платяные, а иногда и головные вши. Восприимчивость к паразитарным тифам была всеобщая, однако, чаще болели люди самого трудоспособного возраста, что объяснялось их наибольшей активностью и широким общением. Дети и пожилые люди тоже подвергались заболеванию, когда в поисках пропитания покидали свою обитель и переходили на положение нищих и бездомных. При инкубационном периоде в 12-14 дней само заболевание протекало быстро: резкая головная боль, озноб или лихорадка с жаром, бред... Тяжелая форма болезни нередко кончалась коллапсом. Чтобы спасти заболевшего человека следовало его немедленно госпитализировать, а для предотвращения вспышки тифа надо было осматривать на педикулез всех соприкасавшихся с ним. Затем производить санитарную обработку и дезинфекцию белья, одежды и жилого помещения. Это полагалось делать по правилам, а на практике все было по-другому.

Эпидемии паразитарных тифов в 1946-1947 гг. возникали не на пустом месте. Тяжелое эпидемическое наследие оставила только что завершившаяся война. Распространение инфекционных заболеваний среди населения России, Украины, Белоруссии и др. республик в десятки раз превышало обычный уровень заболеваемости. Особенно неблагоприятное положение складывалось в освобожденных районах. Вскоре после изгнания врага в Белорусской ССР была выявлена большая завшивленность населения и 13 тыс. больных сыпным тифом¹³⁶. Эпидемические вспышки отмечались в глубоком советском тылу: на Урале, в Сибири, в Казахстане и др. местах¹³⁷. На завершающем этапе войны сыпной тиф охватил крупные промышленные центры: Горький, Куйбышев, Москву. Правительство СССР принимало меры для срочной ликвидации эпидемических вспышек: 28 ноября 1944 г. Совнарком СССР принял постановление № 1626-484-с "О мерах борьбы по ликвидации вспышки сыпного тифа в Горьковской

области и г. Горьком”, 5 января 1945 г. — распоряжение № 200-рс о проведении противоэпидемических мероприятий по ликвидации вспышки сыпного тифа в г. Куйбышеве и Куйбышевской области, 2 февраля 1945 г. — распоряжение № 1652-рс о мерах помощи в борьбе с инфекционными заболеваниями в г. Москве и др.¹³⁸ Благодаря выделенным средствам и помощи с трудом удавалось гасить очаги сыпного тифа и предотвращать расползание эпидемий по всей стране, но социальные корни инфекционных заболеваний не устранялись и проявлялись снова в скором времени в других местах.

Осенью 1946 г. многотысячные потоки голодных, ослабленных людей, передвигавшихся по стране в поисках пропитания, стали благодатной средой для распространения эпидемий. Действовавшая сеть лечебно-санитарных учреждений, переполненная дистрофиками, не получала самого необходимого обеспечения продуктами питания, мылом, лекарствами, специалистами. В значительном числе случаев первые заболевания своевременно не распознавались, так как сыпной тиф наслаивался на дистрофию. В результате этого единичные заболевания разрастались в крупные очаги. Эпидемиологический анализ 300 вспышек показал, что их причиной на 44% являлась неправильная диагностика первых случаев заболеваний и на 30-40% — поздняя госпитализация, вызванная отсутствием помещений для развертывания инфекционных коек, транспорта для перевозки больных. Такое наблюдалось в городах Киеве, Ростове-на-Дону, Свердловске и др.¹³⁹

В РСФСР заболеваемость сыпным тифом в 1947 г. по сравнению с предшествующим 1946 г. возросла на 30% и была в 2,8 раза выше уровня 1940 г. Из докладной записки министра здравоохранения СССР Е.И. Смирнова заместителю Совмина СССР А.Н. Косыгину узнаем, что в 1947 г., особенно в сентябре и октябре, отмечался рост заболеваний сыпным и возвратным тифом в Курской, Тульской, Астраханской, Ивановской, Московской и др. областях России, Харьковской, Сталинской, Днепропетровской и др. областях Украины. В результате этого общее число заболеваний сыпным и возвратным тифом превысило соответствующие данные 1946 г. в 2 раза. Рост заболеваемости отмечался в УССР, где общее число случаев возвратного тифа составляло 70%, а сыпного — 30% всего количества таких заболеваний в Союзе. На 5 городов и 6 областей РСФСР в октябре 1947 г. приходилось 54% всей заболеваемости в республике. Преобладающее количество заболеваний (до 75%) отмечалось в городах Московской области. В г. Москве в октябре было зарегистрировано 833 случая сыпного тифа, а за первую декаду ноября — 394 случая. Из 137 заболеваний сыпным тифом, зарегистрированных в октябре в Ивановской области, всего 9 случаев приходилось на г. Иваново. Чаше бывало наоборот, из 1450 заболеваний, зафиксированных в октябре месяце в Харьковской обл., более 1 тыс.

случаев приходилось на г. Харьков. За октябрь 1947 г. в г. Ленинграде зарегистрировано 665 случаев сыпного тифа, а по области было отмечено только 105¹⁴⁰.

В РСФСР заболеваемость сыпным тифом в 1947 г. по сравнению с предшествовавшим 1946 г. возросла на 30% и была в 2,8 раза выше уровня 1940 г. Если в России органы здравоохранения зарегистрировали 1940 г. 30 тыс. заболеваний сыпным тифом, то в 1946 г. — 64,5 тыс., а в 1947 г. — 84,1 тыс. Увеличение в 1947 г. по отношению к 1940 г. было в 2,8 раза, а к 1946 г. — в 1,3 раза¹⁴¹.

Рост миграционных процессов обусловил усиление инфекционной опасности. На долю приезжих в стадии заболевания или инкубации падает значительный процент в Воронежской области — 25, Грозненской — 35, Северо-Осетинской АССР — 40. С первых чисел апреля 1947 г. в Северо-Осетинскую АССР устремился поток мигрирующего населения из неурожайных областей. В г. Дзауджикау в апреле прибыло примерно 1500 человек. Прибывшие люди ютились на вокзале, базаре, чердаках, в подвалах. В их среде начинались заболевания сыпным тифом. За год заболеваемость в г. Дзауджикау составила 50% всей заболеваемости сыпным тифом в республике. По той же причине неблагополучным являлся и Коста-Хетагуровский район. В целом в 1947 г. в республике заболевания сыпным тифом возросли в 4,7 раза по сравнению с 1946 г. и в 36 раз относительно 1940 г.¹⁴²

Увеличилось число заболеваний, вызванных контактом с приезжими или часто разъезжавшими в поисках пропитания: в Ставропольском крае — на 24%, в Чкаловской обл. — на 22,7%. В Воронежскую область осенью 1947 г. возвращались беженцы, многие из которых стали разносчиками инфекционных заболеваний. Крупные вспышки сыпного тифа, источником которых являлись беспризорные дети, отмечались в Москве, Туле, Харькове и др. городах¹⁴³. В г. Харькове среди 700 беспризорных детей, задержанных органами МВД, 10% были больны сыпным тифом. Через детский приемник МВД в г. Москве в 1946 г. прошло 24 тыс. детей, в 1947 г. — 40 тыс., из них многие переболели тифом¹⁴⁴. От детей болезнетворные инфекции передавались жителям городов.

Медиками была выявлена особенность в эпидемии сыпного тифа — резкий рост заболеваний среди городского населения. Удельный вес заболеваемости в городах в 1947 г. составлял 42% против 21,2% в 1946 г. и 20,5% в довоенном 1940 г. В городах центрального подчинения здания вокзалов были переполнены людьми, привокзальные площади превращались в места ожидания поездов, среди пассажиров было много бездомных. После отмены карточек и денежной реформы в г. Челябинск, например, из районов области прибыло огромное количество людей для обмена денег, а главное, за хлебом. Все магазины были переполнены, "толкучий" рынок занимал не-

сколько кварталов. По данным эпидемиологических обследований, на тот период приходился пик инфекционных заболеваний¹⁴⁵.

Начавшаяся весной 1947 г. миграция населения на Украине продолжалась до конца года. Разгул эпидемий здесь начался раньше чем в России и осенью 1947 г. охватывал города и села многих областей. Председатель Совмина Украинской ССР Хрущев обратился с письмом к заместителю председателя Совмина СССР Молотову, в котором информировал, что за октябрь было 4130 заболеваний сыпным тифом и более 5 тыс. заболеваний — возвратным. Интенсивный рост заболеваемости продолжался в областях, расположенных на пути движения миграционных потоков: в Харьковской, Сталинской, Днепропетровской и др. В УССР кроме развернутых инфекционных коек намечалось поставить дополнительно еще 15 тыс. Не хватало хлопчатобумажных тканей для нательного и постельного белья, т. к. в 1947 г. их было выделено меньше половины потребности. Лечебная коечная сеть республики была только на 69% обеспечена одеялами и на 26% — хозяйственным мылом. Мыловаренная промышленность республики из-за отсутствия химикатов работала с большими перебоями и не обеспечивала горожан. Получался замкнутый круг. Острая нехватка мыла вызывала распространение инфекций и усиливала рост заболеваемости населения, а больницы, куда попадали тифозно-больные люди на излечение, не имели мыла и сменного белья. Хрущев просил выделить дополнительно ткани, одеяла, кровати или металл для их изготовления, каустическую и кальцинированную соду для производства мыла, автомашины для перевозки больных и бензин¹⁴⁶.

Подобное положение складывалось в ряде городов и областей России, поэтому правительство СССР получало заявки о помощи мылом из Орловской, Воронежской, Курской, Свердловской и др. областей, краев и республик. Члены чрезвычайной тройки по борьбе с эпидемией в г. Свердловске послали телеграмму заместителю председателя Совмина СССР Ворошилову. В ней сообщали о вспышке сыпного тифа в областном центре и о полном отсутствии мыла. Сильно ограниченные фонды мыла для Свердловской обл. не отоваривались и наполовину. В 3-м квартале 1947 г. было недополучено 44 т, в 4-м из выделенных 235 т отоварено только 15 т. Свердловский мыловаренный завод простаивал из-за отсутствия сырья¹⁴⁷. По воспоминаниям людей, многие семьи изготавливали мыло на дому кустарным способом. Такое мыло во многом уступало по качеству заводскому, но помогало избавиться от грязи и вшей.

В 1947 г. заметное место занимал европейский возвратный тиф. Цифры свидетельствуют, что в России в 1946 г. по сравнению с 1945 г. число больных сократилось в 2 с лишним раза (до 6819 человек против 15865). Голод, рост миграций.

отсутствие лекарств привели к тому, что в 1947 г. заболеваемость возвратным тифом в Российской Федерации возросла до 12580 человек¹⁴⁸, превысив уровень 1946 г. в 1,8 раза. Особенно неблагоприятными в этом отношении являлись Смоленская, Брянская, Курская, Калужская, Московская области.

Те же причины привели к росту заболеваний паразитарными инфекциями. Показательна география их распространения. Население неурожайных местностей России, Украины, Молдавии, Белоруссии двигалось в основном в те районы, где сельское хозяйство еще не было полностью охвачено колхозами и совхозами: в западные области УССР и БССР, в Литовскую, Латвийскую ССР. Чтобы судить о массовости людских потоков, достаточно сказать, что на станции Львов-Главная ежедневно находилось до 6 тыс. человек, а в Прибалтику за сутки прибывало до 35-40 тыс. человек. Отсутствие мощных санитарных пропускников, неудовлетворительное медико-санитарное состояние поездов, вокзалов, позднее выявление больных и их госпитализация привели к возникновению и быстрому распространению паразитарных тифов и росту смертности среди населения в названных районах¹⁴⁹.

Складывалась парадоксальная ситуация. Люди, находившие в Прибалтике помощь и спасение от голода, сами того не желая, а часто и не зная о том, приносили с собой инфекции сыпного тифа. Как всегда в таких случаях дело принимало нежелательный оборот и не ограничивалось только медицинскими и санитарными мерами. Многочисленное скопление пассажиров явилось причиной вспышки паразитарных тифов во Львове. По представлению Минздрава Совмин Украинской ССР 21 марта 1947 г. вынес постановление № 322-23/с "О ликвидации и предупреждении заболеваний паразитарными тифами среди населения Львовской области УССР", а через несколько дней опасность нависла над всей республикой и последовало постановление № 366-28с "О мероприятиях по профилактике и борьбе с заболеваниями паразитарными тифами в УССР"¹⁵⁰. Так что Украина первой начала "секретную" войну со вшами.

Беженцы из голодных районов Союза начали прибывать в Литву осенью 1946 г. Правительство республики уже тогда принимало меры предосторожности. Совет министров ЛССР 2 ноября 1946 г. принял постановление № 670/с о восстановлении и ремонте санпропускников на станциях Вильнюс, Каунас, Шауляй, Клайпеда. Огромного притока людей зимой и весной 1947 г. никто не ожидал. В связи с прибытием беженцев в Литовской ССР в мае 1947 г. отмечался резкий подъем заболеваний сыпным тифом. Крупные вспышки имели место в городах Клайпеде, Паневежисе, а также Вилкавицском, Шауляйском, Ионишском уездах. Совмин Литовской ССР и ЦК ВКП(б) Литвы 1 мая 1947 г. приняли постановление "О ликвидации вспышки заболеваний паразитарными тифами в

Литовской ССР”, которое намечало меры по устранению недостатков и материальному обеспечению противоэпидемических мероприятий: укомплектование квалифицированными кадрами инфекционных больниц, выделение помещений для санэпидстанций, обеспечение транспортом для посещения и перевозки больных. Постановление обязывало управление Литовской железной дороги не допускать скопления пассажиров на узловых станциях, проводить тщательную дезинфекцию вокзалов и пассажирских составов на конечных станциях. Правительство рекомендовало МВД республики принять исчерпывающие меры к недопущению проезда бродячего и нищенствующего элемента в товарных и пассажирских поездах и продвижения его по шоссе и грунтовым дорогам в республику. В связи с угрозой распространения сыпного тифа секретарь ЦК КП(б) Литвы А.Ю. Снечук просил правительство СССР выделить одновременно для противоэпидемических мероприятий 50 т мыла¹⁵¹.

В конце 1947 г. тиф дошел до Москвы. В привокзальных районах заболеваемость сыпным тифом была в 2-3 раза выше средних данных по столице. Правительство наконец-то приступило к разработке государственных противоэпидемических мероприятий. Началом всей работы стало постановление от 10 декабря того же года “О мерах по ликвидации эпидемических очагов заболеваний паразитарными тифами”. В нем отмечалось, что особенно высокая заболеваемость наблюдалась в гг. Москве, Челябинске, Свердловске, а также в Московской, Курской, Тульской, Харьковской областях. Правительство обязывало местные власти создавать чрезвычайные противоэпидемические комитеты, обеспечивать снабжение медучреждений и бань хозяйственным мылом, топливом, дустом, автобензином¹⁵². К сожалению, и в этом неотложном деле действовал остаточный принцип. То, что оставалось после обеспечения промышленности и городов, направлялось в очаги эпидемий в сельской местности. Часто вся противоэпидемическая и санитарная работа сводилась к “выбиванию” мыла.

Без малого через месяц после обстоятельной заявки Хрущева появилось распоряжение № 18395-рс за подписью заместителя председателя Совмина СССР Вознесенского об обеспечении поставки в декабре 1947 г. хозяйственного мыла, выделенного по фондам IV квартала 1947 г. за счет завоза 2420 т из других республик и 5743 т за счет производства мыловаренной промышленности УССР. Предусматривалось поставить Минздраву Украины дополнительно 300 т мыла за счет уменьшения закладки в госрезерв. Распоряжение обязывало соответствующие министерства отгрузить Украине 198 т каустической соды и 532 т кальцинированной соды для производства мыла, 300 т металла для изготовления кроватей и 200 т бензина. О хлопчатобумажных тканях и одеялах не упоминалось¹⁵³. Нельзя сказать, что помощь Украине не оказы-

валась, но осуществлялась она очень медленно и в гораздо меньшем объеме, чем требовалось для скорейшей ликвидации эпидемий.

Вопрос о помощи Орловской, Воронежской, Курской областям решался плохо. Проект распоряжения, подготовленный заместителем председателя Госплана Власовым, предусматривал выделение 150 т мыла. Запрос на отпуск такого количества мыла был направлен председателем Совмина РСФСР Родионовым в Совмин СССР Косыгину. Важность цели и солидность просителя казалось не должны бы вызывать сомнения, а, между тем, в последовавшем вскоре распоряжении было выделено всего 50 т мыла, что в 3 раза меньше потребности¹⁵⁴. Непостижима логика принятия решений в те годы. Она не менее загадочна, чем сама система управления. Правда, иногда мыло отпускалось за счет уменьшения поставки в госрезерв, т. е. на случай войны, чего раньше никогда не допускалось.

Организация и проведение противоэпидемических мероприятий оставляли желать лучшего и не могли завершиться успехом в 1948 г. Лекарства выделяемые в помощь нередко бесследно исчезали, не доходя до больных. Как и в прежние времена народ сам нашел в себе силы для преодоления эпидемий. Послевоенные эпидемии заставили руководство страны побеспокоиться об укреплении главного звена противоэпидемической службы — санитарно-эпидемических станций. В ноябре 1948 г. вступило в силу утвержденное Минздравом СССР положение "О республиканской, краевой, областной, городской санитарно-эпидемической станции". Они должны были на месте вести организацию и проведение всех необходимых санитарных и противоэпидемических мероприятий. Роль предупредительного надзора за работой всей санитарной службы возлагалась на созданную в конце 1949 г. Всесоюзную государственную инспекцию¹⁵⁵. Строились новые санитарно-эпидемические станции и лаборатории, авторитет которых заметно вырос в последующие годы.

Таким образом, голод 1946-1947 гг. вызывал волну вынужденных миграций, а те возникновение и распространение паразитарных тифов. Сыпной и возвратный тифы тянулись по следам беженцев из голодных районов. Вспышки заболеваний буквально следовали вдоль железных и водных путей, находя благоприятную среду на переполненных голодными и ослабленными людьми станциях и вокзалах. Как и голод, эпидемии ударили по самым незащищенным слоям населения. Если в войну, где как воздух был необходим работоспособный тыл, правительство принимало меры по предупреждению распространения эпидемических заболеваний, то в первые послевоенные годы отношение было иное. К ликвидации эпидемий приступали только тогда, когда паразитарные тифы угрожали парализовать экономику. Забота о здоровье народа носила по-

казушный характер, оценивалась числом больничных коек и числом врачей на тысячу человек населения, а не количеством спасенных от болезней и смерти больных.

Эпидемии, как и голод, держались в строгом секрете. В медицинской отчетности не удалось обнаружить объективных данных о заболеваниях сыпным и возвратным тифом. Поэтому длительное время считалось, что в послевоенные годы эпидемий не было. По нашим расчетам сыпным и возвратным тифами переболело около 1 млн. человек, из них примерно 5-10% составляли летальные исходы.

Послевоенный голод, сопровождавшийся массовыми эпидемиями, имел тяжелый демографический шлейф. В последующие годы существенных сдвигов к лучшему не произошло. Общее состояние народонаселения СССР по типу возрастных структур определялось как очень старое, убывающее с малочисленными детскими кагортами и перекосом общей численности в женскую сторону. В 1951 г. на 1000 мужчин приходилось 1270 женщин¹⁵⁶. По опубликованным ЦСУ данным общая численность населения Союза в 1953 г. исчислялась в 187,9 млн. человек, т. е. на 8 млн. меньше, чем в 1940 г.¹⁵⁷ По тому же источнику довоенная численность населения СССР была восстановлена якобы в 1955 г. На наш взгляд, достоверность столь высоких темпов роста численности населения сомнительна и нуждается в уточнении.

* * *

Голода 1946-1947 гг. в СССР могло не быть, поскольку государство располагало достаточными запасами зерна. Одна его часть, не самая крупная, экспортировалась. В течение 1946-1948 гг. экспорт составлял 5,7 млн. т зерна, что на 2,1 млн. т больше экспорта трех предвоенных лет. Другая, основная часть запасов никак не использовалась. На непригодных для хранения складах зерно портилось настолько, что не годилось к употреблению. По неполным подсчетам за 1946-1948 гг. в целом по СССР было начисто загублено около 1 млн. т зерна, которого могло бы хватить многим голодающим.

Государство экономило на помощи людям, страдавшим и умиравшим от голода. По постановлениям Совмина СССР в России больные дистрофией должны были получить по продовольственной ссуде всего 150 тыс. т ржи и пшеницы, а на Украине, в Белоруссии и Молдавии — 120 тыс. т. В то время как потребность людей в хлебе по самым низким нормам была в этих республиках в 4-5 раз больше. Для Украины и Белоруссии, как нельзя кстати, пришла помощь из-за рубежа, предоставленная Администрацией Помощи Восстановления ООН и состоящая из продуктов питания, семян и промышленных товаров. Другим республикам Союза никакой допол-

нительной помощи не последовало. Слишком малый размер государственной поддержки бедных предопределил катастрофическое развитие событий. Измотанное войной население Союза было легкой добычей для послевоенного бедствия.

Колоссальные людские потери на фронте и в тылу тяжело сказывались на демографической обстановке в стране. Слабые сдвиги к лучшему, произошедшие в первом мирном году, были уничтожены начавшимся голодом. В районах, подвергавшихся засухе и опустошенным государственными заготовками, численность умерших среди сельского населения в среднем в 1,5-2 раза превышала число родившихся. Пострадали, оберегаемые советским режимом, крупные города. Возросла смертность граждан Ленинграда, Москвы, Киева, Минска и др. В I-м полугодии 1947 г. в Российской Федерации детская смертность в 2-3 раза превышала данные I-го полугодия 1946 г. В сельской местности смертность детей была выше, чем в городах.

Обобщенные архивные сведения показали миллионные миграции населения России, Украины и Молдавии в разгар голода — с ноября 1946 г. по август 1947 г. Доминирующее направление движения людей было из села в город. Вместе с тем, сотни тысяч жителей покидали южные города, расположенные по берегам рек Днестра, Днепра, Дона, Волги и Урала. Им навстречу попадались толпы голодных из западных, северных и центральных областей России. Перегруженность пассажирами-беженцами железнодорожных и водных станций способствовала возникновению и распространению инфекционных заболеваний, разраставшихся в эпидемии. Крупные очаги голода и вспышки тифа появлялись в 1948 и 1949 гг. По нашим подсчетам всего от послевоенного голода и эпидемий скончалось не менее 2-х млн. человек, в основном сельчан, что имело худшие последствия для восстановления и развития народонаселения и хозяйства Союза ССР.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ ПОСЛЕДСТВИЯ ГОЛОДНОЙ ТРАГЕДИИ

*“Доколе вы будете налегать на человека?
Вы будете низвергнуты, все вы,
как наклонившаяся стена,
как ограда пошатнувшаяся”*

(Псалтирь)

ГЛАВА VII. “РАСКУЛАЧИВАНИЕ” КОЛХОЗНИКОВ

1. Насильственное выселение

Принуждение, облеченное в специфическую идеологическую форму борьбы за хлеб, подробно описанное профессором Н.Д. Кондратьевым на примере продразверстки 1918 г.¹, активно применялось в послевоенные годы. Срыв плановых заготовок толковался как действия, направленные на подрыв общественного строя. Производственные неудачи, пишет французский историк Габор Т. Риттершпорн, толкали руководство на поиск врагов². Если в 20-е и 30-е годы виновниками были кулаки, то в конце 40-х годов ими стали несправившиеся с заданием колхозы, совхозы, а страдали от этого люди. Ежегодно большинство колхозов и совхозов, вынужденных под давлением отдавать последнее зерно, не обеспечивали своим работникам натуральную и денежную оплату труда. Голод, отсутствие материальной заинтересованности приводили к тому, что производительность труда в колхозах и совхозах падала. Весь “интерес” держался на том, что крестьянину разрешали пользоваться приусадебным клочком земли с условием полной отдачи в общественном хозяйстве.

Беспокойство правительства вызывало возросшее стремление крестьян любым способом сбежать из колхоза. Представитель Совета по делам колхозов в Чкаловской области информировал секретаря ЦК ВКП(б) Маленкова о том, что “колхозники выходят из колхозов, становятся единоличниками. Число единоличных хозяйств в области увеличилось с 1078 в 1947 г. до 1907 в 1948 г., т. е. на 70%”. Из других мест поступала информация о передаче колхозной земли для расширения приусадебных участков и переходе колхозных дворов на аренду³. По тем временам такие факты расценивались не только как нарушение колхозного устава, а и как покушение на социализм.

В Совет по делам колхозов при правительстве СССР поступало много писем с предложением о коренном изменении системы организации труда. Председатели колхозов из Кировской области, сообщив о том, что после заготовок 1947 г. хозяйства снова остались без хлеба, предлагали уменьшить хле-

болопоставки, налоги, гарнцевый сбор, натуральную плату государству за работу МТС, меньше продавать за границу, чтобы оставлять колхозам и колхозникам потребное количество хлеба⁴. Вместо того, чтобы дать колхозам и совхозам возможность самим решать хозяйственные вопросы и право распоряжаться хотя бы частью произведенной продукции, как единственно верный путь выхода из нищеты, правительство вновь пошло на применение устрашающих мер, чтобы силой заставить людей бесплатно трудиться в колхозах и совхозах, изымать в пользу государства всю произведенную ими продукцию и под угрозой ареста платить непомерные налоги.

В ход был пущен секретный указ о выселении в необжитые районы СССР колхозников и единоличников, не выполнявших обязательных заданий. Проект указа был подготовлен аппаратом Н.С. Хрущева, возглавлявшего тогда Компартию Украины. За основу была взята статья 683, тома IX Свода законов Российской империи. В досоветские времена крестьянские общества могли выносить приговоры об удалении из села лиц, дальнейшее пребывание коих угрожало местному благосостоянию и безопасности⁵. Хрущев тогда едва ли ожидал, что именно ему в скором будущем придется публично осуждать репрессии. Проба эксперимента проводилась на Украине. До начала весенних полевых работ, 21 февраля 1948 г. Президиумом Верховного Совета СССР был принят указ "О выселении из Украинской ССР лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности в сельском хозяйстве и ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни". Указ предоставлял право местному руководству при помощи колхозных собраний и сельских сходов решать вопрос о выселении за пределы республики в отдаленные края практически любого живущего в деревне человека.

Инициатор указа Хрущев на том не успокоился и 7 апреля 1948 г. направил письмо Сталину, в котором восхвалял положительное влияние указа на укрепление трудовой дисциплины и предлагал распространить его действие на другие республики Союза. Аргументируя свое предложение он писал: "Повсеместное применение указа ускорит укрепление трудовой дисциплины, что обеспечит своевременное выполнение всех сельскохозяйственных работ, получение высоких урожаев, продуктивности животноводства..."⁶. Сталин одобрил предложение. Если вначале указ действовал только в 16-ти восточных областях Украины, то с 2 июня того же года, согласно новому указу, хрущевский почин охватил и другие территории СССР, за исключением западных областей Украины, Белоруссии и республик Прибалтики. На следующий день правительство приняло постановление № 1871-730-с с грифом "Секретно, не для печати" за подписью Сталина и Чадаева, в котором был подробно расписан порядок применения Указа

на практике и определены отдаленные районы размещения будущих спецпоселенцев в бассейнах рек Оби, Енисея и Лены. С 23 ноября 1948 г. Указ стал действовать в Измаильской области Украинской ССР⁷.

Под предлогом укрепления дисциплины началось преследование колхозников и единоличников. Сами жители деревни называли это особое государственное мероприятие вторым раскулачиванием. На сей раз "классовый враг" был обнаружен среди самих колхозников, которые на самом деле, как и немногочисленные советские единоличники, были еще реальной опорой существовавшего строя. Указ был ударом в спину. В архивах МВД сохранились, полученные от завербованных из крестьянской среды осведомителей, высказывания колхозников с оценкой происходившего: "В 1930 году выселяли кулаков, а теперь выселяют нашего брата"; "Начинается раскулачивание тех, кто стремился остаться самостоятельным..."; "Это страшнее раскулачивания 1929-1932 гг. От такого суда никуда не уйдешь!" и др.⁸ Назначение репрессий состояло в том, чтобы запугать народ, сломить нараставшее антиколхозное движение, заставить работать бесплатно голодных, оборванных людей и одновременно загнать в колхозы и совхозы как можно больше жителей села, из так называемого околоколхозного населения. Поскольку в послевоенной деревне были единицы тунеядцев и паразитов, то под действие Указа в основном незаслуженно попали фронтовики, вдовы, старики и молодежь.

Не случайно репрессии начались с Украины, где за время оккупации немало крестьян вернулось к единоличному ведению хозяйства. После освобождения они не желали возвращаться в колхоз. Таких людей выселяли в первую очередь, так как они мешали восстанавливать колхозно-совхозную систему. Возьмем типичный для Украины пример. На собрании по обсуждению указа от 21 февраля 1948 г. в колхозе им. Чкалова села Обуховичи Иванковского района Киевской области после того, как было предложено выселить 4-х колхозников, взял слово член ВКП(б) Ф.Н. Гук. Он сказал: "Мы обсуждаем колхозников, которые не хотят работать в колхозе. А почему не хотят? — Потому что во время оккупации получили от немцев землю и хозяйничали на ней самостоятельно. Такая жизнь их устраивала, поэтому они не желают снова идти в колхоз...". В тот же день Бюро Иванковского райкома КП(б)У рассмотрело поведение коммуниста Гука и за проявленное антиколхозное настроение исключило его из партии⁹.

Одновременно правительство решило покончить с единоличниками и укрепить колхозы путем присоединения их скота и инвентаря. После войны в РСФСР насчитывалось 242,8 тыс. маломощных, ограничиваемых законом и налогами, единоличных хозяйств, в восточных областях Украинской

СССР — 34,9 тыс., примерно 30 тыс. хозяйств уцелело в Закавказье и Средней Азии. По России численность единоличных хозяйств составляла 2,5% численности хозяйств колхозников. По другим республикам, кроме Прибалтики, Зап. Украины, Зап. Белоруссии, Молдавии и того меньше¹⁰. Таким хозяйствам предлагали “по-хорошему” вступить в колхоз, в противном случае давали понять, что их ожидала ссылка с конфискацией имущества. В некоторых случаях сельская администрация охотно шла на раскулачивание, как на возможность поживиться за чужой счет.

Учитывая опыт коллективизации 30-х годов, ЦК ВКП(б), Совмин СССР через республиканские, краевые, областные органы власти возглавили кампанию по реализации указа. Накануне на местах было получено закрытое письмо, в котором партийно-советским активам разъяснялась цель и задачи указа, давались инструкции по подготовке планов проведения мероприятия на всех уровнях, вплоть до колхозного, и даже в составлении списков кандидатов на выселение. В села были направлены сотни работников. Под контролем областных представителей непосредственно подготовкой и проведением колхозных собраний руководили секретари райкомов партии и председатели райисполкомов. Для обеспечения порядка, усиления охраны общественного имущества, предотвращения возможных покушений с целью мести на жизнь колхозного актива со стороны “антисоветски настроенных лиц и родственников выселяемых” к делу подключились органы внутренних дел и государственной безопасности.

На основании указа по приговорам общих собраний и сельских сходов, за невыполнение обязательного минимума трудовой и прочие “грехи” выселяли на 8 лет. После собрания, чтобы не сбежали, приговоренных сразу арестовывали. Райисполкомы должны были не позднее чем в 7-дневный срок проверить и вынести решение об утверждении общественного приговора или отказе в утверждении. До отправки в места поселения, в ожидании заявок МВД на рабочую силу, приговоренных держали на сборных пунктах и в камерах предварительного заключения. В документах жертвы указа назывались спецпереселенцами и осужденными. Их перевозка осуществлялась по тарифу, предусмотренному для транспортировки заключенных, с той разницей, что средств на питание “указников” выделяли значительно меньше. На основании пятого пункта указа выселенные по общественным приговорам, только по истечении 5-ти лет после выселения могли возбуждать ходатайства перед исполнительными комитетами районных Советов депутатов трудящихся, которыми были утверждены общественные приговоры, о возвращении их на прежнее место жительства¹¹.

Кроме выселения применялась другая мера наказания “уклонявшихся от трудовой деятельности” — предупреждение о возможной высылке. В этом случае колхознику давался для исправления 3-х месячный испытательный срок, с письменным обязательством исправиться и честно трудиться, выполняя обязательный минимум трудодней. Если взятые обязательства нарушались, то до истечения 3-х месячного срока общее собрание могло заменить предупреждение высылкой. Со времени принятия указа и до конца 1948 г. на Украине были предупреждены 20 тыс. человек., в Казахстане — 4,7 тыс., в Московской области — 3 тыс.¹²

2. Сопrotивление государственным репрессиям

В первую очередь пострадали те, кто выражал недовольство творившимся в колхозах произволом: разоблачал действия членов правления колхоза, нарушавших устав сельскохозяйственной артели, открыто выступал с критикой действий местных руководителей. По отчету управления МВД Новосибирской области за июль 1948 г. установлено несколько случаев отказа колхозников-коммунистов голосовать на собрании за выселение односельчан. Заведующий молочно-товарной фермой колхоза им. Ворошилова Татарского района член ВКП(б) Лопатин заявил: “Я недоволен указом, он очень резко рубит колхозников”. Не остановились и перед выселением коммунистов, выступавших против проведения указа. В колхозе “Победа” Венгеровского района той же области был послан член партии Власов, предварительно исключенный из ВКП(б) в связи с арестом¹³.

В самый разгар раскулачивания колхозников, на 1-й странице газеты “Правда” за 16 июня 1948 г. была помещена заметка об образцовом отношении к защитникам Родины на Смоленщине, где было построено свыше тысячи домов для семей инвалидов Отечественной войны, многим из них новые дома предоставлены бесплатно. Инвалидам-фронтовикам выдали бесплатно свыше 500 голов скота, а кроме пенсии, они будто бы получили сотни тысяч рублей единовременных пособий. Пресса умалчивала о том, что в 1948 г. в Брянской, Орловской, Калужской, Смоленской областях проживало в землянках 16 тыс. колхозников. Из них большинство составляли семьи погибших воинов и инвалидов войны¹⁴.

Такие семьи приходилось защищать от указа. В Пензенской области собранием колхоза “Красный партизан” Рамзайского сельсовета Нечаевского района был вынесен приговор о выселении колхозницы Т.П. Великановой в отдаленные районы за уклонение от трудовой деятельности и паразитический образ жизни. При проверке оказалось, что Великанова, имея мужа-инвалида 2-й группы (без обеих ног), выработала в 1946

г. 133 трудодня, а за неполный 1947 г. — 113 трудодней. Исполком областного Совета отменил решение Нечаевского райисполкома¹⁵.

Председатель колхоза, сельсовета, даже счетовод мог отправить в холодные края любого рядового члена сельхозартели. Неограниченная возможность вершить судьбы людей, безнаказанность развращали недалеких руководителей, приводили к воровству и пьянству. Председатель Талицкого сельисполкома Воткинского района Удмуртской АССР Русанов, будучи пьяным, нагишом разгуливал по деревне. В ответ на увещевания сельской учительницы, пытавшейся призвать его к порядку, пригрозил ей: "Ты мне смотри, как получу разрядку, я тебя первую выселю"¹⁶.

Общественные приговоры принимались открытым голосованием, простым большинством участников собрания. Несмотря на предварительную подготовку сценариев колхозных собраний и сельских сходов, голосование за выселение сельчан проходило с большими трудностями. В итоговых отчетах, посланных в г. Москву, разумеется, далеко не во всех, указаны десятки, сотни и тысячи людей, голосовавших против выселения. По нашим подсчетам воздержавшиеся и открытые противники репрессий составляли от 5 до 10% всех присутствовавших на собраниях и сходах. Так, в Приморском крае по данным февраля 1949 г. из 9 тыс. присутствовавших на собрании более тысячи человек воздержались или голосовали против выселения людей. В Таджикской ССР из 26 тыс. присутствовавших на собрании не голосовали или голосовали против 5 тыс. человек. Обзор колхозных и совхозных отчетов о проведении собраний по указу о выселении дает еще более неприглядную картину "мероприятия". Например, в 6-ти колхозах Чувашской АССР за выселение проголосовало в среднем не более 70%, присутствовавших на собраниях, а по отдельным колхозам и того меньше. Нередко вопрос о выселении решался перевесом всего в 2 голоса. Чем больше намеревались выселить, тем сильнее нарастало сопротивление крестьян, поэтому администрация прибегала к фальсификации голосования и его результатов¹⁷.

Сохранившиеся в делах МВД письма и заявления колхозников и рабочих совхозов ценный источник для изучения событий по оценке самих крестьян. Благодаря им стали известны случаи шельмования неугодных с целью расправы. Уполномоченный исполкома Ярмолинского района Каменец-Подольской области Украинской ССР И.И. Киселевский, председатель сельсовета села Буйоловцы С.В. Рябой, пред. колхоза В.Н. Симчук, секретарь сельсовета Н.Д. Фурин добились вынесения общественного приговора о выселении колхозников К.И. Дурняка и К.Г. Разгона путем сфабрикования на них характеристик, в которых заведомо ложно указывали,

что Дурняк и Разгон нигде не работали, вели паразитический образ жизни, а в период оккупации состояли на службе в полиции. При проверке жалобы пострадавших, председатель областной прокуратуры обнаружил, что в действительности оба колхозника являлись участниками войны, находились в Красной Армии, а после демобилизации, работая в колхозе, ничем себя не скомпрометировали¹⁸.

Из архивных источников узнаем подробности преступления по отношению к женщине-матери. В колхозе им. Ворошилова Старо-Синявского района Каменец-Подольской области УССР при участии в собрании секретаря РК комсомола Примака, был вынесен приговор о выселении за невыработку трудодней колхознице Пикульской, которая имела 4-х малолетних детей, награждена орденом "Материнская слава" 3-й степени. Ее муж погиб на фронте, двое сыновей только в 1947 г. демобилизовались из армии¹⁹. Каково же было ее сыновьям — недавним защитникам Родины наблюдать унижительное оскорбление матери?

Под угрозой суда и высылки выгоняли на колхозные поля всех способных двигаться — стариков, инвалидов, больных, детей начальных классов. Многодетные женщины вынуждены были бросать без присмотра грудных и малолетних детей и идти на работу. Вооружившись такими методами организации труда ЦК КП(б) Украины рапортовал о досрочном выполнении плана весеннего сева. Выступая на пленуме ЦК КП(б) Украины 25 мая 1948 г. секретарь ЦК Н.С. Хрущев сказал, что "... достигнутые успехи в укреплении трудовой дисциплины не должны никого успокаивать. Борьба за укрепление трудовой дисциплины в колхозах, за образцовую организацию труда должна все время находиться в центре внимания парторганизаций. Борясь с лодырями, со злостными нарушителями дисциплины, с паразитическими элементами, сельские коммунисты, все честные коммунисты расчищают путь для еще более успешного продвижения вперед по пути к коммунизму"²⁰. В печати не сообщалось о том, какой ценой осуществлялось это "успешное" продвижение к светлому будущему.

В колхозе "Червоный шлях" села Гребля Монастырищенского района Винницкой обл. (УССР) наметили к выселению колхозника В.П. Гопольняка. Ему ставилось в вину нежелание работать и паразитический образ жизни. При проверке оказалось, что он инвалид войны и врачебно-трудовой экспертной комиссией (ВТЭК) был признан нетрудоспособным. Несмотря на это он работал в колхозе сторожем и в 1947 г. выработал 136 трудодней. Причиной включения его в список лиц, подлежащих выселению, оказалось то, что счетовод колхоза поссорился с ним из-за личного огорода, поэтому дал о нем заведомо ложные сведения и добивался выселения²¹.

В спешке многих крестьян выселяли неправильно, лишь бы выполнить разнарядку. Доказать несправедность общественного приговора и выбраться из спецпоселения было невероятно трудно. "Апелляция" не предусматривалась. Жалобы пострадавших поступали в исполкомы областных, краевых и республиканских советов депутатов трудящихся, которые не могли принять их к рассмотрению, т. к. по постановлению Совмина СССР от 3 июня 1948 г. решения колхозных собраний и сельских сходов, утвержденные райисполкомами, являлись окончательными. Высланные без суда и следствия люди и их родственники писали в прокуратуру, которая далеко не всегда соглашалась на проверку, а тем более вынесение протеста в порядке надзора на решения районных исполнительных комитетов. В марте 1949 г. председатель исполкома Кемеровского областного Совета Москвин обратился к председателю Президиума Верховного Совета СССР Н.М. Швернику с просьбой дать соответствующие разъяснения по вопросу рассмотрения жалоб граждан на неправильное выселение, но не получил ответа²².

В исключительных случаях руководители областного, краевого и республиканского уровня положительно реагировали на заявления и жалобы трудящихся и своей властью отменяли ошибочные и нелепые приговоры. 25 апреля 1948 г. решением общего собрания членов колхоза им. Шорса села Молчановка Ружинского района Житомирской области был вынесен и исполнен общественный приговор о выселении И.Ф. Трофимова за уклонение от работы в колхозе. 25 января 1949 г. Трофимов совершил побег из спецпоселения Бодайбинского района Иркутской области, а 25 февраля т. г. был задержан и привлечен к уголовной ответственности. На следствии он заявил, что побег совершил потому, что осужден был неправильно, поскольку колхозником не являлся. Проверкой было установлено, что Трофимов никогда не состоял в колхозе, а работал в отделении Топорковского свеклосовхоза. На основании протеста облпрокурора Житомирский облисполком отменил общественный приговор²³.

Очень тяжело переживали процедуру суда и высылки многодетные женщины. Общим собранием членов колхоза "Перемога" села Русская Поляна Черкасского района Киевской области в августе 1948 г. была осуждена колхозница К.И. Куценко, имевшая на иждивении 4-х малолетних детей, один из которых 1947 г. рождения, и мужа — лежачего больного, инвалида Отечественной войны 2-й группы. На основании поданной жалобы 31 декабря т. г. приговор в отношении Куценко был отменен Киевским облисполкомом и она была возвращена из спецпоселения на прежнее место жительства²⁴. При этом ни материальные издержки, ни нанесенный моральный ущерб не принимались во внимание.

Дела “осужденных” на выселение нетрудоспособных (стариков, несовершеннолетних и больных) МВД возвращало обратно в исполкомы областных, краевых и республиканских советов с просьбой пересмотреть и отменить приговор. Эти просьбы не всегда удовлетворялись, так как разрядка требовала от областей, краев и республик дать определенное количество людей. Деревня настолько была обескровлена, что “борьба” велась за каждого человека. Зам. министра внутренних дел СССР Серов жаловался Маленкову, что секретарь Калужского обкома и председатель облисполкома отказывались давать указание о пересмотре решений исполкома в отношении И.С. Сладкова, уроженца дер. Утешево Бобынинского района, инвалида 3-й группы, имевшего на своем иждивении больную жену и двоих детей (сын погиб на фронте), а также в отношении несовершеннолетней Н. Жило, и настаивали на отправлении их в места расселения.

Известному на всю страну депутату Верховного совета СССР, члену Совета по делам колхозов при правительстве, председателю колхоза “Стахановец” Ново-Покровского района Саратовской области Ферапонту Головатому были предъявлены обвинения в том, что он принял в колхоз Сергиенко и Сахно, которые в период оккупации Украины якобы служили у немцев, кроме того “допускал нарушения колхозной демократии, мало советовался и прислушивался к мнению колхозников, продавал излишки сельхозпродукции на рынках по более высоким ценам, вместо продажи их сельхозкооперации”. Головатого вызывали на беседу в Саратовский обком ВКП(б), указали на недостатки в руководстве и ведении хозяйства. Он воспринял критику “правильно” и дал слово исправить все на деле. По возвращении в село исключил из колхоза Сергиенко и Сахно, передал на них дело в органы МГБ. Несмотря на это, за Головатым была установлена слежка²⁵. Неизвестно, чем бы закончилось дело, но на 1-й странице “Правды” вскоре появился положительный отзыв о его работе. Заметка называлась “У Ферапонта Головатого”. В ней говорилось, что колхоз “Стахановец” являлся одним из передовых хозяйств Саратовщины, а председатель назывался рачительным хозяином, под руководством которого сельхозартель настойчиво осуществляла пятилетний план своего развития²⁶.

Летом 1948 г. последовали самые обильные репрессии. В донесении Сталину от 3 сентября того же года говорилось, что выслано 23 тыс. крестьян. Из них в России — 12 тыс. человек, на Украине — 9, в Казахстане — 1,7. Среди высланных большую часть составляли женщины. Вместе с ними добровольно выехало более 9 тыс. членов их семей, в том числе около 5 тыс. детей до 16 лет²⁷.

На этом операция по усмирению деревни не закончилась. Выселение проводилось и в последующие годы. В

РСФСР более всего крестьян выслали из Курской области, где истощенные жители деревни, сильнее других пострадавшие от голода и болезней, не могли полноценно трудиться. На 1 сентября 1949 г. в места поселения отправлено 1680 человек "указников", в том числе 756 мужчин и 924 женщины. Среди высланных было 1333 колхозника и 347 единоличников, отказавшихся вступать в колхозы и сознательно решившихся на ссылку. Среди других областей более всего высылали в Новосибирской — около 780 человек, Московской и Вологодской — более 600 человек в каждой, в Пензенской — более 500 человек. Кроме того на общих собраниях колхозников и сельских сходах было предупреждено о выселении с испытательным сроком и письменными обязательствами более 60 тыс. человек. Впоследствии некоторые из них (по официальному данным 1,5-2%) на повторных собраниях были приговорены к выселению как несправившиеся с обязательным минимумом трудодней. Та же участь постигла единоличников, не выполнивших норму обязательных поставок сельхозпродуктов государству²⁸.

Итоги реализации указов показали, что ради собственного "спасения" система отторгала самые зрелые и опытные кадры сельского хозяйства. Например, общим собранием колхозников и сельских сходов из Московской области выселили в отдаленные районы 623 человека из них по возрасту до 20-ти лет — 11 человек, от 20 до 25 лет — 95, от 26 до 30 лет — 48, от 31 до 40 лет — 180, от 41 до 50 лет — 223, от 50 лет и выше — 66 человек. Следовательно, более всего выселенных — 403 человека — находились в возрасте от 30 до 50 лет. Аналогичные данные имелись по окраинам, где также выселяли людей самого трудоспособного возраста, в число которых попало немало переселенцев из центральных областей²⁹.

По одной из сводок МВД 17,5 тыс. человек осужденных и членов их семей отправлено на спецпоселение в Якутскую АССР, Красноярский, Приморский, Хабаровский края, Иркутскую, Кемеровскую, Тюменскую и Читинскую области. Из них 8,9 тыс. человек для золотодобывающих предприятий МВД, 2,7 тыс. человек — для лесозаготовительных предприятий Южно-Кузбасского и Северо-Кузбасского исправительно-трудовых лагерей, 1,8 тыс. человек — для Норильского никелевого комбината МВД, 1,3 тыс. человек — на строительство МВД и т. д.³⁰

Выражая официальную точку зрения, руководство МВД СССР разъясняло в своей инструкции, что высланных крестьян нельзя считать отбывающими наказание, т. к. никаких судебных решений по ним не было. Они якобы переселялись не в наказание, а в результате особых государственных мероприятий. На "указников" распространялось действие постановления Совнаркома СССР от 8 января 1945 г. "О правовом по-

ложении спецпоселенцев". В соответствии с конституцией спецпереселенцы включались на общих основаниях в списки избирателей, исправно платили налоги, покупали облигации восстановительного займа. Следовательно, "социалистическая демократия" и там не нарушалась.

Министр внутренних дел СССР С.Н. Круглов докладывал зам. председателя Совмина СССР В.М. Молотову о положительном воздействии указа на повышение дисциплины в колхозах. Многие единоличники "изъявили желание" вступить в колхозы. В Каракалпакской АССР Узбекской ССР вступило в колхозы 2,1 тыс. единоличников, в Вологодской обл. — 1285 человек, в том числе в Череповецком районе той же области более 300 хозяйств. По мнению министра указ был воспринят широкими массами колхозников, как проявление новой заботы партии и правительства об укреплении колхозного строя и улучшении материального благосостояния колхозников³¹.

Людской протест против репрессий выражался в разнообразной форме. По-своему реагировали на незаконные женщины. Жена выселенного по указу П. Маслюкова, работница колхоза "Челюскинец" Коченевского района Новосибирской области Аксинья Маслюкова 13 июля 1948 г. сорвала портреты членов политбюро ЦК ВКП(б), а также Сталина и Ленина, висевшие в комнате правления колхоза, и истоптала их. Тут же была арестована за антисоветскую вылазку³².

Председателей, отказавшихся участвовать в выселении, увольняли, отдавали под суд. Новых угрозами принуждали выполнять указ. Председатель колхоза им. Чапаева Валуйкского района Курской области Андросов накануне собрания колхозников покончил собой, бросившись под поезд. В кармане гимнастерки у него обнаружили записку: "Я не хотел выселять людей..."³³.

Бывало и так, как сообщалось в сводке заместителя начальника управления МВД по Ленинградской области. 18 июня 1948 г. в колхозе "Ленинское знамя" Тосненского района на общем собрании был вынесен общественный приговор о выселении колхозницы Ходковой, якобы уклонявшейся от трудовой деятельности. На собрании выступил ее муж И.М. Ходков, инвалид войны 2-й группы. Он сказал, что несмотря на освобождение по состоянию здоровья, старался работать в колхозе, имел к июню 80 трудовых. Жену не пускал на работу потому, что она была занята с 3-мя детьми. Но решение не отменили. По окончании собрания Ходков подошел к представителю обкома партии и сказал: "...Теперь все разбито. Забирайте моих детей. Я больше жить не буду, петлю на шею надену и все". Представитель обкома ответил ему: "Вы успокойтесь, ничего особенного не будет". В целях предупреждения возможного самоубийства, через несколько минут на

квартиру к Ходкову были направлены два сотрудника райотдела МВД, которые дома его не застали и через 20 мин. обнаружили повесившимся на дереве в лесу, прилежавшем к поселку³⁴.

Далеко не все жители села безропотно соглашались с "липовыми" приговорами. При первой возможности люди бежали из под стражи в сельсоветах, при погрузке в эшелон, прыгали в проломленные в полу люки из арестантских вагонов на ходу поезда. Органы МВД вели точный учет поселенцев в местах их расселения, устанавливали для них строгий режим, исключавший возможности побегов. В местах поселения создавались специальные комендатуры, которые проводили ежемесячную проверку наличия поселенцев. Ссылные обязаны были лично являться в комендатуры для регистрации и отметки. Сбежать удавалось немногим, а из числа бежавших большинство было задержано, на других объявлялся всесоюзный розыск. Из общего количества высланных с июня 1948 г. по сентябрь 1949 г. из Курской области, совершили побег 64 "указника", т. е. 3,8%, из них 49 человек были задержаны в Курской области, 18 человек — в других областях. В розыске числилось 15 человек³⁵.

Сбежавших заново арестовывали и привлекали к уголовной ответственности по статье 82 УК РСФСР, применяя новую меру наказания — замену поселения на 8 лет лагерей. Следственные дела на беглецов-поселенцев заканчивались в 10-дневный срок и рассматривались на Особом совещании МВД. Высланных на поселение, не выполнявших установленные нормы выработки на предприятиях, за которыми они были закреплены, привлекали к уголовной ответственности, заменяя высылку заключением в исправительно-трудовые лагеря тоже на 8 лет³⁶.

Доведенные до отчаяния колхозники поджигали дома наиболее рьяных активистов, убивали ненавистных председателей колхозов, секретарей местных парторганизаций, уполномоченных по заготовкам. Например, в Чкаловской области 26 июня 1948 г. в полночь во время заседания правления выстрелом через окно был убит председатель колхоза "Красное знамя" Саракташского района Е. Иванов. В донесении говорилось, что он вел "непримиримую борьбу с расхитителями соцсобственности и дезорганизаторами трудовой дисциплины...". Тревожные спецсообщения поступали со всех концов союза: убиты председатель колхоза "Перебудова" и зам. уполномоченного министерства заготовок в Новошепелинском районе Киевской области (УССР), совершено покушение на жизнь председателя колхоза в Вологодской области, поджог дома и попытка убийства с целью мести секретаря парторганизации колхоза в Калужской области³⁷. Такие действия расценивались как антисоветские террористические акты. Рас-

следованием занималась не милиция, а госбезопасность, безжалостно подавлявшая всякое сопротивление указу. Попутно производилось разоружение народа. Многие сельские фронтовики были осуждены и получили срок за хранение трофейного оружия.

Если поначалу правительству удалось убедить большинство республиканского, краевого и областного руководящего актива в том, что Указы от 21 февраля и 2 июня 1948 г. были необходимы для укрепления трудовой дисциплины в колхозах и совхозах, то в скором времени, отношение к данному мероприятию в корне изменилось. Несмотря на то, что ЦК партии и правительство по-прежнему требовали исполнения указа, многие местные партийные и советские руководители его фактически бойкотировали: ограничивали зону действия 2-3 районами, старались меньше выселять, а больше предупреждать, разворачивали кипучую деятельность в основном в отчетах, как это делали в Чувашии. В Новосибирской области за лето 1950 г. не выселили ни одного человека, отменили четыре ранее принятых приговора. За то же время в Бурят-Монголии выселили одного колхозника. Под предлогом того, что все предупрежденные собраниями о возможном выселении колхозники исправились, в 1949-1952 гг. отказывались выселять председатель Курганского облисполкома Иванов и его заместитель Кальченко³⁸.

Для некоторых крестьян выселение оказывалось счастливым случаем, освободившим их от невыносимой колхозной жизни. Они в письмах призывали родных не бояться указа, так как нередко на высылке жизнь была лучше. Такие письма с радостью принимались тружениками деревни. О содержании писем из ссылки узнавало сельское и районное начальство. Свое возмущение "провокационным" характером переписки они изливали в жалобах местному и даже столичному руководству. В начале июня 1949 г. подобная депеша была направлена председателю Президиума Верховного Совета СССР Н.М. Швернику от секретаря Газимуро-Заводского райкома ВКП(б) Читинской области Мыльченко. В ней сообщалось, что "... выселенные из колхоза паразитические элементы пишут своим родным и знакомым письма провокационного характера и тем самым пытаются разлагать трудовую дисциплину колхозников, отрицательно действуют на лиц, предупрежденных по указу, но оставленных в колхозах с испытательным сроком. ... Сосланные из колхоза им. Буденного села Бурукан нашего района Н.Г. Домашенкина и П.С. Лысенко, находящиеся в пос. Батыган Якутской АССР Верхоянского района, пишут, что они зарабатывают большие деньги, живут прекрасно, весьма довольны выселением, приглашают к себе. Райком ВКП(б) считает, что подобные факты направлены на дискредитацию Указа, являются следствием благодушия и по-

тери революционной бдительности со стороны переселенческих органов и цензуры на местах ссылки, не осуществляющих должного контроля и наблюдения за поведением высланных³⁹. По поручению Шверника секретарь Президиума Верховного Совета СССР Горкин переправил жалобу в Совет по делам колхозов при Правительстве, который курировал работу по применению указа от 2 июня 1948 г.⁴⁰

В итоге, по данным МВД на 23 марта 1953 г., по названному указам было направлено на спецпоселение 33266 человек, с которыми вместе последовали 13598 человек членов их семей. С 1948 г. по 1953 г. по протестам было освобождено из спецпоселений 3915 человек, как неправильно выселенных. За тот же период умерло 980 человек и 46 “указников” находились в розыске⁴¹. Пройдя все испытания, с большим трудом добившись разрешения местных властей, начали возвращаться из ссылки в родные края больные, нетрудоспособные и досрочно освобожденные выселенцы. Бюрократический станок давал обратный ход медленно, поэтому на 1 января 1954 г. на учете спецпоселений состояло 22960 человек указников. После выступления Н.С. Хрущева на XX съезде КПСС с покаянием, число высланных по его указам сокращалось быстрее: на 1 января 1957 г. в спецпоселках оставалось 2229 человек, на 1 января 1958 г. — 860, на 1 января 1959 г. — 459 человек⁴².

3. Налоговое удушение деревни

Война и голод 1946-1947 гг. обнажили противоречия колхозно-совхозного устройства. Даже немногие болес-менее крепкие общественные хозяйства были полностью обескровлены и не обеспечивали содержание работникам. По причине крайней дороговизны хлеба и расстройств личных “подсобных” хозяйств население было не в состоянии оплачивать растущие налоги. Многократно возросшие недоимки оказывали пагубное воздействие на государственный бюджет страны. Правительство не видело иного выхода, кроме очередного повышения налогообложения и усиления правовой ответственности за несвоевременный расчет.

Важнейшей составной частью второго раскулачивания являлось налоговое давление на крестьян. Как кнут, повсеместно применялся страшный налоговый пресс. Налог имел силу закона, его оплата являлась обязательной. Всякое сопротивление уплате, нарушение сроков считалось государственным преступлением. Сбор налогов был настолько важным мероприятием, что к работе по обеспечению поступления платежей в помощь налоговым агентам привлекался весь сельский актив. На заседаниях сельсоветов 1-2 раза в месяц заслушивалась информация о выполнении плана по сбору налогов.

Послевоенная система налогообложения состояла из нескольких видов государственных и местных налогов. К государственным относились два самых крупных — сельскохозяйственный и подоходный (для рабочих), а также налог на холостяков, одиноких и малосемейных граждан, рыболовный и билетный сборы, налог на лошадей единоличных крестьянских хозяйств. К местным налогам относились: налог со строений, земельная рента, разовый сбор на колхозных рынках, сбор с владельцев транспортных средств вплоть до велосипедов, сбор с владельцев скота и местный налог со зрелищ. По данным Минфина СССР в 1946 г. поступления в госбюджет от разового сбора на рынках и базарах составили 2 млрд. 132 млн. руб., что представляло немалую часть доходов в общегосударственный бюджет. Как самостоятельный платеж налогового характера продолжала действовать государственная пошлина. Поступления от госпошлины в 1948 г. в местные бюджеты по СССР составили 696,8 млн. руб.⁴³

Почти каждая семья в сельской местности платила так называемое “самообложение”, которое в отличие от налога являлось добровольным сбором. Решение о самообложении принималось на общем собрании большинством граждан селения. Полученные средства предназначались на проведение и ремонт дорог, постройку и ремонт школ, больниц и проч. Общая сумма полученных по самообложению средств в 1948 г. в целом по Союзу составила 385 млн. руб.⁴⁴ Лишь незначительная часть этой суммы расходовалась по назначению.

В связи с ростом затрат на вооружение безудержно росло налоговое бремя. Постановлением Совмина СССР от 30 марта 1948 г. и указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 и 15 июня того же года были внесены изменения в закон о сельскохозяйственном налоге. Размер налога, при тех же источниках и нормах доходности, повысился в 1948 г. по сравнению с 1947 г. на 30%. По измененному закону вдвое возросли налоги на единоличников и бывших колхозников. Сумма налога на единоличные крестьянские хозяйства была на 100% выше, чем с хозяйств колхозников. Хозяйства, выбывшие (исключенные) из колхоза, привлекались к уплате сельхозналога на одинаковых основаниях с единоличными независимо от времени выбытия (исключения) из колхоза. Закон о сельхозналоге привлекал к общественному хозяйству всех трудоспособных колхозного двора. Если в составе колхозного двора отдельные трудоспособные члены семьи не состояли членами колхоза или были изгнаны из него, то исчисленная сумма налога с такого хозяйства повышалась на 20%.

В 1947 г. от уплаты налога освобождались хозяйства нетрудоспособных колхозников и единоличников (мужчин 60 лет и старше и женщин 55 лет и старше), не имевших трудоспособных членов семьи, своими силами ведущих хозяйство.

После нового указа такие хозяйства колхозников облагались в размере 50% исчисленного налога, а единоличные крестьянские хозяйства лишались и этих льгот.

До 1948 г. хозяйствам колхозников и единоличников, в составе которых при наличии одного трудоспособного члена семьи имелось двое и более детей или при наличии двух трудоспособных — трое и более детей до 12 лет, предоставлялась скидка с исчисляемой суммы налога в размере 15%. Теперь скидка отменялась. Раньше хозяйства военнослужащих, погибших или без вести пропавших во время войны, а также хозяйства погибших партизан, если не оставалось других трудоспособных кроме жены, имевшей детей в возрасте до 8 лет, полностью освобождались от налога. По новому положению им предоставлялась только скидка в размере 50%⁴⁵.

Такими мерами правительство не достигало желаемого результата, а также совершенно не учитывало потенциальную платежеспособность населения. Если до указа оплата налога проходила с невероятными трудностями и стоила колхозникам и единоличникам последних натуральных и денежных средств, то после повышения большинству своевременный расчет стал не по плечу. В таких случаях шли на крайние меры — сокращали поголовье скота, площади посевов, вырубали фруктовые деревья. Очень скоро повышение налога привело к сокращению поступления натуральных и денежных средств в государственную казну, но и это не остановило правительство, которое продолжало раздувать налоговую кампанию.

В сентябре секретариат ЦК ВКП(б) принял постановление “Об усилении налоговой работы и организации поступления сельхозналога”, которое давало право местным партийным комитетам применять чрезвычайные меры. Писатель Ф. Абрамов в романе “Две зимы и два лета” пишет, что в разгар заготовок в колхозах собиралось сразу несколько уполномоченных: “уполномоченный по хлебозаготовкам, уполномоченный по мясу, уполномоченный по молоку, уполномоченный по дикорастущим — и на них был план... Плюс к этому свой постоянный налоговый агент... и все эти люди с пухлыми полевыми сумками, в которых заранее было все решено и рассчитано... И каждый из них требовал, ссылаясь на райком, на директивы и постановления... Тон среди них задавал... уполномоченный по хлебозаготовкам”.

Вместе с сельским активом уполномоченные ходили по дворам колхозников. Требовали с них выполнения обязательств на поставку государству картофеля, зерна, мяса, яиц, шерсти, кож. Причем, нередко забирали последнее. В колхозе “Липовский” Мурашинского района Кировской области уполномоченные из г. Кирова и районное начальство изымали у колхозников насильно с милицией зерно и картофель⁴⁶. Открытый грабег получил широкое распространение. Из пи-

сем колхозников в г. Москву известно, что по приказу председателей сельсоветов забирали со дворов купленное на рынке сено, по контрактации уводили у стариков последнего теленка. Имели место случаи избияния тех, кто пытался защищать свое имущество. Вследствие чего в течение 6-ти месяцев 1948 г. в личных хозяйствах колхозников было тайком забито более 2 млн. голов скота⁴⁷.

Хозяйства колхозников облагались сельхозналогом исходя из размеров доходности, полученной с каждой головы скота, площади посева культур, количества фруктовых деревьев и проч. Закон о сельхозналоге предоставлял правительству возможность наращивать размеры налогообложения за счет увеличения норм доходности. Ежегодно повышалась прогрессия шкалы ставок обложения доходов от ЛПХ.

Спускаемые правительством нормы доходности не учитывали урожайность посевов на приусадебных участках колхозников, сложившихся цен на сельхозпродукты, в результате фактический доход оказывался намного меньше. Например, в Новосибирской области в 1948 г. соотношение установленных норм доходности и фактического дохода от ЛПХ было далеко не в пользу последнего. Нормы доходности личных хозяйств колхозников по коровам в 8 раз превышали их фактический доход, по картофелю — в 2,3 раза. Исчисленный по этим нормам сельхозналог в 2,5 раза превысил налог 1947 г. и составил в сумме 642 руб.⁴⁸

В начале 50-х годов были увеличены нормы доходности личных хозяйств колхозников по посеву зерновых культур, картофеля, овощей, по садам и ягодникам, по коровам, свиньям и т. д. По союзным республикам средние нормы доходности были особенно завышены именно на те виды сельскохозяйственной продукции, которые составляли основу бюджета колхозно-совхозной семьи: в РСФСР — от коровы, в Средней Азии — от хлопка, в Белоруссии — от картофеля. Средняя норма доходности от одной коровы для РСФСР определялась в 2400 руб., что на 100 руб. выше нормы, установленной для Украинской ССР и на 400 руб. выше, чем для Белорусской ССР, а до войны названные республики имели одинаковые нормы. Принятое различие было совершенно необоснованным в смежных областях России, Украины и Белоруссии. Так, в Харьковской области норма доходности от одной коровы составляла 2290 руб., а в соседней Курской — 2700 руб., в Витебской области — 1800 руб., а в Смоленской — 2600 руб. Разница существенная, если учесть, что размер налога с хозяйства определялся в основном доходностью от коровы⁴⁹.

Завышенным сельхозналогом заставляли жителей деревни за бесценок сбывать свою продукцию на колхозных рынках в городах. На городских колхозных рынках цены на ос-

новые продукты питания по сравнению с 1947 г. снизились в 3-4 раза. В Центрально-Черноземном районе средняя цена на мясо понизилась с 37 руб. до 11 руб. за кг, масло сливочное — со 115 руб. до 33-40 руб., молоко — с 6 руб. до 2 руб. за 1 л., картофель — с 3 руб. до 56 коп. за 1 кг. Для того, чтобы уплатить денежный налог крестьянин вынужден был продавать на рынке больше половины произведенной в хозяйстве продукции.

Средняя по Центрально-Черноземным областям сумма налога, предъявляемого к уплате на одно хозяйство колхозника в 1950 г. составила 559 руб. против 217 руб. в 1947 г. — увеличение в 2,5 раза. Поступление сельхозналога к предъявленной сумме в 1946 г. равнялось 74,6%, в 1947 г. — 87%, в 1948 г. — 88,4%, в 1949 г. — 83,6%, в 1950 г. — 76,3%⁵⁰. Эти данные свидетельствуют о том, что бесконечное повышение налогов приводило к снижению поступлений к предъявленной государством сумме. Причину несвоевременного получения денег по налогам правительством видело в неудовлетворительной организации работы финансовых органов, недостаточном внимании местных партийных и советских руководителей к выполнению финансовых планов на селе, к проведению агитации среди колхозников, поэтому отвергались все предложения о снижении норм доходности и уменьшении суммы сельхозналога.

Финалом налогового удушения являлись законы “О сельскохозяйственном налоге” и “О подоходном налоге с колхозников”, принятые в 1952 г. Этими законами в очередной раз повышалась общая сумма налогов, увеличивались нормы доходности для личных хозяйств колхозников. Кроме того, к общему нормативному доходу от всех сельскохозяйственных источников личных хозяйств, устанавливалась еще единая 10%-ная надбавка на прочие доходы (от птицеводства, от выращивания молодняка скота, от сбора дикорастущих ягод, грибов и т. д.) вне зависимости от размера этих доходов.

Главная отличительная особенность закона о сельскохозяйственном налоге 1952 г. состояла в том, что впервые к уплате привлекались доходы колхозников, получаемые от общественного хозяйства по трудодням в денежной и натуральной форме, чего не делалось даже в годы войны. В республиках Прибалтики применяли 50%-ную надбавку к хозяйствам, трудоспособные члены которых не вырабатывали обязательный минимум трудодней без уважительных причин⁵¹. В целом сумма сельхозналога с учетом всех повышений возросла в 1952 г. по сравнению с 1951 г. в среднем в 1,5-2 раза. Закон о сельскохозяйственном налоге 1952 г. отменил льготы для хозяйств сельских учителей, врачей, агрономов и др. сельских специалистов, а также для хозяйств 30 районных руководите-

лей и лиц, работавших на подземных объектах в угольной промышленности.

Дошло до того, что засилие налогов вызывало бурную реакцию протеста со стороны руководства республик, краев и областей. Приведем несколько отрывков из секретной почты в президиум Совета министров СССР: “Натуральные и денежные доходы, распределяемые по трудодням, не следует привлекать к обложению сельскохозяйственным налогом... Повышение суммы сельхозналога может быть неправильно воспринято колхозниками, вызовет массовую подачу жалоб, отрицательно скажется на трудовой и платежной дисциплине” (зам. пред. Совмина Молдавской ССР Н. Щелоков); “Налогоплательщик... будет настаивать на том, чтобы ему конкретно указали, какие “прочие” доходы он получил и из какого расчета они определены в размере 10% к общему нормативному доходу от всех сельскохозяйственных источников его хозяйства... Целесообразно эту надбавку исключить” (пред. Совмина Белорусской ССР А. Клещев). Против повышения самого сельскохозяйственного налога выступили: председатель Совета министров России Б. Черноусов, Латвии — В. Лацис, Киргизии — А. Серкулов, Таджикистана — Д. Расулов, Карелии — А. Егоров и др.⁵² Больше всего нареканий со стороны местных властей вызывал налог на оплату трудодней колхозников и 10% надбавки на прочие доходы.

По огромному потоку жалоб, доведенных до отчаяния людей, можно судить об отношении граждан к налоговой политике в деревне. Как и в коллективизацию, люди не могли понять, в чем состоит их вина и за что такая кара. Много писем, в том числе повторных, поступало во властные структуры. Как показал анализ, из сотни рассмотренных обращений удовлетворялись одно-два, остальные отклонялись как необоснованные. В исполком Горьковского областного совета на 1 января 1949 г. поступило 50 жалоб, из которых рассмотрено 40, а удовлетворена одна⁵³.

Если жалобы граждан доходили в правительство, то для проверки их обязательно направляли назад в областные, краевые, республиканские организации, которые командировали на места своих представителей. Этим неписанным правилом советской бюрократии судьба каждого жалобщика предоставлялась в руки тех, против кого он осмеливался выступить. На беззащитную жертву обрушивались самые изощренные преследования. Если жалобщик состоял в рядах ВКП(б), то вскоре его исключали из партии за клевету, затем следовало распоряжение, которым “провинившийся” не допускался к колхозным работам, как разлагавший дисциплину вредитель. Через два-три месяца наступала развязка. Подготовленное колхозное собрание выносило приговор о выселении строптивого за невыработку установленного минимума трудодней.

В ЦК ВКП(б) прорывались сигналы о незаконных арестах колхозников, писавших жалобы, но особенной обеспокоенности они не вызывали. Когда рабочие совхоза "Петровское" Ухтомского района Московской области заявили своему директору о том, что за нарушение законности они намерены на него жаловаться, тот ответил: "Жалуйтесь... Судья у меня в одном кармане, прокурор — в другом, а депутат — пастухом". Рабочие неоднократно подавали жалобы на имя Сталина, в редакцию "Правды" и даже в МГБ. "Откликнулись" органы госбезопасности — передали список жалобщиков директору совхоза для принятия мер⁵⁴.

В конце 40-х начале 50-х годов, размер предъявляемого к оплате налога и обязательные поставки отрезали колхозникам все пути к содержанию личного хозяйства, которое являлось для подавляющего большинства единственным источником существования. Вот что писала по этому поводу в Совет по делам колхозов И.П. Рохманова из колхоза им. Дзержинского Мойловского сельсовета Хвастовичского района Калужской области: "Пятый год мы живем в мире и с каждым годом все труднее... Госналоги все больше... Если в 1949 г. я уплатила 375 руб. и сдала 40 кг мяса, то в 1950 г. — 550 руб. и 44 кг мяса. А всего скота — коза да маленький поросенок. Денег не видим, т. к. на трудодни ничего не выдают. Живем лишь на своей картошке вдвоем с дочерью, а у кого семья большая, дети пухнут с голода". По данному письму, как и по всем другим, органами госбезопасности по всей форме велось расследование, по итогам которого секретарь Калужского обкома заверил председателя Совета по делам колхозов Андреева, что Рохманова никакого письма не писала и претензии к обложению не имеет, что все написанное вымысел, т. к. указанных случаев дистрофии не установлено⁵⁵. Людей заставляли молчать.

Многие жаловались в местные финансовые органы на неправильное взыскание и обложение сельхозналогом. Так, в Курской области в 1950 г. по данному вопросу поступило 26260 жалоб, а удовлетворено из них 3624, т. е. 13,8%⁵⁶. Отказы районных, областных, республиканских организаций вынуждали людей обращаться в более высокие инстанции. Поток жалоб и заявлений обрушился на центральные учреждения. Не дождавшись ответа, распродав последние пожитки, люди отправлялись на поиски правды в г. Москву. Огромную волну недовольства приняла на себя приемная Президиума Верховного Совета СССР. Нам удалось обнаружить не более десятка просьб по налогообложению и госпоставкам, которые после разбора были удовлетворены президиумом. Почти каждое дело завершалось "обоснованным" отказом.

Председатель президиума Верховного Совета СССР Шверник 15 апреля 1949 г. принял слепого, без обеих рук ин-

валида войны 1 группы, орденосца И.М. Ларионова, проживавшего в селе Дмитровский погост Коробовского района Московской области и обратившегося с просьбой сложить с хозяйства налоги и поставки в 1949 г. в связи с тяжелым материальным положением семьи, состоявшей из 6-ти человек. На запрос приемной Коробовский райисполком, обследовавший материальное положение семьи Ларионова, ответил, что удовлетворить просьбу инвалида об освобождении от налогов и поставок не может. Принимая окончательное решение, Шверник полностью согласился с мнением райисполкома⁵⁷. Как показал анализ других дел, это было правилом в деятельности главы советского парламента.

Бесконечное повышение налогов добивало колхозы и совхозы. Разрушение деревни в конце 40-х — начале 50-х годов достигало катастрофических размеров. В 1951 г. производство зерна составляло 82%, подсолнечника — 65%, льноволокна — 55%, картофеля — 77%, овощей — 69% от уровня 1940 г.⁵⁸ Поголовье скота в колхозах уступало численности 1940 г. По плану намечалось иметь в 1951 г. в колхозах 34 млн. голов крупного рогатого скота, 18 млн. свиней, 88 млн. овец и коз, а имели, соответственно, 28,12,68 млн. голов⁵⁹. Государственные закупки зерна, подсолнечника, картофеля, овощей на шестом году мирного времени уступали уровню довоенного 1940 г.⁶⁰

Налоговый террор разваливал личные хозяйства сельчан. В связи с непомерно завышенными нормами доходности производилась вынужденный забой скота, находящегося в личном пользовании колхозников. Поголовье коров в подсобных хозяйствах в 1948-1953 гг. сократилось на 4,5 млн.⁶¹ В Новосибирской области за период с 1 июля 1948 г. по 1 января 1949 г. поголовье коров сократилось на 29 тыс., а свиней с 14 до 4 тыс., т. е. на 10 тыс. голов⁶². В последующие годы поголовье скота в хозяйствах колхозников продолжало сокращаться, и в 1951 г. по количеству коров, свиней и овец находилось ниже уровня военных лет⁶³. На начало 1951 г. безмалого половина хозяйств колхозников были бескоровными⁶⁴.

Многие колхозы из года в год не обеспечивали общественный скот кормами, поэтому сено на трудодни не выдавали, запрещали колхозникам производить покосы для личных нужд. Заготовка кормов была жизненно важной и самой трудной для сельчан проблемой. Приведем отрывок из письма колхозницы С.Н. Байды, направленного осенью 1949 г. в г. Москву из села Зеленый Гай Петропавловского района Днепропетровской области: "Все мое богатство заключается в том, что я имею корову. Это моя кормилица. Купить сено, чтобы обеспечить ее кормами, нет денег. Остается одно — продать корову, а это все чем я живу..."⁶⁵.

Административно-правовое и налоговое засилие давало возможность государству держать народ в нищете и отчислять в бюджет громадные денежные средства. По СССР общая сумма сельхозналога выросла с 1,9 млрд. руб. в 1940 г. до 8,3 млрд. руб. в 1951 г., т. е. в 4,3 раза⁶⁶. Рост налогов вдвое опережал рост доходности колхозов, совхозов и личных хозяйств, поэтому значительная их часть не могла быть оплачена в установленные сроки и переходила в долги. К примеру, недоимки по налогам Курской области на 1 января 1947 г. составляли 34 млн. руб., 1948 г. — 31, 1949 г. — 49,9, 1950 г. — 74, 1951 г. — 123. Из общей суммы недоимок по налогам, недоимки по сельскохозяйственному налогу составляли на 1 января 1947 г. 22,7 млн. руб., 1948 г. — 17,3, 1949 г. — 32,6, 1950 г. — 47,9, 1951 г. — 92,1⁶⁷. Недоимки числились за хозяйствами, не имевшими средств к погашению, к которым бессмысленно было применять меры принудительного взыскания из-за отсутствия у них имущества, подлежащего описи и изъятию. Число таких хозяйств ежегодно увеличивалось. Образование крупных сумм недоимок отрицательно влияло на выполнение доходной части бюджета. Однако увлеченное налоговой эйфорией правительство не придавало особенного значения опасному симптому и продолжало наращивать нормы доходности при исчислении налогов.

4. Очередные аграрные «преобразования»

Второе раскулачивание в миниатюре основными чертами повторило раскулачивание 30-х годов: насильственное изъятие зерна, усмирение голодом, наращивание госзапасов и экспорта хлеба, высылка непокорных в отдаленные края. Преемственность замыкалась и тем, что «раскулачивание» и выселение конца 40-х годов по срокам совпадало со снятием с учета спецпоселений и «освобождением» бывших кулаков, сосланных в 1929-1936 гг. В годы Великой Отечественной войны помилование получали семьи фронтовиков. Ликвидация крупнейшей «кулацкой» ссылки началась после секретного приказа Министра внутренних дел и Генерального прокурора СССР от 28 сентября 1946 г. Все это делалось по указке сверху, но под видом инициативы снизу. По ходатайствам республиканских, краевых, областных партийных и советских организаций с октября 1946 г. по январь 1948 г. МВД сняло с учета около 300 тыс. человек бывших кулаков в Казахской ССР, Свердловской, Молотовской областях⁶⁸. Когда очередь дошла до работавших в золотодобывающей, угольной и лесной промышленности «освобождение» застопорилось. МВД не хотело оголять самые доходные участки. Тут бывшим кулакам приходилось ждать замены, которая не замедлила с поступлением в лице «указников», а затем и раскулаченных из

западных районов Белоруссии, Украины, Молдавии и Прибалтийских республик.

Репрессии и суперналоги не решали проблем. Деревня нуждалась во внимании и материальной поддержке. Во второй половине 1948 г. были приняты решения об оказании помощи сельскому хозяйству Амурской, Горьковской, Кемеровской, Пензенской, Саратовской, Сталинградской, Чкаловской областей, Татарской АССР. Совет министров СССР в ноябре 1948 г. принял постановление о мерах помощи сельскому хозяйству Ленинградской области, которое предусматривало не только обеспечение техникой МТС, но и продажу ее колхозам, для чего начали выделять кредиты. Одним из первых постановление запрещало с 1949 г. производить дальнейший набор рабочей силы из колхозов для работы в промышленности, а также призыв молодежи в школы ФЗО и ремесленные училища. В постановлении выражалось беспокойство за состояние дел в сельском хозяйстве, но прежние установки в нем доминировали и не касались изменения производственных отношений. Не обходилось без показухи. Совмин СССР обязывал облисполком и горисполком построить в 1949-1951 гг. на магистральных подъездных дорогах к г. Ленинграду 6 показательных колхозных сел⁶⁹.

В течение 1947-1952 гг. правительством СССР было принято более 40 постановлений по сельскому хозяйству, включая секретные. Одни из них были повторением ранее принимавшихся и невыполненных, другие являлись очередной попыткой выбраться из разрухи на прежних, так называемых общественных принципах хозяйствования. Фундаментальным проектом было постановление Совмина СССР и ЦК ВКП(б) от 18 апреля 1949 г. о трехлетнем плане развития общественного колхозного и совхозного продуктивного животноводства на 1949-1951 гг. В нем на конкретном статистическом материале давалось состояние общественного животноводства, намечались пути преодоления отставания его от личного и индивидуального сектора. Традиционно слабой стороной плана была организация оплаты труда и игнорирование личного интереса рядовых работников⁷⁰.

Реализация трехлетки была прервана общесоюзным мероприятием по укрупнению мелких колхозов, которое по размерам вреда, нанесенного сельскому хозяйству, справедливо сравнивают с коллективизацией начала 30-х годов. При всей бескомпромиссности коммунистической доктрины, трудно постигнуть логику принятия и осуществления столь непоследовательного решения. Скоропалительная, непродуманная очередная ломка повела к развалу колхозов и совхозов. Постановление ЦК ВКП(б) от 30 мая 1950 г. "Об укрупнении мелких колхозов и задачах партийных организаций в этом деле" обязывало партийные комитеты проводить укрупнение

мелких колхозов, которые по размерам закрепленных за ними земель не могли успешно развивать общественное хозяйство и принимать современную машинную технику. Объединение следовало считать одним из важнейших мероприятий по подъему сельского хозяйства и организационно-хозяйственному укреплению колхозов. Постановление рекомендовало проводить широкую разъяснительную работу и соблюдать принцип добровольности путем решения данного вопроса на общих собраниях колхозников. ЦК ВКП(б) предупреждало от перегибов и превращения важной работы в кампанию⁷¹.

Опасались не зря, укрупнение вылилось в гонку, поэтому оно было завершено досрочно в 1951 г. В результате число колхозов за год сократилось более чем вдвое. В 1949 г. в стране было 254 тыс. колхозов, а к концу 1950 г. — 121 тыс.⁷² Задомно в России, на Украине, в Азербайджане, Казахстане проводилось сселение небольших населенных пунктов в крупные поселки. Ориентировка на создание агрогородов и колхозов-гигантов была утопичной и вредной. Против увлечения гигантоманией выступил ЦК ВКП(б)⁷³.

Совхозы не избежали той же участи. При чем их укрупняли дважды — в начале 50-х годов и в 1954-1958 гг. Работы по укрупнению совхозов проводились почти повсеместно, а наибольший размах приобрели в России, ее центральных, западных и северо-западных районах. Всего на территории Российской Федерации за указанное пятилетие было укрупнено свыше 1700 совхозов⁷⁴. Спешка с укрупнением давала отрицательные результаты. Иногда руководящим принципом было стремление уменьшить число слабых колхозов путем их присоединения к крупным рентабельным совхозам, поэтому вместо улучшения работы в укрупненных хозяйствах наблюдалось ухудшение, снижались производственные показатели. Теоретический тезис о преимуществах крупного производства истолковывался догматически, без учета объективных условий. В ряде мест были образованы чрезмерно громоздкие и неуправляемые совхозы-гиганты. В дальнейшем их приходилось разукрупнять⁷⁵.

Издержки “коллективизации” общественных хозяйств были налицо. Большой ущерб был нанесен экономике колхозов и совхозов. Как и во время первой коллективизации, факты убоя и разбазаривания общественного скота при объединении мелких колхозов распространялись настолько, что приходилось давать директивные указания ЦК ВКП(б) от 31 июля 1950 г. о сохранении поголовья скота в колхозах в связи с проведением работы по укрупнению мелких колхозов⁷⁶. По приблизительным данным в одном только 1952 г. было допущено сокращение общей численности крупного рогатого скота на 2,2 млн. голов. Поголовье коров в том же году сократилось на 550 тыс.⁷⁷ В Свердловской области в целом за первые

8 месяцев 1950 г. падеж крупного рогатого скота составил 18,6 тыс. голов, овец — 33,6, свиней — 33,3⁷⁸.

Основной целью объединения колхозов и совхозов было закрепление безраздельного влияния государства в деревне. Состав руководящих колхозных кадров пополнился в 1950-1952 гг. большим числом коммунистов. Среди председателей колхозов члены и кандидаты в члены ВКП(б) составляли 79%. Численность колхозных первичных парторганизаций по сравнению с 1947 г. была увеличена в 2 с лишним раза⁷⁹. Летом 1950 г. Совет министров СССР и ЦК ВКП(б) приняли постановление о задачах партийных и советских организаций по дальнейшему укреплению состава председателей и других руководящих работников колхозов⁸⁰. Его цель состояла во всемерном усилении руководства колхозами и совхозами. Свежие кадры были брошены на обновление аппарата сельских райкомов ВКП(б), сельских первичных парторганизаций. Вновь был выдвинут лозунг: «Не может быть плохих колхозов, а могут быть плохие руководители»⁸¹. Под видом повышения уровня образования были заменены почти все, пережившие вместе с колхозниками войну и голод председатели колхозов, а новым, присланным райкомами, помимо трудодней давали повышенные оклады, кредиты на постройку домов с садами и огородами, льготы по налогам. В больших колхозах вводилась должность освобожденного заместителя председателя колхоза. В последующие годы подобная практика переместилась в совхозы. Тем самым спешно пытались создать послушную колхозно-совхозную «номенклатуру».

Указ от 2 июня 1948 г. дал властям возможность запугать людей и беззастенчиво грабить деревню, с помощью репрессий проводить изъятие всей сельскохозяйственной продукции, произведенной колхозами и совхозами. Параллельно велось налоговое удушение хозяйств, в результате чего в 1952 г. денежные и натуральные отчисления в пользу государства удвоились относительно 1946 г. Вследствие экономического разорения общественного и личного сектора, деревенское житье оказалось невыносимым. Началось массовое бегство крестьян из деревни, широко распространилось нищенство.

1. Исход крестьян из деревни

Во время голода 1946-1947 гг. уход крестьянского люда из деревни усилился. В дальнейшем этот процесс нарастал и систематически подхлестывался непопулярными новациями, исходившими от правительства. С одной стороны, оно стремилось заставить сельчан трудиться в общественных хозяйствах при помощи страха и принуждения, с другой — символической оплатой трудодня, всяческими ограничениями ЛПХ, непомерными налогами делало невозможным их дальнейшее там существование. В основном по этой причине в послевоенную пятилетку сельское население СССР постоянно сокращалось на 1,0-1,5 млн. человек в год. Агромиграция проходила интенсивнее в переживших голод районах России, Украины, Белоруссии и Молдавии. После 1948 г., когда демобилизация из армии завершилась, сокращение становилось особенно заметным. Только население колхозов в течение 1948-1950 гг. сократилось на 3,7 млн. человек без республик Прибалтики, западных областей Украины, Белоруссии и Молдавии, где в конце 40-х годов началась коллективизация, ускорившая убыль сельского населения за счет высылки раскулаченных и бегства крестьян в города⁸².

По рассекреченным данным, в Российской Федерации в 1950 г. выбытие населения из сельской местности определялось в 1 млн. 366 тыс. человек. В том же году рост населения в городах и рабочих поселках за счет прибывших из села был определен статуправлением РСФСР в 1 млн. 37 тыс. человек. Оставшуюся разницу в 329 тыс. человек между прибывшими в города и выбывшими из села статистики объясняли переходом в другую группу населения, учитывавшуюся в особом порядке, а также возможностью недоучета в связи с неполнотой записей в похозяйственных книгах и списках сельсоветского учета. Если по всей России наличное население сельской местности в 1950 г. по сравнению с 1949 г. уменьшилось на 1%, то по ряду отдельных областей снижение было более существенным: в Мурманской — на 6,1%, Рязанской — на 4,9%, Калужской — на 4,6%, Смоленской — на 4,5%, Владимирской — на 3,6%, Пензенской, Ульяновской, Калининской — на 3,5%, Татарской АССР — на 3,3%, Воронежской — на 3,1%. Изменение численности сельского населения по общественным группам отличалось понижением числа колхозников на 3,3%. На 1 января 1948 г. численность колхозного населения России составляла 72,8%, на 1 января 1949 г. — 70,8%, на 1 января 1950 г. — 69,8%, на 1 января 1951 г. — 68,3%, т. е. за 3 года сократилась на 4,5%⁸³.

Сокращение численности сельского населения произошло в 1946-1950 гг. на Урале за счет Оренбургской, Кур-

ганской, Пермской, Свердловской областей и Башкирской АССР⁸⁴. В начале 50-х годов та же тенденция сохранялась в Оренбургской, Курганской областях. По другим территориям региона намечался прирост, натолкнувшийся на борьбу с подсобными хозяйствами колхозников в 1956-1958 гг.⁸⁵ Важно иметь в виду, что в 1950-1953 гг. население ряда областей Урала пополнялось в результате планового переселения семей колхозников из центральных областей России. В Пермской области в указанный период за счет переселенцев прирост составлял 7,9%, в Челябинской — 7,0%. В некоторых районах переселенцы не смогли компенсировать отлив коренного населения из сельской местности, а нередко и сами не приживались. В Курганской области, несмотря на прибытие 10,2 тыс. колхозников-переселенцев, общая численность сельчан сокращалась⁸⁶.

При сталинском беспаспортном режиме в колхозах за 8 послевоенных лет снижение численности колхозников составляло 10%, а в годы "оттепели" этот процесс усилился, и к 1959 г. удельный вес колхозников снизился еще на 13%. Если в 1947 г. российская деревня была на 75% колхозной, то к началу 1960 г. колхозники составляли менее половины сельского населения⁸⁷. В Западной Сибири население колхозов в 50-е годы сокращалось более быстрыми темпами, чем все сельское население России и Союза. Удельный вес сельских жителей в составе всего населения снизился с 59% до 49%, а доля колхозников в составе сельского населения — с 50% до 35%⁸⁸.

На Украине в 1949-1958 гг. отток из села был равен 3,78 млн. человек. Отъезду людей не смогло воспрепятствовать жесткое административное прикрепление к колхозам. Проведенное в 50-е годы укрупнение колхозов и преобразование колхозов в совхозы не смогло изменить направление миграционного потока. Сальдо миграции сельского населения Украинской ССР лишь в 1953 и 1956 гг. имело положительные сдвиги, а во все остальные годы указанного периода — со знаком "минус". В 1949-1952 гг. украинское село покинуло 1,56 млн. человек. Последующее хрущевское "укрепление" колхозов и совхозов УССР за счет ЛПХ крестьян вызвало волну беженцев в 2 млн. человек⁸⁹.

Известно несколько способов ухода крестьян из деревни: плановое сельскохозяйственное переселение, в порядке организованного набора на работу или учебу в промышленность и нелегальное, т. е. самовольное. За 1945-1950 гг. только из центральных областей России было переселено по плану 156 тыс. колхозных семей. Подобные переселения производились на Украине и в других союзных республиках. В течение того же периода по общесоюзному оргнабору в промышленность, строительство и на транспорт было привлечено около 3 млн. выходцев из села. По опубликованным данным государственная вербовка доминировала над самовольным уходом

людей из деревни. Из 768,6 тыс. трудоспособных членов колхозов, выбывших в 1949 г. на постоянную работу в промышленность, через оргнабор было оформлено 80% и только 146,7 тыс. выбыли из колхозов в самостоятельном порядке. Примерно такое соотношение организованного и стихийного ухода из сельского хозяйства отмечалось в 1950 г.⁹⁰ В некоторых районах России самовольный уход крестьян в города преобладал над государственным набором. В 1949 г. по районам Поволжья скрытый переход достигал 63% от общего сокращения колхозного населения, в некоторых северных областях — 40,7%, в Центральном Нечерноземье — 35,8%⁹¹. Из колхозов Смоленской области с 1951 по 1953 г. выбыло как минимум 78 тыс. колхозников, поэтому в 1953 г. трудоспособное население области не превышало 46% его численности 1940 г.⁹² Самовольный уход из колхоза не являлся приоритетным показателем, поэтому в полной мере не фиксировался местными статистиками. В земельной аналитике 1949-1955 гг. чаще фигурировали иные определения: “перемена местожительства”, “исклучение по уставу”, “по неизвестным и другим причинам”⁹³.

Миграция из села вела к прямому сокращению людности колхозных дворов посредством “вымывания” из их состава как молодых, так и опытных членов, что увеличивало удельный вес престарелых и нетрудоспособных в общей численности населения колхозов. В 1945 г. престарелые и нетрудоспособные колхозники составляли 7,8 млн. человек (11,8% всего колхозного населения), а к концу 1950 г. их численность увеличилась до 9,6 млн. человек (13,3%)⁹⁴. Все эти изменения прослеживаются на типичном для того времени материале Костромской области, где с 1945 г. по 1947 г. за счет ухода крестьян число колхозных дворов в районах области уменьшилось на 9667, что составляло 7,2% к их общей численности на 1 января 1945 г. Однако за средними областными цифрами скрывались 9 районов, в которых уменьшение составляло в 1,5-2,5 раза больше среднего процента. В Чухломском районе число колхозных дворов уменьшилось на 354, т. е. на 10% от общей численности, в Нейском — 278 дворов (10,7%), Кадыйском — 300 (11,3%), Кологривском — 578 (11,6%), Сусанинском — 446 (12,1%), Межевском — 664 (13,6%), Игодовском — 345 (14,1%), Судиславском — 826 (15,3%) и Палкинском — 824 (17,4%)⁹⁵. Причем это только та часть дворов, семьи которых целиком выбыли из колхозов. Многие крестьяне не могли сразу оторваться от земли, искали колхоз или совхоз получше. Некоторые закреплялись в других общественных хозяйствах в пределах того же района или области. Учет таких хозяйств не велся, иначе общее количество ушедших из колхозов было бы еще больше.

Средние районные данные также не раскрывали настоящего положения целого ряда колхозов, в которых ослабление

хозяйства приводило по существу к их самоликвидации. Колхоз “За власть Советов” Игодовского района был организован на базе сел Цыгиево и Шишкино, из которых одно последнее имело 18 домов. На начало 1948 г. в селе Шишкино оставалось лишь 7 домов, а остальные 11 домов с надворными постройками, после ухода жильцов, были сломаны на дрова. Всего населения в этом колхозе оставалось 18 человек, в том числе восемь трудоспособных: один мужчина, семь женщин и два подростка. Демобилизация прибавила одного мужчину⁹⁶. Колхоз “Свободный труд” Бузановского сельсовета того же района был организован из 30 хозяйств жителей деревни Бузаново. В 1945 г. в колхозе было населения 52 человека, в том числе трудоспособных мужчин — 5, женщин — 18, подростков — 4 человека. В 1946 г. всего населения было 45 человек, в том числе 5 трудоспособных мужчин, 12 женщин и 2 подростка. На 1 января 1948 г. оставалось 35 человек, в том числе 8 трудоспособных женщин, 4 подростка и ни одного мужчины. Приведем отрывок из письменного заключения по данному хозяйству представителя Совета по делам колхозов по Костромской области: “Хозяйство колхоза “Свободный труд” идет по пути разорения, а колхоз накануне самоликвидации... Колхозники, не получая на трудодни, уходят из колхоза”⁹⁷. Колхоз “Весна” Островского района той же области состоял из обитателей двух селений — Гармониха, в котором насчитывалось 38 дворов и Гордеиха — 32 двора. На начало 1948 г. в Гармонихе оставалось 14 домов, из которых 6 были забиты, а 24 дома снесены. В Гордеихе оставалось 15 домов, а 17 домов пошли на дрова. За 1947 г. из того же колхоза выбыло 4 двора, за 1-й квартал 1948 г. — 2. В колхозе оставалось 16 человек трудоспособных, из них 5 мужчин и 11 женщин⁹⁸.

2. Способы выживания людей на селе

На селе мог выжить тот, кто приспособлялся к адским условиям неприкрытой дискриминации. Кроме сельской “элиты”, удерживались те, кто не имел прямого подчинения колхозам и совхозам. Это — работники партийных, советских и кооперативных организаций, леспромхозов, милиционеры, врачи, учителя и др. В Гармонихинском сельсовете Островского района числилось 8 колхозов, в которых к началу 1947 г. было 242 двора колхозников. Кроме того, на территории этих колхозов находились 66 дворов вышеназванных категорий населения. ЛПХ занимали значительный удельный вес в доходах неколхозных семей. Они пользовались землей, выгонами и пастбищами колхозов, производили покосы трав на землях колхозов и госземфонда. На территории колхоза “Весна” было 4 хозяйства служащих: заведующего районным дорожным отделом Мягкова с женой — продавцом магазина, дорожного десятника Молчанова с семьей, учительницы Си-

ничиной с мужем-киномехаником и бывшей заведующей почтой Романовой с нетрудоспособной матерью. Все хозяйства держали по корове, а Романовы — 2-х, потому что сумели записаться на два самостоятельных хозяйства⁹⁹.

В деревне Воротиново, входившей в колхоз имени Ворошилова Судиславского района, на 1 января 1948 г. имелось 13 хозяйств, из них 9 состояли в колхозе, а в четырех остальных хозяева трудились на стороне или были нетрудоспособны. В одном доме жили старуха со стариком, который работал в лесхозе, в другом — старуха с дочерью — работницей совхоза, в третьем — охотник-промысловик и в четвертом доме — нигде не работавший старик, живший лишь тем, что выращивал на приусадебном участке¹⁰⁰. “Независимое” существование владельцев этих хозяйств вызывало ненависть некоторых колхозных лидеров, которые всеми правдами и неправдами разжигали против них гнев соседей-колхозников, оказывавшихся по сравнению с теми в худшем материальном положении.

Имущественное расслоение наблюдалось и среди самих колхозников. Жизнь требовала от них тактической сметки и деловой изобретательности. Те колхозники, которые ухитрялись кормить семью, не рассчитывая на оплату по трудодням, тоже не пользовались расположением правления колхоза и сельсовета. Их держали на особом учете в списке “мнимых колхозников”, нарекали обидным “околоколхозным населением”. Колхозница М.С. Лаврентьева и ее дочь И.М. Скворцова из сельхозартели им. Орджоникидзе Сусанинского района жили раньше раздельно. После того, как у старушки развалился от древности дом, она переехала жить к дочери, а приусадебный участок размером 0,41 га в колхоз не сдала. Таким образом, у них стало два участка общей площадью около 1 га. Колхозник П.М. Попов имел приусадебный участок в 0,41 га, жил вместе с сыном, который тоже получил 0,25 га земли, в хозяйстве держали 2-х коров. Старик И.В. Закатилов в колхозе не работал, имел приусадебный участок в 0,44 га. В 1947 г. совершил раздельный акт со своим сыном, который продолжая жить вместе с отцом, получил на себя участок земли в 0,25 га¹⁰¹. Все делалось по закону, но считалось нарушением устава сельхозартели и всячески преследовалось властями.

Раздел колхозных дворов происходил повсюду. В 1947-1948 гг. этим занялись органы прокуратуры и начали проверку. В 24 районах Курской области обнаружили 1232 “фиктивных” раздела, в Смоленской — 888, Чкаловской — 227, Воронежской — 226, Полтавской (УССР) — 146, Мордовской АССР — 141. В тех тесных экономических рамках, которые изначально были определены колхозам и совхозам, они держались только на дешевой рабочей силе и донорстве личных “подсобных” хозяйств. Поэтому многочисленные факты

разделов колхозных дворов с целью получения дополнительного клочка земли и обзаведения скотом в обход колхозного устава всерьез тревожили руководство в центре и на местах. Во-первых, крестьяне больше времени уделяли ЛПХ, вторых, становились менее зависимыми от коллективного хозяйства. В начале сентября 1948 г. новым Генеральным прокурором СССР Сафоновым было информировано ЦК ВКП(б) о фактах фиктивных разделов колхозных дворов. По мнению прокуратуры статьи 73-84 Земельного кодекса РСФСР, изданного в 1922 г., а также инструкция Наркомюста и Наркомзема РСФСР от 30 марта 1927 г. по применению указанных статей Земельного кодекса предусматривала разделы единоличных хозяйств и не отражала изменений, произошедших с сельским хозяйством в связи с победой колхозного строя. Лиц, виновных в "фиктивных" разделах колхозных дворов, предлагалось привлекать к суду, а регистрацию разделов аннулировать с изъятием "незаконно" полученного приусадебного участка, находившегося в собственности колхозного двора в результате раздела. Созданная комиссия, подготовила проект соответствующего Указа Президиума Верховного Совета СССР, но окончательного разрешения вопрос не получил. В конце октября 1949 г. по данному вопросу Сафонов адресовал докладную записку секретарю ЦК ВКП(б) Маленкову, в которой просил ускорить издание предложенного год назад специального Указа с целью пресечения многочисленных фактов разделов колхозных дворов. Указ подрезал жизненно важные корни, необходимые для сохранения личного хозяйства крестьян — основного источника их материального обеспечения¹⁰².

Колхозный устав с его уравнилельной нарезкой приусадебной земли больно ударял по многодетным семьям инвалидов, вдов и был выгоден при двух-четырех трудоспособных на двор. "У нас в колхозе, — писал в Совет по делам колхозов инвалид войны Ф.В. Михайлов из деревни Кожевниково Высокского района Калининской области, — установлены приусадебные участки вместе с площадью, занятой постройками, в 0,25 га на каждый двор... Участок земли у нас рассматривается как некая отдушина, но как ничтожно мала она для большой семьи колхозника и как животворна для двух-трех едачных семей! Таковые хозяйства, а их немало (одиночки есть, но о них не говорю), имеют возможность подсеять на усадьбах и зерновые. А большая семья? Выходит она виновата за свою многоглотную потребность, виноваты дети, о которых мы с восхищением говорим как о нашем будущем, как о кадрах Родины. И для них ни клочка приусадебной земли. Кормитесь мол, и растите как хотите! Возьмем, к примеру, колхозные дворы. Первый — в два человека, а второй — в девять человек. Приусадебные участки — равные! Оба двора собрали урожай картофеля по 120 пудов. И что же

выходит? Первое хозяйство получило по 60 пудов на едока, второе — по 13 пудов на едока... Лишь в госпоставках молока, мяса, яиц, шерсти, картофеля, многоедачные дворы выигрывают тем, что с едока у них приходится много меньше, чем у малосемейных... Необъятность пахотных просторов в колхозе (пожалуй, и в областном масштабе) вполне позволяет надеяться хоть каждую душу 25-ю сотками земли, лишь бы это крепило фундамент Родины и ускоряло бег восстановительной сталинской пятилетки! Но моя семья была бы удовлетворена, если бы она могла получить хоть семь соток приусадебной земли на едока...»¹⁰³. Сверх уставной нормы никто не получал ни одной сотки, а на обман и захват колхозной земли не каждый решался, не рискуя попасть в число нарушителей. В силу малоземелья из многодетных семей трудоспособная молодежь первой уходила на работу в промышленность.

Лучше устраивались те, кто был рядом с властью. У секретаря первичной партийной организации известного нам колхоза им. Орджоникидзе Сусанинского района Костромской области, учительницы школы А.В. Масловой, отец был исключен из колхоза за прогулы. Хотя в правах члена колхоза он не был восстановлен и не работал в колхозе, при вмешательстве районного сельхозотдела приусадебный участок в размере 0,40 га у него не отобрали. Маслов — отец, имея одну корову, записанную на него, другую записал на вторую дочь, работавшую председателем сельского совета в той же деревне. Вместе с дочерью-учительницей он возбудил ходатайство перед сельским советом о пересмотре статуса главы семьи и владельца хозяйства. В марте 1948 г. сельсовет вынес решение: считать главой семьи его дочь — учительницу Маслову. Таким путем они освобождали свое хозяйство от уплаты обязательных поставок государству, поскольку учителя пользовались такими льготами¹⁰⁴. Обо всех приведенных фактах было известно районным партийным и советским организациям, но решительных мер они не принимали. В отличие от областных и более высоких чиновников, они сами являлись выдвигенцами из колхозно-совхозной среды и прекрасно понимали, что иначе там прожить нельзя.

В другом свете информация о положении дел в деревне поступала в Совет по делам колхозов при правительстве СССР от его собственных эмиссаров. Причины развала общественных хозяйств представитель Совета по делам колхозов от Костромской области видел в безразличном отношении к организационно-хозяйственному укреплению колхозов со стороны работников сельского хозяйства, советских и партийных организаций, в нарушении дисциплины и расширении личных хозяйств колхозниками. «Ничем иным, — писал он, — нельзя объяснить наличие такого положения, когда в 8 районах области имеются 23 колхоза с наличием трудоспособных от 6-ти до 10-ти человек... Раньше эти колхозы не были таки-

ми маломощными, а дошли до такого состояния в результате сокращения общественного хозяйства, вследствие чего, начался уход целых семейств колхозников и полная ликвидация жилых и надворных построек и не только отдельными домами, а целыми деревнями¹⁰⁵. Содержание записки выражало призыв к борьбе за укрепление дисциплины в колхозах, к обрезанию земельных участков, ограничению ЛПХ колхозников.

Подобное положение складывалось в сельском хозяйстве Великолукской области, где в 1950 г. в значительной части колхозов урожай зерновых был собран низкий и около 40% хозяйств выдавали на трудодни менее 300 г хлеба, причем 26 колхозов вообще не распределяли его по трудодням. Из-за неблагоприятных погодных условий около 20 тыс. хозяйств колхозники не получили картофеля с приусадебных участков. В связи с отсутствием достаточного питания многие семьи голодали. В Локнянском районе было зарегистрировано 145 случаев опухания колхозников. Отмечались факты массового ухода людей из отдельных районов и создалось напряженное положение с рабочей силой. В начале 40-х годов в Великолукской области было 344 тыс. трудоспособных колхозников, а в начале 50-х годов оставалось около 170 тыс., т. е. вдвое меньше. Из-за нехватки рабочих при недостаточной механизации производства не обрабатывалось около 200 тыс. га пашни, т. е. более 20% всей пахотно способной и закрепленной за колхозами земли¹⁰⁶.

3. Из колхозников - в горожане

В лесной полосе объектами притяжения мигрантов из колхозов и совхозов являлись лесоразрабатывающие и торфодобывающие предприятия, располагавшиеся поблизости. Там сокращение колхозного населения происходило за счет колхозников, перешедших на работу в государственные предприятия и кооперативные учреждения без перемены места жительства. По СССР удельный вес таких бывших колхозников в составе всего населения колхозов составлял в 1946 г. — 2,1%, в 1953 г. — 3,6%. По отдельным территориям этот процент был выше. В Удмуртской АССР данная категория населения составляла в 1946 г. 3,4%, в 1953 г. — 5,2%. По данным отчета комбината “Удмуртлес” число постоянных рабочих кадров за 1950 г. увеличилось, главным образом за счет колхозников, на 3393 человека¹⁰⁷.

В 1946-1951 гг. из колхозов Удмуртии в рабочие поселки республики выбыло до 35% мигрантов, в города — 10%, за пределы республики — 10%, в неизвестном направлении — 44%. В 1951-1954 гг. процент выбывавших из колхозов в города республики возрастал в 1,5 раза, а за пределы республики — в 4 раза. Количество работавших в промышленности республики в сентябре 1951 г. возросло против сентября 1950 г.

на 14 тыс. человек, в сентябре 1952 г. против сентября 1951 г. — на 15 тыс. Главным источником роста были сельские мигранты. Выбытие колхозного населения приводило к росту численности населения в городах. В 1939 г. численность городского населения республики составляла 320,5 тыс. человек, в 1951 г. — 442 тыс., в 1959 г. — 593,8 тыс. В отдельные годы механический прирост населения городов Удмуртии во много раз превышал естественный прирост. В 1953 г. в г. Ижевске естественный прирост населения составлял 4190 человек, а механический — 9851, в г. Глазове — соответственно 391 и 911, в г. Сарапуле — 821 и 2388. Пополнение городского населения УАССР происходило главным образом за счет жителей села. В увеличении потока мигрирующих из республики немалую роль сыграли такие факторы, как организованный набор и общественные призывы молодежи. По данным контор по набору рабочих за пределы республики выехало в 1950 г. 3539 человек, в 1951 г. — 2199, в 1952 г. — 3625, в 1954 г. — 1689 человек¹⁰⁸.

Бегство людей из колхозов вызывало беспокойство местных руководителей. В своих обращениях они просили правительство принять самые решительные меры, запрещавшие колхозникам самовольно покидать общественные хозяйства, разыскивать и возвращать беглецов назад. Десятки таких писем сохранились в архивах. В колхозе "Родина" Азлецкого сельсовета Харовского района Вологодской области в марте 1952 г. по 13 населенным пунктам было около 600 человек, из которых только 230 человек работали в колхозе, остальные — престарелые, подростки и дети. Самочинно сбежавших из колхоза было 37 человек. Среди них оказалось 8 членов ВКП(б), 2 члена ВЛКСМ. Уходили не только рядовые колхозники, а и председатели ревизионных комиссий, бригадиры, заведующие фермами и члены правления колхоза. Среди ушедших было 26 мужчин, т. е. 70,2% их общей численности¹⁰⁹. Это означало, что колхозы покидала немногочисленная мужская прослойка. Подтверждение находим в исследованиях по Украине, Сибири и Дальнему Востоку¹¹⁰. Например, сальдо миграции городского населения Сибири в 1946-1959 гг. формировалось за счет лиц мужского пола. На долю мужчин в составе механического прироста городского населения региона приходилось 50%, на долю женщин — 41%¹¹¹.

Именно то время было началом возникновения безлюдных деревень и безудержного роста населения в городах. В 1951-1954 гг. в СССР численность наличных дворов в колхозах уменьшилась на 740 тыс. За тот же период население колхозов сократилось на 5,2 млн. человек¹¹². Данные о сокращении колхозных дворов были исчислены с поправкой на прирост колхозных дворов после коллективизации в Западной Украине, Западной Белоруссии, Молдавии и республиках Прибалтики. Точнее представлены данные по России, где за

те же три года численность дворов колхозников сократилась на 764,7 тыс., в том числе в Центральном, Центрально-Черноземном и Волго-Вятском районах — на 411 тыс.¹¹³

С 1945 г. по 1953 г. городское население России увеличилось на 13 млн. человек в основном за счет механического прироста¹¹⁴. Быстрый рост "горожан" при одновременном сокращении сельчан наблюдался в Сибири и на Дальнем Востоке. К 1950 г. общее количество жителей региона относительно 1940 г. увеличилось только на 8,8%, а жителей городов и рабочих поселков — на 53,6%. Наблюдались резкие сдвиги в бывших сельскохозяйственных районах Западной Сибири. В Алтайском крае удельный вес горожан увеличился почти на 10%, в Томской области — на 11%, Омской — на 11,5, Курганской — на 17,2%. Если накануне войны общий уровень горожан во всем населении региона соответствовал общесоюзному, то в 1950 г. удельный вес городского населения в Сибири и на Дальнем Востоке обогнал общесоюзные темпы роста. В целом по Союзу ССР относительная его численность составляла 30%, а по сибирской и дальневосточной территориям — 46%, в том числе в Западной Сибири — 41, в Восточной — 46, на Дальнем Востоке — 64%¹¹⁵.

Если раньше правительство, испытывая нехватку рабочих рук в промышленности, насильно изгоняло крестьян из деревни, то послевоенные события приводили к избытку людей, стремящихся получить рабочие специальности с гарантированной оплатой труда. За счет притока сельчан в 1947 г. численность рабочих кадров промышленности впервые достигала довоенного уровня, а в 1950 г. почти на 3 млн. человек его превосходила. Вчерашнее крестьянство не сразу адаптировалось в промышленности. Текучесть кадров была высокой по причине жилищно-бытовой неустраиваемости, недостатков в организации производства и оплате труда. Характерно, что значительная часть рабочего пополнения, выбывавшая с производства, не возвращалась в сельское хозяйство, а устраивалась на родственных предприятиях в промышленности. В начале 1948 г. индустрия была с избытком насыщена рабочей силой, а приток людей из деревни не прекращался¹¹⁶.

Чтобы занять огромное число желавших получить работу в городах, правительство приступило к организации широкомасштабного строительства по типу общественных работ, проводившихся в голодные годы в царской России. Постановлением Совета министров СССР № 2878 от 17 августа 1947 г. "О мероприятиях по строительству многоэтажных домов в Москве" Сталин возобновил строительство советских "храмов", начатое во время голода 1933 г. По объему это был один из самых пространственных документов, который вместе с приложением и отдельно данными секретными пунктами не помещался на 30 страницах¹¹⁷.

Согласно постановлению в 1947-1948 гг. были проведены подготовительные работы, осуществлено строительство предприятий и складов, жилищ для рабочих. По организованному набору было привлечено 24,5 тыс. человек рабочих, служащих и специалистов с семьями из других городов и из числа сельского населения. Всем был разрешен въезд и прописка в г. Москве. В США, Англию, Швецию для изучения опыта строительства и эксплуатации многоэтажных зданий было командировано 10 инженеров сроком на 6 месяцев.

В 1948 г. было начато строительство 16-ти этажных домов в районе Каланчевской площади, Котельнической набережной, у Красный ворот, на площади Восстания. Возобновились строительство Дворца Советов, для чего было создано стройуправление со штатом в 1398 единиц. Возводились не просто высотные дома, а дворцы с соответствующим внешним и внутренним убранством. Удвоился объем работ Московского метростроя. В 1949-1950 гг. для оснастки строившихся зданий было освоено производство современных кондиционеров, газовых плит, высококачественных радиаторов, умывальников, унитазов, писсуаров, чугунных эмалированных ванн, биде, моек-раковин и проч. Для отделки домов и Дворца Советов было поставлено 2000 куб. м мрамора и 6000 куб. м гранита, 200 тыс. кв. м паркета "специал", 38 тыс. кубометров выдержанной древесины твердых пород дуба, бука и др.¹¹⁸

В сельской местности с начала 50-х годов часть уходящего из колхозов и совхозов населения была задействована в общесоюзной аграрной программе по созданию крупных государственных защитных лесных полос с целью преодоления губительного влияния суховея на урожай сельскохозяйственных культур и предохранения от выдувания плодородных почв Поволжья, Северного Кавказа, Центрально-Черноземных областей, а также в строительстве оросительной системы на юге Украины, в Крыму, Ростовской и Сталинградской областях¹¹⁹.

Чрезмерное "заимствование" трудоспособных кадров наносило непоправимый ущерб деревне. По данным годовых отчетов колхозов в 1951 г. по сопоставимой территории (без западных областей УССР, БССР, без Молдавской ССР и Прибалтийских республик) численность трудоспособного населения в колхозах по сравнению с 1948 г. уменьшилась на 2,4 млн. человек, т. е. на 8,7%. Сокращение наблюдалось не только в сравнительно благополучных с рабочей силой областях, а также и в тех, которые испытывали острую нехватку трудовых ресурсов, в частности в Поволжье. В процентном отношении численность трудоспособных за 1949-1951 гг. уменьшилась по Куйбышевской области на 24,2%, Сталинградской — на 23,4%, Кировской — на 23,3%, Калининской — на 22,2%, Саратовской — на 21,3%¹²⁰.

Колхозы и совхозы уже не способны были своими силами провести сенокос и уборку урожая. В послевоенные годы привлечение горожан к летне-осенним полевым работам переросло в повсеместную проблему. В 1950 г. горожане Новосибирской обл., направленные на сезонную работу в деревню, отработали 506 тыс. человеко-часов, в 1956 г. — 2148 тыс., а среднегодовая численность привлеченных возросла за то время более чем в 4 раза¹²¹. В 60-70 годы в помощь колхозам и совхозам направлялось все больше и больше городских жителей. Дошло до того, что в 1985 г. в среднем по СССР ежедневно 400 тыс. рабочих и служащих отвлекались от основной деятельности на сельскохозяйственные работы, т. е. при пятидневной рабочей неделе в течение года в колхозах и совхозах трудилось примерно 96 млн. человек, или более 1/3 всего населения СССР. В том же году затраты предприятий и организаций на выплату сохранявшейся по месту основной работы зарплаты командированным на село лицам составляли не менее 0,8 млрд. руб.¹²² Такова была ежегодная плата государства за разорение деревни.

4. Голодное нищенство

Естественным следствием голода, репрессий, миграций и поголовной бедности являлось нищенство. Его отличительной чертой было то, что люди шли просить милостыню не для пополнения своего бюджета, а с целью поддержания жизни. Они надеялись получить хлеб, чтобы утолить жажду голода. Такое явление стало многочисленным во время Великой Отечественной войны, а достигло рекордных размеров в первые послевоенные годы. С лета 1946 г. из районов засухи голодное нищенство распространилось по всей территории Союза. На положение нищенствующих чаще всего переходили жители деревни: вдовы, одинокие старики, инвалиды войны и труда, дети. Деревенское нищенство возросло в 4-8 раз. Мало кто обращал на него внимание, такое занятие считалось обычным делом. В редких случаях сводки областных, краевых и республиканских комитетов партии упоминали об отдельных фактах гибели нищенствующих колхозников от истощения и болезней. В колхозе "Динамо" Федюковского сельсовета Износковского района Калужской области колхозница Хренова, вдова фронтовика, мать 4-х детей, в 1946 г. заработала 200 трудодней. В хозяйстве скота не было, в самом начале 1947 г. хлеб и картофель кончились. Вся семья христаричала. Дети исхудавшие, обуви и одежды не имели, ходили в лохмотьях. Колхозница того же колхоза Каткова Прасковья, 66 лет, одинокая, два сына погибли на фронте, муж также был убит немцами. Хлеба и картофеля не имела, жила подающим, но от недоедания ослабела и не могла передвигаться¹²³.

По мере усиления голода нищие кочевали из деревни в места концентрации продуктов питания — крупные промышленные центры. Характерной чертой голодного нищенства было приобщение детей. Вместе с родителями или, с их ведома, дети отправлялись нищенствовать самостоятельно. Некоторые добирались до г. Москвы. Нищенство было запрещено и строго преследовалось милицией. В Москве число детей, задержанных за нищенство, выросло во II-ом полугодии 1946 г. по сравнению с I-м в 2 с лишним раза, с 1067 до 2319 человек, в г. Рязани численность задержанных детей-нищих достигала 956 человек¹²⁴. При аресте за нищенство дети водворялись в места своего проживания под опеку родителей или родственников. Взрослых при повторном задержании судили, в наказание привлекали к краткосрочным исправительно-трудовым работам. Нищие уходили из городов, прятались в отдаленных районах, собирались сотнями возле крахмалопаточных заводов, выпрашивая производственные отходы (мязгу) для употребления в пищу.

Систематизированный учет нищих никем не производился. Отделы социального обеспечения изредка брали на заметку дошедших до такого положения пенсионеров. Вне поля зрения государственной службы помощи оказывались многочисленные лица, не получавшие пенсий и находившиеся в еще более стесненных материальных условиях. Они-то и пополняли ряды нищенствующих. Лишь после постановления Совета министров СССР от 19 июля 1951 г. № 2590-1264-с о борьбе с нищенством и антиобщественными паразитическими элементами, милиция стала учитывать задержанных нищих, попрошайек и бродяг, порой не разделяя их на категории. Сходную функцию отчасти выполнял Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 июля 1951 г. “О мерах борьбы с антиобщественными и паразитическими элементами”, который напоминал Указ от 2 июня 1948 г., только направлен был не против сельских жителей, а против горожан. Как и в 30-е годы, волна репрессий, начатая в деревне в 1948 г., через три года докатилась до административных центров. Разумеется, новый Указ коснулся не столько городских нищих и бродяг, сколько несогласных с режимом, названных впоследствии инакомыслящими. Более-менее точно определить численность нищих в те годы не просто. По приблизительным подсчетам в 1946-1947 гг. число нищих в целом по СССР доходило до 2-3 млн. человек. В последующие годы по мере постепенного улучшения уровня жизни значительная часть людей смогла оставить неприглядное занятие, но и в дальнейшем до середины 50-х годов уровень нищенства оставался высоким и колебался в среднем от 0,5 до 1 млн. человек в год.

Большинство нищих составляли инвалиды войны, труда и престарелые. Преобладали люди, не получавшие пенсий и не имевшие родственников, а также лица получавшие пенсии

по категории “прочих”, т. е. 71 руб. в месяц — в городах и 11 руб. — в сельской местности. Хлебные надбавки к пенсии начислялись только пенсионерам, проживавшим в городах и рабочих поселках. Житель г. Ленинграда А.В. Рядов 1890 г. рождения, одинокий, потерявший близких родственников в период блокады города, участник Отечественной войны с 1941 по 1944 гг. До 1947 г. получал пенсию как инвалид войны II-й группы, а с определением инвалидности по III-й группе пенсии был лишен. Нищенствовал, неоднократно пытался устроиться в дом инвалидов, но получал отказ из-за отсутствия места¹²⁵.

Не всякий мог рассчитывать на государственное попечение. Действовали ограничения. Согласно 8-му пункту положения “О домах инвалидов труда общего типа”, утвержденному Народным комиссариатом социального обеспечения РСФСР 9 июля 1943 г., в дома инвалидов труда общего типа принимались только лица, не имевшие родственников, обязанных по закону их содержать. В положении не учитывалось, что часто родственники инвалида или престарелого сами бывали плохо материально обеспечены. Следует обратить внимание и на другое ненормальное обстоятельство, заключавшееся в том, что Министерство социального обеспечения РСФСР вместо того, чтобы отменить названное ограничение, в апреле 1948 г. издало приказ № 232, которым категорически запрещалось принимать в учреждения социального обеспечения инвалидов III группы, а также инвалидов I и II группы и престарелых, имевших родителей или родственников. Устройство их в дома инвалидов можно было производить только в исключительных случаях с разрешения министерства. Между тем, по данным обследований материально-бытовое положение многих родителей и родственников инвалидов было исключительно тяжелым, а некоторые из них сами нуждались в неотложной помощи государства¹²⁶.

Как ни больно было фронтовикам-инвалидам сознавать оскорбительную приниженность своего места в обществе, оставалось одно — обращаться к людям за подаванием. Бывшие ротные запевалы нищенствовали с гармонией. Среди них попадались с высшим образованием и члены КПСС. По доносам районного отдела социального обеспечения коммунистов обсуждали на партийных собраниях, давали выговор вместо материальной помощи. А.Н. Медведев, 1923 г. рождения, инвалид войны I группы (слепой), проживал в г. Москве, Ждановском районе, по Ново-Осташковской улице, дом 6/14, кв. 4, получал пенсию 560 руб. Семья состояла из неработавшей жены-поводыря и четверых дошкольного возраста детей. Медведев бросил низкооплачиваемую работу на предприятии Общества слепых и занимался нищенством по преимуществу в трамваях. Во время “проработки” заявил, что на предприя-

тие не вернется, так как на заработанные деньги не мог содержать семью¹²⁷.

По спискам Московского городского отдела социального обеспечения на 15 февраля 1950 г., из лиц, проживавших в Москве, занимались нищенством 528 человек, на 31 октября 1951 г. — 513. К 1 декабря 1952 г. численность нищих удвоилась и составляла 1027 человек, в том числе мужчин — 436 человек и женщин — 590. Из них пенсию получали 536 человек, в том числе инвалидов войны — 56 человек, членов семей погибших воинов — 60, инвалидов труда — 420. Остальные являлись престарелыми гражданами, не получавшими пенсии вследствие отсутствия у них требовавшегося по закону трудового стажа. Из общего количества учтенных, занимавшихся нищенством, 156 человек оказались работающими и получавшими мизерную плату. Из числа таких людей нищенствовала Л.Н. Баранова, 1922 г. рождения, мать 4-х детей, вдова фронтовика, проживавшая в Сокольническом районе г. Москвы по Маленковской улице, дом 3, кв. 21. Работала уборщицей на стадионе с заработком 260 руб. в месяц, кроме того получала пособие на троих детей в сумме 100 руб. От устройства детей в приют отказывалась¹²⁸.

Несмотря на серию мероприятий 1953-1954 гг., нищенство в Москве ликвидировать не удавалось. На 1 июля 1953 г. органами социального обеспечения было зарегистрировано 405 нищих, а на начало 1954 г. — 367 человек, в том числе инвалидов и престарелых, не получавших пенсий и не имевших родственников — 150, инвалидов-пенсионеров, размер пенсий которых составлял до 100 руб. — 60, до 159 руб. — 47, до 200 руб. — 62, до 300 руб. — 25, до 500 руб. — 12 человек. Как видим, по мере роста размера пенсий, число людей прибегавших к нищенству сокращалось. Удивительно, что среди малообеспеченных органы соцобеспечения и милиция по своим небесспорным критериям умудрялись обнаруживать нищих-профессионалов. В отчете Министерства социального обеспечения РСФСР по ликвидации нищенства в России за 1954 г. было записано буквально следующее: «Среди нищенствующих имеется значительное число лиц, избравших нищенство своей профессией. Из 150 инвалидов и престарелых нищих по г. Москве, нищих-профессионалов выявлено 63 человека. В Москве и Московской области занимается нищенством В.Д. Илюхин, 1881 г. рождения, получает пенсию 140 руб. за погибшего сына, из родственников в Москве никого не имеет, в дом престарелых пойти не желает...»¹²⁹. Отказавшихся от дома престарелых, записывали в профессионалы, что автоматически означало возможность применения против них судебного-правовых мер. Московские власти любыми способами избавлялись от нищих-москвичей, а их места сразу же занимались приезжими. Среди 286 человек, задержанных за нищенство в Москве в июне 1954 г., было 211 жителей Кали-

нинской, Калужской, Владимирской, Рязанской, Смоленской и других областей¹³⁰.

В других городах по сравнению с Москвой успехи в деле ликвидации нищенства были скромнее. В 1953 г. органами милиции г. Ленинграда было задержано в трамваях, троллейбусах, на рынках и улицах города более 1700 лиц, занимавшихся нищенством, в том числе 763 из них проживали в Ленинграде. За 9 месяцев 1954 г. численность задержанных за нищенство составляла 2380 человек, в том числе 686 ленинградцев. В числе задержанных за нищенство престарелые составляли 30,4%, инвалиды Отечественной войны — 21%, инвалиды труда — 20%, трудоспособные, но не работавшие — 8,3%, трудившиеся на различных предприятиях — 3,6%¹³¹. Ленинградский городской Совет требовал от милиции не пропускать в г. Ленинград иногородних нищих.

По мнению чиновников из Министерства госконтроля СССР, большую работу по борьбе с нищенством проводили областной Совет и милиция г. Ростова-на-Дону, поэтому там количество задержанных нищих и бродяг в 1953 г. снизилось по сравнению с 1951 г. более чем в 2 раза (в 1951 г. было 2566 человек, в 1953 г. — 1128). Однако вскоре вновь произошло увеличение: за 9 месяцев 1954 г. было зарегистрировано 1300 человек против 886 человек, задержанных и зарегистрированных за то же время в 1953 г., что на 47% больше. Всего по Ростовской области в 1954 г. было задержано за нищенство 4093 человека. Среди нищих значительную часть (до 10%) составляли женщины, имевшие на руках малолетних детей. В связи с амнистией, вызванной смертью Сталина, численность нищенствующих женщин с детьми резко увеличилась: за 9 месяцев 1953 г. на станции Ростов их было задержано 114 человек, а за 9 месяцев 1954 г. — 229 человек, т. е. в 2 раза больше. Среди нищих и бродяг, зарегистрированных в городах Ростовской области, подавляющее большинство составляли инвалиды и престарелые. Из 460 нищих, задержанных летом 1954 г. в самом г. Ростове, трудоспособных было только 96 человек, т. е. 21%, остальные 365 человек были инвалидами и стариками. Милицией был задержан старик Слободзенюк М.Н., 1864 г. рождения (90 лет). Он не получал пенсию, не имел родственников и определенного места жительства. Начал нищенствовать в 1933 г. и с тех пор странствовал по Союзу. Просился в дом для престарелых, но его не принимали как нигде не прописанного и не имевшего документов¹³².

По данным областного управления милиции, в г. Свердловске в 1952 г. было взято на учет 2319 человек, задержанных за нищенство, плюс 1415 человек — по районным городам и населенным пунктам Свердловской области, а всего — 3734 человека. В 1953 г. в целом по области численность нищих возросла и составляла 4040 человек. За 9 месяцев 1954 г. в г. Свердловске и районах Свердловской области было задержано

2212 человек. Из общего количества нищенствовавших в тот же период в областном центре, 479 человек или 42% имели свердловскую прописку, а 685 человек являлись приезжими из других республик, краев и областей. Состав лиц, задержанных за нищенство в г. Свердловске в течение 9 месяцев 1954 г., характеризовался следующими данными: всего задержанных — 1154 человека, из них инвалидов — 456, престарелых — 461, женщин с детьми — 29, прочих — 128. 469 человек нуждались в определении их в дома инвалидов, поскольку не имели жилья, родственников и являлись материально необеспеченными¹³³.

План организации новых инвалидных домов систематически не выполнялся Свердловским областным отделом социального обеспечения. В результате к концу 1954 г. вместо 2360 коек-мест фактически имелось 2110, т. е. на 250 коек меньше, а количество инвалидов и престарелых, нуждавшихся в приюте, возрастало. Из 319 заявлений, поступивших в областной отдел социального обеспечения в 1952 г. от инвалидов и престарелых лет граждан, было удовлетворено 298 или 93,4% потребности. В следующем 1953 г. из 606 заявлений удовлетворили 517 или 85,3%. Очень тяжелое положение с материально-бытовой помощью инвалидам и престарелым создалось в 1954 г. Из имевшихся на 1 октября т. г. 820 заявлений от инвалидов и престарелых, просивших пристанище, были предоставлены места в домах-интернатах лишь для 449 человек (54,7%), а 372 человека оставались на очереди, причем многие из них состояли на учете по нескольку лет. С пометкой “первая очередь” было заявление А.П. Липатова, инвалида Отечественной войны, не имевшего родственников и средств к существованию, поступившее в отдел 10 июня 1950 г. В своем заявлении он указывал, что на работу его не принимали и он питался тем хлебом, который выпрашивал у людей. В число нищенствующих попадали и рабочие. Бывший термист Уральского алюминиевого завода, инвалид II группы С.В. Лопатин получал пенсию в 210 руб. В своем заявлении от 17 августа 1954 г. он сообщал, что был уволен с завода по старости. Денег на питание ему не хватало, квартиру оплачивать не мог. Просил направить его в дом инвалидов, но его просьбу не смогли удовлетворить в связи с отсутствием свободных мест. Приходилось просить подаяние¹³⁴.

Многие инвалиды с помощью отделов социального обеспечения пытались устроиться на работу. Далеко не всем это удавалось. По Свердловской области план трудоустройства инвалидов всех категорий на 1954 г. в количестве 3100 человек, в том числе инвалидов войны — 1000 человек и инвалидов труда — 2100 человек, был выполнен за I-е полугодие на 69,2%. 2144 человека было направлено на работу, в том числе 886 инвалидов войны и 1258 инвалидов труда. В Каменск-Уральской артели “Трудовик” (Свердловская обл.) в

пуговичном цехе в 1953 г. работало 12 человек слепых. В марте того же года они были уволены, а цех был закрыт. Спустя неделю уволенные инвалиды нищенствовали на рынке г. Каменск-Уральска. Их товарищам, оставленным в артели, жилось не лучше. По причине отсутствия приспособлений и принадлежностей для обеспечения труда инвалидов и необеспеченности производства необходимыми материалами 10 человек той же артели за 17 рабочих дней в феврале 1954 г. получили всего по 20-25 руб. каждый. Многие инвалиды не имели жилья и вынуждены были снимать угол на частных квартирах с оплатой от 50 до 100 руб. в месяц, что для них было не по карману¹³⁵.

Неэффективная борьба с нищенством велась в Куйбышевской области и Татарской АССР. Данные о численности нищих и бродяг умышленно занижались. Сведения по Куйбышевской области давались неполные. Например, на 1 августа 1954 г. они составлялись по 16-ти районам и городам области, а на 25 сентября т. г. — только по 9-ти районам и городам из имевшихся 41. Причем не включались те районы, в которых имелось много нищенствующих лиц: Жигулевский, Куйбышевский, Приволжский и Чапаевский. По данным областного управления милиции, в селе Георгиевка Куйбышевского района той же области проживало до 35 человек инвалидов войны и труда, женщин с малолетними детьми, живших нищенством. Судьба забросила их в село из родных мест Ивановской, Смоленской, Горьковской областей, а также после освобождения из заключения. Они просили милостыню в поездах и в г. Куйбышеве¹³⁶.

По сведениям Казанского городского отдела социально-го обеспечения, живших в г. Казани нищих числилось будто бы меньше ста человек, а милицией ежегодно задерживались тысячи нищенствующих¹³⁷. В республике имели место случаи незаконного увольнения с работы инвалидов и членов их семей. Некоторые через суд восстанавливались, но при сокращении штатов первыми попадали за ворота. Из сторожевой охраны Казанского горисполкома в 1953 г. было уволено по сокращению штатов 30 человек инвалидов, многие из которых пополнили ряды нищих. Порядок нарушался и в артелях, специально предназначенных для калек. Туда охотнее брали здоровых рабочих. Группой инвалидов войны была послана жалоба на имя заместителя председателя Совмина СССР К.Е. Ворошилова, в которой сообщалось, что на предприятиях г. Казани не принимали на работу инвалидов Отечественной войны. Жалобой занималось Министерство госконтроля СССР, но и после проверки мало что изменилось к лучшему¹³⁸.

5. Антинищенская кампания

Не только в послевоенную пятилетку, но и в начале 50-х годов раздавленная деревня "рекрутировала" в города нежелательные толпы голодного нищенства. Правительство СССР, не обращая внимания на отдаленные от центра территории, все силы бросало на подавление очагов нищенства в областях, граничащих с Московской. Постановление Совета министров РСФСР от 31 декабря 1952 г. № 1698-98-с обязывало Калужский облисполком и лично его председателя А.А. Егорова обеспечивать ликвидацию "профессионального" нищенства среди колхозников Кировского и Хвостовичского районов области, разрабатывая и осуществляя мероприятия по подъему общественного хозяйства колхозов и привлечению всех трудоспособных колхозников к активному участию в колхозном производстве. В недавние времена такое указание могло бы означать поголовное выселение жителей названных районов в отдаленные края, с тем чтобы нагнать страху на других, но такого не произошло и дело ограничилось административными, судебными и общественными процессами.

Принятые облисполкомом меры по борьбе с антиобщественными и паразитическими элементами, по укреплению трудовой дисциплины среди колхозников не улучшили материального положения людей, поэтому численность нищих продолжала расти. По данным управления милиции Калужской области на 15 октября 1954 г. на учете состояло 1114 жителей области, занимавшихся нищенством, т. е. на 27% больше чем в прошлом году, в том числе: 46 инвалидов войны, 53 инвалида труда, 80 прочих инвалидов, 213 престарелых и 579 человек трудоспособных. Попрошайничество и "профессиональное" нищенство не удавалось искоренить среди жителей Кировского и Хвостовичского районов той же области. По двум названным районам в 1951 г. органами милиции было зарегистрировано 800 человек, занимавшихся нищенством, в 1952 г. — 844, в 1953 г. — 667, а за 9 с половиной месяцев 1954 г. — 924 человека. Среди лиц постоянно занимавшихся нищенством было 714 человек, получавших от государства пенсии и пособия по инвалидности и 172 человека — по многодетности. По числу нищих первенствовал Кировский район, центр которого располагался на железнодорожной ветке московского направления. Он давал нищенствующим в 3 раза больше Хвостовичского¹³⁹.

Осенью 1954 г. Министерство государственного контроля СССР проводило проверку состояния борьбы с колхозным нищенством в Калужской области. Отчет о проверке, представленный новому министру Жаворонкову, выражал стремление проверявших инспекторов доказать чуть ли не прирожденную склонность деревенского жителя к нищенству, как средству получения дополнительного дохода. Приведем вы-

держку из него: "...Профессиональным нищенством по-прежнему занимаются многие колхозники колхозов имени Кутузова, им. XIX партсъезда, им. Кирова, им. Ворошилова, "Родина" Кировского района и "Рассвет" Хвастовичского района. Значительное количество этих колхозников, будучи трудоспособными и имея дома с надворными постройками, приусадебные участки земли, скот, домашнюю птицу, велосипеды и др. имущество, в целях дальнейшего обогащения своего хозяйства систематически выезжают для попрошайничества в гг. Москву, Ленинград и другие населенные пункты СССР, чем приносят большой вред общественному колхозному хозяйству, расшатывая трудовую дисциплину честных труженников колхозов. Проверкой установлено, что только органами милиции в г. Москве в течение 9 месяцев т. г. было задержано занимавшихся нищенством на улицах города, вокзалах и метро 313 жителей Калужской области, из них 140 женщин с детьми. В числе задержанных нищенствующих были жители Хвастовичского, Кировского, Малоярославецкого, Боровского и других районов области... Члены большинства колхозных семей колхоза "Рассвет" Хвастовичского района, занимаясь нищенством, систематически отлучаются из колхоза на срок от 7 до 14 дней. В целях же больших результатов от нищенства взрослые члены семьи берут с собой не только малолетних детей, но и детей школьного возраста. В Воткинскую семилетнюю школу в первый день занятий 1 сентября 1954 г. не явилось 8 учащихся, т. к. они со взрослыми нищенствовали в Москве. Не только рядовые колхозники занимались этим делом, но и члены семей некоторых руководящих работников колхоза "Рассвет". В 1954 г. выезжала для попрошайничества жена заведующего животноводством колхоза Никитина, жена заведующего молочно-товарной фермой Ерохина и члены семей (матери, сыновья, дочери, жены) шести бригадиров полеводческих бригад колхоза. Нищенством также занимаются члены семей отдельных коммунистов. В июне 1954 г. общим собранием парторганизации колхоза "Рассвет" за нищенство двух дочерей исключен из членов КПСС Кузнецов и был объявлен строгий выговор члену КПСС Лесину за выезд жены с целью нищенства. Проверкой установлено, что на 15 октября 1954 г. по колхозам имени Кутузова, им. Ворошилова, им. Кирова, им. XIX партсъезда и "Родина" Кировского района находились в отъезде без уважительных причин 418 колхозников. В 1953 г. из этих колхозов за нарушение трудовой дисциплины было осуждено народным судом 43 колхозника и оштрафовано правлениями колхозов за невыработку минимума трудодней 104 человека. В 1954 г. за нищенство и невыход на работу исключено из членов колхозов 5 человек"¹⁴⁰.

В отчете утверждалось, что нищенством, как отходничеством, занимались с целью личного обогащения, не только рядовые члены колхоза. Выходило так, словно удерживалась

от соблазна "поживиться" нищенством только колхозная верхушка: председатели колхозов, сельсоветов, их заместители, секретари партийных и комсомольских ячеек. Трудно было бы опровергнуть тяжкое обвинение колхозников в непотребном образе жизни, но в конце того же самого отчета, как бы между прочим, называлась истинная причина обращения жителей деревни к древнему ремеслу. Будет справедливо и опровержение привести дословно: "Вследствие низкой производительности труда колхозников и плохой трудовой дисциплины, а также засушливой погоды, колхозы в этом году получили низкий урожай и колхозникам выдавали мало денег и сельскохозяйственных продуктов на трудодни. Так, в колхозе "Рассвет" авансом на трудодни выдано по 13 коп. деньгами, 500 г зерна и по 3,5 кг сена и соломы. В прошлом году было выдано в среднем на трудодень по 6 коп. деньгами, 100 г зерна и 460 г сена и соломы. В колхозах им. Кутузова, им. Кирова, им. Ворошилова, им. XIX партсъезда и "Родина" в 1954 г. выдано авансом на трудодень от 5 до 25 коп., от 150 до 300 г зерна и по 3-4 кг сена и соломы. В 1953 г. в этих колхозах было выдано в среднем на трудодень деньгами от 3 до 11 коп., зерна от 100 до 300 г, сена и соломы от 1 до 6 кг"¹⁴¹. Исходя из приведенных данных можно сделать вывод, что при оскорбительно низкой оплате и высоких госналогах с ЛПХ нищенство являлось единственным средством выжить.

Больные, престарелые, нетрудоспособные члены колхозных семей, чтобы не быть обузой, сами уходили в дома престарелых и инвалидов или нищенствовать в города. В ведении Калужского областного отдела социального обеспечения на 15 октября 1954 г. состояло на учете 280 человек престарелых, инвалидов и нетрудоспособных бездомных лиц, нуждавшихся в устройстве в дома инвалидов и престарелых, из них с 1952 г. на очереди числилось 17 человек, с 1953 г. — 89 и с 1954 г. — 175. В то время облсобес имел 7 домов для инвалидов и престарелых на 550 коек, в том числе дом для детей на 50 мест. Фактически в тех домах было размещено много больше. По плану Калужского облсобеса предполагалось в 1955 г. расширить областную сеть домов для инвалидов, престарелых и детей за счет постройки 2-х новых домов на 600 мест в гг. Калуге и Жиздре¹⁴².

Обретение койки в госприюте считалось настоящим спасением для многих увечных и немощных людей. Всюду не хватало свободных мест. По неполным данным на 1 января 1954 г., в 29 областях России более 2000 нищенствующих инвалидов нуждались в пристанище, а в целом по РСФСР — около 8 тыс. Основной причиной острой нехватки мест являлось невыполнение задания правительства по строительству новых домов для инвалидов. Согласно постановлению Совета министров СССР от 19 июля и 22 октября 1951 г., в очередном 1952 г. должны были построить и сдать в эксплуата-

цию 28 домов инвалидов на 8600 мест и 10 интернатов с учебно-производственными мастерскими для слепых на 1000 мест. За постановлениями последовали указания соответствующих отделов Совмина СССР о выделении в 1951 и 1952 гг. необходимого количества рабочих и материальных фондов для обеспечения строительства¹⁴³. Однако ни один из указанных объектов не был введен в действие в 1952 г. Из отпущенных на год ассигнований в сумме 48 млн. руб. на строительство домов было освоено 23,3 млн. руб. или 47,7%, а из выделенных на строительство интернатов для слепых 29,4 млн. руб., освоили всего 9,3 млн. руб. или 31,6% к плану¹⁴⁴. Такой срыв можно объяснить обострением международной обстановки, связанной с разгоревшейся в те годы войной в Корее, где Советский Союз выступал на стороне КНДР, оказывая разностороннюю, в том числе и продовольственную помощь¹⁴⁵. По инерции аппарат Совмина СССР еще рассматривал вопросы обеспечения строительства отдаленных домов инвалидов в Красноярском крае, Мордовской и Коми АССР, пытаясь изыскать средства на покрытие расходов. Вместе с тем, вопрос уже ставился по-иному, не о строительстве, а об организации дополнительных домов для инвалидов и престарелых в РСФСР, на Украине и других республиках¹⁴⁶.

В 1953 г. средства выделенные на строительство инвалидных домов были использованы в объеме 75,5% к годовому плану, но только один дом инвалидов в г. Воронеже был введен в эксплуатацию. На строительство интернатов было израсходовано 11 млн. руб. (53%) и ни один не был заселен слепыми. В следующем году положение улучшилось. За январь-сентябрь 1954 г. на постройку было израсходовано 29 млн. руб. (55,5%) и закончено строительство 9-ти домов в гг. Белеве, Вологде, Клину, Шуге, пос. Видное, Норское, дер. Фенино, Красноярском крае, Мордовской АССР. За то же время на строительство интернатов для слепых было потрачено 4 млн. руб., т. е. 43% к плану строительно-монтажных работ 1954 г. Три интерната были сданы строителями в г. Костроме и в Москве по Детской улице и Б. Колтевскому переулку. Принятый комиссией в январе 1954 г. интернат в г. Орехово-Зуеве с незаконченными работами по канализации, электрообеспечению, вентиляции и монтажу котельной не был введен в эксплуатацию на 20 октября 1954 г.¹⁴⁷

В связи с неудовлетворительным ходом строительства домов инвалидов и интернатов для слепых, Советом министров РСФСР был принят ряд документов: распоряжение № 6036-р от 7 октября 1953 г., постановление № 1497-82-с от 4 декабря 1953 г., протокол заседания бюро Совмина РСФСР № 9 от 20 января 1954 г., постановление № 140 от 27 января 1954 г. Однако ни одно решение не было выполнено полностью. В постановлении Совета министров РСФСР от 27 января

1954 г. было отмечено, что в результате безответственного отношения к выполнению задания союзного правительства по строительству домов инвалидов и интернатов для слепых со стороны Министерства жилищно-гражданского строительства РСФСР сроки строительства объектов, предусмотренных планом 1953 г., были сорваны. Совмин РСФСР объявил выговор заместителю председателя Московского облисполкома Шаронову, заместителю председателя Орловского облисполкома Алексееву и начальнику Главцентргражданстроя бывшего Министерства жилищно-гражданского строительства РСФСР Полякову и строго предупредил заместителя Министра социального обеспечения РСФСР Васильева, что если он не улучшит контроль за строительством домов инвалидов, то будет строго наказан¹⁴⁸.

“Решительные” меры по отношению к виновным в срыве материально-бытового устройства инвалидов, казалось, должны бы, помочь покончить с недооценкой столь важного дела, но ничего подобного не произошло. Напротив, секретным распоряжением заместителя председателя Совмина РСФСР Лобанова от 30 сентября 1954 г. за № 4649-р были урезаны капиталовложения по строительству домов инвалидов в 1954 г. на 3,5 млн. руб., с направлением этой суммы на строительство колхозных рынков, словно не было иных источников¹⁴⁹.

Некачественное выполнение отдельных работ было допущено на строительстве домов инвалидов в г. Михайлове, Ногинске, пос. Чернь на станции Кандауровка, интернатов для слепых в г. Волоколамске, Костроме, Торжке. Многие, организованные ранее дома инвалидов и интернаты, размещались в малоприспособленных, старых, требующих ремонта, зданиях, которые не имели водопровода, канализации и электроосвещения. По отчетным данным Министерства социального обеспечения РСФСР по состоянию на 1 января 1954 г. из 410 домов инвалидов, электроосвещение имели 218, водопровод — 66, радио — 372, бани — 387. Из 37 интернатов для инвалидов Великой Отечественной войны, электричество имелось в 30-ти, водопровод — в 9-ти, бани — в 32-х, радио — в 37-ми, клубы — в 21¹⁵⁰. Как видим, лучше всего фронтовиков обеспечивали радиотрансляцией.

Почти ничего не известно о домах для инвалидов и престарелых колхозников. На десятки тысяч колхозов и миллионы колхозников России имелось всего около 70 домов, где за счет колхозных касс общественной взаимопомощи содержалось на 1 января 1954 г. более 1000 человек престарелых и лиц, получивших увечья на работе в колхозах. По личному приказанию министра социального обеспечения РСФСР Муравьевой, они устранялись от руководства колхозными домами. Управление трудового, бытового устройства и обучения пенсионеров МСО РСФСР не имело данных о том, как рабо-

тали дома колхозников, как было поставлено в них материально-бытовое обслуживание. Проверка их деятельности не производилась¹⁵¹. Разумеется, были исключения. Ростовский облисполком рекомендовал областному и районным отделам социального обеспечения широко популяризировать имевшийся в колхозе "Путь Ильича" Сальского района опыт организации колхозных приютов¹⁵².

Организация общественного питания в домах инвалидов была поставлена скверно, рацион — однообразный и низкокалорийный. Фонды на продукты отоваривались порой меньше, чем наполовину. В Красноуральском инвалидном доме за 9 месяцев 1954 г. недополучено 7,5 т овощей, 412 кг сухофруктов, более 1 т мяса и рыбы, 2,8 т молока. Куйбышевским областным потребительским союзом не было выполнено решение областного исполнительного комитета Советов депутатов трудящихся от 17 декабря 1953 г. № 1839 в части создания при Больше-Раковском сельпо базы по снабжению трех близлежащих домов инвалидов с неснижаемым 15-дневным запасом продовольствия. В итоге одним из домов общего типа за 9 месяцев 1954 г. было недополучено 2889 кг (66,8% от нормы) масла животного, 906 кг (56%) масла растительного, 4476 кг (82,9%) рыбы, 319 кг (15%) муки пшеничной, 42914 шт. (79,5%) яиц. Масло животное не получалось вообще в апреле и мае т. г., масло растительное — в мае, июне, июле. Диетическое питание истощенным ни в одном из трех домов не было организовано. Примерно по тому же принципу шло обеспечение одеждой, обувью и постельным бельем¹⁵³.

Отметим, что некоторые из нищенствующих, не имевшие источников существования и жилья, категорически отказывались от предложения направить их в дом инвалидов. В Москве из 170 нищих 83 человека отказались от направления в дом инвалидов. Москвичка Д.Н. Трушина, инвалид I группы, 1915 г. рождения, проживавшая в Киевском районе по Б. Васильевскому переулку, дом 11, кв. 1, не работала, пенсию не получала. Нищенством занималась с 1946 г., задерживалась за нищенство 8 раз. На неоднократные предложения устроиться в дом инвалидов реагировала отрицательно. Другие инвалиды и престарелые, побывав в таком заведении, ранней весной с наступлением тепла уходили и назад не возвращались¹⁵⁴.

Через отделы социального обеспечения государство оказывало материальную помощь некоторой части бездомных. По решению Свердловского облисполкома в феврале 1952 г. была оказана помощь деньгами 1860 семьям, на что израсходовали 2,9 млн. руб. за счет бюджетных ассигнований и привлеченных средств хозяйственных и общественных организаций. Одеждой и обувью было обеспечено 3789 детей пенсионеров, взято под опеку — 762 человека, помещено в дома инвалидов — 298 человек, кроме того оказывалась помощь в ре-

монте квартир, приобретении скота, устройстве на работу. Подобная работа осуществлялась и в следующем 1953 г.¹⁵⁵

Совет министров Татарской АССР 24 августа 1951 г. принял постановление № 613-854-с "О мероприятиях по улучшению обслуживания престарелых и инвалидов". За 1952 г. органами социального обеспечения республики была оказана единовременная помощь инвалидам войны и семьям погибших воинов в сумме более 1 млн. руб. и инвалидам труда — 112 тыс. руб., соответственно в 1953 г. — 954 и 138 тыс. руб., за 9 месяцев 1954 г. — 646 и 111 тыс. руб. Кроме того, необеспеченным пенсионерам были выданы продовольственные товары¹⁵⁶. Как показала проверка, распределение средств носило формальный характер. Многие не попадали в руки нуждавшихся. Значительная часть мероприятий по трудоустройству и материально-бытовому обслуживанию семей погибших воинов, инвалидов войны и труда, утвержденных Совмином ТАССР в апреле 1954 г., не была выполнена. При плане продажи крупного скота для 3170 семей колхозников, смогли обзавестись им всего лишь 699 семей или 22%, а помощь в приобретении мелкого скота была оказана только 1189 семьям вместо 3200, т. е. 37,1%¹⁵⁷.

В двух крупнейших городах СССР обездоленным и нищим выделяли чуть больше материальных средств, чем в провинциальной глубинке. В Москве предприятия, учреждения и организации располагали возможностью для выплаты единовременных пособий. В отделах социального обеспечения был установлен льготный порядок выплаты опекунам денежных сумм на содержание инвалидов, престарелых и детей сирот. Мероприятия по сокращению числа нищенствующих в столице Союза осуществлялись более оперативно. В короткий срок в отношении 156 человек нищих, которые оказались работавшими, районными отделами социального обеспечения были разосланы письма по месту работы с просьбой воздействовать на них по административной и общественной линии. После взятия подписки о прекращении нищенства, проведения бесед и воздействия на родственников, 149 человек оставили свое занятие. Через московские районные отделы социального обеспечения получили единовременную денежную помощь в размере 150 руб. около 500 человек. К содержанию 206 лиц, занимавшихся нищенством, были привлечены родственники. После оформления трудового стажа, 36-ти нуждавшимся была назначена пенсия, 142 человека были трудоустроены, 163 направлены в дома инвалидов. Кроме того, из числа занимавшихся нищенством, 60 человек умерло. В итоге к 1 сентября 1954 г. количество нищих в Москве сократилось с 1027 человек до 196¹⁵⁸.

В Ленинграде положение было сложнее. Городской и районные отделы социального обеспечения до осени 1954 г. трудоустроили 2850 пенсионеров и инвалидов, направили в

дома инвалидов 650 человек. Тем не менее, на 1 октября т. г. на учете горсобеса состояло 176 инвалидов, ожидавших направления в приют, и 2755 инвалидов, нуждавшихся в трудоустройстве. Длительное время состояли на учете 200 инвалидов-фронтовиков с нервно-психическими заболеваниями, нуждавшиеся в обеспечении надомной работой. В городе было очень много бедных преклонных лет людей, не получавших пенсий и пособий. Несовершенство пенсионного законодательства, отсутствие нужных документов, незнание своих прав являлись непреодолимой преградой для престарелых, добивавшихся оформления пенсий по старости, инвалидности, за погибшего мужа, сына. Коренной ленинградке П.А. Новоельцевой, 1896 г. рождения, было отказано в пенсии за погибшего во время блокады города мужа, за отсутствием подтверждавшего тот факт документа. Когда после долгих мытарств через народный суд она выхлопотала указанное свидетельство, истек срок получения пенсии. Одинокая, преклонного возраста женщина оставалась без всяких средств к существованию. Семидесятилетней жительнице Ленинграда П.М. Шмелевой было отказано в получении пенсии за погибшего в Великой Отечественной войне сына. Отказ был мотивирован тем, что она находилась на иждивении дочери, инвалида II группы, получавшей 140 руб. и имевшей двоих детей школьного возраста. В силу тяжелого материального положения Шмелева занималась нищенством¹⁵⁹.

Из приведенного выше материала видно, что одним из основных видов помощи инвалидам и пенсионерам являлось трудоустройство. Наспех проводившееся оно не решало проблем. На крупных предприятиях без специальных приспособлений, устройств и необходимого обучения как инвалиды, так и пенсионеры не могли конкурировать с квалифицированными рабочими. Они увольнялись "по собственному желанию" с тех предприятий, на которые их устраивали. Высокая текучесть кадров отмечалась и в артелях инвалидов. По неполным данным в 1953 г. в СССР было принято на работу в артели 170 тыс. инвалидов, а выбыло из них 155 тыс. человек. Выбывавшие вновь становились безработными. Только в России на 1 июля 1954 г. искали работу 37,8 тыс. человек инвалидов, в том числе 15 тыс. инвалидов Великой Отечественной войны. В обучении трудовым приемам нуждались 20 тыс. калек, в числе которых было 8,2 тыс. инвалидов войны. Министерство социального обеспечения России по плану трудового устройства, профессионального обучения и повышения квалификации инвалидов на 1954 г. предусматривало трудоустроить 37 тыс. инвалидов войны, 67 тыс. инвалидов труда и пенсионеров, обучить и повысить квалификацию 25,8 тыс. инвалидов войны и 22 тыс. инвалидов труда¹⁶⁰. Учитывая неудавшийся опыт трудоустройства инвалидов и пенсионеров на промышленные предприятия, правительство направляло часть из них

в кооперацию. Во исполнение постановления Совмина РСФСР от 16 марта 1954 г. № 293 "О мероприятиях по трудоустройству инвалидов в промысловой кооперации РСФСР на 1954 г." Российский промысловый совет своим постановлением от 29 марта т. г. № 355 обязал Куйбышевский горпромсовет построить в 1954 г. два общежития для глухонемых и слепых на 55 мест и организовать в том же году 2 спецеха для инвалидов больных туберкулезом и гипертонией, но по состоянию на 7 октября 1954 г. к строительству не приступали, подобное было и со спецехами¹⁶¹.

В некоторых местах задержанных милицией нищих власти трудоустроивали в колхозы и совхозы отдаленных районов. Большинство попыток определить нищих в сельское хозяйство не удавалось из-за отсутствия средств на их содержание и бытовой неустойчивости. Исполком Ростовского областного Совета депутатов трудящихся большое количество трудоспособных нищих и бездомных направлял на работу в колхозы и совхозы. За 1953 г. и 9 месяцев 1954 г. с согласия задержанных было направлено главным образом в степные районы 2013 человек. Однако, как показала практика, подавляющее большинство направленных там не задерживались. Вскоре после прибытия на село или спустя некоторое время, они самовольно оставляли работу и уходили в неизвестном направлении. Как отмечалось в объяснительной записке, из направленных в 1953 и 1954 гг. в колхозы и совхозы Сальского района на трудоустройство 669 человек, только 66 человек или 10% оставались на местах, а остальные разбежались, причинив 9-ти колхозам материальный ущерб в размере 60 тыс. руб. В восемь колхозов Степновского района за то же время было направлено 360 человек, из которых 315 человек или 87% самовольно выбыли, не рассчитавшись с сельхозартелями за обувь, одежду и продукты питания на сумму около 50 тыс. руб. Из направленных в колхоз имени Буденного Сальского района 60 человек, ушли 45. По справкам с мест получалось, что колхозы якобы предоставляли все необходимые условия, приобретали одежду, обувь, выдавали денежные и натуральные авансы на общую сумму в 12,5 тыс. руб., а те, неблагодарные скрывались вместе со всеми "дарами". В этом сквозило явное стремление общественных хозяйств побольше списать на непрошенных "гостей" свои неоприходованные расходы. Объяснения правлений колхозов и дирекций совхозов для убедительности сопровождалось жалобами на хулиганство, дебоширство и кражи, допускавшиеся направленными к ним на работу нищими и бродягами. Из закрепившихся в колхозах и совхозах нищих и бездомных, большинство составляли женщины с малолетними детьми и лица, обзаведшиеся своими семьями¹⁶². Основной причиной бегства из колхозов и совхозов "трудоспособных" нищих и бездомных было то, что истощенная деревня не могла поднять дополнительное коли-

чество присланных извне инвалидов и пенсионеров, так как она уже давно не способна была обеспечивать своих собственных.

Подводя итоги антিনিщенской кампании, Министерство социального обеспечения РСФСР сообщало правительству СССР, что до 1 января 1954 г. органами соцобеспечения было помещено в дома инвалидов 3318 человек нищих, трудоустроено — 865, взято под опеку — 2445, определено на иждивение родственников — 739, назначено пенсий — 953, материальный пособий — 789. Несмотря на проведенные административно-правовые и экономические мероприятия, нищенство не было ликвидировано. По неполным данным, в 1953-1954 гг. в РСФСР было учтено 13660 человек, занимавшихся нищенством. Факты свидетельствовали о том, что главной причиной нищенства было полное отсутствие у людей средств на пропитание. По подсчетам 12-ти областных, краевых и городских отделов соцобеспечения из 3310 человек, занимавшихся нищенством, только 770 получали пенсию, а остальные 2540 человек являлись одинокими инвалидами и престарелыми, не имевшими права на пенсию и не получавшими никакой материальной поддержки от государства¹⁶³.

“Неистребимое” нищенство вынудило Министерство социального обеспечения СССР в январе 1954 г. письменно заявить союзному правительству, что “...руководящие работники министерства считают одной из основных причин нищенства недостаточность размера пенсии, особенно в сельской местности”¹⁶⁴. В своем проекте по борьбе с нищенством они предлагали правительству поручить Министерству сельского хозяйства СССР в месячный срок разработать предложения по организации помощи одиноким колхозникам, ставшим инвалидами, или временно потерявшим трудоспособность, а также престарелым, детям-сиротам. По их мнению, требовалось срочно рассмотреть вопрос о создании колхозных приютов, пересмотреть действовавший примерный устав кассы общественной взаимопомощи колхозников для улучшения материального положения людей, занимавшихся нищенством. В своем обращении Министерство соцобеспечения СССР просило предоставить его организациям право выдавать с 1 января 1955 г. инвалидам и престарелым, проживавшим в приютах и не получавшим пенсию, пособие на личные расходы в размере 15 руб. в месяц. Просило обязать министерства угольной, нефтяной, химической, связи и лесной промышленности СССР построить в ближайшие два года несколько инвалидных домов общей вместимостью на 1500 человек с передачей их министерству соцобеспечения.

Вместе с тем, обращение министерства к правительству содержало ряд предложений по усилению административно-правового давления на лиц, занимавшихся нищенством. В первых, они просили предоставить в виде исключения, орга-

нам милиции право содержать с санкции прокурора в камерах предварительного задержания сроком до 15 суток лиц, привлекавшихся за нищенство. Во-вторых, разрешать начальникам милиции по специальному постановлению, утверждаемому прокурором, при повторном задержании заключать таких лиц в тюрьму сроком на 30 суток с правом использования их на работах. В-третьих, обязать МВД СССР организовать дополнительно, как временную меру, в 1954 г. при областных, краевых и республиканских управлениях милиции 33 приемника-распределителя для помещения в них всех, задерживаемых за нищенство, на срок необходимый для решения вопроса об их трудоустройстве, определении в дома инвалидов или установлении опеки, но не свыше 10 суток¹⁶⁵.

Предложения Министерства социального обеспечения СССР были одобрены правительством, но реализованы со значительным перекосом в административно-правовую сторону, поэтому нищенство искоренялось тоже репрессивными методами. К организованным в 1952 г. приемникам-распределителям для помещения лиц, задержанных за нищенство, в 1954-1955 гг. добавились еще 33 приемника-распределителя того же назначения¹⁶⁶. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 июля 1951 г. "О мерах борьбы с антиобщественными и паразитическими элементами" был распространен на ограниченно трудоспособных и инвалидов III группы, занимавшихся нищенством и бродяжничеством, что давало властям право привлекать большинство задержанных к труду, а других помещать в дома инвалидов вопреки их желанию. Для трудоспособных нищих и бездомных создавались специальные закрытого типа принудительные промышленные и сельскохозяйственные предприятия. Больше нищенствующих привлекалось к уголовной ответственности. С 1955 г. всем должностным лицам, непосредственно отвечавшим за порядок в вагонах, на судах, в трамваях, автобусах, троллейбусах, метро, магазинах и других общественных местах, вменялось в обязанность не допускать нищенства и попрошайничества, и в каждом отдельном случае сообщать работникам милиции.

Следовательно, одним из последствий послевоенного голода, репрессий и налогового гнета в отношении крестьянства была миграция из сельского хозяйства в промышленность, происходившая в виде выселения, вербовки и бегства. Обезлюдение деревни обостряло аграрный кризис и продовольственную проблему. За счет беженцев из села нарастал избыток рабочей силы в городах. Безработица, игнорирование практики пособий порождали нищих и бездомных. Самые незащищенные слои общества: инвалиды войны и труда, пенсионеры, многодетные вдовы. Правительство, неспособное устранить социальные корни роста нищенства, вновь прибегало

к помощи милиции, суда, штрафов, принудительных работ и тюрем.

* * *

Голод, миграции, эпидемии и гибель людей нанесли тяжелый удар по деревне, сельскому и всему народному хозяйству страны. В регионах, по которым прошла тихая коса голодной смерти, отмечалась острая нехватка рабочих рук. В помощь селу были брошены миллионы городских рабочих и студентов, однако до зимы с уборкой не справились и тысячи гектаров необработанных зерновых ушли под снег. Колхозники не хотели больше трудиться даром. Многие пытались выйти из колхозов, но лишь единицам это удавалось. Председатели колхозов отстаивали перед центром свою самостоятельность, чтобы предотвратить развал хозяйств. Это был открытый социальный протест.

Ответом правительства были репрессии. Как и прежде, государство сделало ставку не на личный интерес человека, а на страх и принуждение. На основании указов и постановлений в отдаленные районы Сибири были высланы десятки тысяч людей. В их число попали несогласные с произволом фронтовики, вдовы, молодежь. Репрессии убедили крестьян, что правительство Сталина не намерено ликвидировать ненавистную колхозно-совхозную обязательку. Напротив, государство демонстрировало готовность мириться с примитивизмом и нерентабельностью "общественного" хозяйства, вопреки тому, что главное действующее лицо — крестьянство вынесло ему окончательный приговор.

Административно-правовое засилие сопровождалось налоговым удушением деревни. Без какой-либо огласки в течение 1948-1952 гг. натуральные и денежные налоги с сельского населения были повышены в 3 раза. Чрезмерное денежное налогообложение порождало снижение поступлений к предъявленной государством сумме до 30-50%, что подтверждало абсурдность данного предприятия. Средства отобранные у деревни почти целиком уходили на модернизацию военно-промышленного комплекса. Это была последняя дань с деревни, которая обрекала ее на медленное угасание. Последующие аграрные "преобразования" ускорили конец.

Естественной реакцией на действия властей было бегство людей из деревни. В условиях запрета на выезд, это делалось как легальными, так и скрытыми путями. Молодежь первой покидала деревню, поэтому сельское население быстро "старело" и сокращалось. С 1946 г. по 1953 г. деревню покинуло около 10 млн. человек. В районах крупных промышленных новостроек обезлюдение села совершалось за одну-две

пятилетки. Хрущевская паспортизация стала формальным закреплением того, что фактически произошло в последние годы сталинского правления.

Насильственное обращение колхозников в горожан сопровождалось небывалым распространением нищенства. Выросшее за время голода в массовое явление, оно превратилось в настоящий бич для городов. Костяк нищих состоял из инвалидов войны и труда, вдов с детьми. Борьба с нищенством, объявленная правительством СССР в самом начале 50-х годов, продолжалась несколько лет и осуществлялась силовыми структурами в основном принудительными методами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Во Второй мировой войне Советский Союз понес самые большие людские и материальные потери. Страна, которая вместе с союзниками — США, Англией и Францией, одержала сокрушительную победу над гитлеровской Германией, Италией и Японией, получила после войны тяжелейшее экономическое наследие и нуждалась в серьезной поддержке со стороны ее более развитых соратников. Судьбе было угодно, чтобы события развивались по иному сценарию. Недавние друзья по оружию перешли к состоянию конфронтации. Военно-стратегическое соперничество стало определяющим во взаимоотношениях между Востоком и Западом. Вместо восстановления народного хозяйства, улучшения жизни народа, правительство СССР все силы и средства направило на создание атомной бомбы, которая тогда уже имелась в США.

Голодная трагедия, развернувшаяся в нашей стране в 1946-1947 гг., являлась следствием политики, выражавшейся в стремлении советского руководства любой ценой продолжить начатую до войны индустриализацию с целью создания более мощного военно-промышленного комплекса. В жертву ядерному Молоху была брошена колхозно-совхозная деревня, оставленная без хлеба и задавленная непомерными и многочисленными налогами, займами и декабрьским 1947 г. обменом денег. Сельчан, которые осмеливались протестовать, загоняли в каторгу. Крестьянский труд был превращен в рабский. Как пишет А.И. Солженицын в 3-й части Архипелага ГУЛАГ, колхозы и совхозы были самым страшным местом ссылки для бывших заключенных. Некоторые из них шли на преступление, чтобы вернуться в лагерь и даже кончали с собой от колхозно-совхозной действительности. Если в прежние времена голод подвигал людей к совершенствованию культуры земледелия, то в конце 40-х годов XX века — только к бегству из деревни. Тяжелые испытания переживали рабочие, служащие, интеллигенция в поселках, малых и крупных городах. Все проходили через одинаковые жернова. Послевоенный голод был последним крупномасштабным бедствием советского времени. Локальные и скрытые голодовки продолжались и в дальнейшем в разных регионах Союза.

Последствия голода и аграрной политики советского режима во второй половине 40-х и начале 50-х годов оказали негативное влияние на сельское хозяйство, которое приходило в упадок. Обеспечение граждан продуктами питания становилось проблемой № 1 в государстве. Город Москва и другие столицы союзных республик, являвшиеся предметом заботы правительства, получали необходимое продовольствие. Остальные города обеспечивались плохо. В магазинах сельской местности только раз в 2-3 недели завозили хлеб, не говоря о других, необходимых для людей, товарах. Местные жители по-разному выходили из трудного положения. Обзаводились

огородами, держали крупный и мелкий скот, за хлебом, сахаром и прочим отправлялись в рабочие поселки и города, где закупали продукты впрок на длительное время. Высокими денежными налогами Сталин заставил колхозников продавать за бесценок на городских рынках, произведенные в личных подсобных хозяйствах продукты. Чем это кончилось, мы знаем — массовым забоем скота и вырубкой фруктовых деревьев.

Сталинских запасов зерна Хрущеву хватало на несколько лет. Когда они иссякли, ограбление деревни возобновилось. Ликвидация личных подсобных хозяйств трудящихся в деревне и в городе, повсеместное и обязательное внедрение в севооборот кукурузы, за счет сокращения посевов зерновых, привело к тому, что в самом начале 60-х годов сельское хозяйство не смогло обеспечить страну хлебом. В Москве и других городах были введены карточки на хлеб, муку, крупу и др. К счастью, закупленный за рубежом хлеб подоспел вовремя. Горожане были спасены, а деревенскому жителю пришлось туго. По воспоминаниям врача-педиатра Шумихинской районной больницы Курганской области В.А. Комогорова из отдаленных деревень поступали истощенные годовалые дети, вес которых был не выше трехмесячного младенца. Диагноз ставили гипотрофия, т. е. снижение веса новорожденных. Многих спасти не удавалось. Недавние выпускники медицинского института возмущались тем, что матери не кормили своих детей. Им, молодым, было невдомек, что в сельской глубинке люди голодали.

В СССР за три голодомора погибло более 10 млн. человек. Коммунистический режим, построенный на насилии, попрании личности, лишил человека самого главного — права на жизнь, потому и сам он был недеспособен, недолговечен и рухнул в одночасье, как наклонившаяся стена. Все мы ныне живущие, свидетельствуем падение этой стены и сознаем опасность оказаться погребенными под ее обломками. Распад и крушение империи — закономерный исторический процесс. Страна переживает этап становления социального и экономического порядка, отвечающего интересам подавляющего большинства народа.

Преобразования, начатые в конце 80-х годов и продолжающиеся по сей день, происходят с огромными издержками. Распад СССР и разрыв экономических связей между бывшими союзными республиками привели к остановке десятков тысяч предприятий, сокращению объемов производства, росту безработицы, вынужденным миграциям, ухудшению материального положения народа. Политические, экономические и социальные потрясения последних лет не прошли бесследно. Они, как никогда, обнажили старые незажившие раны, оставшиеся с военного и послевоенного времени.

По мнению экспертов Государственного комитета по статистике Российской Федерации, современная демографическая ситуация в России характеризуется как неблагоприят-

ная. В последние годы численность населения уменьшается из-за низкого уровня рождаемости и высокой смертности. Снижается средняя продолжительность жизни, особенно у мужчин. Если в 1987 г. она составляла 72 года, то в 1992 г. снизилась до 68 лет. Тенденцию к росту имеет младенческая смертность. В 1993 г. в среднем по России было 20 умерших детей в возрасте до 1 года на 1000 родившихся. Это в 2-3 раза выше, чем в развитых странах Запада. По прогнозам специалистов за 1993-2005 годы численность населения России уменьшится по среднему варианту на 9,6 млн. человек, т. е. на 6,5%¹.

На наш взгляд, для нынешней России проблема голода еще не стала достоянием прошлого. Переживаемый ныне кризис затронул все сферы экономики страны и особенно сельское хозяйство. В конце XX века не только крестьянство, а все наше общество расплачивается за ликвидацию кулачества как класса, за десятилетия сплошной коллективизации, за сверхжестокие темпы индустриализации. Командная колхозно-совхозная система полностью себя изжила, а новая еще не сформировалась. Каков выход? Мнение историков-аграрников выразил член-корреспондент РАН А.Н. Сахаров. Он считает, что возрождение деревни может произойти при использовании современным крестьянством, как традиционных способов хозяйствования — артельных, общинных, так и самостоятельных, семейных. Вполне может стать, наконец, реальностью и у нас в стране народная сельскохозяйственная кооперация, воспетая в 20-е годы знаменитым аграрником А.В. Чайновым. Все это, конечно, возможно при главном условии, если деревня освободится от опеки государства, от докучливого “руководства” бюрократии².

Очевидный факт — мы возвращаемся к тем проблемам, которые жизнь поставила перед нашими предками сто лет назад. По-прежнему актуальна гипотеза нашего соотечественника, датированная началом XX века: “Бедственные последствия неурожаев только тогда исчезнут в России, когда ее озарит яркое солнце истинного конституционализма, когда выше всего будут стоять интересы всего народа, когда каждый чиновник будет чувствовать себя слугою народа и будет сознавать тяжелую ответственность перед народом. Последствия неурожаев в России сгладятся и исчезнут тогда, когда получит свое осуществление известная формула: “Все для народа и через народ”. Только тогда поднимется экономическое благосостояние населения и голода не будут терзать многострадальную Россию”³. Сегодня, в канун третьего тысячелетия новым поколениям россиян предстоит начинать практически с нуля, так как солнце настоящего конституционализма пока не взошло.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

- ¹ Лешков В. *О народном продовольствии в древней России*. М., 1854. С. 62.
- ² Голода в России и Западной Европе и меры правительства против них. Публичные лекции в пользу голодающих заслуженного профессора А. В. Романовича-Славятинского и приват-доцента Н. М. Цытовича. Киев, 1892. С. 65-68.
- ³ Исаев А. А. *Неурожай и голод*. Лекции в Императорском Александровском Лицее. СПб., 1892. С. 12.
- ⁴ Голода в России и Западной Европе и меры правительства против них. С. 67.
- ⁵ Сухоплюев И. *Последствия неурожая в России*. М., 1906. С. 10. В Астраханской губернии численность умерших в 1892 г. по сравнению со средними данными за 1870-1894 гг. возросла на 49,3%, в Самарской - на 35,5%, Саратовской - на 33%, Оренбургской - на 31%, Воронежской - на 30,7%.
- ⁶ Короленко В. *В голодный год. Наблюдения, размышления и заметки*. Изд. 4-е. СПб., 1902. С. 348.
- ⁷ Панкратов А. С. *Без хлеба. Очерки русского бедствия. (Голод 1898 и 1911-12 гг.)*. М., 1913. С. 85.
- ⁸ Ленин В. И. *Полн. собр. соч.* Т. 21. С. 196.
- ⁹ Сорокин Питирим. *Голод как фактор. Влияние голода на поведение людей, социальную организацию и общественную жизнь*. Петроград, 1922. С. 263.
- ¹⁰ Ленин В. И. *ПСС*. Т. 36. С. 358.
- ¹¹ Корелин В. *Борьба с голодом*. М., 1918. С. 21.
- ¹² Фрейлина *ее величества Анна Вырубова*. М., 1993. С. 328-329; 334-335.
- ¹³ См.: Сухоплюев И. *Указ. соч.* С. 10; Тулайков Н. М. Неурожай 1911 г. и задачи агрономии юго-востока Европейской России. М., 1912. С. 1; Кондрапин В. В. *Голод 1932-1933 годов в деревне Поволжья*. Кандидатская диссертация. М., 1991. С. 259; В интервью с автором данной работы, российский историк-демограф В.М. Кабузан сообщил, что по собранным им данным, по сравнению с дореволюционным временем за первые три десятилетия советского правления смертность населения СССР быстро возрастала на фоне снижения рождаемости. Он утверждает, что в советское время от голода умирало гораздо больше людей.
- ¹⁴ Данилов В. П. *Сельское население Союза ССР накануне коллективизации (по данным общенародной переписи 17 декабря 1926 г.)* // Ученые записки. № 74. М., 1963. С. 67.
- ¹⁵ Этот пробел был восполнен современным американским историком Ричардом Г. Робинсом - младшим, написавшим книгу "Голод в России. 1891-1892. Реакция Императорского Правительства на кризис." Нью-Йорк, 1975. - 253 с. (На англ. яз.)
- ¹⁶ *Итоги борьбы с голодом в 1921-1922 гг. Сборник статей и отчетов*. М., Кремль, 1922. - 499 с.; *Итоги последнего (с 15.10-1922 г. - 1.08-1923 г.) Статьи, библиография, стат. таблицы*. М., Кремль, 1923. - 155 с. и др.
- ¹⁷ Сорокин П. *Указ. соч.* С. 206.
- ¹⁸ Там же. С. 155.
- ¹⁹ *В борьбе с засухой и голодом. Неурожаи в засушливых районах СССР и борьба с ними*. М.-Л., 1925. С. 5-6.

- 20 Fisher H. H. *The Famine in Soviet Russia, 1919-1923, the operations of the American Relief Administration*. N. Y., 1927.
- 21 Поляков Ю. А. *1921-й: победа над голодом*. М., 1975.
- 22 Подробнее об этом см.: Жиромская В. Б. *Всесоюзные переписи населения 1926, 1937, 1939 гг.: история подготовки и проведения* // История СССР. 1990. № 3. С. 93-98; *Всесоюзная перепись населения 1937 г. Краткие итоги*. М., 1991. - 239 с.
- 23 Congnest R. *The Harvest of Sorrow: Soviet Collectivization and the Terror - Famine*. L., 1986. P. 306.
- 24 Данилов В. П. Дискуссия в западной прессе о голоде 1932-1933 гг. и "демографической катастрофе" 30-40-х годов в СССР // Вопросы истории. 1988. № 3. С. 116-121; Правда. 1988. 16 сентября.
- 25 Осокина Е.А. *Жертвы голода: сколько их?* // История СССР. 1991. № 5. С. 23.
- 26 Зеленин И. Е., Ивницкий Н. А., Кондрашин В. В., Осколков Е. Н. *О голоде 1932-1933 годов и его оценке на Украине* // Отечественная история. 1995. № 6. С. 262.
- 27 *История советского крестьянства*. Т. 4. М., 1988. С. 182-183.
- 28 Бомещко Б. Г. *Засуха и голод в Молдавии в 1946-1947 гг.* Кишинев, 1990.
- 29 *Голод в Молдове (1946-1947)*. Сборник документов. Кишинев, 1993.
- 30 Перковский А. Л., Пнрошков С.И. *Демографические потери народонаселения Украинской ССР в 40-х годах* // Украинский исторический журнал. 1990. № 2. С. 22-23.
- 31 Маковейчук И. М., Пнлявец Ю. Г. *Голод на Украине в 1946-1947 гг.* // Украинский исторический журнал. 1990. № 8.
- 32 Исупов В. А. *"Черное пятно" в истории Сибири* // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия истории, философии и филологии. Выпуск 1. Новосибирск, 1990. С. 31.
- 33 Волков И. М. *Засуха, голод 1946-1947 гг.* // История СССР. 1991. № 4.
- 34 Отчет о встрече был опубликован в "Независимой газете" 16 апреля 1992 г.
- 35 *Голод и государственная политика (1946-1947 гг.)*. Вступительная статья, комментарии и подготовка текста к публикации В. П. Попова // Отечественные архивы. 1992. № 6. С. 37-39.
- 36 Знамя В. Ф. *Голод в России 1946-1947 гг.* // Отечественная история. 1993. № 1. С. 35-52.
- 37 Он же. *"Второе раскулачивание" (Аграрная политика конца 40-х — начала 50-х годов)* // Там же. 1994. № 3. С. 109-125; *Послевоенное общество: голод и преступность (1946-1947 гг.)* // Там же. 1995. № 5. С. 45-59.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I-II

- 1 *Советское крестьянство. Краткий очерк истории*. Под ред. В.П. Данилова. М., 1973. С. 394; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Л. 2214. Л. 73-75; Вылицан М.А. *Вос-*

- становление и развитие материально-технической базы колхозного строя (1945-1958). М., 1976. С. 10-13.
- ² Арутюнян Ю. В. Советское крестьянство в годы Великой Отечественной войны. М., 1970. С. 279.
- ³ История советского крестьянства. Т. 4. М., 1988. С. 30.
- ⁴ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 47. Д. 6084. Л. 6.
- ⁵ Сельское хозяйство СССР. Стат. сборник. М., 1971. С. 248.
- ⁶ Там же. С. 148-150. В научной литературе существует мнение, что ЦСУ СССР публиковало завышенные данные видовой урожайности зерновых культур, которыми пользовалось правительство в те годы. (См.: Волков И. М. Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы. М., 1972. С. 150.).
- ⁷ Численность скота в СССР. Стат. сборник. М., 1957. С. 6-7; Сельское хозяйство СССР. С. 246-248. В 1941-1945 гг. сильное сокращение претерпело общественное молочное стадо: в колхозах коров стало в 1,5 раза меньше, в совхозах - в 2 раза. Поголовье свиней в общественных хозяйствах уменьшилось в 3 раза. Заметно сократилась численность овец. Молочный скот лучше сохранился в личных хозяйствах колхозников, рабочих и служащих. На начало 1946 г. в этой категории хозяйств имелось 19,2 млн. коров, т. е. в 4,5 раза больше, чем в колхозах и совхозах вместе взятых.
- ⁸ Сельское хозяйство СССР. С. 49, 51.
- ⁹ Европейский Север: история и современность. Тезисы. Петрозаводск, 1990. С. 114-115; ГАРФ. Ф. 310. Оп. 1. Д. 3434. Л. 71-76; Д. 3440. Л. 35-39; Д. 3450. Л. 18-29; Д. 3458. Л. 60-61; Д. 3468. Л. 17-33; Д. 3475. Л. 58-69; Анисков В. Т. Жертвенный подвиг деревни. Новосибирск, 1993. С. 66.
- ¹⁰ Арутюнян Ю. В. Указ. соч. С. 444-447.
- ¹¹ Анисков В. Т. Указ. соч. С. 75.
- ¹² Сельское хозяйство СССР. С. 289, 298, 306.
- ¹³ Там же. С. 29.
- ¹⁴ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 48. Д. 2188. Л. 1; Д. 2189. Л. 7; Д. 2193. Л. 19.
- ¹⁵ Там же. Д. 2188. Л. 2.
- ¹⁶ Там же. Д. 2189. Л. 15.
- ¹⁷ Там же. Д. 2193. Л. 18.
- ¹⁸ КПСС в резолюциях... Изд. 8-е, доп. и испр. Т. 6. М., 1971. С. 144-145.
- ¹⁹ Цит. по: Верг Н. История советского государства. 1900-1991: Пер. с фр. М., 1992. С. 295.
- ²⁰ Там же. С. 296.
- ²¹ Островский В. Б. Колхозное крестьянство СССР. Саратов, 1967. С. 41-43.
- ²² РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 595. Л. 67.
- ²³ Правда. 1947. 27 мая.
- ²⁴ ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 171. Л. 91-92.
- ²⁵ Правда. 1946. 16 октября.
- ²⁶ Правда. 1947. 4 мая, 25 июля и др.
- ²⁷ Волков И. М. Указ. соч. С. 125-126.
- ²⁸ Советское крестьянство. Краткий очерк истории. С. 396; ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 49. Д. 1673. Л. 3-7.
- ²⁹ Правда. 1946. 14 октября.

- 30 *Сельское хозяйство СССР*. С. 15; *Крестьянство Сибири в период упрочения и развития социализма*. Новосибирск, 1985. С. 249.
- 31 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 50. Д. 3440. Л. 13; **Волков И. М.** *Трудовой подвиг советского крестьянства...* С. 128.
- 32 Правда. 1946. 13 октября.
- 33 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 49. Д. 1673. Л. 3-7. В 1946 г. очень низкая урожайность зерновых была в Астраханской области - 3 ц с га, Куйбышевской (ныне Самарской) - 4,6, Пензенской и Саратовской - 3,5, Сталинградской (ныне Волгоградской) - 3, Ульяновской - 4,8.
- 34 Там же. В 1946 г. хлеба не уродились в Брянской, Калужской, Крымской, Рязанской, Тульской областях, Приморском крае, Мордовской АССР, Туркменской, Узбекской, Таджикской республиках.
- 35 *Сельское хозяйство СССР*. С. 152.
- 36 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 49. Д. 1614. Л. 55-57.
- 37 Там же. Оп. 1. Д. 280. Л. 115; Д. 1673. Л. 3.
- 38 Там же. Д. 280. Л. 115.
- 39 Там же. Л. 476-477.
- 40 Там же. Л. 478.
- 41 Там же.
- 42 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 279. Л. 71-74.
- 43 Там же. Л. 78-81.
- 44 Там же. Л. 89-90.
- 45 Правда. 1946. 12 октября.
- 46 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 280. Л. 18-19.
- 47 Там же. Д. 283. Л. 58-59.
- 48 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 49. Д. 1673. Л. 45.
- 49 Там же. Л. 10-11.
- 50 Там же. Л. 8-9.
- 51 Там же. Л. 80-81.
- 52 Там же. Л. 82.
- 53 Там же. Л. 84.
- 54 Там же. Л. 8-9; Ф. 9401. Оп. 2. Д. 139. Л. 507-508.
- 55 *Сельское хозяйство СССР*. С. 152.
- 56 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 49. Д. 3539. Л. 26-27. Впервые в советской литературе об огромных запасах хлеба в 40-е годы было упомянуто А. И. Микояном в предисловии к книге А. В. Любимова. *Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны*. М., 1968. С. 5. До сих пор мы ничего не знаем о мобилизационных резервах.
- 57 РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 8. Д. 360. Л. 38.
- 58 Правда. 1947. 11 мая.
- 59 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 2674. Л. 35-36.
- 60 Там же. Л. 37.
- 61 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 299. Л. 102-107; Д. 302. Л. 72-74; Правда. 1947. 2 июня.
- 62 Правда. 1947. 4 и 9 мая.
- 63 Правда. 1947. 1-21 июня.
- 64 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 2674. Л. 224-225.
- 65 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 50. Д. 2734. Л. 16-17.

- 66 Там же. Л. 18-20.
- 67 Там же. Л. 32.
- 68 Правда. 1947. 19 июля.
- 69 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 50. Д. 2734. Л. 5-8.
- 70 Там же. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 3414. Л. 8-9.
- 71 Там же. Д. 3727. Л. 1-2.
- 72 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 632. Л. 114-115.
- 73 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 50. Д. 4779. Л. 94.
- 74 РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 8. Д. 360. Л. 21-23, 38; ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 49. Д. 1670. Л. 18.
- 75 **Зима В. Ф.** *Голод в России 1946-1947 годов*. С. 36.
- 76 *Сельское хозяйство СССР*. С. 206.
- 77 Там же. С. 203.
- 78 Там же. С. 211.
- 79 ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 139. Л. 113-116.
- 80 Там же. Л. 190-193.
- 81 *Численность скота в СССР*. С. 6-7, 137-171; **Советская деревня в первые послевоенные годы**. М., 1978. С. 242-244.
- 82 *КПСС в резолюциях...* Т. 6. С. 229.
- 83 Там же. С. 197.
- 84 Там же. С. 229.
- 85 *Советский Союз в годы Великой Отечественной войны*. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1985. С. 541; ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 46. Л. 2-3.
- 86 РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 8. Д. 360. Л. 38. По архивным данным в среднем ежегодно в СССР в течение 1941-1945 гг. имелось 12 млн. т зерна, что на 6 млн. т меньше, чем в 1940 г. Переходящий остаток на 1 июня каждого военного года был намиго больше чем в предвоенном 1940 г. и составлял 6,6 млн. т. Исключением являлся 1943 г., когда запасы истощились до 7 млн. т, но и тогда переходящий остаток составлял 3,4 млн. т зерна.
- 87 *Рабочий класс СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1938-1945 гг.* Т. 3. М., 1984. С. 411-412.
- 88 *История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941-1945*. Т. 6. М., 1965. С. 76.
- 89 *История социалистической экономики СССР*. В 7-ми т. Т. 5. 1938-1945 гг. М., 1978. С. 467.
- 90 **Зинич М. С.** *Будни военного лихолетья. 1941-1945*. Выпуск 1. М., 1994. С. 88.
- 91 *История советского крестьянства*. Т. 3. М., 1987. С. 356-358.
- 92 *История социалистической экономики СССР*. Т. 5. С. 501-502.
- 93 **Докучаев Г. А.** *Сибирский тыл в годы Великой Отечественной войны*. Новосибирск, 1968. С. 267.
- 94 **Ленин В. И.** *ПСС*. Т. 42. С. 4-5.
- 95 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 48. Д. 2614. Л. 23.
- 96 Там же. Оп. 41. Д. 13. Л. 34.
- 97 Там же. Л. 39.
- 98 Там же. Л. 44.
- 99 Там же. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 172. Л. 90. Из донесения Министра внутренних дел СССР Круплова заместителю председателя Совмина СССР Молотову от 20 февраля 1947.

- 100 Любимов А. В. *Торговля и снабжение в годы Великой Отечественной войны*. С. 202-204.
- 101 Зеленин И. Е. *Совхозы СССР (1941-1950)*. М., 1969. С. 320-323.
- 102 Антошин Ю. Г., Анисков В. Т. *Совхозы Западной Сибири в годы первой пятилетки*. Новосибирск, 1971. С. 146-148.
- 103 Богденко М. Л. *Совхозы СССР. 1951-1958*. М., 1972. С. 63.
- 104 Зеленин И. Е. *Указ. соч.* С. 310.
- 105 ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 168. Л. 24-25.
- 106 Там же. Ф. 5446. Оп. 50. Д. 2885. Л. 47; Ф. 7523. Оп. 32. Д. 43. Л. 6.
- 107 Островский В. Б. *Указ. соч.* С. 59-61.
- 108 Волков И. М. *Трудовой подвиг советского крестьянства...* С. 258.
- 109 Вербицкая О. М. *Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву*. М., 1992. С. 137.
- 110 Островский В. Б. *Указ. соч.* С. 80.
- 111 Там же. С. 81.
- 112 РЦХИДНИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 1127. Л. 19.
- 113 Островский В. Б. *Указ. соч.* С. 35.
- 114 РЦХИДНИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 1127. Л. 84-88.
- 115 ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 32. Д. 16. Л. 282.
- 116 Правда. 1947. 22 июня.
- 117 *История социалистической экономики СССР. Т. 5. С. 502.*
- 118 Правда. 1947. 5 мая.
- 119 Правда. 1947. 7 мая.
- 120 Там же.
- 121 Правда. 1947. 6 мая.
- 122 Там же.
- 123 Правда. 1947. 9 мая.
- 124 Правда. 1947. 10 мая.
- 125 Правда. 1947. 11 мая.
- 126 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 311. Л. 4-5.
- 127 ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 32. Д. 5. Л. 76.
- 128 Там же. Д. 3. Л. 141.
- 129 Там же. Д. 2. Л. 275.
- 130 Там же. Оп. 32. Д. 6. Л. 130.
- 131 Там же. Оп. 33. Д. 6. Л. 144.
- 132 Там же. Ф. 5446. Оп. 48. Д. 2527. Л. 28-31.
- 133 Любимов А. В. *Указ. соч.* С. 45.
- 134 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 41. Д. 13. Л. 45.
- 135 Из докладной председателя ВЦСПС В. Кузнецова заместителю председателя Совмина СССР А. Микояну. ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 49. Д. 2068. Л. 254.
- 136 Зубкова Е. Ю. *Общество и реформы 1945-1964*. М., 1993. С. 42.
- 137 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 49. Д. 2068. Л. 255.
- 138 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 2258. Л. 130.
- 139 Правда. 1947. 19 июля.
- 140 Из донесения Генерального прокурора СССР Горшенина заместителю председателя Совмина СССР Косыгину. ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 3735. Л. 1-2.

- 141 Там же. Л. 3.
- 142 Там же. Л. 4.
- 143 Там же. Ф. 5446. Оп. 50. Д. 2794. Л. 18-22.
- 144 *Аграрный рынок в его историческом развитии*. Тезисы. М., 1991. С. 65.
- 145 Отечественная история. 1993. № 1. С. 36.
- 146 **Вербицкая О. М.** Указ соч. С. 155; **Денисевич М. Н.** *Индивидуальные хозяйства на Урале (1930-1985 гг.)*. Екатеринбург, 1991. С. 175.
- 147 *Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире*. Составитель **Теодор Шаини**. М., 1992. С. 188.
- 148 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 129. Д. 72. Л. 1.
- 149 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 50. Д. 2965. Л. 6.
- 150 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 2258. Л. 1-5.
- 151 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 49. Д. 2068. Л. 50; Д. 2070. Л. 4.
- 152 Там же. Д. 4329. Л. 7-10.
- 153 Там же. Оп. 1. Д. 280. Л. 40-44.
- 154 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 299. Л. 30.
- 155 *Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам*. Сборник документов. В 4-х т. Т. 3. 1946-1952 гг. М., 1958. С. 254-256.
- 156 Отечественная история. 1993. № 1. С. 49.
- 157 *Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам*. С. 259.
- 158 ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 3598. Л. 380.
- 159 *Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам*. С. 483-484.
- 160 ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 171. Л. 461.
- 161 Там же. Л. 462.
- 162 Известия. 1948. 31 августа; ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 171. Л. 462.
- 163 **Зеленин И. Е.** Указ. соч. С. 312-313.
- 164 *Директивы КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам*. С. 338-340.
- 165 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 52. Д. 3586. 4592; Оп. 53. Д. 4590; Оп. 54. Д. 7190.
- 166 Таковую картину довелось наблюдать в 1952 г. семилетнему автору данной книжки у магазина на хозяйственном дворе шахты № 5/6 Кашпирского рудоуправления "Главсланец" Сызранского района Куйбышевской обл., когда муку продавали только шахтерам. Неприятное впечатление от происходившего сохранилось в памяти надолго.
- 167 **Попов В. П.** *Российская деревня после войны (июнь 1945 — март 1953)*. Сборник документов. М., 1993. С. 120-121; ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 54. Д. 7182.
- 168 **Краюшкин А. А., Тепцов Н. В.** *Как снижали цены в конце 40-х - начале 50-х годов и что об этом говорил народ // Неизвестная Россия. XX век. Кн. 2-я.* М., 1992. С. 290-291.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА III-IV

¹ Правда. 1946. 3 октября.

- ² Правда. 1946. 4 октября; 1947. 2 июля; 1948. 18 июля.
- ³ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 49. Д. 3300. Л. 77-88.
- ⁴ Там же. Д. 5265. Л. 7.
- ⁵ **Маковейчук И. М., Пялявец Ю. Г.** Указ. соч. С. 29.
- ⁶ РЦХИДНИ. Ф. 73. Оп. 1. Д. 171. Л. 154.
- ⁷ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 49. Д. 3300. Л. 37.
- ⁸ Там же. Д. 1989. Л. 2.
- ⁹ Там же. Ф. 7523. Оп. 32. Д. 16. Л. 229.
- ¹⁰ Там же. Ф. 8009. Оп. 32. Д. 406. Л. 35-36.
- ¹¹ Отечественная история. 1993. № 1. С. 37.
- ¹² ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 50. Д. 2468. Л. 149.
- ¹³ Там же. Д. 2895. Л. 49.
- ¹⁴ Там же. Д. 2468. Л. 94; **Попов В. П.** *Российская деревня после войны...* С. 100.
- ¹⁵ Там же. Л. 6.
- ¹⁶ Там же. Д. 2789. Л. 51-52.
- ¹⁷ Там же. Л. 2468. Л. 112.
- ¹⁸ Там же. Л. 11-82.
- ¹⁹ Там же. Ф. 8009. Оп. 32. Д. 404. Л. 55-58.
- ²⁰ **Ленни В. И.** ПСС. Т.36. С. 359.
- ²¹ Факт подтасовки и изъятия сводок по численности умерших от дистрофии в России при формировании дел в 1946-1947 гг. подтвердила наша коллега - историк **Г. М. Иванова**, длительное время изучавшая документы того периода в фондах Государственного архива Российской Федерации.
- ²² ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 50. Д. 2468. Л. 131.
- ²³ Там же. Д. 2789. Л. 3-5.
- ²⁴ Там же. Ф. 8009. Оп. 32. Д. 404. Л. 1-51.
- ²⁵ **Перковский А. Л., Пирожков С. И.** Указ.соч. С. 22.
- ²⁶ ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 32. Д. 404. Л. 16-40.
- ²⁷ Там же. Ф. 5446. Оп. 50. Д. 2824. Л. 11.
- ²⁸ Там же. Л. 4.
- ²⁹ Там же. Д. 2789. Л. 42-49.
- ³⁰ Там же. Оп. 49. Д. 2873. Л. 1-2.
- ³¹ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 42. Д. 597. Л. 20-22.
- ³² Там же. Л. 24-25.
- ³³ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 50. Д. 2873. Л. 1-2.
- ³⁴ Там же. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 3409. Л. 294-295.
- ³⁵ Там же. Д. 3412. Л. 277-278.
- ³⁶ Там же. Ф. 5446. Оп. 50. Д. 2838. Л. 10.
- ³⁷ Там же. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 169. Л. 213.
- ³⁸ **Исунов В. А.** *Городское население Сибири: От катастрофы к возрождению (конец 30-х - конец 50-х гг.)*. Новосибирск, 1991. С. 110.
- ³⁹ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 50. Д. 2468. Л. 18.
- ⁴⁰ **Ковригина М. Д.** *В неоплатном долгу*. М., 1985. С. 40-41.
- ⁴¹ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 47. Д. 4561. Л. 40; **Знамя В. Ф.** *Потери населения советского тыла от голода и болезней в 1941-1945 гг.* // *Население России и СССР: новые источники и методы исследования*. Екатеринбург, 1993. С. 41-42.
- ⁴² ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 47. Д. 4560. Л. 23.
- ⁴³ Там же. Оп. 52. Д. 3124. Л. 8.

- 44 Там же. Л. 9-12.
- 45 Там же. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 3540. Л. 3.
- 46 Там же.
- 47 Там же. Ф. 5446. Оп. 50. Д. 2468. Л. 79.
- 48 Там же. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 171. Л. 228.
- 49 Там же.
- 50 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 42. Д. 594. Л. 18.
- 51 ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 3533. Л. 204-212.
- 52 Там же. Л. 204.
- 53 Там же. Д. 3596. Л. 4.
- 54 Там же. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 168. Л. 385-387.
- 55 **Бомешко Б. Г. Указ. соч. С. 36-39.**
- 56 ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 2952. Л. 49.
- 57 Там же. Д. 3596. Л. 7-45.
- 58 Там же. Ф. 5446. Оп. 49. Д. 2068. Л. 252.
- 59 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 42. Д. 595. Л. 26.
- 60 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 27. Д. 3412. Л. 278.
- 61 Там же. Оп. 50. Д. 4906. Л. 5-14.
- 62 Там же. Д. 2789. Л. 3-5.
- 63 Там же. Д. 4906. Л. 14.
- 64 Там же. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 3145. Л. 1-2.
- 65 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 42. Д. 594. Л. 67.
- 66 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 50. Д. 2789. Л. 92.
- 67 Там же. Ф. 7523. Оп. 32. Д. 2. Л. 108.
- 68 Там же. Ф. 5446. Оп. 52. Д. 3133. Л. 30-31.
- 69 Там же. Л. 97; РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 138. Д. 51. Л. 81.
- 70 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 52. Д. 3133. Л. 106.
- 71 Там же. Л. 81-108.
- 72 Там же. Л. 104.
- 73 Там же. Д. 3124. Л. 9-12.
- 74 Там же. Д. 3133. Л. 138.
- 75 Там же. Л. 126.
- 76 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 138. Д. 51. Л. 28-31.
- 77 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 52. Д. 3133. Л. 222.
- 78 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 138. Д. 51. Л. 14-15.
- 79 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 52. Д. 3157. Л. 3-6.
- 80 *40-50-е годы: последствия депортации народов (свидетельствуют архивы НКВД-МВД СССР).* Составитель **Бугай Н. Ф.** // История СССР. 1992. № 1. С. 135.
- 81 ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 6. Д. 14. Л. 20.
- 82 *История советского уголовного права.* М., 1948. С. 406-407.
- 83 ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 6. Д. 14. Л. 29.
- 84 ГАРФ. Ф. 8300. Оп. 24. Д. 5. Л. 63.
- 85 Там же. Л. 72.
- 86 Там же. Л. 73.
- 87 Там же. Л. 82.
- 88 *КПСС в резолюциях...* Т. 6. М., 1971. С. 177.
- 89 **Сталин И. В.** Соч. Т. 13. С. 210.

- 90 Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам. Т. 3. С. 83, 105.
- 91 История колхозного права. Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР. 1917-1958 гг. Т. 1. 1917-1936 гг. М., 1959. С. 224-225.
- 92 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 49. Д. 1614. Л. 99-102.
- 93 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 296. Л. 3.
- 94 Тенденция к увеличению тяжести наказания в 1947 г. отмечалась в статье В.П. Попова. Государственный террор в советской России. 1923-1953 гг. // Отечественные архивы. 1992. № 2. С. 27.
- 95 ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 3409. Л. 79-80.
- 96 См.: Rittersporn Gabor T. *Stalinist Simplifications and Soviet Complications. Social Tensions and Political Conflicts in the USSR, 1933-1953*. Philadelphia, 1991. P. 274-277.
- 97 ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 65. Д. 384. Л. 12.
- 98 Там же. Л. 3.
- 99 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 42. Д. 598. Л. 6.
- 100 ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 171. Л. 125.
- 101 Волков И. М. *Засуха, голод 1946-1947 гг.* С. 8.
- 102 ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 3170. Л. 5.
- 103 Там же. Д. 3743. Л. 89.
- 104 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 138. Д. 43. Л. 28.
- 105 Там же.
- 106 Арутюнян Ю. В. *Указ. соч.* С. 392.
- 107 ГАРФ. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 310. Л. 43.
- 108 Там же. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 3409. Л. 263.
- 109 Там же. Л. 213-219.
- 110 Там же. Д. 3407. Л. 69.
- 111 Там же. Д. 3890. Л. 76, 135-136.
- 112 Там же. Д. 3884. Л. 73; Ф. 9401. Оп. 2. Д. 170. Л. 234-235.
- 113 Там же. Д. 3774. Л. 71.
- 114 Там же. Л. 72.
- 115 Там же. Д. 3405. Л. 33.
- 116 РГАЭ. Ф. 8543. Оп. 12. Д. 281. Л. 109.
- 117 ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 3890. Л. 144.
- 118 Там же. Л. 154.
- 119 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 42. Д. 598. Л. 27.
- 120 ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 6. Д. 14. Л. 14.
- 121 Там же. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 171. Л. 8.
- 122 Там же. Л. 9.
- 123 Там же. Д. 171. Л. 2.
- 124 Там же. Д. 172. Л. 92.
- 125 Там же. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 3600. Л. 150.
- 126 Там же. Л. 29.
- 127 Там же. Л. 150.
- 128 Там же. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 171. Л. 125.
- 129 Там же. Л. 126.
- 130 Там же. Л. 128.
- 131 Там же. Д. 200. Л. 129.

- 132 Там же. Л. 130.
- 133 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 280. Л. 16.
- 134 Там же. Д. 304. Л. 73.
- 135 История колхозного права. Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР 1917-1958 гг. Т. 2. 1937-1958 гг. М., 1958. С. 292-293.
- 136 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 52. Д. 3461. Л. 14.
- 137 Там же. Л. 16.
- 138 Там же.
- 139 Там же. Ф. 9774. Оп. 16. Д. 311. Л. 55.
- 140 Там же. Ф. 7523. Оп. 65. Д. 346. Л. 1.
- 141 Там же. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 322. Л. 20.
- 142 Там же. Ф. 7523. Оп. 65. Д. 346. Л. 1-10.
- 143 Там же. Ф. 9474. Оп. 16. Д. 322. Л. 22.
- 144 Там же. Д. 337. Л. 10.
- 145 Там же.
- 146 Там же. Ф. 9401. Оп. 12. Д. 310. Л. 152-153.
- 147 Там же. Ф. 7523. Оп. 65. Д. 366. Л. 15.
- 148 Там же.
- 149 Там же. Ф. 5446. Оп. 1. Д. 296. Л. 16-21.
- 150 Там же. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 3540. Л. 20.
- 151 Там же. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 172. Л. 85.
- 152 Там же. Л. 86.
- 153 Там же. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 3540. Л. 28.
- 154 Там же. Л. 10.
- 155 Там же. Д. 3533. Л. 14.
- 156 Там же. Ф. 7523. Оп. 65. Д. 384. Л. 8.
- 157 Там же. Л. 4.
- 158 Зима В. Ф. *Голод в России 1946-1947 годов.* С. 44-47.
- 159 ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 3405. Л. 127.
- 160 Там же. Л. 5.
- 161 Там же. Ф. 5446. Оп. 49. Д. 1614. Л. 28-31.
- 162 Там же. Ф. 9401. Оп. 1. Д. 2815. Л. 225.
- 163 Там же. Д. 2819. Л. 223-225.
- 164 Там же. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 3729. Л. 45.
- 165 Там же.
- 166 Там же. Ф. 9492. Оп. 6. Д. 14. Л. 14.
- 167 Там же. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 3890. Л. 150.
- 168 Там же. Ф. 9492. Оп. 6. Д. 14. Л. 20-32.
- 169 Там же. Л. 29-33. Подробнее о движении населения ГУЛАГа в 1945-1953 гг. см. в статье J. Arch Getty, Gabor T. Rittersporn, and Victor N. Zemskov. *Victims of the Soviet Penal System in Pre-war Years: A First Approach on the Basis of Archival Evidence* // The American Historical Review. 98. №. 4 (1993). P. 1049.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ГЛАВА V-VI

- 1 Волков И. М. *Засуха, голод 1946-1947 годов*. С. 13; ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 3405. Л. 127.
- 2 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 50. Д. 2467. Л. 4.
- 3 Там же. Д. 2468. Л. 6-11.
- 4 Там же. Д. 2849. Л. 2.
- 5 Там же. Д. 2847. Л. 6; Д. 2849. Л. 1.
- 6 Денисевич М. Н. *Указ. соч.* С. 92.
- 7 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 52. Д. 3124. Л. 9.
- 8 **Исупов В. А. *Городское население Сибири...* С. 110.**
- 9 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 51. Д. 280. Л. 115..
- 10 Там же. Оп. 50. Д. 2706. Л. 90.
- 11 Там же. Д. 2467. Л. 12.
- 12 Там же. Ф. 8009. Оп. 32. Д. 404. Л. 55.
- 13 Там же.
- 14 С апреля 1947г. планировалась помощь голодающим в Воронежской, Горьковской, Костромской, Курской, Орловской, Псковской, Саратовской, Тамбовской, Читинской областях, Хакасской АО, Башкирской, Бурят-Монгольской и Мордовской АССР.
- 15 ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 32. Д. 404. Л. 8.
- 16 Там же. Л. 13.
- 17 Там же. Л. 58.
- 18 Там же. Оп. 50. Д. 2468. Л. 11-20.
- 19 Там же. Оп. 32. Д. 404. Л. 50-51.
- 20 Там же.
- 21 Там же. Л. 53.
- 22 Там же.
- 23 Там же. Л. 54.
- 24 Там же. Ф. 5446. Оп. 50. Д. 2468. Л. 5, 130, 140.
- 25 *Мемуары Н. С. Хрущева // Вопросы истории*. 1991. № 11. С. 38.
- 26 **Маковейчук И. М., Пилявец Ю. Г. *Указ. соч.* С. 30.**
- 27 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 50. Д. 2846. Л. 2-8.
- 28 Там же. Д. 2965. Л. 14.
- 29 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 42. Д. 597. Л. 66.
- 30 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 50. Д. 2965. Л. 46.
- 31 Там же. Ф. 8009. Оп. 32. Д. 404. Л. 17.
- 32 Там же. Л. 18.
- 33 Правда. 1947. 1 июля.
- 34 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 50. Д. 2910. Л. 2-8.
- 35 Там же. Д. 2468. Л. 17.
- 36 Там же. Л. 136.
- 37 Там же. Ф. 8009. Оп. 32. Д. 404. Л. 19.
- 38 Там же. Л. 22-23.
- 39 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 42. Д. 597. Л. 67.
- 40 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 52. Д. 3124. Л. 12.

- 41 Там же. Д. 3133. Л. 8; 104.
- 42 Там же. Л. 97-112.
- 43 Там же. Л. 92.
- 44 Там же. Л. 228-232; Д. 3157. Л. 3-6; РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 138. Д. 51, Л. 28-31, 88.
- 45 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 52. Д. 3133. Л. 131, 171.
- 46 Там же. Л. 150.
- 47 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 138. Д. 51. Л. 3, 28-29.
- 48 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 50. Д. 2789. Л. 91-92.
- 49 Там же. Д. 3133. Л. 108-109, 206-207.
- 50 Там же. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 3145. Л. 12.
- 51 *История международных отношений и внешней политики СССР*. Т. 3. 1945-1963. М., 1964. С. 69-70.
- 52 ГАРФ. Ф. 8300. Оп. 11. Д. 31. Л. 1.
- 53 Там же.
- 54 Там же. Оп. 26. Д. 74. Л. 146.
- 55 Правда. 1946. 9 октября.
- 56 ГАРФ. Ф. 8300. Оп. 26. Д. 74. Л. 146.
- 57 Там же. Ф. 5446. Оп. 48. Д. 334. Л. 6.
- 58 Там же. Оп. 49. Д. 268. Л. 4-6.
- 59 Там же. Л. 21.
- 60 Там же. Д. 2337. Л. 11-14.
- 61 **Конквест Р.** *Жатва скорби. Советская коллективизация и террор голодом*. Лондон, 1988. С. 484-485.
- 62 Правда. 1947. 6 июля.
- 63 ГАРФ. Ф. 9501. Оп. 13. Д. 36. Л. 12.
- 64 Там же. Л. 13.
- 65 *История внешней политики СССР*. Ч. 2. 1945-1970. М., 1971. С. 58-59; *Внешняя торговля СССР (1918-1966): Стат. сб.* М., 1967. С. 88-89; РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 123. Д. 368. Л. 67.
- 66 *Внешняя торговля СССР. 1918-1966*. Стат. сб. М., 1967. С. 20-21.
- 67 *Внешняя торговля СССР (1946-1963)*. М., 1964. С. 70-71.
- 68 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 52. Д. 414. Л. 4.
- 69 Там же. Д. 372. Л. 8; Д. 404. Л. 3; Д. 420. Л. 3.
- 70 *Внешняя торговля СССР (1946-1963 гг.)*. С. 68.
- 71 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 290. Л. 108-109.
- 72 ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 171. Л. 217-218.
- 73 Там же. Л. 219-220.
- 74 Там же.
- 75 Там же. Л. 339.
- 76 Там же. Ф. 5446. Оп. 52. Д. 3196. Л. 113.
- 77 Там же. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 171. Л. 340.
- 78 Там же. Ф. 5446. Оп. 52. Д. 3196. Л. 65-85.
- 79 РГАЭ. Ф. 8543. Оп. 12. Д. 281. Л. 128. В 1946-1947 гг. картофель не применялся в качестве примеси к хлебу. Между тем, по рецепту академика Н. Д. Прянишникова, предложенному еще в 1925 г., в случае необходимости можно было готовить хлеб с введением крупной доли (до 65%) картофеля

без понижения содержания белков в хлебе. (См.: *Сеятели и хранители*. Кн. 2. М., 1992. С. 245).

⁸⁰ ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1399. Л. 5-9.

⁸¹ Там же. Л. 5-11.

⁸² Ленин В. И. ПСС. Т. 19. С. 334.

⁸³ *Непокоренный Ленинград. Краткий очерк истории города в период Великой Отечественной войны. Изд. 3-е перераб. и доп.* Л., 1985. С. 109.

⁸⁴ *Население России и СССР: новые источники и методы исследования*. С. 40.

⁸⁵ ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 4406. Л. 2-3.

⁸⁶ Там же. Д. 1410. Л. 14.

⁸⁷ Там же. Д. 1406. Л. 3.

⁸⁸ Там же. Д. 1418. Л. 2. В 1945 г. по сравнению с 1944 г. наибольшее увеличение рождаемости наблюдалось в Кабардинской АССР — на 77%, Северо-Осетинской АССР — на 72%, Грозненской обл. — на 64%, Курской — на 61%, Мурманской — на 55%, Узбекской ССР — на 54%, Туркменской — на 50%, Курганской обл. — на 50%, Дагестанской АССР — на 47%, Астраханской обл. — на 44%, Таджикской ССР — на 43%, Челябинской обл. — на 41%, Армянской ССР — на 40%, Свердловской обл. — на 39%, Саратовской — на 35%.

⁸⁹ Там же. Л. 3-4. Еще большее снижение смертности населения в 1945 г. относительно 1944 г. имело место в Башкирской АССР — на 52%, Свердловской обл. — на 52%, Татарской АССР — на 49%, Ульяновской обл. — на 48%, Чувашской АССР — на 44%, Куйбышевской обл. — на 43%, Мордовской АССР — на 42%, Челябинской обл. — на 40%.

⁹⁰ *Историческая демография: новые подходы, методы, источники*. Тезисы. М., 1992. С. 75. См. подробно в примечании 99, табл. 2.

⁹¹ Таблица 1

Динамика естественного прироста(+) и убыли (-) населения СССР без оккупированных территорий в 1940-1945 гг. (тыс. человек)*

Годы Кварталы	1940	1941	1942	1943	1944	1945
I	+955	+664	-172	-242	-132	+33
II	+631	+579	-303	-214	-167	+76
III	+444	+397	-279	-141	+18	+293
IV	+406	+283	-194	-107	-29	+218
Итого:	+2436	+1923	-948	-704	-310	+620

*РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 2226. Л. 1.

⁹² Волков Е. З. *Динамика народонаселения СССР за 80 лет*. М., 1930. С. 46. ⁹⁸ 104; Максудов С. *Потери населения СССР*. Вермонт (США). 1989. С. 203.

⁹³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 2214. Л. 61-62.

⁹⁴ Там же. Д. 2217. Л. 7-9; ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 37. Д. 45. Л. 373; *Перковский А.Л., Пирожков С. И. Указ. соч.* С. 17.

⁹⁵ Исчислено по: *Жиromская В.Б.* Вступительная статья к сборнику документов "Всеобщая перепись населения 1939 года: Основные итоги" / Под ред. Ю. А. Полякова. М., 1992. С. 7-8, 20; *Численность населения СССР на 17 января 1939 г. по районам, районным центрам, городам, рабочим поселкам и крупным сельским населенным пунктам*. (Для служебного пользования). М., 1941. С. 6-10; ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 65. Д. 425. Л. 1-5; *Мотревич В. П.* *Колхозы Урала в годы Великой Отечественной войны*. Свердловск, 1990. С. 43-44; *Корнилов Г. Е.* *Уральская деревня в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.)*. Свердловск, 1990. С. 30; *он же.* *Уральское село и война. Проблемы демографического развития*. Екатеринбург. 1993. С. 22 и др.

⁹⁶ *Белов В.* *Ремесло отчуждения // Уроки горькие, но необходимые*. М., 1988. С. 180.

⁹⁷ *Арутюнян Ю. В.* Указ. соч. С. 324-328.

⁹⁸ *Бадалян Т. М.* *Демографические аспекты трудовой активности сельского населения Западной Сибири (1945-1959 гг.) // Социальная активность трудящихся советской сибирской деревни*. Новосибирск, 1988. С. 137.

⁹⁹ Таблица 2

Общие сведения по СССР об умерших в 1944-1948 гг. в сравнении с 1940 г.*

Годы		1940	1944	1945	1946	1947	1948
Город	муж. п.	614329	396824	348125	362353	567958	397905
	жен. п.	528716	310177	289060	302471	450635	342403
	обоего п.	1143045	707001	637185	664824	1018593	740308
Село	муж. п.	1078761	534469	617204	587433	864311	602128
	жен. п.	1002241	505748	596332	562855	746018	579538
	обоего п.	2081002	1040217	1213536	1150288	1610329	1181666
Город и село	муж. п.	1693090	931293	965329	949786	1432269	1000033
	жен. п.	1530957	815925	885392	865326	1196653	921941
	обоего п.	3224047	1747218	1850721	1815112	2628922	1921974

*РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 400. Л. 2 об.; Д. 1460. Л. 1 об.; Д. 1885. Л. 1-1 об.; Д. 2232. Л. 1-1 об.; Д. 2648. Л. 57-57об.; Д. 3162. Л. 2 об.

¹⁰⁰ ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1420. Л. 11-12.

¹⁰¹ Там же. Л. 13-16.

¹⁰² Там же. Д. 1425. Л. 8.

¹⁰³ Там же. Л. 9.

¹⁰⁴ Там же. Л. 10.

¹⁰⁵ Там же. Л. 11.

¹⁰⁶ Там же. Ф. 8009. Оп. 32. Д. 393. Л. 9.

¹⁰⁷ Там же. Л. 6.

¹⁰⁸ Там же. Л. 13-14.

¹⁰⁹ Там же. Л. 15.

¹¹⁰ Там же. Л. 16.

- 111 **Исупов В. А.** "Черное пятно" в истории Сибири. С. 32.
- 112 ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 32. Д. 393. Л. 16.
- 113 *История советской России: новые идеи, суждения.* Тезисы. Тюмень, 1991. С. 44.
- 114 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 628. Л. 156; Д. 686. Л. 89; Оп. 329. Д. 2641. Л. 48-49.
- 115 *История советской России: новые идеи, суждения.* С. 45.
- 116 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 400. Л. 1-1об.; Д. 2648. Л. 57-57об.
- 117 Там же. Д. 2232. Л. 2. К 1 марта 1946 г. было репатрировано около 4,2 млн. человек. (См.: **Земсков В. Н.** *К вопросу о репатриации советских граждан в 1944-1954 гг.* // История СССР. 1990. № 4. С. 34
- 118 Там же. Д. 1885. Л. 2; Д. 2232. Л. 2; *Население СССР за 70 лет.* М., 1988. С. 46.
- 119 **Вербицкая О. М.** Указ. соч. С. 83.
- 120 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 564. Л. 79-79об.; Д. 626. Л. 72-92. Л. 92-104. **Мотревич В. П.** *Сельское хозяйство Урала в показателях статистики (1941-1950 гг.).* Екатеринбург, 1993. С. 75.
- 121 **Исупов В. А.** *Городское население Сибири...* С. 23.
- 122 **Бадалян Т. М.** *Миграционная подвижность сельского населения во второй половине 40-х — 50-е годы* // Демографическое развитие Сибири. 30-80-е гг. Новосибирск, 1991. С. 43.
- 123 РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 565. Л. 202; Д. 626. Л. 135-148; Д. 684. Л. 111-150.
- 124 Там же. Оп. 329. Д. 2657. Л. 191.
- 125 Там же. Д. 2641. Л. 22.
- 126 Там же. Оп. 20. Д. 565. Л. 182; Д. 626. Л. 135-175; Д. 684. Л. 123-134.
- 127 Там же. Д. 2232. Л. 21; Д. 2648. Л. 42; Д. 2650. Л. 158.
- 128 ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 139. Л. 548.
- 129 **Бомешко Б. Г.** *Засуха и голод в Молдавии 1946-1947 гг.* С. 43.
- 130 Из беседы с **Н. Х. Туфаром**, пережившим голод 1946-1947 гг. в селе Вулканешты Молдавской ССР.
- 131 ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 3. Д. 1427. Л. 160.
- 132 Там же. Л. 28-29. В 1948 г. наибольшее увеличение смертности по сравнению с 1947 г. было отмечено в Марийской АССР — на 44%, Армянской ССР — на 36%, Удмуртской АССР — на 32%, Тюменской обл. — на 31%, Архангельской — на 23%, Горьковской, Костромской, Свердловской — на 17%.
- 133 Там же. Л. 98. В целом по СССР в I полугодии 1948 г. по сравнению с I полугодием 1947 г. произошло снижение смертности детей в возрасте до 1 г. Тогда же в Армянской ССР имело место увеличение детской смертности на 27%, Марийской АССР — на 18%, Алтайском крае — на 14%, Чувашской АССР — на 13%, Смоленской обл. — на 12%, Казахской и Белорусской ССР — на 6%, Киргизской ССР — на 4%.
- 134 Там же. Л. 161-162. По городской местности в 1948 г. смертность детей в возрасте до 1 г. уменьшилась по отношению к 1947 г. на 40%, по сельской — на 22%. В г. Москве смертность детей того же возраста снизилась против 1947 г. на 47%, в г. Ленинграде — на 45%.
- 135 Там же. Л. 163.

- 136 Там же. Ф. 5446. Оп. 47. Д. 3484. Л. 1.
- 137 **Алексеев В. В., Исупов В. А.** *Население Сибири в годы Великой Отечественной войны.* Новосибирск, 1986. С. 133-134; **Анисков В. Т.** *Жертвенный подвиг деревни.* С. 153-154; **Корнилов Г. Е.** *Уральское село и война. Проблемы демографического развития.* С. 79-80.
- 138 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 47. Д. 3372. Л. 8; Д. 3377. Л. 18; Д. 3368. Л. 4.
- 139 Там же. Оп. 50. Д. 3479. Л. 30.
- 140 Там же.
- 141 Там же. Ф. 8009. Оп. 32. Д. 393. Л. 17, 22-23, 50. В г. Челябинске в 1947 г. по сравнению с 1946 г. заболеваемость сыпным тифом увеличилась в 12,8 раза, а по сравнению с 1940 г. — в 19 раз; в г. Свердловске — соответственно в 5,4 и 14,9 раза; в Москве — в 5,4 и 6,2; в г. Новосибирске — в 4,2 и 6,5; в г. Куйбышеве — в 3,2 и 4,5; в Ростовской обл. — в 3,9 и 14,9; в Крымской — в 3,8 и 3,6; в Тульской — в 3,1 и 7,2 раза и т. д. В Тульской обл. в 1947 г. было зарегистрировано более 4850 заболеваний сыпным тифом. На г. Тулу приходилось больше всего больных. Высокая заболеваемость сыпным тифом отмечалась и по отдельным районам области. В Щекинском районе было 340 больных, в 5 раз больше, чем в 1946 г.; в Белевском — 293, в 2 раза; в Черском — 259, в 6 раз; в Плавском — 231, в 9 раз; в Куркинском — 173, в 3 раза и т. д.
- 142 Там же. Л. 39.
- 143 Там же. Л. 38, 50.
- 144 Там же. Ф. 5446. Оп. 50. Д. 3479. Л. 30.
- 145 Там же. Ф. 8009. Оп. 32. Д. 393. Л. 39.
- 146 Там же. Ф. 5446. Оп. 50. Д. 3483. Л. 12-15.
- 147 Там же. Д. 3482. Л. 2.
- 148 Там же. Ф. 8009. Оп. 32. Д. 393. Л. 56-58.
- 149 Там же. Д. 397. Л. 216-217.
- 150 Там же. Д. 404. Л. 53.
- 151 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 42. Д. 597. Л. 59.
- 152 ГАРФ. Ф. 8009. Оп. 32. Д. 397. Л. 216-217.
- 153 Там же. Ф. 5446. Оп. 50. Д. 3483. Л. 17.
- 154 Там же. Д. 2978. Л. 3-7.
- 155 *Сборник важнейших официальных материалов по санитарным и противоэпидемиологическим вопросам: В помощь врачу-госсанитинспектору, санитарному врачу и врачу-эпидемиологу.* Кн. 1. М., 1953. С. 7-8, 431.
- 156 *Женщины в СССР.* Стат. сборник. М., 1975. С. 101.
- 157 *Население СССР. 1987.* Стат. сборник. М., 1988. С. 257.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ГЛАВА VII-VIII

- ¹ **Кондратьев Н. Д.** *Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции.* М., 1991. С. 222-223.

- ² Rittersporn Gabor T. *The Omnipresent Conspiracy: On Soviet Imagery of Politics and Social Relations in the 1930 s.* // Stalinism: Its Nature and Aftermath. L., 1992. P. 115.
- ³ РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 2. Д. 19. Л. 9.
- ⁴ Там же. Д. 14. Л. 35-39.
- ⁵ *Неизвестная инициатива Хрущева (О подготовке указа 1948 г. о выселении крестьян)*. Вступительная статья, комментарии и подготовка текста к публикации В. П. Попова // Отечественные архивы. 1993. № 2. С. 35-36; Зима В. Ф. "Второе раскулачивание" (Аграрная политика конца 40-х — начало 50-х годов). С. 109-110.
- ⁶ Благих И. А. *Хозяйственные реформы Н. С. Хрущева: волюнтаризм или необходимость?* // Из истории экономической мысли и народного хозяйства России. Выпуск 1. Ч. 1. М., 1993. С. 199.
- ⁷ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 42. Л. 14.
- ⁸ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 458. Л. 74-75.
- ⁹ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 138. Д. 42. Л. 15-16.
- ¹⁰ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 20. Д. 632. Л. 40-40об., 113-115 об., 142-142 об.
- ¹¹ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 52. Д. 3952. Л. 6.
- ¹² РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 138. Д. 42. Л. 43; ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 53. Д. 4978. Л. 24.
- ¹³ ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 382. Л. 155.
- ¹⁴ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 138. Д. 44. Л. 61.
- ¹⁵ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 52. Д. 4026. Л. 39.
- ¹⁶ Там же. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 379. Л. 308.
- ¹⁷ Там же. Ф. 5446. Оп. 52. Д. 4025. Л. 5-10.
- ¹⁸ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 138. Д. 42. Л. 15-16.
- ¹⁹ Там же. Л. 43.
- ²⁰ Правда. 1948. 28 мая.
- ²¹ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 52. Д. 4026. Л. 18.
- ²² Там же. Ф. 7523. Оп. 65. Д. 357. Л. 1-3.
- ²³ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 458. Л. 35.
- ²⁴ Там же. Л. 38.
- ²⁵ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 138. Д. 43. Л. 37-38.
- ²⁶ Правда. 1947. 3 июля.
- ²⁷ ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 373. Л. 57.
- ²⁸ Там же. Д. 382. Л. 1.
- ²⁹ Там же. Ф. 5446. Оп. 53. Д. 4978. Л. 30-52.
- ³⁰ Там же. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 373. Л. 57, 79.
- ³¹ Там же. Л. 79.
- ³² Там же. Д. 382. Л. 166.
- ³³ Там же. Д. 458. Л. 173.
- ³⁴ Там же. Д. 382. Л. 1.
- ³⁵ Там же. Д. 458. Л. 173-176.
- ³⁶ Там же. Ф. 5446. Оп. 57-а. Д. 28. Л. 57.
- ³⁷ РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 138. Д. 42. Л. 4; ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 379. Л. 33; Д. 381. Л. 160-162; Д. 384. Л. 86-87.
- ³⁸ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 52. Д. 4025. Л. 5-10; Оп. 53. Д. 4978. Л. 8; Д. 4979. Л. 2.
- ³⁹ Там же. Ф. 7523. Оп. 65. Д. 357. Л. 4.

- 40 Там же. Л. 10.
- 41 *Неизвестная инициатива Хрущева...* С. 38.
- 42 ГАРФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 373. Л. 79.
- 43 **Марьяхин Г. Л.** *Налоги и сборы с колхозов и населения.* М., 1949. С. 106.
ГАРФ. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 3407. Л. 206.
- 44 **Марьяхин Г. Л.** *Указ. соч.* С. 118.
- 45 РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 138. Д. 45. Л. 51.
- 46 РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 2. Д. 41. Л. 30.
- 47 **Верт Н.** *Указ. соч.* С. 297; ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 38. Д. 100. Л. 176.
- 48 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 53. Д. 4655. Л. 2-3.
- 49 Там же. Оп. 60. Д. 7188. Л. 27.
- 50 Там же. Оп. 59. Д. 6284. Л. 3-8.
- 51 Там же. Оп. 60. Д. 7188. Л. 1.
- 52 Там же. Л. 1-33.
- 53 там же. Ф. 7523. Оп. 38. Д. 43. Л. 59.
- 54 Там же.
- 55 РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 2. Д. 45. Л. 33.
- 56 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 59. Д. 6284. Л. 5.
- 57 Там же. Ф. 7523. Оп. 38. Д. 80. Л. 48-54.
- 58 *Сельское хозяйство СССР.* Стат. сборник. М., 1971. С. 24-25.
- 59 **Островский В. Б.** *Указ. соч.* С. 38; *История колхозного права. Сборник законодательных материалов СССР и РСФСР.* Т. 2. С. 359.
- 60 *Сельское хозяйство СССР.* Стат. сборник. С. 23.
- 61 **Суслов И. Ф.** *Экономические проблемы развития колхозов.* М., 1967. С. 189.
- 62 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 53. Д. 4655. Л. 4.
- 63 **Островский В. Б.** *Указ. соч.* С. 77.
- 64 *Сельское хозяйство СССР.* Стат. сборник. М., 1960. С. 52, 266.
- 65 ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 38. Д. 100. Л. 158.
- 66 Там же. Ф. 5446. Оп. 20. Д. 7188. Л. 8.
- 67 Там же. Оп. 59. Д. 6284. Л. 3.
- 68 **Земсков В. Н.** *Судьба "кулацкой" ссылки (1930-1954 гг.) // Отечественная история.* 1994. № 1. С. 137-138.
- 69 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 52. Д. 3462. Л. 280.
- 70 *Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам.* С. 367.
- 71 Там же. С. 500-502.
- 72 **Волков И. М.** *Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы.* С. 207.
- 73 Там же. С. 209-210.
- 74 **Богденко М. Л.** *Указ. соч.* С. 176.
- 75 Там же. С. 179-180.
- 76 *Директивы КПСС и советского правительства по хозяйственным вопросам.* С. 539-540.
- 77 *История колхозного права.* Т. 2. С. 359.
- 78 **Мазур Л. Н.** *Некоторые проблемы состояния колхозной демократии в первые послевоенные годы (на материалах Свердловской области) // Социальная ак-*

- тивность тружеников уральской советской деревни. Свердловск, 1990. С. 76.
- 79 **Гюрина А. П.** *Формирование кадров специалистов и организаторов колхозного производства. 1946-1958 гг.* М., 1973. С. 101; **Волков И. М.** *Трудовой подвиг советского крестьянства в послевоенные годы.* С. 253; **Богденко М. Л.** *Указ. соч.* С. 287-288.
- 80 *КПСС в резолюциях...* Т. 6. С. 323-330.
- 81 Там же. С. 325.
- 82 **Вылцан М. А.** *Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя (1945-1958).* С. 11.
- 83 **Попов В. П.** *Российская деревня после войны (июнь 1945- март 1953).* С. 76-77.
- 84 **Мотревич В. П.** *Сельское хозяйство Урала в показателях статистики.* С. 75.
- 85 **Толмачева Р. П.** *Колхозы Урала в 50-е годы.* Томск, 1981. С. 170.
- 86 **Мотревич В. П.** *Сельскохозяйственное переселение на Урале в 40-50-е гг. // Современные концепции проблем истории советского Урала.* Свердловск, 1991. С. 105.
- 87 **Вербицкая О. М.** *Указ. соч.* С. 100.
- 88 **Бадалян Т. М.** *Численность и состав трудовых ресурсов колхозов Западной Сибири (50-е годы) // Развитие сельскохозяйственного производства Сибири в условиях социализма. 1938-1980 гг.* Новосибирск, 1983. С. 77.
- 89 **Хомра А. У.** *Миграция населения Украины в 1949-1958 гг. // Население России и СССР: новые источники и методы исследования. Сборник статей.* Екатеринбург, 1993. С. 59-60.
- 90 *История советского крестьянства.* Т. 4. С. 148, 152.
- 91 **Вербицкая О. М.** *Указ. соч.* С. 87.
- 92 **Богденко М. Л.** *Указ. соч.* С. 146.
- 93 **Безник М. А.** *Крестьянский двор в Российском Нечерноземье 1950-1965 гг.* М.-Вологда, 1991. С. 41-43.
- 94 *История советского крестьянства.* Т. 4. С. 157.
- 95 РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 752. Л. 181. Из докладной записки представителя Совета по делам колхозов при правительстве по Костромской области Кузнецова заместителю председателя того же Совета Андрианову. Бегство крестьянских семей из Палкинского района Костромской области было вызвано низкой выдачей на трудодни в 1946 г. денег — по 2 коп., зерна — по 65 г, картофеля — по 63 г, овощей — по 5 г. Для личного скота не выдавали ни сена, ни соломы.
- 96 Там же. Л. 186.
- 97 Там же. Л. 182.
- 98 Там же. Л. 177.
- 99 Там же. Л. 169.
- 100 Там же. Л. 180.
- 101 Там же. Л. 175.
- 102 **Попов В. П.** *Российская деревня после войны.* С. 185-186.
- 103 Там же. С. 190-191.
- 104 РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 752. Л. 170.
- 105 Там же. Л. 169.
- 106 **Попов В. П.** *Российская деревня после войны.* С. 68-69.

- 107 Павлов Н. П. *Крестьянство Удмуртии. 1946-1970*. Ижевск, 1975. С. 35-36.
- 108 Там же. С. 56-58.
- 109 Попов В. П. *Российская деревня после войны*. С. 174-176.
- 110 Хомра А. У. Указ. соч. С. 62; Докучаев Г. А. *Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в послевоенные годы*. 1946-1950. Новосибирск, 1972. С. 66.
- 111 Исупов В. А. *Городское население Сибири...* С. 221-222.
- 112 *История советского крестьянства*. Т. 4. С. 287.
- 113 *Сельское хозяйство СССР*. Стат. сборник. 1960. С. 52.
- 114 *Население СССР*. 1987. С. 8. Исупов В. А. *Городское население Сибири...* С. 254. По подсчету М. А. Вылцана в 1939-1963 гг. сельское население СССР уменьшилось на 11 млн. человек за счет преобразования сельских населенных пунктов в города, а общая численность городского населения за счет сельского за тот же период возросла на 42 млн. человек (См.: *Численность и состав сельского населения СССР за 50 лет* // История СССР. 1967. № 6. С. 48). С. Л. Сенявский метко характеризует темпы такой урбанизации: "...В 1950 г., когда общая численность населения страны еще не достигла довоенного уровня, численность городского населения превысила уровень 1940 г. на 5,7 млн." (*Изменения в социальной структуре советского общества. 1938-1970*. М., 1973. С. 192).
- 115 Докучаев Г. А. *Рабочий класс Сибири и Дальнего Востока в послевоенные годы (1946-1950)*. С. 57-58.
- 116 Хлусов М. И. *Развитие советской индустрии. 1946-1958*. М., 1977. С. 102.
- 117 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 50. Д. 4608. Л. 67-68, 85-112.
- 118 Там же. Примерно в то же время начиналось возведение корпусов Московского госуниверситета на Ленинских горах, здания Министерства иностранных дел на Смоленской площади, гостиницы на Дорогомиловской набережной. МГУ был построен в 1953 г., а бывшие колхозники, его строившие, жили в бараках села Раменки, расположенного неподалеку, до 70-х годов включительно. И если бы не хрущевские пятиэтажки, они находились бы там и сегодня.
- 119 *Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам*. Сборник документов в 5-ти т. Т. 3. 1941-1952 гг. М., 1968. С. 531, 648, 652.
- 120 "Второй и важнейший этап" (*об укрупнении колхозов в 50-е — начале 60-х годов*). Вступительная статья, комментарии и подготовка текста к публикации В. П. Попова. // *Отечественные архивы*. 1994. № 1. С. 40.
- 121 Исупов В. А. *Городское население Сибири...* С. 216-217.
- 122 *Народное хозяйство СССР за 70 лет: Юбилейный стат. сборник*. М., 1987. С. 111.
- 123 ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 50. Д. 2468. Л. 81.
- 124 Там же. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 3540. Л. 3.
- 125 Там же. Ф. 8300. Оп. 1. Д. 93. Л. 143.
- 126 Там же. Л. 181.
- 127 Там же. Л. 152.
- 128 Там же.
- 129 Там же.
- 130 Там же. Л. 169.
- 131 Там же.

- 132 Там же. Л. 33-35.
133 Там же. Л. 91.
134 Там же. Л. 101-103.
135 Там же. Л. 106.
136 Там же. Л. 55.
137 Там же. Л. 74-75.
138 Там же. Л. 75.
139 Там же. Л. 22-23.
140 Там же. Л. 27.
141 Там же. Л. 28.
142 Там же. Л. 29.
143 Там же. Ф. 5446. Оп. 59. Д. 9484. Л. 1.
144 Там же. Ф. 8300. Оп. 1. Д. 93. Л. 169.
145 Там же. Ф. 5446. Оп. 60. Д. 6410. Л. 1.
146 Там же. Д. 11353. Л. 2.
147 Там же. Ф. 8300. Оп. 1. Д. 93. Л. 170.
148 Там же. Л. 171.
149 Там же. Л. 172.
150 Там же. Л. 177.
151 Там же. Л. 178.
152 Там же. Л. 37.
153 Там же. Л. 70.
154 Там же. Л. 156.
155 Там же. Л. 112.
156 Там же. Л. 75.
157 Там же. Л. 76.
158 Там же. Л. 153.
159 Там же. Л. 144.
160 Там же. Л. 63. С детства мне запомнился инвалид войны, усердно исправлявший в нашем дворе обязанности ассенизатора. Вместо правой ноги у него был пристегнут самодельный деревянный костыль. Ведро, привязанное к длинной жерди, служило ему единственным приспособлением для работы, а старая рыжая лошаденка возила огромную бочку.
161 Там же. Л. 181.
162 Там же. Л. 39.
163 Там же. Л. 188.
164 Там же. Л. 182.
165 Там же. Л. 183.
166 Там же. Ф. 5446. Оп. 60. Д. 8052. Л. 24-25.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

- ¹ Горева И. *«Не убий себя — человека»* // Газета «Президент». 1995. 24-30 января.
² Сахаров А. Н. *Путь к возрождению не бывает гладким* // Сельская новь. 1994. № 9. С. 20.
³ Сухоплюев И. *Указ. соч.* С. 39.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ*

- Агромиграция — Массовое перемещение людей в границах сельской местности
- АССР — Автономная Советская Социалистическая Республика
- АО — Автономная область
- ВОХР — Военизированная охрана важных хозяйственных объектов
- ВЛКСМ — Всесоюзный Ленинский Союз Молодежи
- ВТЭК — Врачебно—трудовая экспертная комиссия
- ВЦСПС — Всесоюзный Центральный Совет Профессиональных Союзов
- ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации (бывший Центральный Государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР, Центральный Государственный архив РСФСР)
- ГОКО — Государственный Комитет Оборона СССР
- Госплан — Государственный план
- Госбанк — Государственный банк
- Госрезерв — Государственный резерв
- Госзайм — Государственный заем
- Главцентргражданстрой — Главное центральное управление гражданского строительства
- Госналог — Государственный налог
- Горком партии — Городской комитет партии
- Горсовет — Городской Совет депутатов трудящихся
- ГУЛАГ — Главное управление лагерей НКВД (затем МВД)
- ДПР — Детский приемник-распределитель
- ЗАГС — Запись актов гражданского состояния, находилась в ведении НКВД (МВД)
- Заготзерно — Государственный пункт заготовки зерна
- Зампред — Заместитель председателя
- Зарплата — Заработная плата
- ИТЛ — Исправительно-трудоустройственный лагерь в системе ГУЛАГа
- Колхоз — Коллективное хозяйство (система организации сельскохозяйственного производства)
- Коммунист — Член коммунистической партии
- Комсомолец — Член ВЛКСМ
- КП(б)У — Коммунистическая партия (большевиков) Украины
- КПСС — Коммунистическая партия Советского Союза
- Ленд-лиз — Долгосрочная аренда

ЛПХ — Личное подсобное хозяйство
МВД — Министерство внутренних дел
МГБ — Министерство государственной безопасности
Минздрав — Министерство здравоохранения
Минзаг — Министерство заготовок
Минпродрезервов — Министерство продовольственных резервов
СССР, образовано в 1946 г. на базе управления
МТС — Машинно-тракторная станция по обслуживанию колхозов и совхозов
Наркомсовхозов — Народный комиссариат совхозов
Наркомздрав — Народный комиссариат здравоохранения
Наркомпищепром — Народный комиссариат пищевой промышленности
Наркомфин — Народный комиссариат финансов
Наркомзем — Народный комиссариат земледелия
Наркоммясомолпром — Народный комиссариат мясной и молочной промышленности
Натуроплата — Оплата труда подуктами сельского хозяйства в колхозах
ООН — Организация Объединенных Наций
Оргбюро ЦК — Организационное бюро Центрального Комитета партии коммунистов
Облпотребсоюз — Областной союз потребительских обществ (кооперация)
Обком партии — Областной комитет партии коммунистов
Облисполком — Областной исполнительный комитет Советов депутатов трудящихся.
ОКБ — Отдел конструкторского бюро
Парторганизация — Партийная организация
Политбюро — Политическое бюро (высший руководящий орган партии коммунистов)
Продрезервы — Государственные продовольственные резервы
Продразверстка — Принудительное изъятие государством произведенной колхозами и совхозами сельскохозяйственной продукции без учета их собственных потребностей
Продссуда — Продовольственная ссуда
Промтовары — Промышленные товары
Профсоюз — Профессиональный союз
Райисполком — Районный исполнительный комитет Советов депутатов трудящихся
Райком — Районный комитет партии коммунистов
Р-н — Район

РГАЭ — Российский государственный архив экономики (бывший
Центральный государственный архив народного хозяйства
СССР)

РСФСР — Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика

РЦХИДНИ — Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (бывший Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС)

СССР — Союз Советских Социалистических Республик

Совмин — Совет министров

СНК — Совет народных комиссаров (с 1946 г. Совет министров СССР)

Совхоз — Советское хозяйство

Сельсовет — Сельский Совет (орган советской власти на селе)

Сельхозналог — Сельскохозяйственный налог

СОКК и КП — Советское общество Красного Креста и Красного Полумесяца

Совпартактив — Советский и партийный актив

Соцобеспечение — Социальное обеспечение

Субпродукты — Искусственный заменитель продуктов питания

Спецпереселенцы — Люди выселенные в наказание из родных мест по специальному решению правительства СССР

Спецкомендатура — Комендатура НКВД (МВД) по учету и контролю за спецпереселенцами

Статуправление — Статистическое управление

ТВК — Трудовая воспитательная колония для несовершеннолетних правонарушителей

Трудодень — Форма учета труда в колхозах

УССР — Украинская Советская Социалистическая Республика

УК — Уголовный кодекс

ФЗО — Фабрично-заводское обучение

Центросоюз — Центральный союз потребительских обществ СССР (руководящий орган кооперации)

ЦСУ — Центральное статистическое управление

ЮНРРА — Администрация помощи и восстановления Объединенных Наций

---

* Подготовила Л. Н. Ильина-Герасимова

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
-----------------------	----------

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРИЧИНЫ ГОЛОДА

ГЛАВА I. СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО ПОСЛЕ ВОЙНЫ

1. Тяжелое военное наследие	12
2. Продовольственная разверстка в 1946-1947 гг.	18
3. Государственная инспекция по урожайности	29
4. Второй хлеб	34

ГЛАВА II. ПОСЛЕВОЕННЫЙ УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАРОДА

1. На грани голода	38
2. Операция с государственными займами	46
3. Голодный рынок	50
4. Благополучие для номенклатуры	55
5. Обмен денег и отмена карточной системы	57
6. Легенда о снижении цен	60

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. РУКОТВОРНЫЙ ГОЛОД

ГЛАВА III. ГЕОГРАФИЯ ГОЛОДА

1. Голод в сельской местности	65
2. Голод в городах	75
3. Септическая ангина	79
4. Голод и дети	81
5. Психические расстройства на почве голода	84
6. Голод и переселенцы	87
7. Окончание голода в 1948-1949 гг.	89

ГЛАВА IV. ГОЛОД И ПРЕСТУПНОСТЬ

1. Рост преступности в 1946-1947 гг.	96
2. Председатели колхозов под судом и следствием .	102
3. Кража общественной и личной собственности	106
4. Спекуляция продуктами питания	112
5. Женские и детские преступления	116
6. Хищения государственных запасов зерна	124

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ. ЗАПОЗДАЛАЯ ПОМОЩЬ

ГЛАВА V. ГОСУДАРСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ПОМОЩЬ ПОСТРАДАВШИМ

1. Помощь голодающим России 129
2. Помощь голодающим Украины, Белоруссии и Молдавии 134
3. Зарубежная помощь советскому народу 144
4. Экспорт и потери зерна в СССР во время голода 149

ГЛАВА VI. ЖЕРТВЫ ГОЛОДА И ЭПИДЕМИЙ

1. Пагубное влияние войны 1941-1945 гг. на движение населения СССР 154
2. Демографический спад вследствие голода 1946-1947 гг. 160
3. Людские потери от голода и вызванных им заболеваний 164
4. Распространение эпидемий тифа 171

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ. ПОСЛЕДСТВИЯ ГОЛОДНОЙ ТРАГЕДИИ

ГЛАВА VII. "РАСКУЛАЧИВАНИЕ" КОЛХОЗНИКОВ

1. Насильственное выселение 180
2. Сопротивление государственным репрессиям 184
3. Налоговое удушение деревни 193
4. Очередные аграрные "преобразования" 201

ГЛАВА VIII. БЕГСТВО И НИЩЕНСТВО

1. Исход крестьян из деревни 205
2. Способы выживания людей на селе 208
3. Из колхозников — в горожане 212
4. Голодное нищенство 216
5. Антинищенская кампания 223

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 236

ПРИМЕЧАНИЯ 239

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 261